

АКАДЕМИЯ · НАУК СОЮЗА ССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н.Н.МИКЛУХО-МАКЛАЯ

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

2

МАРТ-АПРЕЛЬ

1 9 5 9

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва

Редакционная коллегия:

Главный редактор член-корр. АН СССР С. П. Толстов
Зам. главного редактора член-корр. АН СССР А. В. Ефимов,
Н. А. Баскаков, Г. Ф. Дебец, М. О. Косвен, П. И. Кушнер,
М. Г. Левин, Л. П. Потапов, И. И. Потехин, Я. Я. Рогинский,
академик М. Ф. Рыльский, В. К. Соколова,
Г. Г. Стратанович, С. А. Токарев, В. Н. Чернецов
Ответственный секретарь редакции О. А. Корбе

Журнал выходит шесть раз в год

Технический редактор Н. А. Колгурина

Адрес редакции: Москва, Г—19, ул. Фрунзе, 10

Т-04814 Ч Подписано к печати 20/IV 1959 г. Формат бумаги 70×108¹/₁₆
Тираж 1950 экз. Зак. 3414. Бум. л. 5³/₄ Печ. л. 15,75+2 вкл. Уч.-изд. л. 20,2
2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., д. 10

ВЕЛИЧЕСТВЕННАЯ ПРОГРАММА СТРОИТЕЛЬСТВА КОММУНИЗМА И ЗАДАЧИ ЭТНОГРАФОВ

Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза явился событием всемирно-исторического значения. В докладе товарища Н. С. Хрущева о контрольных цифрах развития народного хозяйства на 1959—1965 годы, в выступлениях на съезде и принятой им резолюции с особой ясностью и силой раскрыты грандиозные перспективы нового этапа в истории нашей Родины, начавшей развернутое строительство коммунистического общества.

За три года, прошедшие со времени XX съезда КПСС, советский народ, руководимый Коммунистической партией и ее ленинским Центральным Комитетом, добился огромных успехов в мирном созидательном труде. Решены грандиозные задачи по подъему народного хозяйства, проведена коренная перестройка управления промышленностью и строительством, осуществлены важнейшие меры по дальнейшему развитию колхозного строя, обеспечен значительный рост материального благосостояния и культурного уровня народа. Разгром антипартийной фракционистской группы Маленкова, Кагановича, Молотова, Булганина и Шепилова укрепил единство рядов партии, сделал ее еще более монолитной и боеспособной. В результате мудрой внешней политики Советского государства еще выше поднялся международный авторитет СССР, еще более сплоченным и могущественным стал великий лагерь стран социализма.

Годы, истекшие после XX съезда КПСС, явились преддверием нового замечательного периода в историческом развитии Советского Союза — периода ускоренного движения к коммунизму. В докладе товарища Н. С. Хрущева и в резолюции съезда, далеко выходящих за рамки задач семилетнего плана, определены конкретные пути претворения в жизнь вековой мечты трудящегося человечества о его светлом коммунистическом завтра. Именно этой величественной цели подчинены главные экономические задачи предстоящего семилетия, предусматривающие создание материально-технической базы коммунизма, дальнейшее укрепление экономической и оборонной мощи СССР, а вместе с тем и еще большее повышение жизненного уровня советского народа. Этой же цели подчинены такие важнейшие политические и идеологические задачи, как дальнейшее укрепление советского строя и единства советского народа, развитие советской демократии и активности народных масс, расширение функций общественных организаций в решении государственных вопросов, еще большее укрепление дружбы народов СССР, повышение коммунистической сознательности трудящихся и усиление борьбы с буржуазной идеологией. Наконец, этой же благородной цели подчинены продолжающие стоять перед Советским Союзом задачи сохранения и упрочения мира, смягчения международной напряженности, всемерного укрепления мировой социалистической системы и сотрудничества братских народов стран социализма.

Освещая контуры тех конкретных путей, по которым наша страна уже в недалеком будущем придет к коммунизму, доклад товарища Н. С. Хрущева мобилизует советский народ на активный самоотверженный труд по построению коммунистического общества. Немалую роль в решении поставленных съездом задач призваны сыграть и советские ученые, в том числе ученые-гуманитарии. «Серьезные требования,— указал товарищ Хрущев,— предъявляются ко всем отраслям общественных наук. Наши экономисты, философы, историки призваны глубоко исследовать закономерности перехода от социализма к коммунизму, изучать опыт хозяйственного и культурного строительства, способствовать воспитанию трудящихся в коммунистическом духе. Перед учеными в области общественных наук, особенно перед экономической наукой, стоит задача творческого обобщения и смелого теоретического решения новых вопросов, выдвигаемых жизнью. Необходимо всесторонне анализировать важнейшие процессы, происходящие в капиталистическом мире, разоблачать буржуазную идеологию, бороться за чистоту марксистско-ленинской теории»¹. В этих словах намечено основное направление деятельности советских ученых-гуманитариев, которые, как и работники других профилей науки, должны еще более укрепить связь с жизнью, с коренными проблемами современности, с практическими задачами строительства коммунизма.

Этнография, принадлежащая к числу общественных наук, наряду с использованием исторических источников широко привлекает данные непосредственного наблюдения живой действительности. Уже в первые годы после установления советской власти этнографические учреждения нашей страны по призыву партии и правительства повели широкое изучение современного быта, общественных отношений и культурных традиций народов СССР. Деятельность этнографов по исследованию этнического состава населения и изданию этнических карт оказала немалую помощь при проведении национального районирования. Полученные ими научные данные сыграли свою роль при определении конкретных форм хозяйственного и культурного преобразования отсталых национальных окраин. Уже в то время советские этнографы в своей работе всемерно сочетали непосредственную помощь развитию национальных районов с разработкой сложных теоретических проблем, вставших при подготовке коллективизации в районах обитания отдельных народов Советского Союза. Правда, в 1930-х годах в работе этнографов СССР имелся короткий период, отмеченный преимущественным интересом к изучению архаических черт культуры и быта, этнографических пережитков и раритетов. Но уже в середине 1940-х годов эта тенденция была преодолена, и советская этнографическая наука решительно повернула к исследованию современной жизни народов.

В послевоенные годы этнографами нашей страны подготовлен ряд крупных работ, посвященных современной тематике, в том числе около десятка монографий о социалистическом преобразовании культуры и быта русского, украинского, белорусского, узбекского, таджикского, казахского, киргизского, черкесского колхозного крестьянства и исследование о некапиталистическом пути развития малых народов Севера. Освещение процессов, происходящих в наше время, занимает главное место в издаваемой Институтом этнографии капитальной серии «Народы мира», ряд томов которой (книги «Народы Африки», «Народы Сибири», «Народы Австралии и Океании», «Народы Передней Азии», «Народы Северной Америки») уже увидел свет. Этнографы издали несколько монографий и сбор-

¹ Н. С. Хрущев, О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы, Госполитиздат, М., 1958, стр. 67.

ников, посвященных современной жизни народов зарубежных, главным образом колониальных и зависимых стран.

Осуществляя решения XX съезда КПСС, советские этнографы стали глубже разрабатывать теоретические проблемы строительства коммунизма в СССР, теснее связали свои исследования с практической деятельностью партии и народа. Упрочилось дружественное сотрудничество этнографов СССР с этнографами стран социалистического лагеря, отразившееся в укреплении многообразных контактов, подготовке совместных трудов, обмене публикациями и т. п. Более плодотворными сделались связи советских этнографов с прогрессивными учеными капиталистических стран. В то же время этнографы нашей страны решительнее и систематичнее повели борьбу с реакционной буржуазной наукой, с проимпериалистическими этнографическими школами и их фальсификаторскими концепциями в вопросах этнического и культурного развития народов мира.

Советские этнографы имеют определенные успехи в исследовании проблем современности. Однако теперь, после исторических решений XXI съезда КПСС, ознаменовавших начало развернутого строительства коммунистического общества, прежний размах исследовательских работ в этой области становится совершенно недостаточным. Документы съезда ставят перед этнографами ряд актуальнейших теоретических проблем, требуют их участия в дальнейшем творческом развитии марксистско-ленинской науки.

Наиболее насущной первоочередной задачей советской этнографии по-прежнему является разработка теоретических проблем строительства коммунизма в СССР. Практическое значение этой работы поистине огромно. Изучая развитие новых форм культуры и быта у различных народов нашей страны, выявляя их передовые, прогрессивные черты, обобщая творческую деятельность советского народа и положительный опыт культурного и бытового строительства, этнографы вносят свой вклад в решение задач, поставленных съездом строителей коммунизма. В то же время изучение культурно-бытовых особенностей народов СССР дает возможность парализовать отдельные отрицательные тенденции в быту и сознании советских людей, помогает борьбе с пережитками капитализма, значение которой особо подчеркнул Н. С. Хрущев в своем докладе на XXI съезде КПСС. «Утверждение коммунистических взглядов и норм поведения,— указал он,— происходит в борьбе с пережитками капитализма. У нас нередко еще встречаются люди, которые недобросовестно относятся к общественному труду, занимаются спекуляцией, нарушают дисциплину и общественный порядок. Нельзя спокойно ожидать, когда эти пережитки капитализма исчезнут сами по себе, необходимо вести против них решительную борьбу, направить общественное мнение против всяческих проявлений буржуазных взглядов и нравов, против антиобщественных элементов»².

Документы XXI съезда КПСС требуют от советских ученых не только углубления и расширения прежних линий этнографического изучения советской действительности, но и творческой разработки новых исследовательских тем. Обширный комплекс недавно проведенных мероприятий партии и правительства, обеспечив максимальное использование преимуществ социалистического строя и ускорив поступательное движение советского общества к коммунизму, повлек за собой ряд коренных прогрессивных изменений в производственной и общественной жизни, в быту и культуре народов СССР. В ближайшие годы эти изменения сделаются еще зримей, разительней и неодолимей. В связи с этим в докладе Н. С. Хрущева поставлены такие важнейшие проблемы теории научного коммунизма, как изживание различий между двумя

² Н. С. Хрущев, Указ. раб., стр. 63.

формами социалистической собственности, устранение существенных различий между городом и деревней и стирание граней между рабочим классом и крестьянством, преодоление существенных различий между умственным и физическим трудом, превращение труда в первую жизненную потребность и создание всех условий для воплощения в жизнь коммунистического принципа «от каждого по способностям, каждому по потребностям», вопрос о роли государства в период перехода к коммунизму и другие.

Теоретические положения доклада товарища Н. С. Хрущева открывают широкие исследовательские перспективы перед работниками всех общественных наук, занимающихся изучением закономерностей развития современного общества, и в том числе перед советскими этнографами. Координируя свои исследования с исследованиями работников смежных дисциплин, этнографы должны безотлагательно приступить к углубленному изучению конкретных процессов преодоления существенного различия между городом и деревней, и прежде всего — приближения культурно-бытового уклада колхозной деревни к культуре и быту городского населения. Это, несомненно, заставит по-новому продумать направленность и методику этнографического исследования как колхозного крестьянства, так и рабочего класса, усилить изучение последнего, поставить ряд общих, комплексных исследовательских тем. Этнографы, занимающиеся изучением духовной культуры народов СССР, должны уделить несравненно больше внимания вопросам нового, коммунистического отношения к труду, яркие образцы которого дает вся повседневная деятельность героического народа — строителя коммунизма. По-новому должно быть поставлено исследование современного общественного быта народов СССР: в этом исследовании должны найти отражение такие процессы, как постепенный переход в ведение общественных организаций вопросов культурного обслуживания населения, обеспечения общественного порядка и правил социалистического общежития.

Этнографы должны внести свой вклад в решение задач, связанных с дальнейшим улучшением народного образования в нашей стране. Разработанные Центральным Комитетом КПСС и Советом Министров СССР тезисы «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем совершенствовании системы народного образования в стране» и принятый Верховным Советом СССР закон по этому вопросу вооружили органы народного образования развернутой программой воспитания активных строителей коммунизма. Однако перестройка средней и высшей школы потребует известного времени и большой работы. Верховным Советам союзных республик предстоит принять законы о народном образовании, соответствующие «национальным традициям и особенностям»³, и этнографы могут оказать им в этом немалую помощь.

Документы XXI съезда КПСС ставят новые ответственные задачи перед этнографами, занимающимися изучением семьи и семейного быта народов нашей многонациональной Родины. В эпоху развернутого строительства коммунизма возрастет роль государства и общества в воспитании детей, усилится государственная и общественная помощь семье. В предстоящем семилетии численность учащихся в школах-интернатах увеличится до 2,5 млн чел., число детей в детских садах возрастет почти вдвое. В дальнейшем будут созданы возможности для воспитания всех детей в школах-интернатах, что обеспечит еще более успешное решение задачи коммунистического воспитания молодежи и привлечения новых миллионов женщин к активному строительству коммунизма. «Советская власть,— указывает товарищ Хрущев,— вызволила женщину из того позорного полурабского положения, в котором она находилась при царизме и еще находится во многих капиталистических

³ Н. С. Хрущев, Указ. раб., стр. 66.

странах. Советские женщины являются активной силой во всех областях государственной, политической, хозяйственной и культурной жизни, они наравне с мужчинами пользуются всеми правами граждан социалистического общества. Но многие женщины заняты домашним хозяйством, уходом за детьми, что затрудняет им активно участвовать в общественной жизни»⁴. Этнографы обязаны принять всемерное участие в борьбе за дальнейшее высвобождение женщины из сферы домашнего хозяйства и приобщение ее к общественно-полезному труду. Этнографическая наука должна внести свой вклад в дело наиболее целесообразного и эффективного приспособления работы школ-интернатов, детских садов, предприятий общественного питания и коммунально-бытового обслуживания к традициям, потребностям и запросам населения различных национальных районов Советского Союза.

Одно из центральных мест в деятельности советских этнографов должна занять дальнейшая разработка основ национального вопроса в целом и особенно национальной политики партии в условиях развернутого строительства коммунизма. Развивая теоретические положения доклада Н. С. Хрущева, товарищ Мухитдинов отметил, что «суть национальной политики партии в современных условиях состоит в том, чтобы всесторонне развивать на основе товарищеского сотрудничества и взаимопомощи экономику и культуру всех социалистических наций, создавая необходимые условия для еще более тесного их сближения»⁵. Этим определяется актуальность этнографического изучения процессов развития социалистических наций и их культуры. Работа в этой области этнографической науки может и должна вестись в нескольких основных направлениях. Огромное теоретическое и практическое значение имеет исследование процессов формирования и внутреннего сплочения социалистических наций, обогащения их новым содержанием, новыми качествами и признаками. Актуальной задачей остается изучение развития национальных форм социалистической культуры, в ряде случаев оказывающее непосредственную помощь народнохозяйственному планированию, подготовке типовых проектов жилищ, работе в области прикладного искусства и т. п. Вместе с тем в условиях нового этапа коммунистического строительства, когда дальнейшее укрепление дружбы и братства народов СССР буквально на наших глазах усиливает межнациональный обмен культурными ценностями, особенно важным становится исследование процессов взаимодействия и культурного взаимовлияния многочисленных народов и этнографических групп нашей страны.

Трудно исчерпать многообразие задач, поднятых перед коллективом советских этнографов историческими документами съезда строителей коммунизма. Материалы съезда должны быть тщательно изучены и обсуждены на заседаниях ученых советов этнографических учреждений, их секторов и отделов. Однако уже сейчас важно подчеркнуть, что задачи, поставленные съездом перед этнографами — исследователями советского общества, требуют от них по-новому смелой разработки теоретических вопросов, творческих обобщений, поисков наиболее эффективных форм связи этнографической науки с практикой построения коммунизма.

Документы XXI съезда КПСС, призывающие советских ученых всесторонне анализировать важнейшие процессы, происходящие в капиталистическом мире, ставят новые серьезные задачи и перед этнографами, изучающими зарубежные народы. Величественная стройка коммунизма в СССР и огромные достижения всех социалистических стран оказывают глубокое прогрессивное воздействие на ход мировой истории. Углубляется

⁴ Н. С. Хрущев, Указ. раб., стр. 66—67.

⁵ «Правда», 31 января 1959 г., стр. 7.

общий кризис капитализма, распадается система порабощения слаборазвитых стран, целые континенты поднимаются на бсьбу за национальную независимость и свободу. В зарубежном мире идут сложные процессы не только экономического и политического, но и этнокультурного порядка. В капиталистических странах Европы и Америки увеличиваются насильственная ассимиляция и дискриминация национальных меньшинств, усиливается загнивание буржуазной культуры. В странах Востока, прежде всего в тех из них, которые уже сбросили ярмо колониализма, бурно идут процессы национальной консолидации, ведется борьба за возрождение и развитие культурного достояния народов. Обязанность этнографов, исследующих народы зарубежных стран,— всемерно усилить изучение современности, обобщить особенности основных этнических и культурных процессов, выявить их общие закономерности и тем самым внести свой практический вклад в борьбу народов против империалистической реакции, за мир, демократию и прогресс.

Наряду с этим этнографы должны изучать процессы, происходящие в среде народов, строящих социализм, всемерно сотрудничая с их учеными в исследовательской работе.

Одной из важнейших задач советских этнографов является борьба против реакционной буржуазной науки и ревизионизма. Идеологи империализма не хотят примириться с полной и окончательной победой социализма в СССР, с упрочением могущества социалистического лагеря, с пробуждением угнетенных народов Азии и Африки. В своей борьбе против революционной идеологии и прогрессивной науки они мобилизуют все старые и новые средства идейного воздействия — от нехитрой клеветнической стряпни до сложных наукообразных фальсификаций. Одно из видных мест в арсенале их отравленного оружия продолжают занимать колониалистские концепции буржуазных этнографических школ — функциональной, психорасистской, релятивистской и других. Поставив себя на службу империалистическим агрессорам, буржуазная, в особенности американская, этнографическая наука пропагандирует реакционные неорасистские теориейки о превосходстве «психического профиля» англо-саксов и их исторической миссии по управлению другими, якобы менее полноценными народами. Обеспокоенные ростом международных политических и культурных связей, американские квазиученые пытаются доказать, что национальные культуры не адекватны, что людям разных рас, национальностей и религий никогда не понять друг друга. Советская наука много сделала для борьбы с подобного рода лженаучными измышлениями, однако задачи в этой области еще ни в коей мере не могут считаться решенными. Идейная борьба разгорается, и ученые нашей страны должны всемерно усилить работу по разоблачению растленной идеологии империализма.

Существенной особенностью идейной борьбы на современном этапе является оживление ревизионистских тенденций, помогающих международной реакции в ее подрывной контрреволюционной деятельности. Крупнейшим центром ревизионизма является Югославия. Югославские ревизионисты не создали своей этнографической школы и оригинальных научных концепций, но вместе со своими идейными союзниками они пытаются очернить национальную политику в странах социализма и беззастенчиво утверждают, что последним якобы присущи «те отрицательные явления, которые капитализм внес в отношения», например, между «белыми и цветными, между более развитыми и менее развитыми в культурном отношении странами и народами»⁶. Обязанность советских этнографов — развернуть беспощадную борьбу против проявлений ревизионизма в этнографии, бороться против искажений марксизма, против

⁶ «Правда», 8 мая 1956 г.

любого выступления, направленного на подрыв дружбы и братского сотрудничества народов социалистического лагеря.

Вместе с тем нельзя ослаблять работу и в других областях исследовательской деятельности этнографов. Этнография — важный раздел исторической науки, имеющий, как и историческая наука в целом, большое мировоззренческое значение. Этнографические исследования необходимы для понимания общих закономерностей исторического развития, его общей перспективы. Вместе с археологией и антропологией этнография дает основной материал для изучения начальной фазы общественного развития — первобытно-общинной формации; прямой задачей этнографической науки является разработка проблем этногенеза, этнической и культурной истории человечества.

Ответственные задачи, поставленные перед общественными науками решениями XXI съезда КПСС, обязывают советских этнографов расширить размах своих работ и еще более повысить их теоретический уровень. Недостаточен еще поворот этнографов к исследованию проблем современности, недостаточно разработана методика этнографического изучения современных народов и классов. Имеет еще место публикация этнографических работ, носящих описательный характер, с недостаточно углубленным анализом фактического материала или, как, например, изданная в 1958 г. Московским государственным университетом книга проф. С. А. Токарева «Этнография народов СССР», — с серьезными ошибками. Необходимо заново продумать организацию исследовательской работы. Реализация научными учреждениями семилетнего плана развития народного хозяйства СССР требует строгого координирования научной деятельности как в масштабах всей страны, так и в отдельных союзных и автономных республиках. Необходимо еще более упрочить постоянные творческие контакты между этнографами и работниками других общественных наук, разрабатывающими аналогичные или близкие теоретические проблемы, оживить деятельность комплексных научных советов и обеспечить проведение комплексных исследовательских, в том числе экспедиционных, работ. Вместе с тем следует подумать и о дальнейшем совершенствовании организации работы самих этнографов. Так, например, назрела настоятельная необходимость в создании в стенах Института этнографии АН СССР межсекторальных центров, которые обеспечили бы руководство разработкой в отдельных секторах теоретических проблем по советской и зарубежной современной тематике. В работе группы общей этнографии должна быть усилена критика реакционной буржуазной науки и современного ревизионизма.

Вместе со всеми учеными нашей страны советские этнографы являются активными участниками великой стройки коммунизма. Выполняя свой почетный долг перед марксистской наукой, перед партией, перед замечательным советским народом, они отдадут этой стройке все свои знания, все свое вдохновение, все свои творческие силы.

И. И. ПОТЕХИН

О НЕКОТОРЫХ ЗАДАЧАХ АФРИКАНИСТИКИ В СВЯЗИ С КОНФЕРЕНЦИЕЙ НАРОДОВ АФРИКИ

Еще совсем недавно Африка представляла собой заповедник колониализма. После того как в 1936 г. Эфиопия была оккупирована Италией, на всем африканском континенте оставалось только три независимых государства: Египет, Южно-Африканский Союз и Либерия; однако независимость их была весьма формальной и призрачной. Египет был опутан кабальными договорами, и на египетской земле стояли английские солдаты. Либерия находилась в полной зависимости от американского империализма, каучуковая компания Файерстона была подлинным правительством этой маленькой негритянской республики. В Южно-Африканском Союзе господствовал, как и поныне продолжает господствовать, английский капитал, а коренные народы Южно-Африканского Союза — банту испытывают наихудший вид колониального режима.

После второй мировой войны подул свежий ветер, начались перемены. Разгром фашистской коалиции в годы второй мировой войны, выход ряда стран Европы на путь строительства социализма, распад колониальной системы в Азии — ослабили силы империализма и создали народам Африки благоприятные условия для завоевания независимости. Уже в течение первого десятилетия вся Северная, за исключением Алжира, и Северо-Восточная Африка отпали от колониальной системы. Однако в Тропической и Южной Африке (т. е. Африке к югу от Сахары) по-прежнему сохранялось господство нескольких европейских империалистических держав. Империалистам она, эта часть Африки, казалась прочным бастионом колониализма; они полагали, что еще долго смогут удержаться там.

Но скоро, очень скоро была пробита первая брешь в этом бастионе. 6 марта 1957 г. бывшая английская колония Золотой Берег получила статус доминиона — было провозглашено независимое государство Гана.

Правда, Гана стала всего лишь доминионом; главой государства продолжает оставаться английская королева, поэтому в Гане по-прежнему находится английский генерал-губернатор. Тем не менее образование государства Гана было крупной победой народов Золотого Берега, открывшей им путь самостоятельного государственного развития. Это было и победой всех народов Африки, живущих к югу от Сахары. Все африканские народы восприняли эту победу как свою собственную.

Премьер-министр нового государства Кваме Нкрума сразу же после получения независимости заявил, что независимость Ганы не может быть прочной без освобождения всех других народов Африки от колониализма и империализма. Поэтому важнейшей задачей своего правительства он считает оказание помощи всем народам Африки в их борьбе за национальную свободу. Эти справедливые мысли Кваме Нкрума дошли до сердца каждого африканца. В Гане они увидели своего заступника, опору в своей трудной борьбе за национальную независимость. Столица Ганы город

Аккра стала своеобразной Меккой для поработанных империализмом африканских народов.

Когда Гана в марте 1958 г. праздновала первую годовщину своей независимости, в Аккре собрались представители многих народов африканских колоний. И там на одном из митингов родилась идея созвать конференцию всех народов Африки. Вслед за этим в апреле 1958 г., тоже в Аккре, состоялась конференция независимых государств Африки, принявшая решение созвать конференцию всех африканских народов. Был создан Подготовительный комитет по созыву конференции, который в течение восьми месяцев провел большую работу, связавшись со всеми национальными и профсоюзными организациями всех африканских стран, а также со многими организациями за пределами Африки, в том числе и с Советским комитетом солидарности стран Азии и Африки.

* * *

Конференция народов Африки, состоявшаяся 5—13 декабря 1958 г. в Аккре, явилась историческим событием, имеющим большое значение не только для Африки. В результате распада колониальной системы в Азии Африка оказалась последним колониальным резервом империализма. Из 160 млн человек населения, все еще изнывающего под гнетом колониализма, 140 млн, т. е. около 90%, находятся в Африке. Хотя колониальная система понесла существенный урон и в Африке, однако 60% ее населения все еще лишены своей национальной государственности. Главная задача всех прогрессивных сил мира в борьбе против колониализма состоит теперь в ликвидации колониального режима в Африке.

Основная задача конференции в Аккре и состояла в том, чтобы найти пути и средства решения этой задачи. Все делегаты конференции, представлявшие народы почти всех независимых государств и колоний, единодушно признали, что решающей силой в борьбе за ликвидацию колониализма является единство: единство внутри каждой колонии, союз народов и стран всей Африки. Все делегаты подчеркивали, что империалистической политике «Разделяй и властвуй» следует противопоставить единство народов. Лейтмотивом работы конференции был лозунг: «Народы Африки, объединяйтесь! Вам нечего терять, кроме своих цепей».

На пути к единству много трудностей, и одна из них — трайбализм, т. е. племенная рознь, разжигаемая колонизаторами и перешедшими к ним на службу вождями племен.

До империалистического захвата и раздела Африки населяющие ее народы еще не вступили в период капиталистического развития и поэтому не успели сложиться в нации. В тех странах Африки, где существовали более или менее развитые феодальные отношения, уже произошел переход от племени к народности. У большинства же племен, особенно в странах, лежащих к югу от Сахары, не сложились еще и народности. Племя или союз племен были высшими формами их социальной организации.

Колонизаторы, демагогически прикрываясь «забстой» о сохранении самобытных институтов и самобытной культуры поработанных ими народов, держали курс на консервацию племенного строя со всеми присущими ему атрибутами. Они включили племенную организацию в свою административную машину, призванную держать народы в колониальном ярме. На вождей племен были возложены определенные административные функции, им были предоставлены соответствующие права. Они были превращены в платных чиновников колониального аппарата.

Опираясь на подкупленных таким образом вождей племен, колонизаторы всячески раздували племенной партикуляризм, противопоставляли одно племя другому, вызывали вражду между племенами. История Африки знает бесконечное количество случаев, когда колонизаторы намеренно

вызывали межплеменные войны, использовали в качестве вооруженной силы одни племена для подавления антиколониальных движений других племен.

В новый период антиимпериалистического движения в Африке, начавшийся после второй мировой войны, колонизаторы умело используют племенной сепаратизм в целях раскола национальных организаций, единого национального фронта народов. Сразу же по окончании войны в большинстве колоний возникли, как правило, единые национальные организации, объединявшие в своих рядах все антиколониалистские силы. В дальнейшем по мере нарастания антиимпериалистического движения начались расколы, стали создаваться новые партии, единство уступило место соперничеству многочисленных партий, мелкой грызне политических лидеров. Колонизаторы всячески поддерживали эту борьбу партий, искусственно раздували ее.

Известную роль в этом нарушении единства антиколониалистских сил играют классовые противоречия. Африканские народы не являются уже монолитными в социальном отношении. Они разделены на социальные классы, и хотя процесс формирования классов еще не завершился, классовые противоречия находят свое отражение в борьбе партий. Однако вполне определенную, а может быть и большую роль в этом нарушении единства сыграла искусно используемая колонизаторами с помощью вождей племен племенная рознь.

Трайбализм стал препятствием на пути объединения всех сил в борьбе против колониализма и империализма. Об этом говорили многие делегаты на конференции в Аккре, этот вопрос широко освещается на страницах прогрессивной африканской печати.

Журнал «Возрождение Уганды» — орган Национального конгресса Уганды — опубликовал в июле 1958 г. передовую статью под названием: «Партии Уганды, объединяйтесь: это кратчайший путь к независимости!», содержащую страстный призыв к единству. Приведем несколько кратких извлечений из этой статьи:

«Враги нашей страны всегда готовы расколоть нас для того, чтобы легче было управлять нами» (стр. 3).

«Характеристика Уганды как конгломерата племен не только не соответствует истине, но и несправедлива по отношению к ее народу... Разговоры о племенной дисгармонии и об опасности межплеменных конфликтов в будущем являются просто повторением пропаганды империалистов, безнадежно пытающихся продлить свой отживший порядок» (стр. 3—4).

«Эта их (империалистов. — И. П.) ядовитая политика натравливания брата против брата, племени против племени, африканца против африканца — составляет сейчас величайшее препятствие на пути создания единого фронта борцов за свободу» (стр. 4) ¹.

Глава делегации Демократической партии Сомали (часть Сомали под французским господством) Али Абдиллахи в своей речи на конференции говорил: «От имени сомалийской делегации я хотел бы призвать делегатов конференции быть бдительными по отношению к тактике империалистов. Они проводят дьявольскую политику: сеют в наших рядах семена раздора, чтобы расколоть нас и таким образом подавить нашу борьбу за свободу».

В повестку дня конференции были включены вопросы о племенной и религиозной разобщенности, о роли вождей племен. Подготовительный комитет конференции в извещении о конференции дал следующую интерпретацию этим вопросам: «Пришло время разоблачить и покончить с теми, которые отстаивают племенную разобщенность и являются наиболее опасными черными агентами империализма, ибо их вредоносная поли-

¹ «Uganda Renaissance», т. III, июль 1958.

тика натравливания африканцев на африканцев, братьев на братьев, племени на племя представляет собой главное препятствие на пути создания единого фронта борцов за свободу, который один только может покончить с иностранным господством.

До тех пор, пока мы не раскроем сущность и непатриотическую роль африканских политических карьеристов, чья деятельность помогает империалистам проводить их традиционную политику «Разделяй и властвуй» — этот последний оплот колониализма, — до тех пор Африка не отвоюет утраченную свободу и не займет свое законное и равноправное место среди других стран².

Такая постановка вопроса неизбежно вызвала острую борьбу, сопротивление со стороны партий, отражающих интересы феодальной и полуфеодальной прослойки, тесно связанных с империалистической политикой. Партия Истинных вигов (Либерия) распространила заявление, в котором решительно возражала против характеристики вождей племен как «наиболее опасных агентов империализма». Партия Истинных вигов высказалась за то, чтобы конференция не принимала какого-либо решения по этому вопросу, с тем чтобы каждая страна выработала свое отношение к институту вождей племен³.

Глава делегации Группы действия (Западная Нигерия) вождь Антони Енахоро в своей речи на конференции заявил: «Мы не можем согласиться с осуждением всех традиционных институтов, которые в разных странах имеют различную основу и различное влияние». Он поддержал предложение Истинных вигов.

В результате длительных споров в комитете, которому было поручено обсудить этот вопрос, конференция приняла следующую резолюцию о традиционных институтах: «Сознавая, что некоторые из африканских традиционных институтов, особенно власть вождей племен, не соответствуют требованиям демократии;

Считая, что некоторые из этих институтов на деле оказывают поддержку колониализму и являются орудием коррупции, эксплуатации и угнетения, подавляют достоинство, индивидуальность и волю африканцев в их борьбе за свое освобождение,—

Конференция народов Африки, состоявшаяся в Аккре с 5 по 13 декабря 1958 г., постановляет осудить те африканские традиционные институты, политические, социальные и экономические, которые ясно показали свою реакционную сущность и свою поддержку колониализму;

Призвать всех сознательных людей Африки и всех африканских политических руководителей усилить воспитательную и пропагандистскую деятельность с целью ликвидации этих институтов, несовместимых с нашими целями национального освобождения;

Призвать правительства независимых стран запретить или изменить эти институты».

Хотя резолюция и несет на себе следы компромисса, она достаточно принципиальна и ясна, особенно в отношении вождей племен. Но одно дело принять резолюцию, другое — провести ее в жизнь. Это сопряжено с огромными трудностями и жестокой борьбой. Перед прогрессивными силами стоит нелегкая задача. Дело чести ученых-африканистов помочь этим прогрессивным силам научной разработкой проблемы традиционных институтов, их места и роли в современной жизни африканских народов. И в первую очередь это задача африканистов-этнографов.

Западноевропейские и американские этнографы-африканисты проделали огромную работу по изучению африканских традиционных институтов, опубликовали большое количество фундаментальных работ. Но,

² «Daily Graphic», 12 сентября 1958.

³ «Statement to the All-African People's Conference», National Headquarters. True Whig Party, Monrovia, Liberia.

связанные с колониальной политикой своих правительств, они подчинили свои исследования реакционной задаче консервации этих институтов. Решению этой задачи была подчинена вся деятельность последователей функциональной школы, господствовавшей в английской этнографии в 1930—1940-х гг. и задержавшей ее развитие. Жизнь шла вперед, традиционные институты менялись и частично разрушались под влиянием новых условий, а последователи функциональной школы топтались на месте, пытаясь изучать традиционные институты в их чистом, классическом виде, практически уже не существующем.

Занимались изучением традиционных африканских институтов и советские этнографы. Вооруженные передовым марксистским мировоззрением, руководимые великой идеей борьбы за ликвидацию колониализма, советские этнографы смогли дать правильную оценку места и роли традиционных институтов в жизни народов Африки. Вот два кратких извлечения из монографии «Народы Африки».

«Воспитанная веками привязанность к своему племени, чувство кровного родства с соплеменниками, племенная солидарность, хотя еще и живы, утратили свою силу. Колониальные власти пользуются этими идеологическими остатками племенного строя, чтобы закрепить, законсервировать замкнутость, разобщенность племен. Разобщенность облегчает подавление сопротивления племен, помогает натравливать, когда это нужно, одно племя на другое, препятствует созданию единого антиимпериалистического фронта народов»⁴.

«Туземные власти и суды составляют, следовательно, часть колониального аппарата порабощения, а настоячивые попытки английских империалистов выдать их за самоуправление — не что иное, как попытка прикрыть фактическое господство англичан в чужой стране.

...Английский империализм выдает туземные власти за самобытную форму демократии суданских народов. На самом деле они давно утратили свой демократический характер»⁵.

Проблема традиционных африканских институтов разрабатывалась в ряде других трудов, опубликованных Институтом этнографии АН СССР⁶. Исследование этой проблемы надо продолжать более широким фронтом. На новых материалах, относящихся к другим народам, следует более ясно показать, что племенная форма организации изжила себя, что она не соответствует больше новым условиям жизни африканских народов, что теперь она искусственно поддерживается империалистами.

Важное значение приобретает исследование особенностей феодализма в странах Африки, расположенных к югу от Сахары. Классический феодализм типа европейского или восточного феодализма в этих странах не успел сложиться. На этом основании большинство буржуазных исследователей Африки, включая и самих африканских ученых, отрицает наличие в этих странах феодализма вообще.

В советской литературе по Африке уже неоднократно указывалось, что вожди племен, опекаемые колонизаторами, являются феодальными или полуфеодальными элементами, что они используют феодальные формы эксплуатации соплеменников, прикрывая их обветшалыми остатками патриархально-родового строя. Типичными для этих стран являются пат-

⁴ «Народы Африки», Серия «Народы мира», Институт этнографии АН СССР, М., 1954, стр. 445.

⁵ Там же, стр. 297.

⁶ См. С. Р. Смирнов, Образование и пути развития северосуданской народности, «Африканский этнографический сборник», I, Труды Ин-та этнографии АН СССР, Новая серия, т. XXXV, М., 1956; Р. Н. Исмагилова, Народы Кении в условиях колониального режима, там же; Л. Д. Яблочков, Коренное население Британской Центральной Африки, «Африканский этнографический сборник», II, Труды Ин-та этнографии АН СССР, Новая серия, т. XLIII, М., 1958; И. И. Потехин, Формирование национальной общности южноафриканских банту, Труды Ин-та этнографии АН СССР, Новая серия, т. XXIX, М., 1955, а также ряд статей в журнале «Советская этнография».

риархально-феодалные отношения. На исследовании особенностей этих отношений и должно быть сосредоточено внимание, чтобы показать эксплуататорскую сущность вождей племен.

Государственное строительство Ганы, недавно завоевавшей независимость, показывает, что и после освобождения от колониального порабощения феодалы и полуфеодалные вожди племен остаются большой силой, препятствующей укреплению независимости и демократизации политической и общественной жизни. Используя многовековые традиции и идеологические остатки родового строя, им удается увлечь за собой наиболее отсталые слои населения. Это еще раз подчеркивает большое значение научной разработки вопроса об особенностях феодализма в странах Африки к югу от Сахары.

Другой трудностью на пути создания единого национального фронта народов служит, как указывается в решениях конференции, религиозный сепаратизм. Дело в том, что христианская религия, навязанная африканским народам европейскими колонизаторами, представлена в каждой колонии несколькими миссиями, принадлежащими к различным церковным направлениям. Почти в каждой колонии можно встретить миссии: римско-католическую, пресвитерианскую, методистскую, англиканскую, адвентистскую и др. Каждая из них имеет сеть школ (известно, что все народное образование в колониях находится в руках европейских религиозных миссий) и воспитывает юношество в духе своих канонов. Каждая из них соперничает с другой в борьбе за привлечение возможно большего числа неофитов. Уже одним этим они сеют семена раздора. Но этим они не ограничиваются. Они участвуют в политической жизни, оказывая поддержку наиболее правым партиям или содействуя возникновению новых партий.

Национальный конгресс Уганды опубликовал в бюллетене Подготовительного комитета конференции меморандум «Британская колониальная система в Уганде». Один из разделов меморандума назван «Агентура колонизаторов» и целиком посвящен деятельности европейских религиозных миссий. Авторы меморандума указывают, что религиозная борьба английских протестантов и французских католиков в 80-х годах прошлого столетия, отражавшая англо-французское соперничество в Восточной Африке, положила начало расколу национального единства народов Уганды, что отзвуки этой борьбы сказываются до сих пор. Далее в меморандуме указывается, что Демократическая партия Уганды находится в тесной связи с римско-католической миссией⁷.

Эта множественность европейских религиозных миссий дополняется африканскими христианскими сектами, тоже довольно многочисленными. «В христианском сепаратистском движении,— как правильно указывает Б. И. Шаревская,— находит себе выход протест против расовой дискриминации, стремление отстоять свою полноправность и заставить признать свою полноценность хотя бы в сфере религии»⁸.

Довольно широко распространено и все шире распространяется за пределами арабской части Африки мусульманство. Последователи ислама создают свои культурные и политические организации. В период обостренной политической борьбы вокруг вопросов государственного устройства Ганы была создана особая мусульманская партия, оказавшая поддержку наиболее реакционным силам.

Живы еще древние африканские культы и верования. По приблизительным подсчетам, еще большая часть африканского населения стран к югу от Сахары не приняла ни христианства, ни мусульманства.

⁷ «News Bulletin, Issued by the Preparatory Committee All-African People's Conference», т. I, № 14, стр. 7.

⁸ Б. И. Шаревская, «Религиозная политика английского империализма в британских владениях Африки», «Вопросы истории религии и атеизма», Сборник статей, М., 1950, стр. 191.

Особенно сложно положение в Восточной Африке, где имеется значительное число арабов и переселенцев из Индии. Здесь имеют место христианство разнообразных направлений, мусульманство, индуизм и местные африканские культы. Колонизаторы очень искусно используют религиозный сепаратизм в своих целях.

Вопрос о религиозном сепаратизме был включен в повестку дня конференции вместе с вопросом о трайбализме, как главнейших препятствиях на пути создания единого национального фронта народов. В резолюции, принятой конференцией, указывается, что она решительно выступает против империалистической тактики использования «религиозного сепаратизма для увековечивания своей колониальной политики в Африке».

Конференция постановила, чтобы «политические, профсоюзные, культурные и другие организации предприняли меры по воспитанию масс в духе сознания опасности этой порочной практики и тем самым мобилизовали массы на борьбу против такой практики». Конференция обратилась к правительствам независимых стран Африки с призывом принять соответствующие законы, путем пропаганды и просвещения бороться против религиозного сепаратизма.

Борьба против использования религиозного сепаратизма — задача еще более трудная, чем преодоление трайбализма, и прогрессивные силы Африки будут нуждаться в помощи со стороны ученых. Западноевропейские и американские историки и этнографы-африканисты сделали очень много для изучения древних африканских верований, истории распространения христианства и мусульманства. Но они не поставили и не могли, в силу указанных выше причин, поставить вопрос о религиозном сепаратизме. Не дали специальных исследований этого вопроса и советские этнографы. Упомянутая выше статья Б. И. Шаревской — единственная работа, специально посвященная разоблачению колонизаторской деятельности европейских религиозных миссий. Требуется серия специальных исследований о состоянии религии на африканском континенте. Эта серия должна включать исследования местных африканских верований и культов, распространения христианства и мусульманства, деятельности европейских религиозных миссий.

Задача состоит в том, чтобы показать действительную роль миссионеров. Нельзя отрицать, что их деятельность в области образования и здравоохранения приносит определенную пользу и африканскому населению. Этим собственно и объясняется их влияние. Но эта полезная для африканцев работа сочетается со служением колонизаторам, с помощью империализму в укреплении его господства над африканскими народами. Разорвать эти две стороны миссионерской деятельности невозможно, потому что работа в области народного образования и здравоохранения подчинена главной задаче миссионерства — укреплению господства тех империалистических держав, которые их посылают в Африку, от которых они получают субсидии и директивы.

Конференция обсуждала еще один вопрос, имеющий непосредственное отношение к этнографии, — вопрос о несовпадении этнических и политических границ. Сейчас, когда колониальная система разваливается и на ее обломках создаются независимые государства, вопрос о границах приобретает жизненно важное значение. На страницах журнала «Советская этнография» этот вопрос уже неоднократно освещался, и поэтому здесь нет необходимости комментировать его. Конференция приняла резолюцию под названием «Границы и федерации». Раздел III резолюции гласит:

«Искусственные барьеры и границы, созданные империалистами для разделения африканских народов, причиняют африканцам ущерб и поэтому должны быть ликвидированы или пересмотрены. Границы, перерезающие территории, населенные той или иной этнической группой или

разделяющие народы одного происхождения, — противоестественны, и их сохранение не ведет к миру и устойчивому положению...

Ввиду изложенного конференция народов Африки принимает следующее решение:

а) она осуждает искусственные границы, созданные империалистическими державами для того, чтобы разделить народы Африки...;

б) конференция требует скорейшей ликвидации или пересмотра таких границ;

в) конференция призывает независимые государства Африки выступить в поддержку окончательного разрешения данной проблемы в соответствии с подлинными желаниями народов».

Пересмотр политических границ — трудная задача, относящаяся к сфере международных отношений. Для решения этой задачи, возможно, будет недостаточно ликвидации колониального режима и создания независимых государств. Природа буржуазии везде одинакова, она не зависит от цвета кожи. Жизнь покажет, как будет решаться вопрос о политических границах. А дело ученых — своими исследованиями помочь наилучшему решению этого вопроса. Необходимо разработать точную этническую карту африканского континента: выявить реально существующие этнические массивы, степень их консолидации в народности, нации, их расселение, соотношение политических и этнических границ, этнический состав каждого государства или колонии и больших этнографических областей.

Советские африканисты проделали в этом направлении уже немалую работу. Проведены специальные исследования по Кении и Танганьике, Бельгийскому Конго, Юго-Западной Африке, Северной Родезии, Южной Родезии и Ньясаленду, Южно-Африканскому Союзу. Ведутся исследования по Анголе, Мозамбику, Нигерии. Необходимо продолжить эту работу по другим районам континента. Составлена новая этническая карта Африки, которая по мере дальнейших исследований будет, несомненно, подвергаться исправлениям. Все эти работы, имеющие большое значение, следует рассматривать как подготовительный этап к разработке более сложной проблемы формирования наций.

* * *

Начинается новый этап истории африканских народов. В течение многих десятилетий и даже столетий народы Африки находились под чужеземным господством. Они были лишены возможности решать свои собственные дела, развивать свою национальную экономику и национальную культуру. Их судьбы решались правительствами империалистических держав в Европе или в правлениях европейских монополистических компаний. Сейчас этот период подходит к концу. Конференция в Аккре явилась яркой демонстрацией решимости народов Африки в ближайшее время покончить с позорной системой колониализма. Впереди еще много трудностей, предстоит еще тяжелая борьба с империализмом и колониализмом. Но заря национальной свободы уже восходит над африканским континентом. Недалеко то время, когда все африканские народы возьмут свою судьбу в собственные руки, получат возможность строить жизнь в соответствии со своими традициями и своими интересами. В наследство от колониализма они получают тяжелый груз экономической и культурной отсталости. Преодоление этой отсталости потребует больших усилий. Долг прогрессивных ученых-африканистов своими исследованиями помочь африканским народам в ликвидации колониализма и в строительстве новой жизни.

ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

Л. П. ПОТАПОВ

ИЗ ИСТОРИИ РАННИХ ФОРМ СЕМЬИ И РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

(Обычай дарения убитого лебедя у хакасов)

I

В дореволюционной русской этнографической литературе встречаются сведения об особом отношении к лебедю у некоторых сибирских племен и народностей. Еще Страленберг заметил, что у каждого из сибирских племен имеется «особое животное, считающееся священным, как, например, лебедь, гусь, ворон и т. д. Этих животных, священных для племени, не едят, но члены другого племени есть могут»¹. Почитание лебедя и связанные с ним поверья и приметы бытовали у ряда племен и народностей Сибири совсем недавно. Современное старшее поколение еще помнит о них, а отдельные представители этого поколения были в недавнем прошлом не только свидетелями, но и участниками некоторых обрядов, связанных с почитанием лебедя.

Почитание лебедя выражалось в самых различных формах, среди которых были и такие, которые позволяют считать, что лебедь являлся тотемом. Тотемистические черты в обрядах и поверьях, связанных с почитанием лебедя, отмечены, например, П. Шимкевичем для гольдов². Они прослеживаются далеко не у всех сибирских народов. У тунгусов, например, лебедь, как и орел, выступает только в качестве божества-покровителя охотничьего промысла³. У селькупов, напротив, почитание лебедя носило ясные тотемистические черты, как и у бурят, якутов и народностей Саяно-Алтайского нагорья. По сообщению Е. Д. Прокофьевой, у обско-кетских селькупов был род Лебедя (cinkat-tamdur). В родовом амбарчике, возле которого происходили моления перед уходом на промысел, члены упомянутого рода хранили латунное изображение лебедя. При пролете лебедей весной жители селькупских селений выбегали из жилищ и радостными возгласами, поклонами приветствовали пролетающих птиц. «Наши братья прилетели», — говорили при этом селькупы. Некоторые из них подражали крику лебедей настолько искусно, что пролетающие стаи замедляли полет, опускались ниже и начинали кружиться над селением, что считалось хорошим признаком и усиливало ликование селькупов. Женщины видели в этом предсказание семейного благополучия и счастья, а мужчины — удачи в промысле. Е. Д. Прокофьевой при-

¹ J. Strahlenberg, Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia, Stockholm, 1730, стр. 375.

² П. П. Шимкевич, Материалы для изучения шаманства у гольдов, Хабаровск, 1896.

³ Н. Костров, Очерки Туруханского края, «Записки Западно-Сибирского отдела Русского географического общества», кн. IV, СПб., 1857, стр. 105.

ходилось лично наблюдать у селькупов призывание пролетающих весной лебедей. У них запрещалось убивать лебедя. Если это каким-либо образом случалось, то у убитого лебедя просили прощения. С него осторожно снимали шкурку, сушили ее и хранили. Мясо поедали, но кости оставляли целыми и хранили отдельно в амбаре, исходя из представления о возможности возрождения убитого лебедя. Шкурку лебедя держали в доме вместе с другими домашними идолами — покровителями семьи. Лебедь у селькупов считался также покровителем шаманов, их главным помощником при «путешествии в верхний мир». Изображение лебедя можно было встретить на некоторых шаманских бубнах. Е. Д. Прокофьева сообщила мне, что образ лебедя является устойчивым в селькупском фольклоре. В одном из мифов отражено представление о лебеде как о предке. Лебедь в фольклоре часто изображается помощником селькупских богатырей в их борьбе с врагами. В трудные для богатырей моменты этой борьбы лебедь летит, застилая крыльями небо, и осыпает их врагов камнями и стрелами. В другом сюжете селькупского фольклора говорится об оживлении селькупа при помощи сердца лебедя.

У кетов, соседей селькупов, почитание лебедя зафиксировано В. И. Анучиным, исследовавшим их шаманство. Кетские шаманы изготовляли железное изображение лебедя, считая его любимой птицей доброй богини Томам (т. е. матери р. Томь). Эта белая птица «тих» была не у каждого шамана, но считалось, что тем шаманам, которым она покровительствует и служит, она оказывает большую помощь. «По поручению шамана, — пишет В. И. Анучин, — лебедь летает и к Томам, и на Ледовитый океан; он любит приносить только хорошие вести. Когда лебеди, пролетая над стойбищем, кричат, то люди спрашивают у шамана: «Что они говорят?» Когда шаман во время камлания выкрикнет по-лебединому, это вызывает радостный гул среди присутствующих»⁴. Уно Харва сообщает, что он слышал от «енисейских остяков», будто бы они замечают у лебедя менструации, как у женщин. Ученый обратил внимание на то, что праматерью племен у сибирских народов выступает только лебедь, остальные же животные — лишь праотцами⁵.

Наибольшее количество материалов, относящихся к почитанию лебедя, опубликовано в этнографической литературе о бурятах и якутах.

У бурят в далеком прошлом лебедь был, видимо, одним из тотемов. На это указывает ряд бурятских преданий и поверий, повествующих о происхождении бурят от лебедя. Не ставя перед собой задачи дать полную сводку таких данных, мы сошлемся только на некоторые известные работы. В записях Г. Н. Потанина, например, говорится о том, что буряты рода Хангин «почитают своим предком лебедя... Хангин считает великим грехом убить лебедя; о них рассказывают даже, будто они страшатся взять в руки лебединое перо. Много рассказов о том, как человек, убивший лебедя, потом пострадал. Эти рассказы есть и у других бурят»⁶. Кроме хангинцев, обитавших в Балаганском ведомстве, в этнографических записях Потанина отмечены два рода аларских бурят, у которых, по преданию, праматерью была лебедь⁷. У бурят Хангинского рода был даже особый онгон, представлявший собой изображение лебедя. Опубликованы также поэтические легенды о происхождении некоторых бурятских родов от брака бурята с лебедью⁸. По записям С. П. Балдаева, в числе

⁴ В. И. Анучин, Очерк шаманства у енисейских остяков, СПб., 1914, стр. 55.

⁵ Uno Harva, Die religiösen Vorstellungen der altaischen Völker, «F: F Communications edited for the folklore fellows», т. LII, № 125, Parvoo, 1938, стр. 315.

⁶ Г. Н. Потанин, Очерки Северо-западной Монголии, т. IV, СПб., 1883, стр. 23.

⁷ Там же, стр. 24. См. также Г. Потанин, Из путешествий по Восточной Сибири, Тибету и Китаю, М., 1895, стр. 8—9.

⁸ Г. Н. Потанин, Очерки Северо-западной Монголии, т. IV, стр. 24—25; е го же, Из Путешествий по Восточной Сибири, стр. 8—9; Н. М. Хангалов, Бурятские сказки о поверьях, «Записки Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества по Отделению этнографии», т. I, вып. 1, Иркутск, 1899, стр. 114—117.

предков бурят был один из сыновей Борга-батыра, жившего на р. Енисее, по имени Хоредой. Он женился на лебеди, и от брака с лебедью у него родилось одиннадцать сыновей, потомство которых составило одиннадцать родов бурятского племени Хори, т. е. хоринцев. Вот список наименований родов хоринцев, ведущих свое происхождение от лебеди: Галдут, Батинай, Харганай, Худай, Халбин, Хооцай, Гушит, Шарят, Хубдут, Бодонго и Сагаан⁹. Лебедь — праматерь перечисленных родов вернулась на небо, после того как ее сыновья выросли, и завещала им чтить лебедей. Почитание лебедя у бурят проявлялось в том, что этих птиц они не убивали сами и не позволяли это делать посторонним, не ели мясо лебедя и т. п. Весной, при пролете лебединых стай, буряты выбегали из жилищ и брызгали вверх молоко или молочную водку, как бы угощая пролетающих птиц, а женщины им кланялись¹⁰.

О почитании лебедя у якутов сообщает Н. Шукин. Он называет лебедя в числе родовых покровителей якутов и пишет, что мясо лебедя вследствие этого запрещено употреблять в пищу¹¹. В. Ф. Трошанский пишет о лебедях как об одной из почитаемых якутами птиц, причем такой которую почитают целые фамилии родственников по материнской линии. Таким образом, по материалам В. Ф. Трошанского эта птица у якутов являлась родовым покровителем по линии матери. Перья лебедя якуты вешали в переднем углу жилища, чтобы предупредить заболевания домашнего скота¹². По устному сообщению И. С. Гурвича, якуты Байдуна-ского наслега раньше считали лебедя своим родственником. Женщины при пролете лебедей спешили прикрыть голову. Якутские женщины в данном случае поступали точно так, как этого требовал обычай при встрече со старшим родственником их мужей. По личному сообщению А. Л. Новгородовой, уроженки с. Яны, среди янских якутов сохранилось воспоминание о происхождении их от лебедя. Женщинам не только не полагалось есть мясо лебедей, но они не могли и прикасаться к нему. Если охотник случайно убивал лебедя, то птицу хоронили на лабазе.

Почитание лебедя известно с глубокой древности и у некоторых алтайских племен. Об этом свидетельствует прежде всего археологический материал. Как сообщил мне М. П. Грязнов, череп лебедя был найден им при раскопках 1954 г. в неолитическом мужском погребении по р. Оби, близ с. Ордынского (70 км к юго-западу от Новосибирска). Череп лежал на правой руке погребенного около локтя. В Горном Алтае в 5-м Пазырыкском кургане были найдены изображения лебедя, сделанные из войлока, набитого шерстью северного оленя и сшитого сухожилиями нитками. Были обнаружены четыре такие мягкие скульптуры.

Древность почитания лебедя на Алтае подтверждается и китайскими летописными источниками. Известная генеалогическая легенда о происхождении части древних алтайских тюрков, зафиксированная китайской династийной хроникой, содержит тотемистические элементы, в числе которых упоминается лебедь¹³.

У современных алтайцев следы почитания лебедя нам пришлось встретить при полевых исследованиях в 1930-х годах. Кумандинцы рассказывали, что у них еще в первые годы после Октябрьской революции многие придерживались старинного запрета убивать лебедя, но объясняли

⁹ Все эти данные из своих полевых этнографических записей любезно сообщил нам С. П. Балдаев.

¹⁰ С. Шашков, Шаманство в Сибири, «Записки Русского географического общества», 1864, вып. 2, стр. 75; Г. Н. Потанин, Очерки Северо-западной Монголии, т. IV, стр. 24.

¹¹ Н. Шукин, Поездка в Якутск, изд. 2-е, СПб., 1844, стр. 276.

¹² В. Ф. Трошанский, Эволюция черной веры у якутов, Казань, 1902, стр. 56—58.

¹³ Интерпретацию этой легенды см.: Н. И. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей, «Живая старина», 1896, вып. III—IV, стр. 278—280.

это уже не родственной связью кумандинцев с лебедем, а тем, что лебедь будто бы был когда-то человеком. Такое же поверье и запрет мы обнаружили и у челканцев живущих по Байголу — притоку р. Лебеди, называвшихся ранее «Куу кижиги», т. е. «лебединцы». Тувинцы также верили, что убивать лебеда нельзя. Нарушивший запрет будто бы платился за это болезнью или даже смертью. Среди тувинцев было распространено поверье, что если убить одного из брачной пары лебедей, второй погибал добровольно, падая на землю со сложенными крыльями¹⁴.

В Туве известен один из родов, носящий имя лебеда. Мы имеем в виду род Куу, или Хуу. Многие тувинцы до сего времени помнят о своей принадлежности к этому роду, который имеет ряд подразделений: Чадан Хуулар, Сугбажи Хуулар, что значит «чаданские» хуулары (лебединцы), сугбажинские хуулары¹⁵. Названия перечисленных подразделений рода Лебеда отражают географическую локализацию групп тувинцев, относящихся к данному роду¹⁶. У тувинцев рода Хуу в старину был обычай дарить убитого лебеда при сватании невесты. Пришедший с убитым лебедем сватать невесту отказа не получал, настолько сильна была традиция, связанная с верой в лебеда как в предка и покровителя рода. У тувинцев рода Кара-Чооды (Тоджинский район) в недалеком прошлом существовал обычай дарить убитого лебеда. Человек, застреливший лебеда, шел дарить его к любому своему сородичу и просил взамен оленя или что-либо другое, в чем он особенно нуждался в это время. Рассказывают, что прежде чем отправиться с такого рода просьбой, убитому лебедю привязывали на шею белую ленту или (когда хотели получить оленя) ремешок аркан и только после этого его несли «в гости». Человек, принесший лебеда, войдя в юрту, делал головой лебеда три поклона, затем оттягивал подол своей одежды и опять делал три поклона. Иногда, по рассказам стариков, рядом с лебедем принесший клал еще шкурку белки или соболя. Затем он излагал свою просьбу. Получив просимое, человек, принесший лебеда, уходил домой, а хозяин юрты, куда принесли лебеда, варил полученную птицу и съедал ее мясо своей семьей и родственниками¹⁷. По рассказам стариков-оленоводов, принадлежавших в прошлом к Улугтагскому сумону, тувинец-тоджинец, убивший лебеда, брал от него только одну часть, именно «ужа», и преподносил ее богатому человеку. Получивший отдавал принесшего четырехлетним оленем¹⁸. Термином «ужа», применительно к части туши домашних животных, обозначали заднюю часть позвоночника с хвостом (у барана, начиная с восьмого позвонка). Эта часть туши, как и «тöш» (грудная кость), считается самой почетной. Она входит в число тех почетных кусков, которые выделяются старшим, наиболее уважаемым родственникам (родителям, живущим отдельно, дяде по матери и т. п.)¹⁹. Наши расспросы о почитании лебеда у юго-западных тувинцев (район озера Кара-холь и р. Алаш) убедили нас в том, что здесь, видимо, не было обычая дарить лебеда, ибо никто из стариков об этом не только

¹⁴ Устное сообщение научного сотрудника Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории Т. Куулара.

¹⁵ Хуулар — множественное число от Хуу.

¹⁶ См. об этом: В. И. Дулов, Пережитки общинно-родового строя и родового быта у тувинцев в XIX — начале XX в., «Сов. этнография», 1951, № 4, стр. 62.

¹⁷ Материалы об обычаях, связанных с лебедем, собраны у тувинцев в 1947 г. по моей просьбе П. И. Каралькиным, сотрудником Саяно-Алтайской экспедиции Института этнографии АН СССР.

¹⁸ Сообщено научным сотрудником Тувинского научно-исследовательского института истории, языка и литературы А. Калзаном.

¹⁹ «Ужа» у тувинцев-охотников, как и у северных алтайцев (уча), представляла собой именно ту часть убитого зверя, которая подлежала в старину коллективному распределению. См. об этом обычае в нашей работе «Черты первобытно-общинного строя северных алтайцев» («Сборник Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР», т. XI, 1949, стр. 37—38).

не помнит, но даже не слышал. Здесь говорили, что лебедь — хорошая и чистая птица, обладающая красивым голосом. Убивать ее можно; мясо едят и считают его вкусным. Однако наиболее сильные и знаменитые тувинские шаманы этого района (например, Сарыг-кам и Хуренгей-кам, из рода Хертек, шаманка Аалчи из рода Карсаал и др.) имели в числе своих главных помощников-эреней семь лебедей (чеди куу). Нам даже рассказали следующий отрывок из обращения шамана к этим эреням:

Черлер кезер чеди куум
Чырык хуннуң алтында
Караҕының, кыдында
Қаргыраалыг кара кемде
Халыткактыг кара таштыг
Соортууктуг кара балгаш
Чес хола көвүрлүг
Хылдар көвүрлүг
Чөвүрээ көвүрлүг
Хаалгазы ажык хан кара ба-
жында
Чеже кижі бары керек
Оон чанында хыржың кажаа
иштинде
Қызыл хыны хыйылганнар
Саны чежел, чеди куу, чуну
билдинг?
Уш көвүрлүг ис кестіңер бе?
Олген кижі чөвүрээ көвүрүгдең?
Хыл, чес хола көвүрлүгдең тиг-
риг кижі кежер чуве?

Рыскающие по свету мои семь лебедей
Под светлым солнцем,
В краю вечной темноты,
В узком темном ущелье,
В уступистых темных камнях,
В засасывающей черной грязи,
За латунно-медным мостиком,
За волосяным мостиком,
За корьевым мостиком,
С открытой дверью в черно-кровавом
доме,
Надо узнать, сколько там умерших

Около него в плетеном загоне,
Красной кровью поливших,

Сколько их, семь лебедей, что узнали?
Осмотрели ли следы у трех мостов?
Мертвые проходят ли через корьевого
мост?
Через волосяной мост проходят ли
мертвые?

У телеутов, живущих по рекам Большому и Малому Бочатам в Кемеровской области, с лебедем был связан такой обычай. Человек, убивший лебедя, снимал с птицы шкурку, сохраняя при этом нетронутую голову, привязывал к шее лебедя кусок новой ткани, например кумача, или новую мужскую рубашу, курил вино и ехал с лебедем в гости к своему дяде по матери (тай). Войдя в дом дяди, он вешал шкуру лебедя в переднем углу (төр) и затем просил у своего дяди все, чего он только хотел. Сила обычая была такова, что дядя беспрекословно исполнял просьбу племянника, хотя это ему иногда наносило большой материальный ущерб. Так, он мог отдать племяннику лучшую лошадь или корову. Правда, у телеутов, как и у всех алтайских племен, распространен обычай ездить с выкуренным вином к дяде по матери за каким-либо подарком и без лебедя. Но дядя в этих случаях мог лишь частично выполнить просьбу племянника, либо отговориться неимением того, что просил племянник. Словом, дядя мог вести на эту тему разговор и даже несколько «поторговаться», если можно так выразиться. Но когда племянник приезжал с лебедем, то просьба его была для дяди «законом», как выразился один из телеутов, рассказывавший мне об этом обычае.

II

Рассмотрим теперь хакасский обычай дарить убитого лебедя. Этот обычай привлек к себе внимание ряда путешественников и исследователей, сообщивших о нем в своих публикациях краткие сведения. Вообще говоря, обычай дарить лебедя стал известен в сибиреведческой этнографической литературе именно из описания быта хакасов. М. А. Кастрен, посетивший хакасов в 1847 г., упомянул в своих путевых записках, что из птиц хакасы почитают больше всего лебедя. Вместе с этим он сообщил следующее: «Когда татарин (т. е. хакас. — Л. П.) застрелит лебедя, он отправляется с ним к соседу и, по предварительном угощении айраном, дарит ему, а сосед отдаривает его лучшей лошадей. Новый владе-

лебеда, в свою очередь, отправляется с ним к своему ближайшему соседу. Таким образом, лебедь переходит из юрты в юрту, пока за полусгнившую птицу кому-нибудь придется поплатиться лучшим конем»²⁰. Об этом обычае у хакасов-качинцев сообщает и Н. Костров, видимо, пересказывая Кастрена: «Самым дорогим даром считается лебедь. Как скоро татарин застрелил лебедя, он отправляется с ним к соседу, и, по предварительном угощении айраном, дарит его ему, за что сосед непременно должен отдарить лучшей своей лошадей. Новый владелец лебедя в свою очередь отправляется с ним к своему ближайшему соседу и обменивает его также выгодно. Таким образом лебедь переходит из юрты в юрту, пока придется наконец кому-нибудь поплатиться лучшим конем за полусгнившую птицу»²¹.

Кратко, но более четко описывает этот обычай у качинцев Н. Попов, приводя интересные детали. «О лебеде качинцы говорят,— пишет автор,— что он умнее и осторожнее всех птиц и редко встречается. Осенью его нельзя стрелять, случится несчастье, а весной и летом можно. Если бедняк убьет лебедя, то надевает ему на шею платок и везет дарить богатому татарину. Тот, принявши подарок, отдаривает конем, бычком или бараном, а лебедя сохраняет до какого-либо праздника:— тогда созывает гостей и угощает их лебединым мясом, как самым лакомым кушанием»²². Наконец, можно сослаться еще на Н. Катанова. По его словам, бельтиры считали грехом убить лебедя. Но и у них существовал обычай дарения лебедя: «В прежние времена,— говорится в записях Н. Катанова,— были такие обычаи: если застрелить лебедя и, взявши (его и) вина с собой, поехать в гости, давали лошадей; если застрелить кыскылака²³ и (взявши его с собой) поехать сватать, то давали дочь; если драхву (тодак) и, взявши (ее и) вина с собой, поехать, то давали, как жетса, теленка; если везти журавля, то давали стельку (для обуви)»²⁴. Таковы материалы по хакасскому обычаю дарить убитого лебедя в нашей этнографической литературе. Между прочим, обычай дарения лебедя в начале XIX в. был, видимо, настолько распространен у хакасов, что нашел отражение в судебном материале. Мы встретили упоминание о нем в одном из документов архива Степной думы соединенных и разнородных племен, именуемой еще Аскыской или Сагайской, как об обычае, входившем в кодекс обычного права. В связи с разбором одного дела 13 июня 1832 г. о покраже лошади один из ясачных Сагайского улуса (или рода) 2-й половины, именно Михаил Кулереков, дал следующее показание: «Жеребенок шерстью гнейдой, виноходный (иноходь.— Л. П.) действительно им, Кулерековым, тому Токоянову отдан, но не продан, а дан за привезенного ему, Токоянову, в подарок лебедя»²⁵.

Заинтересовавшись этим древним обычаем, я поставил задачу по возможности выяснить его и собрать о нем фактический материал во время поездок к хакасам в 1946—1952 гг. Однако мне уже нигде не удалось обнаружить бытования этого обычая, хотя память о нем у старшего поколения хакасов необычайно жива. Я неоднократно встречал лиц, которые раньше сами, по их выражению, возили или принимали «в гости» лебедя. По их рассказам я и получил возможность пополнить и уточнить сведения, имеющиеся о данном обычае в литературе. Попытаемся не только изложить, но и обобщить полевые материалы о дарении уби-

²⁰ M. Castren, Reiseberichte und Briefe, St. Petersburg, 1856, scy. 313.

²¹ Н. А. Костров, Очерки быта минусинских татар, «Труды четвертого археологического съезда в России», Казань, 1884, стр. 220.

²² Н. Попов, Поверья и некоторые обычаи качинских татар, «Изв. Русского географического общества», т. XX, СПб., 1884, стр. 650.

²³ Кыскылак — видимо, черный аист (*Ciconia nigri* L.).

²⁴ Н. Ф. Катанов, Отчет о поездке, совершенной в 1896 г. в Минусинский округ Енисейской губернии, Казань, 1897, стр. 59—60.

²⁵ Хакасский областной архив, ф. 2, оп. 1.

того лебеда, а точнее — об обычае возить его «в гости». Они собраны мной у различных групп хакасов, проживающих в различных районах Хакаской автономной области. Сагайцы Аскизского и Таштыпского районов повсеместно говорили о том, что, как думали раньше, человек, убивший лебеда, должен был навлечь на себя несчастье, и поэтому он немедленно шел дарить или «нес в гости» убитого лебеда к кому-либо из своих знакомых. Но если хакас убивал одновременно брачную пару лебедей, то в таком случае он будто бы мог и не соблюдать обычая. Почему так можно было поступать, никто нам объяснить не мог. Лебедей, встречающихся на территории Минусинской котловины, хакасы различали по видам, и в зависимости от этого определяли, что просить у хозяина, к которому несли в гости убитого лебеда. Если несли большого белого лебеда (видимо, взрослую птицу лебеда-кликун — *Cygnus L.*), то за него получали обязательно лошадь. У такого лебеда крылья в развернутом виде доставали от пола до дымового отверстия в крыше юрты. Если лебедь был меньшего размера и желтоватого цвета (возможно, тоже из породы кликунов, среди которых встречаются особи с желтоватой окраской перьев), то за такую птицу получали корову. Наконец, за маленького лебеда сероватого цвета (молодой лебедь-кликун имеет сероватую окраску) брали овцу. В соответствии с этим лебеда называли либо «лошадиным» (ат хуу), либо «коровьим» (инек хуу), либо «овечьим» (хой хуу). При этом «овечий» лебедь определялся еще по цвету ног — он был «кара азакты», т. е. черноногим, в то время как у «лошадиного» и «коровьего» лебедей ноги были белыми. Убитому лебеду, перед тем как нести его в гости, привязывали к шее ленту, платок или пояс, а в старину — мужскую рубашу. «Лошадиному» лебеду полагалось на шею надеть красную ленту, «коровьему» — белую, а «овечьему» — желтую.

Надев на лебеда соответствующую ленту, взяв с собой вина и что-нибудь из одежды (шапку, сапоги или рубашу), человек, убивший лебеда, завертывал его обычно в большой платок, брал подмышку (головой вперед) и входил в юрту или дом того хозяина, которому он решил преподнести убитую птицу. Он надевал на хозяина шапку или рубашу, угощал его вином и говорил: «Хуу төргине килдим» (Лебеда в гости принес) или «Төргин хуунын төргинин апарчам» (С просьбой принес лебеда в гости). После этого принесший передавал лебеда хозяину, распивал с последним вино и получал лошадь, корову или овцу, в зависимости от того, какой был принесен лебедь. Отказаться от приема лебеда нельзя было. Это допускалось обычаем только в том случае, если лебеда приносили к такому хозяину, который сам или его ближайшие предки (отец или дед) уже однажды получили убитого лебеда и отдали за него. Впрочем, старик Кобонг Боргояков (78 лет), сообщавший нам эти сведения²⁶, заметил, что на его памяти (т. е. в начале нашего столетия) были все же случаи отказа принять убитого лебеда. Но в таких случаях принесший его уходил от хозяина, держа лебеда подмышкой головой не вперед, а назад, что означало, как верили тогда, что на скупого хозяина насылались различные беды и несчастья.

Получивши лебеда и отдавши за него коня или корову, хозяин юрты спешил выкурить вина, привязывал к шее птицы новую ленту, завертывал в новый платок, взамен оставленных у себя, и торопился отнести лебеда к другому хозяину и также получал от него лошадь, корову или овцу. Передавали лебеда от хозяина к хозяину не более чем до семи раз, пока у лебеда не высыхали (солпарар) или не вытекали глаза, которые, впрочем, до истечения семидневного срока иногда замещали черными бусинками. Тот человек, который получил лебеда, но не мог уже дальше его передать, вследствие того, что птица начинала разлагаться, устраи-

²⁶ В 1946 г. Кобонг жил в верховьях р. Теи в селении Уут-алы. Он происходил из рода Кобый.

вал у себя хуу той (лебединый пир). Впрочем, праздник мог сделать любой хозяин, пожелавший оставить у себя подаренную птицу, но только начиная с третьего по счету. Хозяин, устраивавший хуу той, колол бычка или овцу, выкуривал вино и приглашал гостей, в том числе и человека, принесшего ему лебедя. Приглашенные приезжали с вином и обязательно с подарками (деньги, овцы и т. д.) и, таким образом, по существу в известной мере возмещали убыток хозяину, лишившемуся коня или коровы за оставленную у себя птицу. Во время пира хозяин брал лебедя и отрубал ему голову со словами: «Мин хуу пазы кисчем, паза мага, менинг палаларым хуу кирбезин» (Я отрубая голову лебедю, больше мне, к моим детям лебедь пусть не заходит). Лебедя варили, голову съедал хозяин, а его семья и гости съедали остальное мясо.

Таков, в основных чертах, был обычай дарить лебедя у сагайцев, как это нам удалось выяснить путем расспросов. Само собой разумеется, что мы не имели возможности восстановить по рассказам все детали и варианты этого обычая у сагайцев, конечно, в большинстве уже забытые. Так, по записям П. И. Каралькина видно, что за последнее время были отступления в части отдаривания за принесенного в гости убитого лебедя. П. И. Каралькин со слов очевидца, Кулунчака Кочелекова (68 лет) записал²⁷ следующий рассказ. Когда тот был маленьким, то один из русских крестьян села Иудино, принадлежавший к секте молокан, убил лебедя. Зная об обычае сагайцев, он принес его своему знакомому сагайцу Старке Чубукакову, и тот, приняв птицу, отдарил русского крестьянина трехлетним бычком. В свою очередь, Чубукаков понес лебедя Владимиру Кочелекову; чем его отдарил Кочелеков, рассказчик уже не помнит; Кочелеков отнес затем лебедя к Пахча Сазанакону и получил от последнего молодого жеребенка. Пахча оставил лебедя у себя и устроил хуу той. К нему собрались с подарками родственники и соседи, и лебедя сварили и съели.

Таким образом, здесь за одного и того же лебедя брали и бычка, и жеребенка. Про этот обычай у бельтир, составлявших ранее отдельную, хотя и смешанную по происхождению, группу хакасов, удалось собрать и такого рода сведения, которые ниже переданы в русском переводе записи, сделанной по-хакасски научным сотрудником Хакасского научно-исследовательского института²⁸: «По старинным поверьям хакасов, есть четыре разных лебедя: конь, корова, овца, человек. Если кто-нибудь застрелит «лошадиного» лебедя, то этот человек, завязав на шею лебедя ленточку из платка или из шелка, с вином и продуктами едет к кому-нибудь в гости его дарить. Застреленный лебедь здесь остается, а подарившему дают лошадь. Затем этому лебедю снова завязывают вторую ленточку и получают за него в дар лошадь. Так с лебедем ездили до трех дней, только последний хозяин мог съесть его. Если случалось застрелить «человеческого» лебедя (кызы хуузын атып алза), то за него получали девушку, за «овечьего» лебедя — овцу. Этот обычай бросили недавно». Приведенное краткое сообщение становится понятным в свете материалов, изложенных выше, и подтверждает наличие в прошлом у бельтиров развитого обычая дарить убитого лебедя.

Благодаря П. И. Каралькину, имеется возможность утверждать, что интересующий нас обычай некогда соблюдался также кизыльцами, значительная часть которых вошла в состав современных хакасов. У кизыльцев воспоминания о дарении убитого лебедя сохранились хуже, чем у сагайцев. Однако обычай у них был весьма сходен с сагайским, только здесь после того как лебедя оставлял у себя тот или иной хозяин, с шен лебедя

²⁷ Кулунчак Кочелеков принадлежал к сеоку Ак-Пельтир и жил тогда в улусе Красный ключ Аскизского района.

²⁸ Записано в селении Малый Монок Аскизского района У. Инкижековой от учителя Н. М. Ултургашева (1952).

снимали шкурку и высушивали ее. Получался мешочек (тулуп), в котором хранили деньги, считая, что это способствует тому, чтобы у хозяина водились деньги. Если кто получал убитого лебедя в подарок, тому обычно говорили: «У тебя теперь есть в чем деньги хранить»²⁹.

Нам не удалось собрать материалы по характеристике этого обычая только у койбалов. Собранный нами полевой материал, конечно, не может считаться исчерпывающим. Он отражает, вероятно, лишь фрагментарно различные стадии развития этого обычая, существовавшего у ряда племен и народностей Саяно-Алтайского нагорья, по нашему убеждению, с глубокой древности.

III

На основе совокупности фактов, характеризующих обычай дарения убитого лебедя у хакасов, мы хотели бы высказать некоторые соображения относительно происхождения его. В литературе по этому поводу имеется только одно замечание, принадлежащее Г. Н. Потанину, который пишет относительно этого обычая у качинцев: «Вначале убитый лебедь покупался теми людьми, которые считали себя его потомками, потом установилась норма уплаты за него, покупка обратилась в обязанность, и прежний торг получил вид обмена подарками»³⁰. Нельзя согласиться со столь упрощенным, правда высказанным мимоходом, объяснением весьма древнего и сложного обычая, существовавшего в условиях общего для всех запрета убивать лебедя. Поэтому попытаемся выделить и проанализировать основные черты обычая. Вряд ли можно сомневаться в том, что за последнее время, во всяком случае в XIX и начале XX в., лебедя убивали и несли к соседу или вообще к богатому человеку с единственной целью — получить за принесенного в гости лебедя лошадь или корову, так как обычай принятия в гости этой убитой птицы все еще носил обязательный характер. Как говорилось выше, хакасы принимали лебедя даже от русских крестьян. Однако сводить происхождение обычая к таким материальным расчетам было бы неправильно, так как этим не объяснить, например, почему несли в гости именно лебедя, а не какую-нибудь другую птицу или зверя. Неясно в таком случае, почему вообще нужно было отдавать принесенного лебедя лошадью или коровой и т. д.

Центральным звеном, раскрывающим смысл описанного обычая, является, конечно, дарение убитой птицы, что выражалось у хакасов формулой «Хуу төргинет парчам» (Лебедя несущи в гости). Выше уже указывалось, что у сагайцев принесший убитого лебедя говорил хозяину: «Хуу төргине кәлдим» (Лебедя в гости принес) или «Төргин хуунын төргинен апарчам» (Лебедя в гости принес с просьбой). Отправление лебедя в гости подчеркивалось и тем, что его символически «наряжали», т. е. привязывали к нему на шею новую рубашку (при этом мужскую), платок или простую ленту. Стало быть, нужно проанализировать прежде всего именно этот элемент обычая. Как мы указали, отправление лебедя в гости выражалось у хакасов термином «төргин». Термин этот очень интересен. Он имеет весьма специальное значение в тюркских и монгольских языках. Термин «төргин» означает не всякую поездку в гости, а только поездку в гости к родственникам по матери или к родственникам жены, причем поездку со своим вином и непременно с какой-либо просьбой, за получением какого-либо подарка. «Төргин» весьма древний монгольский и тюркский термин, возникший, возможно, еще во времена сложения тюркско-монгольской языковой общности, и отражает раннюю ступень в развитии родовых отношений. Термин этот возник, несомненно, в условиях господства материн-

²⁹ Записано П. И. Каралькиным от кизыльца С. П. Кадышева, принадлежавшего к сеоку Пуга и проживавшего в улусе Тарча Ширинского района.

³⁰ Г. Н. Потанин, Очерки Северо-западной Монголии, т. II, примечание 18 к главе 1-й.

ского рода. Б. Я. Владимирцов в свое время подчеркнул первоначальное значение этого термина у древних монголов. «Родственники по матери,— пишет он,— или родственники жены — это ведь было одно и то же, обозначались особым термином «törgüd», множественное число от törgün»³¹. Но такое же значение имел этот термин и у древних тюрков. Мы находим его (в форме түркүн или төркүн) у Махмуда Кашгарского (XI в.) в значении «место, где собирается племя», «отчий дом»³². Широко распространено это слово (төргин, төркүн, төргүн) у современных тюркоязычных народов с сохранением его древнего смыслового значения. Именно такое значение его сохранилось и в языке хакасов. У алтайцев и телеутов төркүн — төргүн означает поездку племянника в гости (с вином) за подарком к дяде по матери, а также поездку в гости замужней женщины к своим родителям. Правда, наряду с этим, в настоящее время у алтайцев словом «төргүн» называют уж всякую поездку в гости с вином, а не только к родственнику. В. Радлов отметил этот термин у казахов в значении «родители и все родственники жены», «дом отца жены», а у телеутов он записал слово «төркүла» в значении: отправляться к родственникам жены с вином или другими подарками, с целью выпросить себе чего-нибудь (денег, скотины, пчел и т. д.)³³.

Таким образом, выясняется, что семантика термина төргүн — төргин отражает ранний период в истории развития тюркских и монгольских племен (в том числе и тюркоязычных племен Саяно-Алтайского нагорья), а именно эпоху господства материнского рода. Характерной особенностью этой эпохи, что хорошо известно, было широкое распространение кузенного брака. У алтайских племен, в частности, как это уже доказано, ортодоксальной формой брака в древности был брак на дочери дяди по матери³⁴. В таких условиях поездка к дяде по матери просто в гости или с какой-либо просьбой являлась в то же время поездкой к отцу будущей или уже имеющейся жены, т. е. поездкой к родственникам не только матери, но и к родственникам жены. Вот почему у алтайских племен в древности термин төргүн — төргин обозначал одновременно поездку в гости к родственникам матери и к родственникам жены, сохраняясь в таком значении до нашего столетия.

Это дает основание заключить, что и у далеких тюркоязычных предков хакасов обязательной нормой брака был брак на дочери дяди по матери, которого хакасы, как и алтайцы, кстати сказать, также именуют древним термином «тай», известным еще по древнетюркским руническим надписям. Следовательно, мы вправе предположить, что обычай возить убитого лебедя в гости носил у хакасов название «төргин» потому, что этот обычай возник в ту древнюю эпоху, когда лебедя возили к родственникам по матери, являющимся одновременно и родственниками по жене. Кроме анализа семантики термина «төргин», в обоснование такого предположения мы хотели бы сослаться на телеутский обычай привозить убитого лебедя именно к дяде по матери, причем племянник вешал шкуру убитого лебедя в передний угол (төр), куда вешают изображения покровителей рода. Так поступали, несомненно, потому, что лебедь считался покровителем, а в прошлом, конечно, тотемом если не всего племени, то некоторых телеутских родов. Приняв лебедя, дядя по матери выполнял просьбу племянника и никуда не передавал лебедя дальше. Ссылка на телеутский материал для выяснения происхождения обычая дарить лебедя у хакасов является, по нашему мнению, вполне допустимой, ибо у хакасов и телеу-

³¹ Б. Я. Владимирцов, *Общественный строй монголов*, Л., 1934, стр. 48, см. также стр. 59.

³² См. об этом у А. Н. Кононова в статье «Опыт анализа термина түрк», «Сов. этнография», 1949, № 1, стр. 44.

³³ В. Радлов, *Опыт словаря тюркских наречий*, т. III, СПб., 1905, стр. 256—257.

³⁴ Н. П. Дыренкова, *Пережитки материнского рода у алтайских тюрков*, «Сов. этнография», 1937, № 4.

тов часть далеких тюркоязычных предков была общей, а в XIV—XVII вв. те и другие кочевали по соседству, и между ними существовали экономические, культурные и бытовые связи. У хакасов, если опираться на материал, отмеченный в литературе, и на наши полевые записи, наиболее древний элемент рассматриваемого обычая — возить лебедя в гости к дяде по матери, вероятно, исчез. Здесь лебедя несли в гости вовсе не к родственнику, а к любому человеку. Однако сомневаться в существовании в прошлом такого обычая у хакасов едва ли возможно, так как об этом свидетельствует само название *тöргин*, которым в древности обозначали церемонию отправления в гости убитого лебедя к родственникам по матери.

В связи с изложенным мы хотели бы выдвинуть следующую гипотезу для объяснения происхождения и эволюции обычая дарить убитого лебедя у хакасов. В основе его лежат древние тотемистические представления некоторых племен Саяно-Алтайского нагорья, со временем забытые. Что лебедь был когда-то тотемом, можно судить по сюжету легенды древних алтайских тюрков, в частности северных, зафиксированной китайской летописной хроникой, о чем мы говорили выше. Тотемистический характер представлений о лебедь и их связь с материнским родом выступают у современных селькупов и кетов, у бурят, якутов, т. е. у ряда племен и народностей, связанных с проживанием в прошлом или настоящем на Саяно-Алтайском нагорье. Фактический материал по этому вопросу мы изложили выше.

Мы находим, что первоначально лебедя возили в гости с единственной целью — получить в жены дочь дяди по матери, так как женитьба на дочери дяди по матери была в то время обязательной формой брака. Лебедь выступал здесь как тотем, как старший предок, покровитель рода и охранитель традиций. При этом весьма вероятно, что лебедя специально убивали для поездки за невестой. Никаких дарений за привезенного лебедя, ни передачи лебедя другому лицу первоначально, как мы полагаем, не было. В пользу нашей гипотезы говорит ряд пережитков, сохранившихся до нашего столетия у некоторых племен и народностей Саяно-Алтайского нагорья. Прежде всего, разве не является таким пережитком телеутский обычай везти лебедя именно к дяде по матери? Мы твердо знаем, что у телеутов существовал в прошлом односторонний кузенный брак, согласно которому племянник обязан был жениться на дочери дяди по матери. Эта форма брака постепенно исчезла, но убитого лебедя племянник по традиции вез к дяде по матери, а тот давал племяннику уже не дочь, а хорошую лошадь или что-нибудь другое. Такова уж сила традиции, хотя в рамках ее произошли некоторые изменения, соответствующие реальным условиям жизни. Однако такого рода пережитки первоначальной формы обычая сохранились и у самих хакасов. Мы видим их в преданиях и рассказах о том, что за привезенного лебедя определенного вида нужно было отдавать девушку, вследствие чего такой лебедь назывался «кыс хуу», т. е. «девичьим» лебедем. Стало быть, воспоминания о том, что за лебедя отдавали девушку, еще не исчезли из народной памяти хакасов. Но это могло быть в свое время только потому, что и у хакасов упомянутый выше вид кузенного брака был обязательным, закрепленным в их тотемистических представлениях. Характерно, что во всех рассказах, в которых говорится о «девичьем» лебедь, не упоминается о том, что, отдав девушку, этого лебедя передавали дальше на тех же условиях. Наконец, у тувинцев также сохранилась память о том, что, когда привозили в гости лебедя с целью посватать девушку, отказа не было. Разве в этом нельзя видеть пережиток того же самого обычая, о котором мы только что говорили, ссылаясь на телеутов и хакасов? Само собой разумеется, что обычай привозить лебедя в гости возник у древнего тюркоязычного населения Саяно-Алтайского нагорья не как универсальный. Он бытовал только у тех родов или племен, у которых лебедь был тотемом.

Существование этого обычая в его первоначальной форме нужно,

видимо, рассматривать как конкретный вид проявления тотемизма, возникший в эпоху господства материнского рода в условиях одностороннего кузенного брака. У нас имеются основания предположить, что лебединый той устраивали в древности также в доме дяди по матери, когда племянник приезжал за принадлежавшей ему по нормам брачного права девушкой. За это говорит тот общеизвестный факт, что большинство пиров, устраиваемых в процессе свадебного обряда у народностей Саяно-Алтая, вплоть до недавнего времени происходило в доме родителей невесты³⁵. Это значит, что лебединый пир, освящающий древнюю брачную традицию, с присутствием, даже с поеданием тотема, происходил первоначально в доме дяди по матери. Если исходить из дошедшего до нас хакасского материала, то в этой связи следовало бы обратить внимание на то, что голову лебедя съедал хозяин дома, к которому приносили лебедя в гости. В этом также можно видеть пережиток обычая предоставлять при родовых пиршествах голову поедаемого животного (или птицы) дяде по матери, что зафиксировано в этнографической литературе.

Конечно, предлагаемая нами гипотеза для объяснения происхождения обычая дарить или, точнее, привозить в гости убитого лебедя у хакасов не может быть подтверждена во всех ее частях фактами, взятыми из жизни хакасов. Это вполне естественно, ибо древний обычай дошел до нашего времени в весьма измененном, по сравнению с первоначальным, виде. В нем накопились и отразились различные позднейшие изменения. У хакасов уже давно исчез односторонний кузенный брак, предписывающий женитьбу на дочери дяди по матери. Хотя, как мы убеждены, даже при исчезновении этой формы брака племянник, убивший лебедя, был обязан по традиции везти лебедя в гости к дяде по матери и тот отдаивал его лошастью, коровой и т. д. Дядя должен был как бы откупаться от племянника за свою дочь. Следует еще раз подчеркнуть, что вначале обычай привозить лебедя в гости практиковался у предков хакасов, как можно предполагать, только у тех родов и племен, у которых лебедь был тотемом. Но затем, при смешении родов и племен Саяно-Алтайского нагорья, происходившем под влиянием самых различных причин, о которых здесь нет возможности говорить, обычай возить лебедя в гости распространился у хакасов довольно широко и вышел из обязательных рамок близкого родства. Объяснить это явление в отношении хакасов можно между прочим и тем обстоятельством, что в их состав влились кетский и самодийские (родственные селькупским) этнические элементы. Это представляло благоприятную почву для распространения интересующего нас обычая, ибо в тотемистических представлениях кетских и самодийских родоплеменных групп лебедь также занимал видное место. Однако у хакасов обычай, как уже отмечалось выше, претерпел некоторые изменения по сравнению с тем, каким он был в его ранней форме. Цель различных нововведений, как нам кажется, состояла в том, чтобы обеспечить соблюдение древней традиции в новых экономических условиях (в условиях индивидуального хозяйства и частной собственности) таким образом, чтобы это не было экономически слишком обременительным. Именно так можно объяснить тот факт, что принесенного в гости лебедя тотчас же отправляли в гости еще к какому-либо домохозяину и компенсировали отданную в дар за лебедя свою лошадь получением за него другой. Однако, как уже подчеркивалось, возить лебедя в гости от хозяина к хозяину можно было только до тех пор, пока у птицы не обнаруживались признаки разложения. При таком обыкновении всегда оказывался домохозяин, который, приняв лебедя и отдав за него лошадь, должен был оставить его у себя. Этот домохо-

³⁵ В. Вербцкий, Алтайские инородцы, Казань, 1893, стр. 85; Н. П. Дыренкова, Пережитки материнского рода у алтайских тюрков, стр. 33.

зьяин обычно и устраивал лебединый той, на который к нему съезжались родные, соседи, знакомые и т. п. Традиция устройства такого праздника с коллективным поеданием мяса лебедя, возникшим, по нашему предположению, как тотемическая трапеза, совершавшаяся в эпоху материнского рода в доме дяди по матери, теперь стала использоваться в интересах хозяина, устраивающего той. Съезжающиеся к нему на празднество должны были везти различные подарки, которые нельзя рассматривать иначе, как компенсацию хозяину, поплатившемуся лошадью за принятого лебедя.

В этой связи мы хотели бы обратить внимание на тот момент лебединого праздника, когда хозяин, отрубая голову лебедю, произносил вслух: «Больше ко мне и к моим детям лебедь пусть не заходит». В этой формуле хорошо отражено то обстоятельство, что обычай этот уже находился в последнее время в стадии его изживания. Кроме того, обязанность принять лебедя в гости и отдарить за него принесшего лошадью, коровой и т. п. была сведена постепенно к минимуму: хакас должен был принять в гости лебедя только один раз, и то если этого не приходилось делать его отцу или деду. Напомним, что местами у хакасов и в таком виде данный обычай уже полностью исчез еще в начале XX в. и память о нем можно обнаружить только в преданиях.

Итак, наша гипотеза сводится к тому, что существовавший еще недавно хакаский обычай привозить убитого лебедя в гости имеет весьма древнее происхождение, возникшее в эпоху материнского рода на почве специфической формы кузенного брака и тотемистических представлений далеких исторических предков современных хакасов и алтайцев. Он дошел до нас уже в весьма измененном виде, выработавшемся в новых бытовых и экономических условиях и в результате смещения древних тюркских, самодийских и кетских тотемистических представлений, происходившего в процессе сложной этнической истории народностей Саяно-Алтайского нагорья.

Ю. М. ЛИХТЕНБЕРГ

К ВОПРОСУ О ТАК НАЗЫВАЕМЫХ АНОМАЛЬНЫХ ФОРМАХ БРАКА

После выхода в свет трудов Моргана вопрос о системах родства привлёк к себе пристальное внимание этнографов. Изучение систем родства классификаторского типа помогло установить многие черты ранних форм брака и семьи. Но в ряде случаев это изучение велось в отрыве от конкретной жизни народов и выводы делались исключительно на основании анализа отдельных терминов родства. Именно такого рода изучение привело к заключению о якобы существовавших в прошлом аномальных формах брака, т. е. таких формах, при которых браки заключаются обязательно между лицами разных поколений.

Правильное положение Моргана о том, что системы родства отражают те формы брака, которыми они порождены, Риверс¹ довёл до абсурда только потому, что не понял группового характера некоторых терминов. Он искал объяснение современного значения этих терминов в формах брака первобытного общества. Это заставило его придумывать несуществующие и невероятные как в настоящее время, так и в отдалённом прошлом формы брака.

Американский этнограф Гиффорд если не исключительно, то в значительной степени приписывает происхождение групповых терминов сложным и случайным формам брака. Гиффорд считает, что «обычай брака и терминология мивок, по-видимому, подтверждают мысль Риверса»². Но у индейцев мивок счёт родства ведётся по отцовской линии. Поэтому для терминов, происхождение которых Риверс объясняет браком с женой брата матери³, Гиффорду, стремившемуся во что бы то ни стало доказать полное соответствие терминологии и форм брачных отношений, пришлось придумывать новые формы брака, так как по отцовскому счёту родства жена брата матери и сын сестры мужа являются членами одной «половины» и брак между ними запрещён. Для объяснения терминов родства у мивок Гиффорд вводит как постулат браки с дочерью брата жены, с сестрой отца жены и другие, может быть, и встречающиеся случайно у мивок, но редкие и отнюдь не узаконенные формы брака.

Положения Риверса и Гиффорда об этих так называемых аномальных формах брака в западноевропейской и американской этнографии не оспаривались и по существу сомнению не подвергались. Исследователи скорее стремились подкрепить своими материалами эти положения, чем оспаривать их (см. ниже о Радклифф-Брауне).

В 1927 г. молодым английским этнографом А. Б. Диконом была открыта на о-ве Амбриме система родства, соответствующая шести брач-

¹ W. H. Rivers, *The History of Melanesian Society*, т. I, Cambridge, 1914, стр. 202.

² E. W. Gifford, *Miwok Moieties*, «*American Archaeology and Ethnology*», т. 12, 1910, № 4, стр. 188.

³ Речь идёт об одновременном брачном сожителстве племянника и дяди — брата его матери (оба они члены одного материнского рода) или о наследовании племянником жены его умершего дяди (брата матери).

ным классам. Местом его более длительной исследовательской работы был большой соседний остров Малекула. На Амбрим Дикон прибыл со специальной целью найти в существующих на этом острове формах брака разрешение затронутого еще Риверсом вопроса о связи меланезийских форм брака с австралийскими брачными классами. Риверс считал, что хотя меланезийские формы брака нельзя непосредственно связать с австралийской системой брачных классов, так как брак с женой брата матери немалым при существовании брачных классов, подобных австралийским, тем не менее между меланезийскими формами брака и брачными классами существует поразительное сходство, заставляющее предполагать в основе их общую природу.

В свое время это открытие А. Дикона вызвало большой интерес у этнографов. Во-первых, оно показало, что брачные классы присущи не исключительно австралийскому обществу, а имеются и у меланезийцев; во-вторых, что «аномальные формы брака», установленные Риверсом для Меланезии, а Радклифф-Брауном для Австралии на основании терминов родства и толкования этнографами некоторых брачных обычаев, нашли свои аналогии на Амбриме. Наконец, необычайным было и само наличие шести брачных классов. До этого в Австралии знали системы с двумя, четырьмя или восемью брачными классами. Отсюда появился вопрос, не является ли амбримская система с шестью классами переходной от четырехклассовой к восьмиклассовой австралийской системе. Радклифф-Браун, правда, придерживался взгляда, что австралийские и амбримская системы не возникли одна из другой, но обе они происходят от одной из тех сходных с ними систем, которые, как известно, существуют как в части Меланезии, так и в Индии⁴. Так приняли это открытие этнографы.

Дикон был, пожалуй, первым, кто сомневался в правильности взгляда Риверса на «аномальные» формы брака в Меланезии. Он считал, что общий термин для лиц чередующихся поколений и брак с женщиной, которую называли женой отца отца, можно объяснить только наличием брачных классов, при которых мужчина и отец его отца берут жен из одного по наименованию класса. Он идет еще дальше и утверждает, что если брак с классификаторской (т. е. возможной по классификаторской системе родства) женой отца отца якобы практиковался до такой степени, что «породил» определенную систему родства, то такая форма брака могла только сопровождать или, скорее, быть функцией определенной системы брачных классов. Однако и Дикон не дошел не только до отрицания «аномальных форм брака», но и до четкого объяснения причин появления «аномальных форм» терминологии родства. Прошло 30 лет. За это время изучение систем родства ушло намного вперед. Советские этнографы, основываясь на принципах, выраженных в открытой Л. Я. Штернбергом гиляцкой системе родства⁵, различают индивидуальные и групповые термины родства. Когда одним термином родства называют лиц разных поколений, то эту особенность не объясняют аномальными формами брака, как это делали Колер, Ривер, Радклифф-Браун, Гиффорд и др., а видят в этом факте подтверждение наличия брачных классов и групповое значение термина.

Что касается брачных классов, которые некогда считались исключительно австралийским явлением, то, по сообщению Д. А. Ольдерогге, он обнаружил их наличие у африканских племен, а Барбара Руэман⁶ на основании анализа систем родства нашла их следы у народов Бирмы. Я со своей стороны добавила бы, что брачные классы так же широко распространены, как и порожденная ими турано-ганованская система родства.

⁴ A. R. Radcliff-Brown, The Regulation of Marriage in Ambrym, «The Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland», т. LVII, 1927, стр. 348.

⁵ Л. Я. Штернберг, Семья и род у народов Северо-Восточной Азии, Л., 1933.

⁶ Barbara Ruheman, The Relationship terms of some hill tribes of Burma and Assam, «Southwestern Journal of Anthropology», т. 4, 1948, № 2.

Что касается шести брачных классов на Амбриме, то в своей кандидатской диссертации в 1946 г. я высказала предположение, что, возможно, происхождение шести классов следует объяснить исчезновением двух классов из системы восьми классов, оговорив, однако, что вопрос этот требует дальнейшего изучения⁷.

С того времени прошло уже 13 лет. За это время, в связи с отмеченными достижениями советской и мировой этнографии, вопрос об амбримской системе потерял свою остроту и был забыт. Вновь воскрес он с появлением небольшой статьи Р. и Б. Лейн⁸ в «Southwestern Journal of Anthropology». Из примечания к статье мы узнаем, что авторы в 1953—1954 гг. провели полевые этнографические работы на о-ве Рага и изучили там двойную систему родства, «подобную существующей на о-ве Амбриме» непосредственно к югу от о-ва Рага. На основании результатов своей полевой работы (материалы их еще не опубликованы) и изучения литературных источников авторы считают возможным пересмотреть существующие толкования системы родства на о-ве Амбрим. К сожалению, авторы в своей статье совершенно не приводят нового материала, а лишь, пользуясь схемой Лейярда и другими, стараются показать, что из всех заключенных на о-ве Амбриме браков всего одну треть составляют «аномальные» браки.

Так как классические австралийские четырех- и восьмиклассовые системы тесно связаны с определенными формами брака между родственниками (между детьми брата и сестры и между детьми детей брата и сестры, т. е. с дочерью брата матери и с дочерью дочери брата матери матери), то Дикон, открыв брачные классы на Амбриме, стал искать предпочитаемые формы брака и нашел, что там браки были, как правило, аномальны, т. е. заключались между лицами на одно поколение старше или на одно поколение младше себя, а именно: с дочерью дочери брата матери или с дочерью брата матери матери. Радклифф-Браун и Бренда Селигман на основании преобладания обменных браков показали, что на Амбриме мужчине разрешалось вступить в брак с женщиной, находящейся с ним в одной из следующих категорий родства:

- 1) с дочерью дочери брата матери,
- 2) с дочерью дочери сестры отца,
- 3) с дочерью брата матери матери,
- 4) с дочерью сестры отца матери,
- 5) с дочерью сына сестры отца отца,
- 6) с дочерью сына брата матери отца,
- 7) с сестрой матери отца.

Так как браки — обменные, то некоторые категории родства данной женщины по отношению к данному мужчине совпадают (как, например, 1—2, 3—4, 5—6). Если обратиться к схеме, то можно видеть, что все четыре женщины, с которыми возможны браки, — лица одной линии, или «вуора», и одного «бвелема»⁹, а также одного с мужчиной поколения или на два поколения старше или младше его. В результате обмена получается, что если мужчина женится на женщине на поколение или два младше себя, то брат его жены, женившись на его сестре, женится на женщине на одно или два поколения старше себя.

Пользуясь схемой Лейярда, Роберт и Барбара Лейн показывают, что из всех браков, заключенных мужчинами в одном поколении, одна треть заключается между лицами разных поколений и две трети между лицами одного поколения.

⁷ Ю. М. Лихтенберг, Система родства на острове Рага и вопрос о геронтократии в Меланезии (кандидатская диссертация, М., 1946; рукопись хранится в архиве Ин-та этнографии АН СССР).

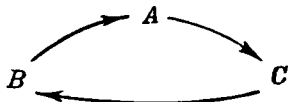
⁸ Robert and Barbara Lane. A Reinterpretation of the «Anomales» Six-Section Marriage System of Ambrym, New Hebrides, «Southwestern Journal of Anthropology», т. 12, 1956, № 4.

⁹ См. ниже.

Следует сказать, что авторы не правы, когда пишут, что Дикон не упоминал о наличии родов (sibs) на Амбриме, хотя Таттевен¹⁰ уже установил их присутствие на северном и восточном побережьях Амбрима. Позже Гиар¹¹ отрицал их наличие, но Роберт и Барбара Лейн снова подтверждают, что на северном побережье Амбрима существует организация, состоящая из трех отцовских родов (sibs), каждый из которых делится на две матрилинейные половины (таким образом, общество делится на шесть групп).

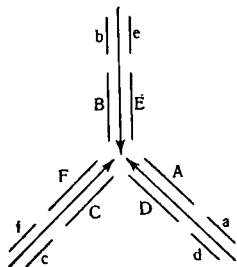
Посмотрим, что же пишет Дикон. «Население делится на три племени (tribes), называемые «бвелем» в Балапе (на юго-западе Амбрима) и «бвулим» в Раноне (на севере Амбрима). Счет родства в бвелеме патрилинейный. Каждый бвелем делится на две половины, или «линии». В Раноне эти линии называются «вуор», или «верачей». Все общество, кроме того, делится на две матрилинейные половины — «бататун». Таким образом, каждая бататун состоит из трех вуоров, по одному из каждого бвулима»¹². Следовательно, разница между тремя делениями у Лейн и у Дикона только в том, что Лейн каждое деление называют родом (sib), а Дикон — племенем (tribe). Дикон, конечно, неудачно назвал эти деления племенем, так как они экзогамны, а племя не экзогамно, но в остальном бвулим, или бвелем, у Дикона не что иное, как патрилинейный «sib», или «clan», т. е. род. Как совершались браки, т. е. какие существовали между членами этих бвулимов брачные правила, лучше всего проследить на схемах, начерченных самим жителем о-ва Амбрим и приведенных в статье Дикона. Информатор разложил три камешка — А, В, С — следующим образом:

С х е м а 1 (воспроизведена по Дикону)

Каждый камень представлял один бвулим. Женщина из бвулима А выходит замуж в бвулим С. Ее дочь, женщина С, выходит замуж в бвулим В, а дочь ее, женщина В — в бвулим А, т. е. возвращается в бвулим бабушки. Тем самым круг начинается с начала. Но более наглядна для суждения о брачных правилах на Амбриме другая схема, также данная местным информатором и воспроизводимая по Дикону.

С х е м а 2

¹⁰ E. A. Tattevin, Sur les bords de la mer Sauvage. Notes ethnologiques sur la tribu des Pornowol, «Revue d'Histoire des Missions», Paris, 1926—1927, стр. 388, 525; Его же, Organisation sociale du sud de l'Île Pentecôte, «Anthropos», т. 23, 1928, стр. 460—461.

¹¹ J. Guiart, Société, rituels et mythes du Nord Ambrym, «Journal de la Société des Océanistes», т. 7, № 7, 1951, стр. 31—33.

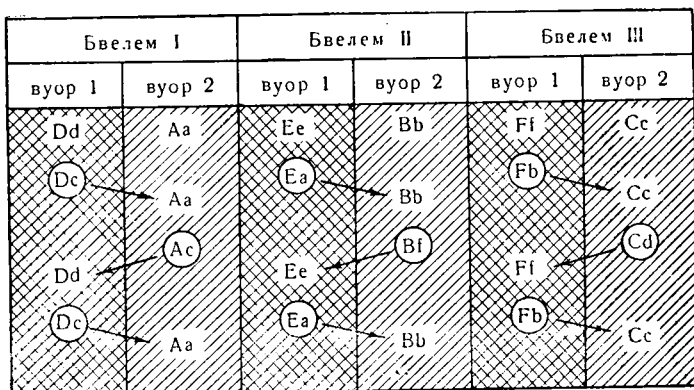
¹² A. B. Deacon, The Regulation of Marriage in Ambrym, «The Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland», т. LVIII, 1927, стр. 332—335.

На этой схеме стрелки показывают три бвелема, каждый из которых состоит из двух «линий» (вуор). Длинные черты — *D*, *E*, *F* — представляют мужчин, которые все женаты и имеют детей — сына и дочь, причем дети являются членами другой линии, или вуора, в бвелеме отца. Так, мужчина *D* женится на женщине *c*, их дети будут *Aa*, т. е. они переходят в другую линию бвелема отца. Мужчина *E* женится на *a*, их дети — *Bb*; мужчина *F* женится на женщине *b* — их дети *Cc*. Но неженатыми при этом остались мужчины *A*, *B* и *C* и женщины *d*, *e* и *f*. По обычаю обменного брака, эти мужчины женятся на сестрах мужей своих сестер. Мы видим, что эта система полностью обеспечивает мужьями и женами всех членов трех бвелемов. Если теперь проследить по этой схеме по поколениям, кто на ком женился, то мы увидим, что лицами одного поколения являются мужчины и женщины *D*, *E*, *F*, но мужчина *D* берет себе жену из линии *Cc*, а *Cc* является линией детей *F*. Таким образом, *D* женится на женщине на одно поколение младше себя. В порядке обменного брака мужчина *C* женится на женщине *d*, которая принадлежит к одному поколению с его отцом. Такие же браки заключаются между членами линии *Ee* и *Aa*, *Bb* и *Ff*; здесь, если считать только по мужской линии, то разница между мужем и женой всего на одно поколение, а если по женской линии, то разница получается больше. Так было бы, если вести счет поколениям от Адама; однако никаких данных о том, что на Амбриме велся счет поколениям, у нас нет. Дикон об этом не упоминает. Напротив, мы знаем, что брали жен из определенной линии и бвелема. Женщины этой линии считались между собой сестрами, и мужчина называл их одним и тем же термином родства, независимо от поколения или возраста. А это говорит о том, что на Амбриме браки регулируются только брачными классами (а внутри классов, естественно, возрастом).

Для большей наглядности перенесем эту форму брака на обычную схему. В таком случае прописными буквами обозначаются мужчины, а строчными — женщины. Так, *Aa* — брат (*A*) и сестра (*a*). Кружком обведена брачная пара, а стрелка показывает группу детей: например, в кружке *Dc*: *D* — муж, *c* — жена, а их дети — *Aa* (сын — *A*, дочь — *a*). Принадлежность к материнским «половинам» — бататун показана штриховкой: *d*, *e*, *f* — в клетку, *a*, *b*, *c* — косой.

Схема 3

Брачные связи на севере о-ва Амбрим

Что касается необычного числа брачных классов — шести, то Лейярд¹³ на основе изучения общественной организации жителей о-ва Bao, где он

¹³ John Layard, Stone man of Malekula, The Small Island of Vao, London, 1942, стр. 138.

также открыл шестиклассовую систему, состоящую из трех матрилинейных и двух патрилинейных групп, пришел к выводу, что на этом острове шестиклассовая система возникла в четырехклассовом обществе от деления одной матрилинейной группы на две половины, а наличие трех патрилинейных групп и двух матрилинейных половин на Амбриме, по его мнению, является результатом деления одной патрилинейной группы в четырехклассовом обществе.

Но мне кажется, что возможно иное решение вопроса. Допустим, что первоначальных групп было восемь, как в классической австралийской системе. Схема 4 показывает такую восьмиклассовую систему при сохранении амбримских брачных обычаев и счета родства. Схема отражает брак с дочерью дочери брата матери матери, при котором, если эта форма брака повторяется из поколения в поколение, все родственники при двойном счете родства делятся на восемь групп. Если употребить амбримские термины, то перед нами четыре бвелема, или бвулима, или восемь вуор из двух бататун, т. е. матрилинейных половин. Отметим бататуны штриховкой. Бвелемы назовем буквами первого вуора в каждом бвелеме: *Dd*, *Ee*, *Ff*, *Hh*.

Схема 4
Восьмиклассовая система

Бвелем I		Бвелем II		Бвелем III		Бвелем IV	
вуор 1	вуор 2	вуор 1	вуор 2	вуор 1	вуор 2	вуор 1	вуор 2
Dd	Aa	Ee	Bb	Ff	Cc	Hh	Gg
(Dc)	Aa	Ee	(Bh)	Ff	(Cd)	(Hb)	Gg
Dd	(Ac)	(Ea)	Bb	(Fg)	Cc	Hh	(Gf)
(Dc)	Aa	Ee	(Bh)	Ff	(Cd)	(Hb)	Gg

Схема 5
Шестиклассовая система

Бвелем I		Бвелем II		Бвелем III		Бвелем IV	
вуор 1	вуор 2	вуор 1	вуор 2	вуор 1	вуор 2	вуор 1	вуор 2
Dd	Aa	Ee	Bb	Ff	Cc		
(Dc)	Aa	Ee	(Bf)	Ff	(Cd)		
Dd	(Ac)	(Ea)	Bb	(Fb)	Cc		
(Dc)	Aa	Ee	(Bf)	Ff	(Cd)		

Допустим, что вымерли все члены бвелема *Hh*. Нарушились обычные брачные связи между группами. Без жен остались мужчины 2-го вуора бвелема *Ee* и 1-го вуора бвелема *Ff* (оба из разных бататун). Но без

мужей остались и женщины этих же вуоров или бвелемов. Поэтому без нарушения экзогамии половин и принципа обменного брака сестрами обмениваются мужчина *B* из 2-го вуора бвелема *Ee* с мужчиной *F* из 1-го вуора бвелема *Ff*.

Нарушается только правило обязательного брака между лицами определенной категории родства, остается обязательство брать жену из определенного вуора, в котором все женщины считаются между собою сестрами, несмотря на разницу в возрасте и в поколениях. И надо думать, что каждый подберет себе жену по своему возрасту, несмотря на то, что, если вести счет родства по отцовской линии, то женщина правильного брачного класса является, по классификационной системе, или матерью отца, или дочерью сына брата матери отца, т. е. принадлежит к поколению бабушки или к одному поколению с женщиной.

В заключение, в связи с тем, что амбримская система родства еще фигурирует в зарубежной этнографической литературе как особая форма шестиклассовой системы и в качестве подтверждения «аномальных форм брака», хочется еще раз подчеркнуть следующее.

1. Существование «аномальных форм брака» ни в Австралии, ни в Меланезии не доказано. Некоторые этнографы, исходя из европейских понятий и неправильно истолковав системы родства и брачные правила, пришли к неправильным выводам. Меланезийцы, как и европейцы, не придерживаются без надобности такого противоестественного правила, по которому молодые люди обязаны жениться на старухах, предоставляя старикам жениться на молодых девушках. Такие браки, если и существуют, то только в виде исключения, и, конечно, никакого следа в системе родства не оставляют.

2. Кроме классических типов четырех и восьми брачных классов существуют еще другие — с парным или непарным числом классов (3, 5, 6, 7 и др.). Иногда это обусловлено особой формой брака, при которой число звеньев не имеет значения (кроме того, что групп не может быть меньше трех). Примеры: 3 группы (гиляцкий тип), 5 групп в Бирме, 7 у мургин (Северная Австралия), 6 на о-ве Рага. Современное число брачных классов может быть первоначальным, но может быть также следствием изменения, происшедшего в результате исчезновения одной или нескольких групп. Сюда, судя по системе родства, могут быть отнесены системы мургин (Северная Австралия), унгариньин (Западная Австралия) и амбримская. Поэтому число классов не свидетельствует о том, что одна система развилась из другой: каждая из них независимо от других проделала свой собственный путь развития.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

А. П. ОКЛАДНИКОВ

ДРЕВНИЕ АМУРСКИЕ ПЕТРОГЛИФЫ И СОВРЕМЕННАЯ ОРНАМЕНТИКА НАРОДОВ ПРИАМУРЬЯ

Около шестидесяти лет назад, в 1902 г., автор первой и пока единственной в мировой литературе обобщающей монографии об искусстве амурских народов, выдающийся синолог и исследователь культур Дальнего Востока Бертольд Лауфер писал, что «история декоративного искусства амурских племен остается окутанной тайной, так как нет письменных документов, которые могли бы дать какие-либо сведения об этом». Сравнивая художественный материал его собственной коллекции и сборы Л. Шренка, сделанные на полвека раньше, Лауфер писал далее, что «формы в этой сфере остаются неизменными, несмотря на культурные влияния и политические перемены, которые Амур переживал за это время, ибо туземное искусство чисто и неизменно, несмотря на контакт с русскими». Отсюда видно, делал он заключительный вывод, что старые «художественные концепции имеют глубокие корни в сердце народа и обладают высокой ценой в интеллектуальном мире» амурских племен¹.

Такая устойчивость искусства амурских племен и его глубокие корни в эстетическом сознании народа, казалось бы, давали право искать в нем какое-то определенное самобытное ядро и свое, местное начало на собственной амурской почве.

Однако в дальнейшем изложении Лауфер развивает взгляды, которые существенным образом изменяют этот общий вывод. Взгляды эти относятся к проблеме происхождения искусства амурских племен, к его истокам. Лауфер приходит здесь к выводу, что богатое и сложное орнаментальное искусство амурских племен не было создано ими самими, а было в основе заимствовано извне.

Обнаружив в искусстве амурских племен ряд бесспорно китайских по происхождению элементов, он писал, что его «формы и концепции насыщены китайским духом» и что их основа находится «несомненно в Китае». В незапамятные времена амурские племена в процессе контакта с китайцами усвоили элементы китайского искусства, сначала как простую дань моде, но затем развивали их самостоятельно и независимо. Что касается более точного определения времени этого контакта и первоначального заимствования элементов китайского искусства, то Лауфер полагает, что оно совпадает с усвоением китайской письменности ранее бесписьменными амурскими племенами. Бедные по культуре, они одновременно почувствовали потребность и в более развитом орнаменте, который и был

¹ B. Laufer, The Decorative Art of the Amur Tribes, «Memoirs of the American Museum of Natural History», т. VII, 1902, стр. 2.

взяты у тех же китайцев. Так как, по его словам, первая туземная письменность возникает на Амуре в эпоху чжурчженьского государства, то, очевидно, тогда же проникают сюда и элементы китайского искусства, китайской орнаментики, которые затем проходят свой путь развития на амурской почве².

Взгляды Б. Лауфера интересны, конечно, прежде всего, как первая и широкая попытка исторически осмыслить искусство амурских народов, определить его своеобразие и выяснить его происхождение. Однако в настоящее время мы располагаем новыми фактическими данными, которых не хватало в то время и которые позволяют значительно шире, по-новому, поставить проблему происхождения искусства амурских племен. Это — данные археологические, позволяющие значительно глубже заглянуть в прошлое амурских народностей, в историю их искусства.

Как мне уже приходилось не раз отмечать, древнейшие из известных в настоящее время образцов амурского искусства, обнаруженные в поселениях неолитического времени, имеют поразительное общее сходство с современной орнаментикой нивхов (гиляков), нанайцев и ульчей³. На черепках и на целых глиняных сосудах, извлеченных из неолитических землянок в нижнем течении Амура, от Хабаровска и ниже — вплоть до океана, а также в долине Уссури, встречается, например, такой характерный узор, как имитация плетенки. Узор этот обнаружен в настоящее время и значительно южнее, на территории Приморья, в районе бухты Тетюхе и в районе г. Уссурийска, на неолитическом поселении около д. Осиновки⁴. Не может быть сомнения в том, что неолитический орнамент в виде плетенки является предком современного узора амурских народов, хотя уже значительно более развитого и усложненного по форме. В ряде же случаев такой орнамент до сих пор сохраняет свою исходную простую форму и в сущности ничем не отличается от своего неолитического прообраза. Мы видим здесь такие же ромбы, расположенные в шахматном порядке и отделенные друг от друга пустыми полосками фона. Но «фон» этот и представляет собою по существу орнамент, в то время как ромбы — всего-навсего фон. Таков, например, этот орнамент на изданном еще Б. Лауфером образце нанайской орнаментики, вырезанном из бумаги⁵.

Второй вид орнамента, столь же характерного для неолитического времени на Амуре, представляет спираль. В Приморье спиральный узор известен на одном сосуде поселения неолитического времени в бухте Тетюхе. На Амуре этот орнамент встречается только в поселениях с культурой, о которой впервые дали представление раскопки одной неолитической землянки на о. Сучу (Сучу 1). Орнамент этот встречен и в неолите р. Уссури, вблизи с. Шереметьевского. Спиральный орнамент, в том числе аналогичный в принципе неолитическому, столь же обычен в искусстве нанайцев, ульчей и нивхов. В сущности он составляет как бы главное богатство современной орнаментики этих народов, на основе которого разворачиваются все ее сюжеты и из которого складываются такие популярные мотивы, как фигуры рыб и петухов. На этот факт справедли-

² См. В. Лауфер, Указ. раб., стр. 2—4.

³ А. П. Окладников, К археологическим исследованиям в 1935 г. на Амуре, «Сов. археология», I, 1936, стр. 277; его же, Неолит Сибири и Дальнего Востока, «История СССР» ч. I—II (макет), М.—Л., 1939, стр. 72—80; его же, Неолитические памятники как источник по этногонии Сибири и Дальнего Востока, «Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР», IX, 1941, стр. 12; его же, У истоков культуры народов Дальнего Востока. В кн.: «По следам древних культур. От Волги до Тихого океана» (М., 1954).

⁴ А. П. Окладников, Древнейшие культуры Приморья в свете исследований 1953—1956 гг., «Сборник статей по истории Дальнего Востока», М.—Л., 1958, стр. 19, рис. 14—6, 9, 10.

⁵ В. Лауфер, Указ. раб., рис. 20.

во обратил внимание в своем капитальном исследовании тот же Б. Лауфер⁶.

Совпадение искусства древнего, неолитического, населения Дальнего Востока с искусством современных амурских народов прослеживается не только в отмеченных двух важных элементах орнаментики, но и в общем ее характере. В отличие от орнаментального искусства лесных охотничьих групп Восточной Сибири, в первую очередь соседних с народами Амура тунгусских групп — эвенков и эвенков, орнамент Амура имеет по преимуществу криволинейно-ленточный характер, а не прямолинейно-геометрический.

Рис. 1. Изображение головы мифического антропоморфного существа. Сакачи-Алян

(Фото с эстампажа)

Различие это обнаруживается и в каменном веке. Неолитическая орнаментика лесного Прибайкалья, Якутии и Забайкалья имеет строго выдержанный прямолинейно-геометрический характер; кривая линия вообще ему чужда. Неолитическая орнаментика Амура столь же определенно выделяется своим криволинейным характером, преобладанием спирали и плетенки. Ко всему этому следует добавить еще один важный факт, свидетельствующий о наличии определенной генетической связи и преемственности традиций, связывающих древнее искусство Дальнего Востока с современным.

На скалах по правому берегу Амура, около села Сакачи-Алян, а также в бассейне р. Уссури давно уже известны своеобразные петроглифы, совершенно не похожие по содержанию и стилю на все известные сейчас писаницы Сибири, а также Северной Европы и Центральной Азии. Эти наскальные изображения могут быть

выделены в особую локальную провинцию. Область их распространения очерчивается с полной ясностью. Они встречаются в строго ограниченных пределах: низовья Амура (ниже Хабаровска; Сакачи-Алян, стойбище Май), бассейн Уссури (с. Шереметьевское, р. Хор), р. Суифун вблизи г. Уссурийска (ущелье Медвежьих щек). Провинцию эту можно назвать поэтому уссурийско-амурской. Изображения на скалах Амура и Уссури выполнены в большинстве одной и той же устойчиво повторяющейся техникой. Они выбиты на скалах довольно глубокими желобками. Желобки эти часто сливаются друг с другом и не разделены гладким пространством; иногда же такое разделение имеет место.

По содержанию среди таких изображений на первом месте выделяют антропоморфные рисунки совершенно своеобразного облика. Это — изображения в виде голов каких-то мифических существ, духов или чудовищ, а может быть, личины вроде танцевальных масок племен южных морей, тибетского культового театра или японского театра — «но» и «кабуки», изображающие тех же духов (рис. 1 и 2).

Вторая группа изображений на скалах Амура и Уссури — рисунки лосей или оленей; третья — изображения змей; четвертая — рисунки птиц

⁶ В. Laufer, Указ. раб., стр. 78.

(рис. 5, 2, 4, 6). Имеются также стилизованные условные изображения лодок с плывущими в них людьми.

Для постановки вопроса о связях древнего и современного искусства среди наскальных рисунков Амура особенно интересны антропоморфные изображения — личины или маски. Среди них имеются рисунки, напоминающие стилизованное изображение головы обезьяны — с широкой верхней частью, огромными круглыми глазами и большим круглым подбородком. Как известно, Б. Лауфер в свое время решительно отрицал наличие антропоморфных элементов в орнаментике амурских народов. Он указывал только на зооморфные и растительные элементы, в первую очередь на стилизованные рисунки рыб, петухов, драконов, как на характерные элементы амурской орнаментики. По-своему он был, конечно, совершенно прав. В орнаментике нанайцев, ульчей и нивхов действительно нет таких очевидных антропоморфных изображений, которые можно было бы сравнить наглядно с четкими рисунками петухов или рыб. Однако внимательно рассматривая образцы орнамента амурских народов, можно увидеть в нем если не точно такие же, то во всяком случае очень сходные, хотя и сильно стилизованные, обезьяноподобные личины. При этом такие фигуры составляют вовсе не исключение, а самый распространенный и даже по сути основной элемент богатой орнаментики нанайцев и ульчей.

Рис. 2. Изображение головы из Сакачи-Альяна

Так, на таблице XXV, рис. 1, в книге Лауфера изображена сложная орнаментальная композиция из двойных спиралевидных линий и дуг. В нижней части ее с полной отчетливостью просматривается так хорошо знакомая нам обезьяноподобная личина с широкой и округлой верхней частью, внутри которой двойной спиралью обозначены такие же, как на петроглифах, огромные глаза. Ниже обозначены широкие обезьяньи ноздри, а еще ниже — массивный подбородок. По бокам этой морды торчат широкие уши, тоже переданные в виде спиралей. Точно так же, в ряде случаев изображались уши и на петроглифах. Особенно интересно, что над головой возвышаются здесь два отростка, как бы два луча. Для антропоморфных личин петроглифов не менее характерны прямые линии, отростки или «лучи», увенчивающие их сверху, а нередко и окаймляющие с обеих сторон (рис. 4).

Для установления связи между личинами петроглифов и аналогичными фигурами в орнаментике нанайцев и ульчей, помимо их общего сходства по контуру, особенно интересно то обстоятельство, что в ряде случаев на петроглифах весь рисунок личины образован из концентрических кругов или спиралей. Такова одна из личин на скале около с. Шереметьевского, которая представляет собой как бы непрерывно развертывающуюся спиралевидную полосу. Полоса эта начинается от правого глаза личины, окружает его и концентрическими окружностями сплошь заполняет всю личину внутри. Вторая личина на тех же скалах имеет два

глаза, каждый из которых образован завитками спиралей, концы их опускаются вниз и заполняют внутри овал лица. Отсюда остается, в сущности, один шаг к спиральным фигурам нанайского орнамента, о которых шла речь выше, к обезьяноподобным причудливым личинам, которые обнаруживаются в характерных для него сложных композициях, как их не-пременная составная часть (см. рис. 3).

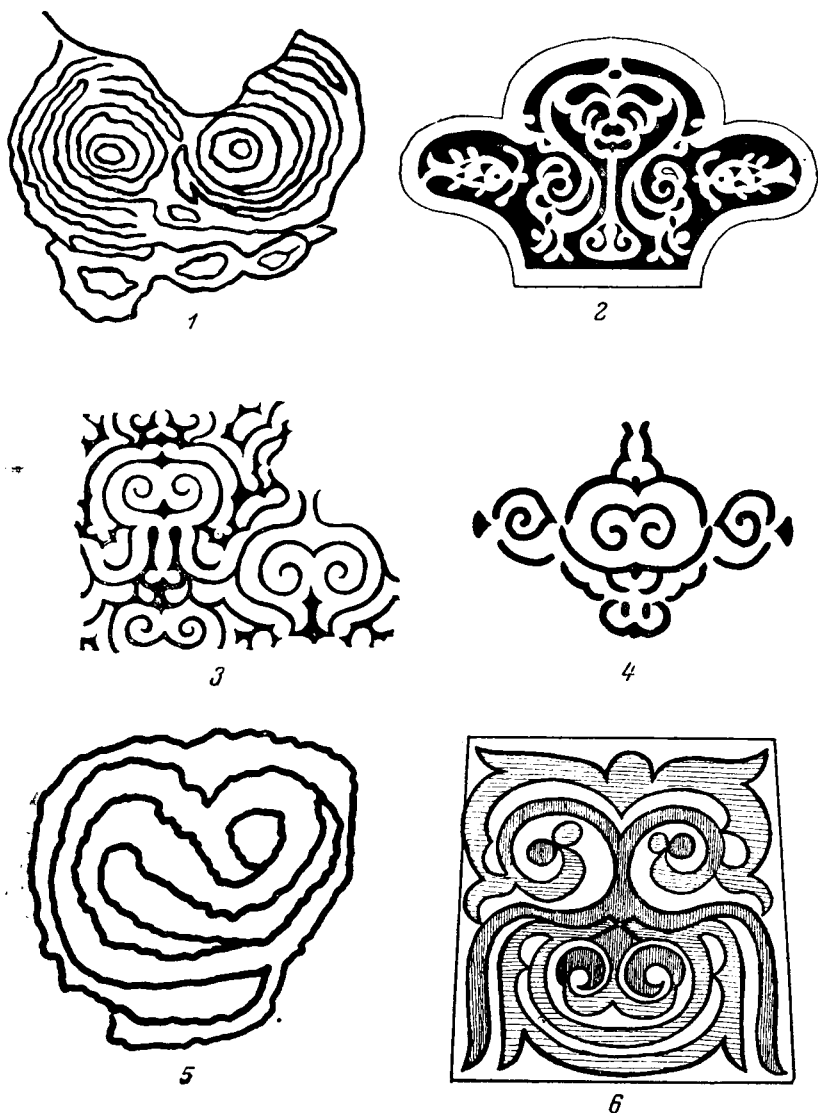

Рис. 3. 1, 5 — изображения на скалах по р. Уссури; 2—4, 6 — орнаменты нанайцев (по Б. Лауферу)

Таким образом, можно сделать вывод, что странные антропоморфные личины амурских петроглифов не исчезли бесследно, а вошли в состав позднейшей орнаментики как ее основное содержание⁷. При этом следует

⁷ Нельзя поэтому так категорически утверждать, как это делает С. В. Иванов, что Г. Шуц был полностью неправ в своих попытках вывести некоторые элементы айно-нивхского орнамента от изображения головы рогатого демона. (См. С. В. Иванов, Орнамент народов Сибири как исторический источник, «Тезисы докладов на сессии Отделения исторических наук, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1957 г.», М., 1958, стр. 16.)

отметить, что такие личины использованы в амурской орнаментике таким же образом, как и другие фигуры, например рыб или птиц. Они послужили своего рода «строительным материалом», деталями сложных орнаментальных композиций. Но, в отличие от фигур рыб и птиц, они целиком вошли в состав общей орнаментальной ткани и настолько потеряли свою самостоятельность, что могут быть обнаружены только сравнением с петроглифами, где эти личины находятся еще в исходном изолированном виде.

Рядом с антропоморфными личинами на петроглифах Уссури и Амура обычно встречаются изображения оленей с характерными прямыми полосами поперек туловища. В орнаментике амурских племен, по словам

Б. Лауфера, олень — после петуха и дракона — тоже играет важную роль. Среди изданных Б. Лауфером образцов орнаментики амурских племен имеются фигуры оленей с такими же точно поперечными полосами, как и на петроглифах. Есть на петроглифах также и фигуры змей, переданные обычно в виде спиралей, а иногда в виде волнистой полосы. Они явно соответствуют драконам (мудур) позднейшей нанайской орнаментики, которые изображались точно таким же образом⁸. Напомню в связи с этим об интерпретации нанайцами в Сакачи-Аляне изображения змеи на одной из скал как привычной для них фигуры дракона. Что касается изображений птиц, то среди них в современной нанайской орнаментике преобладает, как мы видели, петух⁹. Тем не менее, внимательно приглядываясь к образцам орнамента, изданным Лауфером, можно обнаружить и изображения таких же, как на петроглифах, водоплавающих птиц, гусей, уток или лебедей. Сюда относятся, например, рисунки птиц на бумажной вырезке, изданной в книге Лауфера на стр. 45 (см. у него табл. V, фиг. 22), особенно рисунок, где мы видим полное сходство с миниатюрными фигурами сидящих водоплавающих птиц на петроглифах у с. Шереметьевского¹⁰.

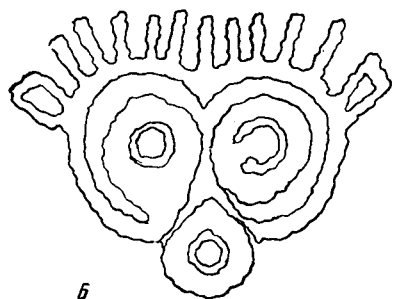
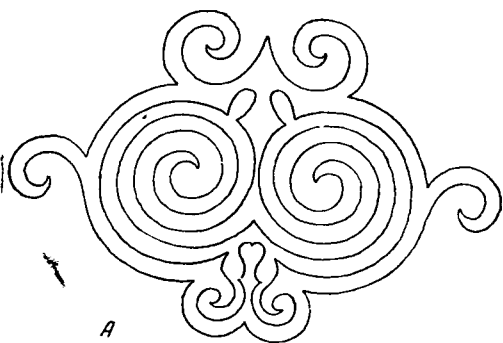

Рис. 4. А — нанайский орнамент (по Лауферу); Б — антропоморфная личина со скалы на р. Уссури

Основные сюжеты наскальных изображений на петроглифах, таким образом, снова повторяются и в современной орнаментике. Это: 1) обезьяноподобные спиралевидные личины; 2) изображения оленей с поперечными полосами на туловище; 3) водоплавающие птицы; 4) змеи. Все это вместе с широким применением спирали как основного элемента и главного формообразующего приема связывает древние наскальные изображения с современным орнаментальным искусством амурских народностей

⁸ Ср. С. В. Иванов, Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в., Труды Института этнографии АН СССР, т. XXII, М.—Л., 1954.

⁹ С. В. Иванов не согласен, правда, с Лауфером и считает, что большинство изображений птиц в орнаментике нанайцев относится к водоплавающим птицам, а не к петухам. Однако как в таком случае объяснить наличие у них пышных, типично петушиных хвостов? (См. С. В. Иванов, Указ. раб., стр. 223).

¹⁰ Ср. указ. работу С. В. Иванова, особенно рис. 97-8.

и, следовательно, свидетельствует о наличии определенной художественной традиции, не прерывавшейся на протяжении многих веков, а может быть, и тысячелетий (рис. 5).

Рис. 5. 1, 3, 5, 7 — нанайские орнаменты (по Б. Лауферу); 2, 4, 6 — наскальные изображения (2 — Сакачи-Алян; 4, 6 — скалы по Уссурю).

Следует в связи с этим отметить, что Лауфер был, несомненно, прав когда говорил о том, что такие существенные элементы амурской орнаментики, как петух, летучая мышь и рыба (в особенности петух, чужды охотничье-рыболовческой культуре амурских племен), являются относительно поздним заимствованием из Китая.

Такой вывод подтверждают и петроглифы, где мы не видим ни рыб, ни пегухов, ни летучих мышей.

В число относительно поздних заимствований, появившихся на Амуре в средневековое время и сохранившихся до наших дней, входит и такой элемент орнамента, как растительный узор в виде «бегущей спирали» или волнистой линии с многочисленными симметрично расположенными спиралевидными завитками. Мотив этот восходит, как полагают изучавшие его исследователи, к стилизованному изображению виноградной лозы с листьями и гроздьями. Он широко распространяется из античного и ранне-средневекового Средиземноморья на Восток, в Китай и Японию еще в Танское время, т. е. в Приморье — в эпоху Бохайского царства, в Японию — в период Нара. Великолепные образцы его известны и в искусстве чжурчженского времени на территории Приморья¹¹. У амурских народов он, благодаря своей криволинейности, в частности спиралям, органически вошел в их национальную орнаментiku. «Бегущая спираль» такого рода употребляется как излюбленное окаймление любого рисунка и как наиболее распространенная орнаментальная кайма национальной женской одежды нанайцев — халата из рыбьей кожи, который и дал нанайцам их китайское имя: «рыбьеожие» (юпитацзы)¹².

Очень вероятно, что эти орнаментальные мотивы, имеющие в Китае определенный символический смысл, чем и определяется их популярность в китайском быту и бытовом искусстве, были восприняты амурскими племенами в то время, когда они вступили в самый тесный контакт с Китаем. Время такого контакта как экономического, политического, так и культурного, начинается тогда, когда на нашем Дальнем Востоке возникают классовые отношения и складываются первые государственные образования бохайцев и чжурчженей. Тогда, в особенности при чжурчженях, нужно думать, и началось усиленное проникновение в орнаментiku амурских племен этих новых мотивов. Здесь предположения Б. Лауфера сохраняют всю свою силу и убедительность.

Но тем ярче и тем определеннее — по контрасту с явно заимствованными от Китая элементами — выступает аборигенный, основной пласт амурской орнаментики, о котором говорилось выше. Пласт этот определяется по своему происхождению, по истокам его сюжетов и стиля («формы» — по выражению Б. Лауфера) как неолитический. В основе этой аборигенной криволинейно-ленточной орнаментики находятся, как мы видели, спираль и плетенка, т. е. то, что устойчиво определяет специфику и своеобразие орнаментального искусства дальневосточных племен на протяжении тысячелетий, вплоть до XIX—XX вв. Нужно думать, что в этом аборигенном пласте тоже есть различные наслоения, отражающие сложные культурно-этнические отношения и события прошлого, в том числе весьма древние. Сюда, например, относятся такие характерные мотивы, как олень с поперечными полосами на туловище или олень, повернувший голову назад¹³. Подобные мотивы принадлежат к числу художественных элементов, хорошо известных исследователям, изучающим историю культуры, верований и искусства Сибири. Они появляются у лесных племен Сибири в бронзовом и раннем железном веке, в скифское время и свидетельствуют прежде всего о связях этих племен с населением степных областей Азии и Европы, о контакте лесных культур Северной Азии с богатыми культурами степных племен, развивавшимися на огромном пространстве от Дуная до реки Желтой.

Нужно остановиться поэтому на датировке петроглифов долины Амура и Уссури, представляющих промежуточное связующее звено между

¹¹ В. Е. Ларичев, Китайская надпись на бронзовом зеркале из Сучана (Приморье), «Эпиграфика Востока», XII, 1958, стр. 82—89.

¹² В. Лауфер, Указ раб., табл. VI—4; XI—4, фиг. 12, 14, 18; табл. XV—4, 5; табл. XVI—14, а, б; табл. XXI—1а; табл. XXV—6; табл. XXVII—4.

¹³ С. В. Иванов, Указ. раб., стр. 217—218.

искусством неолитической эпохи и современной орнаментикой XIX—XX вв. Во время обследования Шереметьевских петроглифов осенью 1958 г. были заложены разведочные шурфы внутри древнего укрепленного поселения на вершине той самой скалы, где находятся наскальные рисунки. В результате были найдены обломки глиняных сосудов весьма архаического облика, оббитые каменные наконечники стрел, отщепы и миниатюрная поделка из меди или бронзы, представляющая собою копию топора или тесла и, очевидно, служившая амулетом. Судя по этим находкам, поселение на скале над петроглифами относится к периоду перехода от камня к металлу или к началу бронзового века на данной территории, т. е. к концу второго или к первой половине I тысячелетия до н. э. Так же следует датировать, скорее всего, и петроглифы, до сих пор остававшиеся, несмотря на их своеобразие, столь же интересными, сколь и загадочными следами прошлого дальневосточных племен.

Таким образом, та древняя художественная традиция искусства дальневосточных племен, о которой шла речь выше, прослеживается от неолита до начала бронзового века, а оттуда — до современности.

Художественное творчество амурских племен имеет глубокие корни в прошлом самих этих племен, причем несравненно более глубокие, чем думал Б. Лауфер. Зачатки искусства народов Амура уходят к самым истокам их самобытной культуры, в глубь неолитического времени. В дальнейшем искусство этих народов испытало глубокое прогрессивное влияние искусства Китая, творчески переработало его, и в результате возникло современное богатое и яркое искусство народов Приамурья.

Л. А. ФАЙНБЕРГ

ХОЗЯЙСТВО И КУЛЬТУРА ТАЙМЫРСКИХ НГАНАСАН

(По материалам колхоза имени Шмидта Таймырского национального округа)

В величественной программе построения коммунистического общества в нашей стране, начертанной в докладе Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС, важное значение придается дальнейшему развитию Сибири. Быстрое промышленное развитие нашей страны в 1959—1965 гг. неминуемо приведет к расцвету хозяйства и культуры народов Сибири, к ускоренному подъему колхозов Севера, росту их технической оснащенности, к повышению материального благосостояния колхозников.

Летом и осенью 1957 г. сотрудники Института этнографии АН СССР Б. О. Долгих и автор настоящей статьи проводили полевые исследования в одном из крайних уголков Сибири — Авамском районе Таймырского национального округа, изучая современное хозяйство, быт и культуру таймырских нганасан и те изменения, которые внесла в их жизнь Советская власть. Не претендуя на исчерпывающее освещение всех проблем экономики и культуры указанной народности, я стремился здесь показать основные черты жизни колхозников-нганасан и изменение их быта в ходе социалистического строительства. При написании статьи были использованы полевые материалы, собранные в колхозе имени Шмидта, результаты бесед с окружными и районными партийными и советскими руководителями, с местным населением, а также материалы местных газет.

До Великой Октябрьской социалистической революции нганасаны считались одной из самых отсталых народностей Сибири. Их хозяйство, культура и общественный строй были архаичнее, чем у их соседей — долган, эвенков, ненцев.

После революции в жизни нганасан произошли большие перемены. Как и другие малые народности Крайнего Севера СССР, они, минуя капитализм, пошли по пути перехода непосредственно от первобытно-общинных к социалистическим отношениям. К середине 1930-х годов нганасаны перешли к обобществленному хозяйству, объединившись в колхозы.

В настоящее время в Таймырском национальном округе имеются три нганасанских колхоза: имени Шмидта и Усть-Авамский в Авамском районе и «Путь к коммунизму» в Хатангском районе. Из них только колхоз имени Шмидта является почти чисто нганасанским, в остальные же наряду с нганасанами входят долганы или энцы.

Авамский район — наиболее отдаленный и труднодоступный в округе. Расположен он в глубине Таймырского полуострова. Весной, в период распутицы, с районом прерывается всякая транспортная связь. Бывают месяцы, когда лишь радио связывает жителей этого района с «Большой Землей».

Вся территория Авамского района находится к северу от Полярного круга. Это холмистая равнина, полого спускающаяся от плато Бырранга на крайнем севере, вблизи Ледовитого океана, к югу.

Климат района весьма суров. В среднем в году всего около 100 безморозных дней. Снег стает только к середине июня, зимой температура падает до -58° . Правда, летом бывают иногда очень жаркие дни, когда температура достигает почти $+30^{\circ}$. Среднегодовая температура -16° . Летом 1957 г. первый снег выпал уже в августе, а в конце сентября морозы достигали $25-30^{\circ}$.

Большая часть района расположена в тундре, сменяющейся на юг лесотундрой, а по берегам рек даже лиственными лесами.

Животный мир района довольно богат. Здесь водятся дикие олени, песцы, лисы, горностаи, россомахи, волки, медведи. Из птиц имеют хозяйственное значение куропатки, гуси, утки. В многочисленных реках и озерах изобилует рыба, особенно сиговые породы (чир, муксун).

Понятно, что в подобных географических условиях возможности развития земледелия и молочного животноводства весьма ограничены. Коренное население в основном занимается оленеводством, охотой и рыболовством.

Колхоз имени Шмидта охватывает все население Таймырского сельсовета Авамского района. Территория колхоза вытянулась на 350 км с севера на юг. Северные границы колхоза проходят вдоль хребта Бырранга, а южные — к югу от р. Хеты. На западных и восточных границах колхоза таких географических рубежей нет. Земли колхоза имени Шмидта граничат с землями колхозов «Родина», имени Сталина, «Искра».

Большая часть территории колхоза расположена в зоне тундры, южная часть колхозных земель покрыта лесотундрой и лесом. Имеющиеся на территории колхоза лесные массивы достаточны для полного обеспечения его дровами и строительными материалами.

В прошлом на территории, ныне отведенной колхозу, жили авамские нганасаны. В 1936 г. они, как сказано выше, объединились в колхоз на основе устава ППО (простейшее производственное объединение). Первым его председателем был Нумаку Чуначар. Ныне это всеми уважаемый бригадир строительной бригады. После него председателем стал Нунка Порбин. Председателем сельсовета в течение многих лет оставался Латерю Порбин¹. После войны председателем в течение ряда лет был один из лучших оленеводов колхоза Танделю Порбин. Колхоз под его руководством достиг значительных успехов в развитии оленеводства (в 1956 г. он стал участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки и был награжден большой библиотекой). В настоящее время председатель колхоза — русский, И. Г. Севастьянов.

Переход нганасан к высшим формам коллективного хозяйства привел к хозяйственному укреплению колхозов. Это наглядно прослеживается по данным колхозной отчетности о росте общественного поголовья оленей, взятым за много лет. В 1941 г., когда колхоз еще находился на уставе ППО, в его общественном стаде было всего 757 оленей, тогда как в личной собственности колхозников имелось 3257 оленей, т. е. примерно в 4,5 раза больше. К началу 1944 г., в связи с переходом колхоза на устав сельскохозяйственной артели, это соотношение коренным образом изменилось. Колхозники передали в общественное стадо большую часть своих

¹ Все нганасаны — члены колхоза имени Шмидта — являются потомками нганасанских родов: Чуначера (Чуначары), Линанчера (Турдагины), Нинонде, или Фалысяда (Порбины), Нгомде (Момде), Кокоры (Кокоре), Око (Яроцкий). Первые четыре рода исторически принадлежат к племени авамских нганасан, пятый род — к вадеевскому, а шестой не входил в прошлом ни в одно из нганасанских племен. Сохранением у нганасан пережитков родового деления объясняется то, на первый взгляд странное явление, что все колхозники носят одну из шести названных выше фамилий. Они или Порбины, или Турдагины, или Чуначары и т. д. Эти фамилии исторически являются родовыми названиями.

оленей, и оно выросло почти до 3 тыс. голов, в личном же пользовании осталось 1169 оленей. В настоящее время в общественном стаде колхоза около 5,5 тысяч оленей.

Незадолго до войны около фактории Боганиды на среднем течении одноименной реки была создана центральная база колхоза, где находились его правление, склад, магазин, хлебопекарня и т. д. Но выбор места оказался неудачным, и базу пришлось перенести в поселок на р. Дудыпту у устья р. Пайтурмы, который и оставался центральной базой колхоза в годы войны. Но и его местоположение было довольно неудобным. Вокруг поселка не было леса, и издали приходилось возить дрова и стройматериалы, затруднена была связь с районным центром — поселком Волочанка. Поэтому в 1949 г. центральная база колхоза была переведена на р. Хету у впадения в нее р. Боганиды. Построенный здесь колхозный поселок получил название Усть-Боганида. Его расположение на основной транспортной артерии района, в 45 км вниз по течению от Волочанки, обеспечивает хорошую связь с районным центром и создает большие удобства при завозе промышленных и продовольственных товаров и вывозе колхозной продукции. К тому же в устье Боганиды много рыбы, а берега Хеты покрыты лесом. Он заготавливается в 10—12 км выше поселка, а затем сплавляется вниз по течению.

Организация и развитие колхоза имени Шмидта происходили под непосредственным руководством партийных и советских органов Авамского района. Лучшие и наиболее сознательные из колхозников-нганасан стали членами КПСС. В 1943 г. вступили в КПСС один из первых председателей колхоза Нунка Порбин и многолетний руководитель колхоза имени Шмидта Танделю Порбин.

* * *

Хозяйство колхоза имени Шмидта основано на сочетании оленеводства, охоты и рыболовства, при преобладании оленеводства. Оленеводство колхоза сочетает мясошкурное и транспортное направления. Оно снабжает колхоз мясом и шкурами для личных нужд колхозников, служит источником товарной продукции, обеспечивает охотников колхоза необходимым им транспортом. Кроме того, на колхозных оленях в довольно широких масштабах зимой перевозятся грузы различных районных организаций, что приносит колхозу значительный доход. Таким образом, развитие оленеводства, по существу, определяет всю экономику колхоза имени Шмидта, и надо сказать, что в развитии этой отрасли хозяйства колхоз имеет немалые успехи. В 1957 г. колхоз, несмотря на очень неблагоприятные климатические условия, выполнил годовой план воспроизводства оленей на 107,3%. Этих результатов удалось достигнуть, в частности, благодаря тому, что в колхозе имени Шмидта пастухи хорошо знают пастбища и наиболее выгодные маршруты передвижения стад. Имена знатных оленеводов колхоза Биля и Кайбюре Порбиных, Дюнто Турдагина известны не только в Авамском районе, но и в округе.

В 1954 г. колхоз имени Шмидта построил типовой стационарный корраль для подсчета и ветеринарной обработки оленей (рис. 1). Это пока единственный типовой корраль в Авамском районе. Использование корраля ускоряет подсчет и обработку оленей и дает большую экономию рабочей силы. В коррале обрабатывается за 1 час около 500 оленей, причем на долю каждого ловца приходится 35 голов. В Усть-Авамском же колхозе, где корраля нет, ловец обрабатывает за час в среднем 1,5 оленя².

² Из отчета Н. А. Сикорского, ст. научн. сотрудника Таймырской сельскохозяйственной опытной станции, от 3 июля 1957 г. — «Об опыте специализации оленьих стад в колхозе имени Шмидта в 1954—1956 гг.» (рукопись хранится в окружном управлении сельского хозяйства Таймырского национального округа).

Хозяйственный цикл в оленеводстве складывается следующим образом. В феврале—марте происходит комплектование стад, которые находятся в это время в районе Усть-Боганиды и непосредственно к югу от р. Хеты. В марте же стада начинают двигаться на север. В конце марта или начале апреля они подходят к оз. Курлиска, где находится корраль. Здесь собираются все стада. Оленей обрабатывают и подсчитывают. Затем они продолжают движение на север. В марте в районе между хр. Фа-бара-нгоадя и р. Пайтурма, а также около Ушкан-камня происходит отел. Это самый напряженный и тяжелый период для пастухов. Еще не окрепшие телята легко могут замерзнуть во время частых метелей.

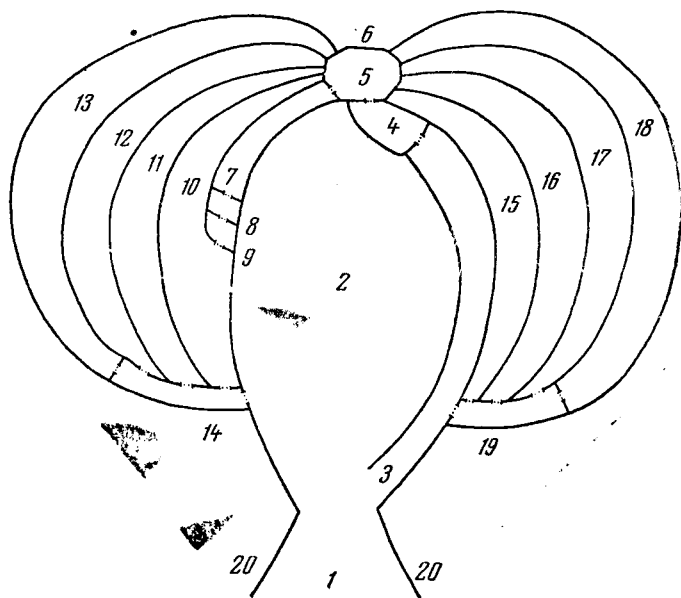

Рис. 1. План типового стационарного корраля колхоза им. Шмидта: 1 — вход в корраль; 2 — основной загон; 3 — рукав для подачи оленей в камеру накопления; 4 — камера накопления оленей; 5 — сортировочная камера; 6 — помост для руководителя работ по подсчету и обработке оленей; 7 — загон для оленей, подлежащих взвешиванию; 8 — камера для осмотра ушных бирок и подачи оленей на весы; 9 — камера для весов; 10—13 — загоны для обработки оленей; 14—19 — рукава для подачи обработанных оленей в основной загон корраля; 20 — направляющие открьлки корраля

Слабых телят прикрывают деревянными щитками от ветра и снега, отогревают в чумах. В конце мая или начале июня стада переходят р. Дудышту и немного севернее Дудышты производится полугодовой учет поголовья оленей. Корраля здесь нет, и поэтому стада учитывают, пропуская оленей цепочкой перед счетчиками. Как только подсчет закончен, стада быстро двигаются дальше на север, проходят через хр. Гербея, в июне же достигают р. Горбиты и 5—10 июля переходят р. Таймыру около устья Горбиты. За р. Таймырой расположены летние пастбища колхоза имени Шмидта, и там пастухи со стадами, не торопясь, передвигаются с одного пастбища на другое до начала августа. 5—10 августа пастухи поворачивают стада на юг. Правда, отдельные пастухи иногда немного задерживаются, чтобы поохотиться на диких оленей. В середине августа стада переходят р. Таймыру. Она в это время обычно неширока и довольно мелка. В районе Гербея пастухи задерживаются до 20 октября, чтобы стада могли отдохнуть. В это же время произ-

водится подсчет оленей. Затем стада продолжают путь к югу. В первой половине ноября их подгоняют к корралю, где производится точный учет оленей по полу и возрасту, там же выбраковывают оленей для забоя. Затем забойное стадо гонят к Волочанке, а остальные стада к декабрю приходят на зимние пастбища на Хете.

Представление о том, какое место в хозяйстве колхоза занимает оленеводство, дают отчеты правления. Так, в 1956 г. колхоз только от продажи продукции оленеводства получил 480 тыс. рублей дохода. Кроме того, колхоз получил от извоза на оленях 72 тыс. рублей. Таким образом, его доходы от оленеводства в 1956 г. превысили 550 тыс. рублей при общем доходе колхоза в 643 тыс. рублей.

Рис. 2. Ловля оленей арканом. Пайтурма

После оленеводства второе место по значению в хозяйстве колхоза имени Шмидта занимает пушной промысел. Основной объект охоты — песец. Добывают также лис, горностаев, волков, росомых. Пушная охота ведется при помощи капканов и пастей. Последние годы все шире распространяются усовершенствованные, так называемые корытные пасти, сохраняющие шкурку пойманного песца от порчи другими хищниками. Пушная охота ведется постоянными охотничьими бригадами. В 1957 г. было четыре бригады, из них три основные и одна экспедиционная. На 1 января 1957 г. эти бригады располагали 786 пастями и 492 капканами. Каждая бригада, за исключением экспедиционной, имеет свой закрепленный за ней район охоты. Так, в 1957 г. за бригадой Сенгими Турдагина был закреплен район Ушкан-камня, за бригадой Чубо Кокоре — район Майяданку, за бригадой Мадюре Порбина — район р. Пайтурмы, экспедиционная же бригада Дедюмо Яроцкого выезжала на земли других колхозов и даже на земли других районов, если там появлялся песец. Для передвижения зимой за каждой бригадой закрепляются ездовые олени. Так, на 1 января 1957 г. за охотничьими бригадами было закреплено более 300 оленей.

С конца марта, как только кончается зимний промысел, охотники сразу же приступают к подготовке следующего сезона охоты. Весь апрель и первую половину мая они заготавливают лес для выделки новых пастей. Затем в намеченные на следующий год места охотничьего промысла завозится топливо. Часть же охотников в это время уже начина-

ет сооружать пасти. В 1957 г. колхоз имени Шмидта установил новые пасти от Ушкан-камня до р. Дудыпты. В предыдущие годы были поставлены пасти от Ушкан-камня до р. Пайтурмы и к востоку от Камня. Самые дальние пасти колхоза находились между хр. Гербей и р. Горбитой.

Когда олени стада уходят на летовку, с ними в качестве пастухов уходит и часть охотников. Олени, закрепленные за охотниками, вливаются на лето в одно из стад колхоза. Но несколько человек из каждой охотничьей бригады направляются на места, где стоят пасти. Они ставят новые пасти, ремонтируют старые, ловят рыбу и готовят из нее накроху и приваду для подкормки и приманивания песцов. В октябре возвращаются охотники, уходившие со стадами, и в первой половине ноября пасти поднимают. В конце октября — начале ноября по всем бригадам проходит комиссия от сельсовета, проверяющая готовность охотников к началу промысла. В каждой бригаде линии пастей и капканов распределены между отдельными охотниками. В среднем в колхозе имени Шмидта на одного охотника приходится 15 капканов и 2 пастей. Они расположены в 1—3 линии с интервалами в несколько километров, и охотники каждые несколько дней обходя свои линии.

Успех промысла зависит не только от подготовки к нему, но и от того, «урожайный» ли данный год на песца. Годы изобилия песца довольно регулярно сменяются годами, когда его мало, и поэтому добыч песца подвержена резким колебаниям, недостаточно еще учитываемым в планах колхоза. В 1956 г. песца было мало, и колхоз не выполнил плана на заготовок пушнины.

Лучшим охотником в 1956 г. был Дедюмо Яроцкий, ведущий экспедиционный лов песца. Он добыл 30 песцов и был премирован за выполнение плана.

Кроме охоты на пушных зверей, ведется также довольно интенсивная охота на диких оленей, водоплавающую птицу и куропаток. Но колхозом эта охота не организуется, она ведется индивидуально отдельными охотниками и пастухами, и ее продукты идут в основном для собственного потребления, а не для продажи. На диких оленей в настоящее время охотятся преимущественно на санках, запряженных домашними оленями. Подъехав к диким оленям на расстояние выстрела, охотник убивает добычу из карабина. Весной и летом на диких оленей охотятся главным образом пастухи оленеводческих бригад в свободное от дежурства время. Особенно много диких оленей на крайнем севере Таймыра на хр. Бырранга. Весной для охоты за дикими используются маскировочные щитки, летом и осенью ведется пешая охота. За лето пастух убивает не меньше 5—6 диких оленей. Мясо их сушат и возят с собой в мешках. Жир тоже сушат или вытапливают. Большая охота на диких оленей ведется осенью во время их сезонных миграций на юг. Их стреляют в это время около хр. Гербей и вблизи переправ через р. Дудыпту. Иногда стада этих животных проходят и неподалеку от Усть-Боганиды. В среднем каждый охотник убивает за год 20—30 диких оленей.

Весной колхозники охотятся также на куропаток, а летом на линных гусей.

Значение рыболовства для колхоза имени Шмидта гораздо меньше, чем оленеводства или охоты. Его удельный вес в экономике колхоза невелик. Имеется только одна рыболовецкая бригада — Лире Порбина, ведущая лов на Пайтурме. Из колхозников, занятых на строительных и хозяйственных работах на центральной базе колхоза, в 1957 г. была сформирована еще одна бригада, но рыбная ловля для ее членов является лишь подсобным занятием. Лов ведется ставными сетями и неводами. Ловят почти исключительно сиговых рыб.

Оленеводство в колхозе ведется на научной основе. Специалисты сельского хозяйства изучают оленьи пастбища и помогают оленеводам выбрать наиболее выгодные маршруты движения. В стадах постоянно находятся зоотехники и ветеринарные врачи райсельхозуправления. В 1954—1956 гг. в колхозе имени Шмидта была проведена специализация оленьих стад, позволяющая лучше учитывать особенности отдельных групп поголовья оленей. Проводятся опыты по опылению оленей эмульсией гексахлорана для защиты от их злейшего врага — гнуса.

Важной заботой колхоза является подготовка специалистов оленеводства из числа колхозников. К 1957 г. пять членов колхоза окончили курсы оленеводов и ветеринарных фельдшеров.

Наряду с этими успехами, в оленеводстве, а также в обработке и сбыте его продукции есть еще много нерешенных проблем. Не созданы эффективные и долгодействующие средства для борьбы с гнусом, слабо ведется борьба с волками, от которых гибнет много оленей, не разработана действенная система мероприятий для предохранения домашних оленей от укусов их стадами диких. В отдельные годы волки, дикие олени, гнус наносят большой ущерб домашнему оленеводству всех колхозов Авамского района. Пастухи на летовках оторваны от центральной базы колхоза, руководство колхоза и районные организации не имеют возможности оказать им оперативную помощь. Поэтому очень важно подготовить из числа пастухов квалифицированных радистов и снабдить их легкой, простой в обращении и надежной в работе радиоаппаратурой. Нужно также, чтобы у колхоза был вездеход для обеспечения летнего транспорта в условиях тундры.

Очень остро стоит вопрос о механизации обработки оленьего сырья. В настоящее время эта работа выполняется женщинами вручную. Она очень трудоемка; вместе с тем она не рассматривается как участие женщин в общественном производстве. Было бы целесообразно создать механизированную колхозную мастерскую для обработки оленьих шкур и пошива меховой одежды. Для сохранения оленьего мяса целесообразно построить в колхозе естественный ледник, который быстро окупил бы себя.

По сравнению с дореволюционным временем техника охотничьего промысла и рыболовства значительно повысилась. Колхозники имеют современные охотничьи ружья, пользуются усовершенствованными пастьями, легкими и прочными капроновыми сетями. Все это, естественно, сказывается на их благосостоянии.

Бюджет отдельной семьи можно проиллюстрировать на примере семьи 33-летнего колхозника Дедюмо Яроцкого, состоящей из трех человек (рис. 3). Зимой 1956 г. Дедюмо Яроцкий вел экспедиционный лов песка, а также работал «на станке», т. е. занимался извозом по поручению колхоза. Летом он в качестве пастуха ходил со стадами на летние пастбища. За год Яроцкий выработал 366 трудодней, получив за них

Рис. 3. Колхозник Дедюмо Яроцкий с женой и сыном перед своим жилищем в Усть-Боганиде

8271 руб., а его жена — 42 трудодня (957 руб.). Копта Яроцкая продала в 1956 г. в заготовительную контору два сделанных ею сокуя и один бакари³ на сумму 320 руб. Таким образом, годовой денежный заработок семьи от обобщественного хозяйства составил более девяти с половиной тысяч рублей.

Кроме того, Дедюмо добыл за год индивидуальной охотой 22 диких оленя, 60 куропаток, 49 гусей и наловил около 350 кг рыбы для себя. Колхоз премировал его как хорошего пастуха десятью телятами оленей.

В личном хозяйстве Дедюмо Яроцкого — 22 оленя, карабин, малокалиберная винтовка и дробовое ружье, 4 сети и 8 нарт, чум и балок. На охоте он бесплатно пользуется колхозными капканами; у него и у его жены есть три комплекта зимней национальной полярной одежды. Таким образом, семья Яроцкого хорошо обеспечена. Деньги Дедюмо тратит на покупку боеприпасов, продуктов питания и промтоваров в магазине.

Понятно, что у худших охотников, чем Дедюмо Яроцкий, и у многих семейных баланс бюджета складывается менее благоприятно. На бюджете таких семей отрицательно сказывается отсутствие в колхозе натуральных выдач, практика оплаты трудодня только деньгами. Незначительные натуральные выдачи или их отсутствие — общий недостаток при оплате трудодня в колхозах Таймыра.

В настоящее время окружные партийные и советские организации ведут борьбу с этой вредной практикой. На этом вопросе остановился в частности, в своем выступлении на апрельском пленуме окружкома КПСС представитель крайкома т. Увачан. Он отметил, что многие председатели колхозов округа чрезмерно увлеклись погоней за увеличением денежной стоимости трудодня, забывая о том, что, кроме денег, колхозные семьи нуждаются в мясе и рыбе⁴. Анализ расходных статей бюджета колхозников приводит к выводу, что выплата не менее половины стоимости трудодня натурой — мясом, рыбой, оленьими шкурами — содействовала бы еще большему подъему благосостояния членов колхоза.

* * *

Значительные доходы позволили колхозу имени Шмидта развернуть большое строительство на своей центральной базе в поселке Усть-Боганида. Были построены здания радиостанции, медпункта, правления колхоза. Осенью 1957 г. заканчивалось строительство дома для приезжих и бани. Но в стационарных радиофицированных домах живут пока только русские и долганы. Нганасаны, в том числе и те из них, кто занят на строительных работах в поселке, продолжают летом жить в чумах, стоящих в нескольких десятках метров от зданий поселка. Зимой же колхозники-нганасаны живут в балках. Правда, в обстановке чумоизменения произошли большие изменения: появились столы, часы-будильники, зеркала, книги, газеты, журналы, но в основном чум остался прежним. Сохранилась его традиционная нганасанская планировка с двумя жилищами по обе стороны костра и нежилым помещением за костром, напротив хода. В прошлом чум служил для нганасан и зимним жилищем. В настоящее время зимой, как уже было сказано, все живут в нартенных чумах — балках (рис. 4).

Балок — старое русское изобретение, раньше всего распространенное у долган. Нганасаны перешли жить в балки только после революции. Балок представляет собой прямоугольный деревянный каркас, поставленный на полозья. Его основная крышка делается из оленьих шкур. Снаружи он покрывается легким брезентом, так называемым парусом. Изнутри балок обтягивается ситцем ярких расцветок. Пол де-

³ Сокуй — зимняя мужская глухая меховая одежда с султаном на капюшоне. Бакари — высокая зимняя меховая обувь.

⁴ См. «Советский Таймыр», 26 апреля 1956 г., № 48.

лается из досок. В стене балка имеется небольшая деревянная дверь и окно. Отапливается балок железной печкой.

Приведем размеры двух измеренных нами балков. Балок Дедюмо Яроцкого: длина 3,15 м, ширина 1,98 м, высота 1,67 м. Балок Нумаку Чунанчара: длина 3 м, ширина, 1,5 м, высота 1,55 м.

По отзывам нганасан, балок зимой удобнее чума, так как во время переездов дети в нем находятся в тепле, а в плохую погоду при остановках не надо тратить время на сооружение чума. Вместе с тем балок имеет ряд существенных недостатков. Он тяжелее чума. Чтобы его тащить, нужны 4—6 оленей. Температура воздуха в балке подвержена резким изменениям, так как железная печка не дает равномерного жара.

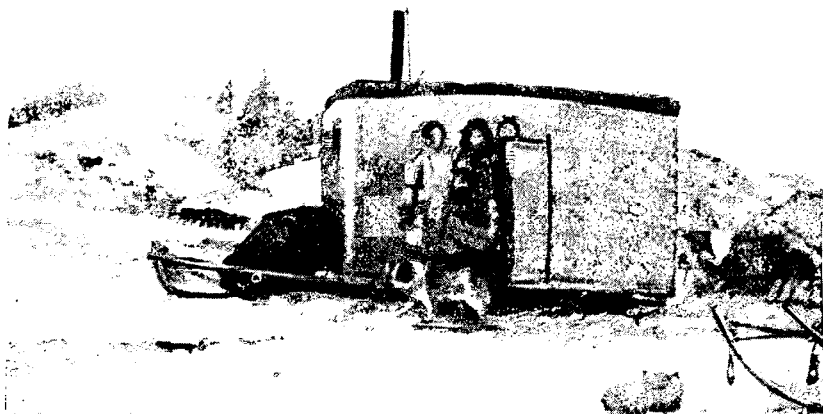

Рис. 4. Балок — зимнее жилище нганасан. Район фактории Пайтурма

Дверь из балка открывается прямо на улицу, что вызывает сквозняки. Попадает холодный воздух и снизу в просветы между досками, так как пол отстоит от поверхности земли на 30—35 см. Ни чум, ни балок не обеспечивают достаточных возможностей для подъема культуры быта. Оставляет желать лучшего и их обстановка. Поэтому не случайно вопрос о наиболее рациональном типе жилища волнует местных работников и нередко обсуждается на страницах окружной газеты «Советский Таймыр».

Несколько лет назад среди руководящих работников округа было широко распространено мнение, что лучшим путем для создания культурного быта является оседание колхозников Таймырской тундры и переселение их из чумов и балков в дома современного типа. Предлагалось также заменить кочевание оленеводов и охотников вместе с семьями так называемым производственным кочеванием, когда пастухи и охотники оставляют семьи на центральной базе. В последние годы эти взгляды подверглись серьезной критике. Однако рецидивы их встречаются до сих пор. Сторонники теории оседания пытаются строить быт независимо от характера производства, и, более того, в полном противоречии с ним. Оленеводческое и охотничье хозяйство колхозов Таймыра, и в частности колхоза имени Шмидта, пока невозможно без сохранения подвижного образа жизни. Нельзя ограничиваться и так называемым производственным кочеванием. Это значило бы оторвать мужей от жен, лишить детей возможности учиться профессии отцов. Другое дело — необходимость всячески

облегчить труд пастухов и особенно женщин — членов их семей, продумать вопрос о включении женского труда в общую систему колхозного учета, обеспечить наилучшее обслуживание культурных запросов кочующей части населения.

В этой связи встал вопрос о том, как сделать более культурным быт оленеводов и охотников. Этот вопрос является особенно насущным сейчас, когда колхозы Таймыра вместе со всей страной вступили в эпоху перехода от социализма к коммунизму. Естественно, что в это время должен быть осуществлен резкий подъем культуры быта, одним из важных элементов которого является жилище. Создание новых типов передвижных летних и зимних жилищ не под силу одному колхозу или нескольким колхозам, пусть даже богатым. По решению этого вопроса

Рис. 5. Девочки в верхней зимней одежде — «сокуй». Усть-Боганида

безусловно могут помочь наши исследовательские институты, наша промышленность. Возможно, что правы те местные работники, которые предлагают завезти на Таймыр разборные дома из пенопластовых плит, а также построить на маршрутах кочевания промежуточные культбазы. Достоинствами разборных домов являются легкость, огнеустойчивость, низкая теплопроводность. Что касается летнего жилища пастухов, то среди местных работников распространено мнение, что целесообразно заменить чум специально изготовленными для условий севера просторными утепленными палатками. Необходимо также снабдить всех оленеводов и охотников удобной и портативной (складной) мебелью фабричного производства. Все эти вопросы возникли у нас при знакомстве с колхозом имени Шмидта, но, как мы могли убедиться при изучении жизни колхоза имени Сталина Авамского района, а также из бесед с районными и окружными партийными и советскими работниками и по материалам окружной и районной печати, — то, что мы наблюдали в колхозе имени Шмидта, типично для оленеводческих колхозов Таймыра.

Зимой нганасаны колхоза имени Шмидта носят национальную меховую одежду (она подробно описана А. А. Поповым)⁵. Летом мужчины, за немногими исключениями, носят одежду фабричного производства — лыжные костюмы, гимнастерки, резиновые сапоги, нижнее белье.

⁵ См. А. А. Попов, Нганасаны, I, Материальная культура, Труды Ин-та этнографии АН СССР, Новая серия, т. III. М.—Л., 1948.

Женщины же в большинстве и летом продолжают носить национальную одежду (рис. 5); соответствующие части ее зачастую украшены медными и железными подвесками.

Огромные изменения произошли за годы Советской власти в духовной культуре нганасан. До революции среди них не было ни одного грамотного. Теперь многие члены колхоза имени Шмидта имеют образование в объеме неполной средней школы. Дети их учатся в школе-интернате в Волочанке, где они находятся на полном государственном обеспечении (рис. 6).

Культурно-просветительная работа в колхозе имени Шмидта ведется красным чумом. В его штате состоят четыре человека: заведующий, культмедик, учитель-библиотекарь и киномеханик. Работники красного

Рис. 6. Отправка детей в школу-интернат. Усть-Боганида

чума читают колхозникам лекции о насущных вопросах внутренней жизни нашей страны, о международном положении, разъясняют последние решения партии и правительства. Культмедик читает лекции на медицинские темы. Его основная обязанность — бороться за соблюдение правил гигиены и оказывать неотложную помощь в бригадах. К сожалению, ни один из работников красного чума, обследованного нами в 1957 г., не владел нганасанским языком, что, конечно, является крупным пробелом, так как значительная часть колхозников, особенно пожилых, недостаточно знают русский язык. Правда, кроме штатных работников, красный чум располагает активом из молодежи, особенно комсомольцев-нганасан. Активисты красного чума, так называемые культурмейцы, устраивают общие читки газет в бригадах (рис. 7), ведут борьбу за полную ликвидацию неграмотности среди колхозников. Нганасаны с интересом относятся к лекциям, следят за жизнью страны. На центральной базе колхоза часто демонстрируют кинокартины, причем плату за посещение колхозниками кино вносит колхоз.

Следует отметить два отрицательных момента в кинофикации колхоза имени Шмидта. Во-первых, недостаточно тщательно подбирается тематика кинокартин. Иногда показывают зарубежные кинофильмы, как «Дело доктора Вагнера» или «Хлеб, любовь и фантазия», малопонятные для нганасан. В то же время мало показывают кинокартин о Севере, редко демонстрируют любимые колхозниками хроникальные кинокарти-

ны о внутренней жизни нашей страны. Во-вторых, киноустановка работает только на центральной базе колхоза, она слишком тяжела для перевозки на оленях из бригады в бригаду. Между тем, большинство колхозников почти круглый год находится в тундре со стадами или на охотничьих угодьях колхоза. Необходимо снабдить организации, ведающие культурным обслуживанием местного населения, легкими передвижными (на оленях) или смонтированными на вездеходах киноустановками.

Рис. 7. Пастухи за чтением новых газет, привезенных в оленеводческую бригаду. Пайтурма

Рис. 8. Играющие дети. Усть-Боганида

Красный чум имеет библиотеку. В 1957 г. в ней насчитывалось более 400 книг, в том числе произведения дореволюционной русской, советской и зарубежной литературы. Красный чум систематически снабжается газетами и журналами.

Мы познакомились с читательскими карточками некоторых нганасан. Вот одна из них. Молодой оленевод, комсомолец Мукалю Порбин прочел за первую половину 1957 г. «Анну Каренину» Л. Толстого, «Что делать?» Чернышевского, «Гидроцентральный» Шагинян, несколько произве-

дений Драйзера. Но все же летом ни оленеводы, ни охотники не могут пользоваться библиотекой, потому что у них нет в это время никакой связи с центральной базой колхоза.

При красном чуме имеется кружок художественной самодеятельности. В нем участвует 8—10 человек. В 1956 г. силами этого кружка были организованы два концерта и проведен вечер отдыха. Летом 1957 г. участники художественной самодеятельности колхоза имени Шмидта выступили на районном фестивале молодежи в поселке Волочанка.

Широкое распространение получили среди молодежи колхоза спортивные игры, особенно волейбол. На центральной базе колхоза в Усть-Боганиде оборудована волейбольная площадка, и каждый летний вечер на ней можно видеть колхозников-нганасан, играющих в волейбол. Команда колхоза имени Шмидта участвовала в районной спартакиаде, проводившейся в Волочанке в августе 1957 г.

Наряду с новыми формами отдыха бытуют и старые национальные игры и развлечения, хотя некоторые из них постепенно забываются.

В прошлом у нганасан, особенно среди женщин и детей, была широко распространена игра в веревочку, т. е. выплетание на пальцах различных фигур из связанного своими концами шнура (эта игра популярна и среди других народностей Советского Севера)⁶. Юре Турдагин, 39 лет, рассказал нам, что в детстве он часто играл в веревочку и знал много фигур. В последние годы в веревочку играют мало, и многие ее фигуры забыты.

До настоящего времени широко распространена игра в шашки. Играл на доске, разбитой на 64 квадрата (8×8). Половина полей чернится углем, половина остается светлой. Черные поля называют «земля» (моу), а белые — «озера» (турку). Из дерева делают 16 шашек: 8 фигурок женщин и 8 мужчин — нганасан. Первые имеют форму стилизованных женских фигур в парках (верхняя меховая одежда), а вторые изображаются в виде пирамидок, вырезанных елочкой, и напоминают фигуры мужчин в сокуях.

Женщины играют против мужчин. У нганасан есть две разновидности игры в шашки — «нанудеда» и «туркутага». Нанудеда по своим правилам не отличается от русской игры в шашки. Возможно, что она заимствована у русских. Туркутага — игра, в которой, в отличие от нанудеда, можно переходить через «озера», при выигрыше — даже через два «озера» сразу и прямо, а не наискось, как при нанудеда.

Большой популярностью пользуется игра в «лани» (род бильбоке). В прошлом это была азартная игра, чаще всего на оленей. В настоящее время играют только ради спортивного интереса. Лани состоит из палочки и привязанных к ней 17—30 фигур с прорезями. Все фигуры, за исключением трех самых дальних от рукоятки, имеют форму пластинок в виде буквы Х; три последние фигуры сделаны в виде все уменьшающихся колец. Попадание в каждую Х-образную фигуру считается за одно очко; первое колечко дает 100 очков, второе — 200, третье — 300.

По вечерам нганасаны развлекают друг друга пословицами и загадками. Приведем некоторые из них. Пословица: «Корсаду мирага, корсаду миретей» (ум торопится — сам торопиться). Загадка: «Ситти нганаса монкантюрю» (два нганасана ищут друг друга). Ответ: «Коу и кичеда» (солнце и луна). Загадка: «Ситти дямако нересерай тауогай» (две птицы ровно летают). Ответ: «Дей коукай» (палки, которыми поднимают нюк при установке чума). Часто по вечерам рассказывают предания и сказки, поют песни на нганасанском языке. Молодежь нередко поет популярные советские песни на русском языке.

⁶ См., например, А. А. Попов, Семейная жизнь долган, «Сов. этнография», 1946, № 4, стр. 60—61.

* * *

В прошлом брак у нганасан обсуждался членами рода, которые участвовали и в сборе средств для калыма или в подготовке приданого. Была раньше и отработка за жену, длившаяся иногда до шести лет. В определении локальности брака большую роль играло имущественное положение родителей жениха и невесты. Если родители невесты были значительно богаче жениха и его родителей, то брак был постоянно матриликален. В настоящее время все эти обычаи ушли в прошлое. Юноша и девушка сами договариваются о вступлении в брак. Молодожены могут жить с родителями любого из них или отдельно.

До недавнего прошлого у нганасан был распространен обычай усыновления детей. Усыновитель делал подарок родителям усыновляемого. Предпочтительно усыновлялись дети из рода жены. Усыновленный считался принадлежащим к роду своего приемного отца, но взять себе жену из рода своего действительного отца, исходя из экзогамных норм, все же не мог.

В семейно-брачных отношениях еще сохраняются пережитки родовой экзогамии, а также обычай избегания некоторых категорий родственников, в особенности родителей жены. Религиозные пережитки еще сохраняются у людей старшего поколения, а молодежь не знает даже имен нганасанских божеств.

Семья у нганасан очень дружная. Разводы после рождения детей редки. Совсемно исчезло многоженство. Женщина в семье не только равноправна, но пользуется, пожалуй, большим влиянием, чем муж. Что касается имущественных отношений в семье, то мужчина является хозяином денежных средств, в том числе и заработанных женой, а также орудий промысла (ружья, капканов и рыболовных сетей). Женщина — полная хозяйка всех продовольственных запасов, чума, одежды, домашней утвари.

Со своими детьми нганасаны очень ласковы и уделяют им много внимания. В свободное время вырезают для малышей игрушки из дерева. Распространенными детскими игрушками являются лучковый волчок, качающаяся птичка, песец или утка на колесах, мужская и женская санки с фигурками людей и оленей, сделанными из оленьих зубов.

Колхоз обслуживается магазином Авамской рыболовецкой кооперации. В Усть-Боганиде, как сказано выше, есть медицинский пункт. Больных, нуждающихся в стационарном лечении, отвозят в Волочанскую районную больницу, а оттуда в случае необходимости отправляют на самолете в г. Дудинку. Для слабых и больных детей колхозников в Усть-Хантайке имеется специальная санаторно-лесная школа, где дети иногда находятся по несколько лет.

* * *

Перед колхозом стоят большие задачи по подъему экономики и культуры. Для выполнения их требуются механизация колхозного производства, резкое повышение технической оснащенности оленеводства, охоты, рыболовства. Постепенный переход к коммунизму должен сопровождаться расцветом национальной культуры нганасан, как и других народов СССР. Важным условием общего культурного подъема колхозников является повышение культуры быта. Наша промышленность в большом долгу перед оленеводческими колхозами — необходимо обеспечить их соответствующей условиям Севера техникой, подвижными жилищами, специальной мебелью и одеждой.

Быт колхозников должен быть достоин строителей коммунистического общества. Семилетняя программа, намечаемая КПСС, дает возможность осуществить эти задачи и в этом отдаленном уголке нашей Родины.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Ю. П. АВЕРКИЕВА

К ИСТОРИИ МЕТАЛЛУРГИИ У ИНДЕЙЦЕВ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ

(Обработка меди)

Освоение металла в качестве материала для изготовления орудий труда было одним из величайших достижений в истории человеческого общества. Первым металлом, из которого люди еще в условиях каменного века научились изготавливать предметы хозяйственного назначения, была самородная медь.

Вместе с производством и использованием медных орудий, наряду с каменными, в истории материальной культуры человечества начинается новая, более высокая по сравнению с неолитом ступень развития — период медно-каменного века, который был переходным этапом от века камня к веку металла.

В Северной Америке установлены три района обработки меди аборигенным населением в период, предшествовавший колонизации материка европейцами: 1) район Великих озер, где, согласно археологическим данным, обработка меди была известна около пяти тысяч лет назад; 2) область к северу и северо-востоку от Большого Медвежьего озера и 3) Северо-западное побережье. Медные изделия обнаруживаются в курганах на всем протяжении долины Миссисипи и во Флориде. Найденные медные орудия, как правило, были копиями каменных, хотя встречались также своеобразные формы, подсказанные, видимо, свойством металла. Вместе с орудиями найдено большое количество медных украшений и других изделий, назначение некоторых из них не всегда ясно. Большинство предметов изготовлено из листовой меди с чеканным рисунком на них. В могильниках штата Джорджия обнаружены оригинальные медные изделия в форме женских фигурок. В могильниках Охайо найдены предметы из накладных медных пластин. Все это свидетельствует о значительном развитии техники обработки меди в данном районе. Некоторые ученые склонны объяснить это влиянием Мексики; предполагают также, что металл попадал сюда из области Великих озер, где обнаружены медные копи с примитивными орудиями, употреблявшимися при их разработке.

В древних шахтах были найдены каменные молоты весом до 13 кг, в одной из шахт сохранились деревянная лопата, чаша и лестница. Была открыта также шахта глубиной около 8 м, с уже добытым огромным куском самородной меди, поднятым почти на 2 м вверх по наклонным балкам, которые сохранились вместе с креплениями и клиньями¹.

¹ W. Holmes, *Aboriginal copper Mines of Isle Royale, Lake Superior*, «American Anthropologist», N. S., т. 3, N 2, Lancaster, 1901, стр. 684—696.

Эти сведения указывают на довольно интенсивную разработку меди в районе Великих озер.

В значительно меньших количествах использовалась медь в районе к северу и северо-востоку от Большого Медвежьего озера, населенной атапасками и эскимосами. По свидетельству известного канадского исследователя эскимосов Дженнеса, «в древних каменных домах на полуострове Виктория были найдены медные орудия, давность которых исчисляется несколькими столетиями»². Исследователи считают, что насельники этого района, так называемые медные эскимосы, были здесь первыми металлургами и обработка меди была заимствована у них атапаскским племенем татсанодене, называвшимся соседними племенами «желтые ножи» или «медные ножи». Ранние авторы называют их «медными индейцами» или «красными ножами». Эти обозначения, несомненно, свидетельствуют о наличии медных изделий у этих индейцев. От «желтых ножей» медные изделия попадали к чипеваям и другим атапаскским племенам. Медь в указанном районе была предметом оживленной торговли между племенами и употреблялась главным образом для изготовления орудий. Обрабатывали здесь только куски самородной меди, обнаруживаемые в долине реки Коппермайн. Медные эскимосы с побережья регулярно приходили сюда за медью и деревом. В отличие от района Великих озер, здесь не установлена разработка медных копей. Не было ее и у индейцев Северо-западного побережья. Этот район более беден медью, поэтому и металл здесь употреблялся в значительно меньших количествах и ценили его высоко. У аборигенов данного района медные изделия сохранялись почти до наших дней в виде своеобразных медных пластин, широко известных в этнографической литературе. Однако до сих пор недостаточно учитывалось общественное значение этого металла и его обработки в обществе индейцев Северо-западного побережья. Широко распространен еще взгляд, что медные изделия появились в этом районе после открытия его европейцами. Характерно, что в работе известного французского американиста Поля Риве³, посвященной изучению доевропейской металлургии у различных групп аборигенного населения обеих Америк, Северо-западное побережье вообще опущено.

Между тем многочисленные свидетельства первых мореплавателей, побывавших в этом районе в XVIII — начале XIX в., говорят о том, что медь была известна его насельникам до появления там европейцев.

Первое упоминание о меди встречается в дневнике Стеллера, участника экспедиции Беринга и Чирикова в 1741 г. Стеллер рассказывает, что кормчий Хитров видел деревянное индейское жилище, из него он взял «деревянную посудину ...камень, который, вероятно, служил точилом и на котором были видны следы меди от того, что дикие водили по нем режущими орудиями из меди, подобно сибирским народностям»⁴.

Г. Шелехов во время своего путешествия 1783—1787 гг. и штурманы его второй экспедиции (1788) Бочаров и Измайлов, наряду с костяными и каменными наконечниками стрел и копий, видели у тлинкитов и коняг медные и железные орудия⁵. Сообщения о медных изделиях у абори-

² D. Jennes, Indians of Canada, «National Museum of Canada», Bulletin 65, Ottawa, 1932, стр. 388.

³ P. Rivet et H. Arsandaux, La Métallurgie en Amérique précolombienne, «Travaux et Mémoires de l'Institut d'Ethnologie», XXXIX, Paris, 1946.

⁴ G. W. Steller, Tagebuch seiner Seereise aus dem Petripauls Hafen in Kamtschatka bis an die westlichen Küsten von America und seiner Begebenheiten auf der Rückreise, «Neue Nordische Beiträge», т. V., St. Petersburg, 1793, стр. 38—39.

⁵ «Путешествие Григория Шелехова с 1783 по 1790 гг.», СПб., 1812, ч. I, стр. 74; ч. II, стр. 51.

генов данного района содержатся также в описаниях испанских экспедиций Хуана Перес (1774), Кадра и Моррей (1779) ⁶, в «Путешествиях» Кука, Лаперуза, Диксона, Мирса и др.⁷

Дж. Мирс сообщает не только о виденных им в 1788—1789 гг. у индейцев залива Нутка медных наконечниках стрел и украшениях (ожерельях и запястьях), но и о кусках ковкой чистой меди, причем один из виденных им кусков меди весил около 500 г и использовался в виде молота. «Индеец, владевший им,— пишет Мирс,— на наши вопросы о происхождении этой меди дал нам понять, что он выменял его у одного народа, жившего к северу от них» ⁸. На этом основании Мирс предполагал наличие месторождений меди на побережье.

Особенно важное значение для выяснения вопроса о местном происхождении меди в исследуемом нами районе имеет сообщение П. Зайкова, штурмана судна «Александр Невский», относящееся к 1783 г. В дневнике П. Зайкова сообщается, что он и его товарищи видели у аборигенов медные копья, топоры и наконечники стрел и что передовщик судна Нагаев открыл устье р. Медной, по которой «чугачи ходят вверх байдарами и через 20 дней доходят до людей, живущих по берегам оной реки немалого числа... и торгуются, получают у них медь самородную, а иную находят и сами в горах штуками» ⁹. Это сообщение П. Зайкова подтверждалось последующими исследователями.

Лисянский и Литке свидетельствуют о том, что тлинкиты получали медь обычно от жителей р. Медной ¹⁰. «Отыскание Медной реки или места, где находят самородную медь, было всегдашним предметом Баранова», замечает Давыдов ¹¹. О наличии медных рудников на р. Медной сообщают также путешественники Херн и Макензи. В. Берх, чиновник Русско-Американской компании, в предисловии к своему переводу «Путешествий» Херна и Макензи, писал: «Буде Компании доставят средства заняться собиранием меди, то от оных может произойти большая польза; ибо медь составляет важную часть коммерции в Манилии, а у нас она в одной цене с золотом» ¹².

Русские промышленники и служащие Компании, узнав от американских аборигенов о наличии медных месторождений, предприняли ряд попыток к их открытию. Баранов неоднократно посылал своих людей на отыскание р. Медной (походы Самойлова, Ласточкина, Климовского, Григорьева), но неудачно, так как индейцы ревностно оберегали свои сокровища и большинство смельчаков, отправлявшихся на поиски, не возвращалось. Вернуться из такого путешествия удалось только двум служащим Компании — Семену Баженову (1803 г.) и Серебренникову

⁶ C. F. Newcomb, The Haida Indians, «Proceedings of the International Congress. of Americanists», т. XV, № 1, Paris, 1907, стр. 135.

⁷ J. Cook and J. King, A voyage to the Pacific Ocean undertaken by the Command of his Majesty, for making discoveries in the Northern Hemisphere, London, 1784—1785, т. II, стр. 332; «Voyage de La Pérouse autour du monde», Paris, 1798, т. II, стр. 152, 207; G. Dixon, A voyage round the world but more particularly to the Northwest Coast of America, London, 1789, стр. 188.

⁸ «Voyage de la Chine à la côte Nord-Ouest d'Amérique fait dans les années 1788 et 1789 par le capitaine J. Meares», Paris, 1895, т. II, стр. 339—340.

⁹ «Выписка из журнала штурмана Потана Зайкова, веденного на судне «Св. Александр Невский» в 1783 г., опубликована в работе: П. Тихменев, Историческое обозрение образования Российско-Американской компании, СПб., 1863, т. II, Приложения, стр. 5.

¹⁰ Ю. Ф. Лисянский, Путешествие вокруг света на корабле «Нева» в 1803—1806 гг., 2-е изд., М., 1947; Ф. П. Литке, Путешествие вокруг света на военном шлюпе «Сенявин», 1826—1829, 2-е изд., М., 1948.

¹¹ «Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова», СПб., 1810—1812, т. II, стр. 136.

¹² «Путешествия по Северной Америке, к Ледовитому морю и Тихому океану, совершенные господами Херном и Макензи. Переведено с английского на русском языке В. Берхом», СПб., 1808, стр. XI.

(1847). Берх по этому поводу сообщал: «Компания посылала одного из своих служителей (Семена Баженова) вверх по Медной реке для отыскания меди, и сам Баженов мне сказал, что он исходил в сих местах более 500 верст, был на реке, выпадающей из Медной, у народа Атна и на всем сем пространстве видел у каждого индейца медь»¹³. «По словам Баженова,— писал Лисянский,— на реке сей находится великое количество самородной меди, но обыватели тщательно скрывают места, где она собирается большими кусками»¹⁴. Привезенные Баженовым образчики меди «доказывают превосходство и богатство руды, находящейся большим количеством на поверхности земли»¹⁵.

Наличие меди в долине р. Медной было подтверждено позднейшими геологическими исследованиями. Академик Л. С. Берг, пользуясь данными этих исследований, писал: «Медь могла быть у обитателей бассейна р. Медной, где имеются богатые залежи меди и где нередко на поверхности земли попадаются самородки меди»¹⁶. Все эти сведения совершенно бесспорно устанавливают, что р. Медная была главным источником меди на побережье. Небольшие месторождения были открыты индейцами цимшиан в верховьях реки Насс, хайда находили медь на островах королевы Шарлотты, индейцы шуспа — в небольшом озере Камлу, но залежей меди в этих местах было так мало, что она не удовлетворяла даже потребностей местного населения.

* * *

Медь была главным предметом торговли атапасков, населявших район медных месторождений на р. Медной, с индейцами побережья. В русских источниках они называются медновцами, атновцами, иногда атна, атнахмюты, атнахотана, медного поколения народ. Они-то и оберегали ревниво месторождения меди.

О том, что медь была одним из главных предметов обмена у жителей Северо-западного побережья, свидетельствуют все исследователи этого района. Наиболее ценными являются наблюдения К. Т. Хлебникова (одного из деятелей Российско-Американской компании), в записках которого сообщается, что тлинкиты чилкатского родоплеменного подразделения выменивали у племени кониан самородную медь, лисьи и собольи шкуры на ружья и порох, получаемые ими у русских. Племя кониан описывается им как отличное от тлинкитов как по образу жизни, так и по языку. «Тоен Сайгаках,— пишет Хлебников,— уверял, что народ сей имеет сношение через горы с медновцами и чугачкими обитателями и с ними бывали там чильхатские колюжи»¹⁷. Это сообщение К. Т. Хлебникова послужило, по-видимому, источником для Ф. П. Литке и В. Романова, приводящих это же свидетельство в своих трудах¹⁸, употребляя название «конлан» вместо «кониан».

В составленных Ф. П. Врангелем описаниях русских колоний находим указание на то, что у чугачей, угаленцев, колошей, кольчан и кенайцев «страна медновская славилась прежде медью»¹⁹. «Задолго до

¹³ «Путешествия..., совершенные господами Херном и Мякензием», стр. XIII.

¹⁴ Ю. Ф. Лисянский, Указ. раб., стр. 175.

¹⁵ Это писал анонимный автор статьи — «Мысли о путешествии, которое можно предпринять от р. Медной по сухому пути до Ледовитого океана и Гудзонова залива», напечатанной в журнале «Северный Архив», т. 17, СПб., 1825, стр. 133.

¹⁶ Л. С. Берг, Открытие Камчатки и экспедиции Беринга, М.—Л., 1946, стр. 125.

¹⁷ «Записки о Америке К. Т. Хлебникова», «Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана», вып. III, СПб., 1861, стр. 37.

¹⁸ В. Романов, О колюжах, или колошах, вообще, «Северный Архив», т. 17, 1825, стр. 26; Ф. П. Литке, Указ. раб., стр. 79.

¹⁹ Ф. П. Врангель, Обитатели северо-западных берегов Америки, «Сын Отечества», т. VII, 1839, стр. 52.

знакомства с европейцами и, следовательно, до знакомства с железом, — сообщает Холмберг, — или в последние десятилетия предыдущего столетия (XVIII. — Ю. А.) тлинкитам была известна техника обработки меди, которую они получали путем обмена от племен р. Медной»²⁰. А. Эрман, как и русские авторы, отмечает посредничество племен конлан в торговле медновцев с тлинкитами. «Колоши, впрочем, звали это племя (медновцев. — Ю. А.) алахтаны и в торговых отношениях с ними пользовались посредничеством другого племени, называемого ими конлан»²¹. Возможно, что «конлан» (кониан у Хлебникова) — искаженное тлинкитское название «гонана» («кунана» у Вениаминова²²), которым тлинкиты именовали атапасков. В пользу подобного толкования говорят приведенные выше сообщения К. Хлебникова.

Тлинкиты в свою очередь вели посредническую торговлю между атапасками и племенами побережья. Первенствующую роль в этой торговле играли тлинкиты чилкатского подразделения — ближайшие соседи внутриматериковых атапасков. А. Краузе подробно останавливается на посредничестве чилкатов сначала в торговле между племенами побережья и внутриматериковыми индейцами, позже в меховой торговле между последними и белыми скупщиками мехов²³.

По свидетельству Дж. Эммонса, чилкаты «ежегодно совершали несколько торговых походов пешком внутрь материка. Кроме того, на лодках они ездили в Якутат и скупали медь у жителей реки Медной»²⁴. Измайлов сообщает, что он встретил в Якутате большую партию чилкатцев во главе с их вождем Ильчаком²⁵. Племена цимшиан и хайда, жившие к югу от тлинкитов, покупали медь преимущественно у чилкатцев.

К северу от тлинкитов торговым пунктом был остров Нучек. По свидетельству Г. Давыдова и И. Петрова, индейцы реки Медной ежегодно приезжали на остров, «дабы продать привезенные меха и самородную медь»²⁶.

На атапаскское происхождение меди у индейцев побережья указывает также целый ряд индейских преданий. В одном из них рассказывается о встрече заблудившегося в лесу тлинкита с семьей атапасками (гонана). Тлинкит испугался их и убежал в лес. Атапаски присели у его костра и съели поджаренную им рыбу, но за это воткнули в землю столько стрел с медными наконечниками, сколько было палочек для поджаривания рыбы. Так впервые тлинкиты узнали об этом металле²⁷. В другом сказании сообщается, как чилкатский род Кизюча принял у себя пришедших к ним атапасков (гонана), взял у них медь и стал богат, а позже, поселившись в устье р. Медной, сосредоточил в своих руках торговлю медью²⁸. У хайда существует предание о том, что раньше медь была в стране хайда, но «ушла» на север²⁹. По представлениям

²⁰ H. Holmberg, *Ethnographische Skizzen über die Völker des Russischen America*, Helsingfors, 1856, стр. 308.

²¹ A. Erman, *Ethnographische Wahrnehmungen und Erfahrungen an den Küsten des Berings-Meeress*, «Zeitschrift für Ethnologie», т. II, 1870, стр. 386.

²² И. Вениаминов, *Записки об островах Уналашкинского отдела*, СПб., 1850, ч. III, стр. 27.

²³ A. Krause, *Die Tlinkit-Indianer*, Jena, 1885, стр. 186.

²⁴ G. Emmons, *Copper neck ring of southern Alaska*, «American Anthropologist», т. 10. № 4, Lancaster, 1908, стр. 191—196.

²⁵ «Путешествие Григория Шелехова...», ч. II, стр. 47.

²⁶ «Двукратное путешествие в Америку... Хвостова и Давыдова», ч. II, стр. 119; I. Petroff, *Report on the population, industries and resources of Alaska*, Washington, 1884, стр. 168.

²⁷ J. Swanton, *Tlingit Myths and Texts*, «39 Bulletin, Bureau of American Ethnology», Washington, 1909, стр. 155.

²⁸ Там же, стр. 160.

²⁹ J. Swanton, *Haida Texts and Myths*, «29 Bulletin Bureau of American Ethnology», Washington, 1905, стр. 346.

белла-кула, медь, вылавливается в виде лосося в устье неизвестной реки далеко на севере³⁰.

Первоначально медь, соболи и лисьи меха атапасков обменивались на продукты побережья: юколу, рыбий жир, шкуры морских животных и на раковины. С приходом русских и появлением европейских товаров тлинкиты стали выменивать атапаскую медь на ружья, порох и другие товары. Вдоль побережья медь обменивали на рабов, челноки, покрытые резьбой деревянные ящики, плетеные изделия и деревянные блюда.

В связи с вопросом о распределении меди на побережье интересны свидетельства путешественников о большом спросе на медь среди жителей пролива Джорджия и западного побережья острова Ванкувер. Это объясняется, по-видимому, сравнительной отдаленностью живших здесь племен от р. Медной. Медь попадала сюда в незначительных количествах и, вероятно, по очень дорогой цене, которая, естественно, возросла по мере отдаления от места добычи меди. Поэтому купцы, заметив спрос на медь, завезли на побережье такое количество металла, что постепенно обесценили его.

* * *

Атапаски, населявшие долину р. Медной, по-видимому, и были первыми кузнецами и торговали преимущественно готовыми изделиями из меди. Об этом свидетельствует Врангель. «У всех сих народов,— пишет он,— страна медновская славилась прежде медью в ней находимой; туземцы выковывали из сего металла топоры, ножи, нагрудники для себя и в продажу угаленцам, колошам и другим соседям!»³¹. О торговле готовыми изделиями свидетельствует и Эммонс: «До прихода белых,— пишет он,— когда аборигены еще не имели железа, чилкаты и хуна каждое лето совершали длинные поездки в челноках в Якутат покупать у племени эйяк медь, обработанную в виде ножей, копий, украшений и медных пластин (tinne). В свою очередь чилкаты и хуна эти изделия продавали более южным племенам за кедровые челноки, ящики, продуктовые корзины и блюда»³².

Но были ли атапаски р. Медной единственными кузнецами? Утверждение Врангеля: «И теперь они единственные кузнецы, умеющие ковать железо, получаемое ими от русских, ни колоши, ни другие народы в колониях не знают сего искусства»³³,— как будто говорит об этом. Однако данные других исследователей показывают, что Врангель не совсем прав. Уже Лаперуз отмечал, что американцы Порты Франции³⁴ умели обрабатывать медь»³⁵. У Вениаминова мы находим указание на то, что тлинкитам была знакома техникаковки меди. «У колош есть и свои кузнецы, делающие копья, кинжалы и другие безделицы»,— писал он, указывая при этом, что первым кузнецом «был не мужчина, но чилкатская женщина, которую называли благодаря ее искусству «Шукассака», что значило — полумужчина»³⁶. Холмберг и Петров, приводящие эту же легенду, указывают, что Шукассака была почитаема тлинкитами как своего рода божество — покровительница искусства обработки меди. По мнению указанных авторов, это искусство было известно аборигенам

³⁰ T. Mc Ilwraith, *Bella Coola Indians*, Toronto, 1948, т. I, стр. 254.

³¹ Ф. П. Врангель, Указ. раб., стр. 52.

³² G. Emmons, *Meeting between La Pérouse and Tlinkits*, «*American Anthropologist*», т. 13, № 2, Lancaster, 1911, стр. 297.

³³ Ф. П. Врангель, Указ. раб., стр. 52.

³⁴ Залив Льюта, названный Лаперузом Порт Франции.

³⁵ «*Voyage de La Pérouse...*», т. II, стр. 207.

³⁶ И. Вениаминов, Указ. раб., ч. III, стр. 112.

задолго до их встречи с европейцами³⁷. По свидетельству Вениаминова, тлинкитскими кузнецами были преимущественно вольноотпущенники из колумбийцев.

От чилкат это искусство распространилось к другим племенам, но в очень незначительных размерах и всюду хранилось как наследственная семейная тайна. Согласно одной из легенд цимшиан, обработка меди была известна и этому племени. В легенде описывается техника обработки меди, переданная как сверхъестественный дар сына солнца мужу своей младшей дочери от брака его с индеанкой, носившей имя Луны. Сын солнца сообщил зятю о месторождениях меди на Медном ручье в верховьях реки Скина. Зять поймал в указанном ему месте большого лосося и, бросив его на берег, услышал звон меди и увидел, что лосось превратился в медь. Укладываясь на ночь, индеец положил лосося-медь под голову, а на утро его нашли мертвым. «Живая медь убила его», сказал мудрейший из присутствовавших. Люди решили убить «медь». Они развели большой костер, бросили лосося-медь в огонь. Когда прогорели дрова, они нашли в золе чистую мягкую медь в виде жгута. В легенде далее рассказывается, что с помощью чудодейственной силы солнце-тесть воскрешает убитого «живой медью» зятя и говорит собравшимся в его доме: «Остерегайтесь живой меди с этого ручья. Не допускайте туда никого, кроме моего зятя и его потомков. Я научу их, как убивать живую медь и как делать из нее дорогие пластины. Он должен затем научить этому своих детей». Тесть отзывает в сторону зятя и свою дочь и учит их технике обработки меди: «Как только вы поймаете медного лосося или живую медь, разведите большой костер и бросьте весь улов в огонь; возникающие при этом газы не повредят вам, наоборот, они сделают вас богаче всех вождей на свете».

В легенде подчеркивается, что добыча и обработка меди должны быть сугубо семейной тайной, которую нельзя открывать ни сородичам, ни соплеменникам. Обладателям тайны дается совет есть смолу белой сосны и натирать ею лицо и руки перед тем, как брать живую медь; это — своего рода средство против вредного действия газов, возникающих при обработке меди. Легенда заканчивается тем, что зять этого сверхъестественного существа становится первым ковалем меди, богатейшим из богатейших и первым вождем среди племен³⁸.

Эта легенда цимшиан перекликается с легендой квакиютлей о кузнеце меди, получеловеке — полубожестве, живущем в подводном царстве на «Медном дне», где-то на севере. Богатства его несметны: дом и все в доме у него медное, свое имя Тляквагила («коваль меди») он вместе с медными изделиями, домом и челноком также передает своему зятю³⁹. Тляквагила — наследственное имя вождя самого почетного рода квакиютлей — рода Солнца.

Характерно, что в легендах квакиютлей медь приобретает только сверхъестественным путем и всегда в форме готовых изделий. То к герою является таинственный челнок весь из меди, из которого герой тайком делает затем медные пластины, то герой попадает в подводное царство «коваля меди» и последний награждает его медным челноком, наполненным медными пластинами и медными веслами. Если мать изготавливает медные лук и стрелы для своего необыкновенного сына — очень частый сюжет в фольклоре квакиютлей, — то всегда материалом для этого служат ее браслеты. Вместе с тем совершенно отсутствуют указания на самородки меди. Это несомненно говорит о том, что квакиютли выменивали уже готовые изделия. Об этом же свидетельствует и то, что

³⁷ Н. Holmberg, Указ. раб., стр. 308; I. Petroff, Указ. раб., стр. 168.

³⁸ F. Boas, Tsimshian Mythology, «31st Annual Report Bureau of American Ethnology», Washington, 1916, стр. 303—306.

³⁹ F. Boas and G. Hunt, Kwakiutl Texts, I, «Publications of the Jesup North Pacific Expedition», Leiden, 1902, стр. 83—85.

ни в одной легенде квакиютлей, рассказывающей о передаче медного челнока в медные пластины или браслетов — в луки и стрелы, не описывается самый процесс производства, хотя имя Тлякватиг могло бы служить указанием на то, что им была знакома обработка меди.

В легендах хайда, непосредственно связанных с тлинкитами, прямо говорится о приобретении медных изделий от последних.

Сведения о самой технике обработки меди на побережье вообще очень скудны. Но проделанный Эрманом анализ медных изделий тлинкитов и чугачей убедил его в том, что сделаны они из кусков самородной меди, без плавки металла, путем холоднойковки при помощи каменных молотов. Для шлифовки, полировки и придания изделиям блеска пользовались точильным камнем и кожей рыбы. Он указывает далее, что позже «железо обрабатывалось таким же образом, здесь терпение заменяло несовершенство метода обработки»⁴⁰.

Об этой технике говорят и русские источники. Измайлов сообщает, что жители Якутата сами ковали свои кинжалы и острия копий на камне⁴¹. Лисянский, описывая тлинкитскую медную пластину, указывает, что она была выкована или вытянута из куска самородной меди⁴². На эту же технику указывается в легенде белла-кула о «медном лососе», где говорится, что пойманного лосося бьют на камне до тех пор, пока он не превратится в медь⁴³. Характерно, что в языке квакиютлей слова «ударять» камнем и «ковать» обозначаются одним словом «lek'a»⁴⁴.

По свидетельству Эммонса, самородки меди перед ковкой размягчались на огне. Он приводит следующее описание процессаковки: «Самородок меди раскаляли докрасна, чтобы он был мягок, после чего попергали его ковке от концов к середине. Затем его снова нагревали и обрабатывали таким же образом, толькоковка теперь шла вдоль краев». Эти процессы повторяли до тех пор, пока не достигали желаемой толщины листа»⁴⁵.

Дальше этого индейцы побережья в развитии медной промышленности пошли. Несомненно, что только так могли обрабатывать металл лютыми каменной техникой. Известно, что и медные эскимосы и индейцы племен «медных ножей», жившие к востоку и северо-востоку от Большого Медвежьего озера, обрабатывали медь при помощи обычных каменных молота, топора и ножей⁴⁶.

Обнаруженные Куком у нутка украшения из сплава, похожего на бронзу, по всей вероятности были импортными.

* * *

Медь служила материалом для изготовления оружия, орудий, браслетов, ожерелий, масок, трещоток, украшений для ушей и носа. В оружии чаще всего упоминаются медные кинжалы, которые носили на ножнах, подвешенных к шее на ремне. Измайлов сообщает о виденном им у тлинкитов медных кинжалах⁴⁷.

⁴⁰ A. E r m a n, Указ. раб., стр. 285—391.

⁴¹ «Путешествие Григория Шелехова...», ч. II, стр. 51.

⁴² Ю. Ф. Лисянский, Указ. раб. стр. 153.

⁴³ V. Garfield and L. Forrest, The Wolf and the Raven, Seattle, 1948, стр.

⁴⁴ F. Boas, Ethnology of the Kwakiutl. «35-th Annual Report Bureau of American Ethnology», Washington, 1921, стр. 1433.

⁴⁵ G. E m m o n s, Copper neck ring of Southern Alaska, стр. 648—649.

⁴⁶ D. J e n n e s, Указ. раб., стр. 36.

⁴⁷ «Путешествие Григория Шелехова...», ч. II, стр. 51.

Упоминания и описания медных кинжалов встречаются в работах почти всех путешественников и исследователей, побывавших на Северо-западном побережье⁴⁸. Как свидетельствуют эти материалы, кинжалы из меди были двух родов: двухсторонние — с клинками на обоих концах и рукояткой, находящейся ближе к короткому клинку, и односторонние. Их считали дорогим наследственным оружием в роде, и на их рукоятках изображали родовые тотемы. В этом отношении они напоминали европейское фамильное оружие эпохи феодализма. Характерное описание одного из кинжалов хайда приведено у А. Макензи. «История этого кинжала, — пишет он, — была известна в течение 2—3 поколений, он переходил по наследству от одного вождя к другому, но его настоящее происхождение было не ясно»⁴⁹.

У индейцев лиллуэт, по свидетельству Тейта, медные кинжалы ценились больше за редкость, чем за их действенность⁵⁰. Позже такой

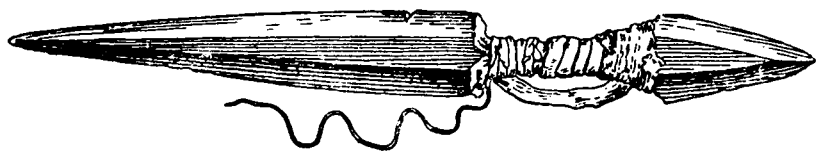

Рис. 1. Тлинкитский железный кинжал (из коллекций Музея антропологии и этнографии АН СССР)

же формы кинжалы изготовлялись из железа и стали, быстро вытеснившие из употребления медные. В тлинкитских коллекциях Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР хранятся образцы только железных кинжалов (рис. 1).

Во время нашей экспедиции к квакиютлям с проф. Ф. Боасом в 1930—1931 гг. мы видели деревянные кинжалы, которыми индейцы пользовались при обрядовых плясках. Индейцы рассказывали нам, что раньше подобные кинжалы изготовляли из меди, потом из железа, а теперь копии их делают из дерева, и они имеют лишь обрядовое значение.

Публикации путешественников и фольклор дают обширный материал о медных наконечниках стрел и копий. Сказочные герои ряда индейских легенд имеют медные лук и стрелы. «Когда жители вели между собой войну, то вооружались большими луками наподобие аляскинских и стрелами с аспидными и медными носками», — писал Лисянский⁵¹. О медных наконечниках стрел упоминает также Давыдов⁵². Свидетельства путешественников подтверждаются позднейшими наблюдениями в трудах Краузе, Ниблака, Боаса, Суантона. У Шелехова и П. Зайкова упоминаются медные копья⁵³.

⁴⁸ «Voyage de La Pérouse...», ч. II, стр. 11, 172; G. Dixon, Указ. раб., стр. 188; A. Erman, Указ. раб., стр. 317, 325, 386, 387; И. Вениаминов, Указ. раб., ч. III, стр. 114; A. Krause, Указ. раб., стр. 186; G. Emmons, Copper neck ring of Southern Alaska, стр. 645.

⁴⁹ A. Mackenzie, Descriptive notes on certain implements, weapons, etc. from Graham Island, Queen Charlotte Islands, B. C., «Proceedings and Transactions of Royal Society of Canada», IX, Montreal, 1892, стр. 50.

⁵⁰ J. Teit, Lillooet Indians, «Memoirs of the American Museum of Natural History», т. IV, New York, 1906, стр. 204.

⁵¹ Ю. Ф. Лисянский, Указ. раб., стр. 185.

⁵² «Двукратное путешествие в Америку... Хвостова и Давыдова...», стр. 136.

⁵³ «Путешествие Григория Шелехова...», ч. I, стр. 74; «Выписка из журнала штурмана Потана Зайкова...», стр. 5.

Что касается медных орудий, то о них нам во всей литературе удалось встретить только три упоминания, наиболее ранними из которых являются приведенное выше сообщение П. Зайкова о медных топорах и описание Мирсом молота из медного самородка. Лисянский описывает виденную им «пекулку — род медной сечки»⁵⁴. В легендах квакиютлей встречаются упоминания о медном ноже и гребне. В одной из легенд говорится о медном барабане. В тлинкитской легенде о Вороне говорится о медном котле в форме ящика, который наполнили водой и поставили на огонь, одновременно опуская в него раскаленные камни⁵⁵, как это делали при варке пищи в деревянных ящиках.

Такая скудость сведений о медных орудиях и утвари не случайна. Вследствие мягкости металла медные изделия не могли вытеснить каменные и костяные орудия и играли по сравнению с ними второстепенную роль. Они были скорее дорогой редкостью. С появлением железа использование меди для выделки орудий производства и оружия было окончательно вытеснено.

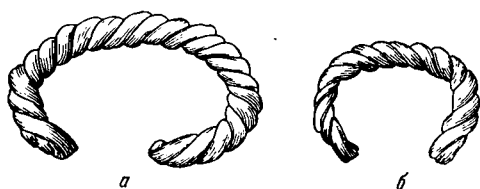

Рис. 2. Медные браслеты: а — ножной; б — ручной (по кн.: P. E. Goddard, *Indians of the Northwest Coast*, N. Y., 1924)

Более широко использовалась медь для изготовления украшений: ожерелий, браслетов и инкрустации оружия, утвари, скульптур. Диксон описывает медные ожерелья хайда⁵⁶. Путешественники Херн и Макензи дают следующее описание украшений тлинкитов: «Большая часть украшений, как то: серьги, ожерелья, браслеты на руки и ноги, всё медь... медь большими кусками... Мы видели женщину, в нижней губе которой был вставлен кусок меди»⁵⁷. Ниблак в своей работе приводит изображение нескольких медных браслетов и ожерелий индейцев хайда, цимшиан и квакиютлей⁵⁸. Все они представляли собой согнутые в кольца жгуты скрученные из двух медных полос (рис. 2). Макензи приобрел у хайда острова Грахам одно ожерелье, которое являлось наследственной семейной драгоценностью и, согласно связанной с ним легенде, было сделано из меди, привезенной с Аляски⁵⁹.

Эммонс, специально изучавший медные ожерелья, пишет: «Медные ожерелья надевались вождями во время празднеств. Они были не только украшением, но и являлись признаком богатства и высокого ранга. Они имели то же значение, что и медные пластины и накидки чилкат... Это самые редкие изделия из меди на Северо-западном побережье». Эммонс приводит сообщение Ньюкомба о том, что у хайда островов королевства Шарлотты он видел только четыре ожерелья, которые передавались из поколения в поколение⁶⁰.

⁵⁴ Ю. Ф. Лисянский. Указ. раб., стр. 173.

⁵⁵ J. Swanton, *Tlingit Myths and Texts*, стр. 119.

⁵⁶ G. Dixon, Указ. раб., стр. 237—239.

⁵⁷ «Путешествия... совершенные Херном и Мякензием...», стр. 51, 53.

⁵⁸ A. P. Niblack, *The Coast Indians of Southern Alaska and Northern British Columbia*, «Annual Report of the United States National Museum for 1888», Washington 1890, табл. VI.

⁵⁹ A. Mackenzie, Указ. раб., стр. 51.

⁶⁰ G. Emmons, *Copper neck ring of Southern Alaska*, стр. 647.

Диксон описывает тлинкитскую губную втулку из дерева середина которой была инкрустирована маленькой перламутровой раковиной, а вокруг нее шел медный ободок⁶¹. В большом употреблении были также маленькие медные пластинки (длиной 2—6 см, шириною 1—2 см); ими обшивали подол обрядового передника вождя и его детей, надевавшегося в торжественных случаях. Описания такого передника читаем у ряда ранних авторов. Еще в 1930 г. мы видели такой передник у индейки племени квакиютль, дочери Георгия Хонта в Форте Руперт.

Легенды племен также дают богатый материал о медных украшениях. Носят их неизменно только вожди, их жены и дети⁶². Ожерелья обычно носят мужчины, а женщины — браслеты. Поэтому родители в легендах индейцев узнают своих сыновей, превратившихся в лососей, волков или в другие зооморфные формы, по медному ожерелью, которое они носили, будучи людьми.

Многочисленные свидетельства указывают на то, что медные украшения были редкой наследственной драгоценностью семей вождей, знатных и богатых индейцев, своеобразной эстетической формой сокровища. С приходом европейцев медные украшения были вытеснены серебряными и золотыми.

Иногда медь употребляли для изготовления тотемных масок или для их инкрустации. Вениаминов описывает тотемный костюм тлинкитского рода Волка, состоявший из волчьей шкуры с хвостом и лапами и медной головы⁶³. В одной из легенд этого же племени описывается головной убор рода Кижучь, изображавший ворона; клюв и хвост были сделаны из меди, а вместо крыльев прикреплены медные пластины⁶⁴.

* * *

Однако из всех медных изделий на побережье больше всего ценили оригинальные, похожие на нагрудные щиты медные пластины. Первое и подробное описание такого рода пластин встречаем у Ю. Ф. Лисянского. «Из всех трофеев его (Баранова.— Ю. А.), — пишет он, — самой важной и особенного внимания заслуживающей была доска (род щита), выкованная или вытянутая из самородной меди, найденной на так называемой Медной реке. Длинной доска сия в 3 фута [91 см], шириною внизу 1 фут 10 дюймов [56 см], а вверх 11 дюймов [28 см]⁶⁵, на внешней поверхности оной нарисованы некоторые изображения. Таковых досок, по редкости и дороговизне своей, никто, кроме людей богатых, иметь не в состоянии, ибо каждая из них стоит от 20 до 30 бобров. Говорят, что при праздничных обрядах носят их перед хозяевами, а иногда бьют по оным для произведения звука вместо музыки. Впрочем, вся важность таковых досок состоит в самородной меди, потому что за такую доску, из нашего металла сделанную, не дают более одного бобра»⁶⁶. Характерно, что до Лисянского ни в одном из описаний путешественников не встречаем даже упоминаний о медных пластинах⁶⁷. Якобсен, посетивший побережье значительно позже Лисянского, подробно описывает медные пластины индейцев хайда. «В домах хайда, — пишет

⁶¹ G. Dixon, Указ. раб., стр. 237.

⁶² J. Swanton, Haida Texts and Myths, стр. 26, 182, 196, 336; F. Boas, Kwakiutl Tales, «Columbia University contributions to Anthropology», т. 2, Leiden—New York, 1910, стр. 13, его же Ethnology of the Kwakiutl, стр. 937 и др.

⁶³ И. Вениаминов, Указ. раб., ч. III, стр. 104.

⁶⁴ J. Swanton, Tlingit Myths and Texts, стр. 161.

⁶⁵ На самом деле более широкий конец считается верхом медной пластины.

⁶⁶ Ю. Ф. Лисянский, Указ. раб., стр. 153—154.

⁶⁷ Отсутствие упоминаний о медных пластинах могло быть следствием того, что у нутка их не было, а у более северных племен их показывали только на потлачах, из путешественников же очень немногие были свидетелями этих празднеств.

он,— я заметил много экземпляров своеобразной формы медных пластин, которые уже с давних времен играли роль в торговых отношениях северо-западных индейцев. Это были похожие на четырехугольный щит пластины, снабженные примитивным орнаментом; как рассказывают, вес некоторых из них достигал 10 кг. Я видел одну такую медную пластину, которая оценивалась в 1700 шерстяных одеял»⁶⁸.

Размеры пластин колебались от 18—20 см до 1 м 30 см в высоту, нижний прямой край пластины всегда был несколько уже верхнего — закругленного. Посредине пластины выгибался Т-образный знак, по-

Рис. 3. Медная пластина цимшиан (по работе: F. Boas, *Tsimshian Mythology...*)

перечное ребро которого делило пластину на верхнюю и нижнюю части, продольное же ребро в свою очередь делило нижнюю часть пластины на две половины. Этот знак составлял как бы остов пластины и назывался у хайда «позвоночником медной пластины». Он считался самой ценной ее частью и, как сообщал Макензи, «выковывался в процессе изготовления доски своеобразным методом, известным только очень квалифицированным мастерам. Толщина его должна была соответствовать толщине всей доски, если же она оказывалась тоньше, то ценность пластины падала и она даже считалась поддельной»⁶⁹. Сторона, на которой этот знак образовывал два выпуклых ребра, считалась лицевой, и ее чернили графитом. На этой черной поверхности изображали тотемные знаки владельца пластины (рис. 3). Верхняя часть ее называлась лицом

⁶⁸ «Captain Jacobsen's Reise nach der Nordwestküste Americas», Leipzig, 1884 стр. 31.

⁶⁹ A. Mackenzie, Указ. раб., стр. 53.

и на ней характерным для искусства этого района стилем изображали голову тотемного животного, на нижней же части, называвшейся «задней частью», наносили конечности тотема. Очень часто тотемные знаки наносили только на верхнюю часть пластины.

Изображали наиболее распространенных здесь тотемных животных. Макензи свидетельствует, что у хайда «знаки на верхней части медных пластин представляли собою изображения медведя, орла, ворона, кита»⁷⁰, которые, как известно, были главными тотемами хайда.

Но были пластины, и не имевшие изображений.

Каждая пластина имела свое имя. Среди имен, которые Боас приводит для 16 медных пластин квакиютлей, имевшихся в Форте Руперт в 1893 г., встречаем: «Кижучь», «Морской лев», «Голова бобра», «Кит» и др. Эти названия указывают на животных, являющихся тотемами родов квакиютлей, они, несомненно, соответствовали изображенным на пластинах знакам.

Но наряду с ними Боас приводит наименования, указывающие на ценность медных пластин, например: «Всеим другим пластинам стыдно взглянуть на нее» или «Очищающая дом от богатств» и т. д.⁷¹. Такой же характер носят некоторые из названий медных пластин хайда, например: «Медь, обкрадывающая всех людей», «Медь, похожая на облако», «Медь, стоящая прямо», «Медь, которую надо мерить»⁷². Все эти описательные имена, вероятно, позднего происхождения. Весьма вероятно, что это были наименования пластин, не имевших родовых тотемных изображений и принадлежавших индейцам, не имевшим наследственных родовых привилегий, одной из которых считалось право изображать знаки родового тотема.

Происхождение щитообразных медных пластин до сих пор остается загадкой. В вооружении самих индейцев побережья подобной формы щитов не было, не было в их быту и других предметов, в какой-либо мере напоминавших форму пластин. Нам представляется возможным искать происхождение медных пластин у атапасков реки Медной, тем более, что на это имеются прямые указания в литературе.

Так, Врангель, как мы видели выше, отмечал, что «жители страны медновской выковывали из меди, наряду с топорами и ножами, нагрудники для себя и в продажу угаленцам, колошам и другим соседям»⁷³. Не являются ли медные пластины этими «нагрудниками» или нагрудными щитами атапасков? Интересно также свидетельство Макензи, что «первоначально это доски ввозили из северной Аляски, где их, по традиции, изготавливали из самородков меди, находимых в текущей там реке»⁷⁴. Якобсен прямо указывает, что медные пластины изготавливались раньше на р. Медной и на р. Стахин на Аляске⁷⁵. Суантон, посвятивший много

Рис. 4. Деревянная скульптура индейца квакиютль с медным щитом у груди (по кн.: Th. Drucker, *Indians of the Northwest Coast*, N. Y., 1955)

⁷⁰ Там же.

⁷¹ F. Boas, *The social organization and secret societies of the Kwakiutl Indians*, «Annual Report of the United States National Museum for 1895», Washington, 1897, стр. 344.

⁷² A. Mackenzie, Указ. раб., стр. 52.

⁷³ Ф. П. Врангель, Указ. раб., стр. 52 (разрядка наша.— Ю. А.).

⁷⁴ A. Mackenzie, Указ. раб., стр. 52.

⁷⁵ «Captain Jacobsen's Reise...», стр. 31.

трудов детальному изучению культуры тлинкитов и хайда, говоря о медных пластинах, свидетельствует об этом же⁷⁶.

Барбо сообщает, что один из родов цимшиан имел в качестве родового знака медную пластину. Согласно преданию этого рода, медные пластины были захвачены у охотников внутренней части материка⁷⁷. Дрюккер также отмечает, что медные пластины были «привозными у всех племен. Местного производства они были только у хайхаис и чилкатцев»⁷⁸. Все эти свидетельства бесспорно указывают, что медные пластины попали к индейцам Северо-западного побережья от атапасков внутренней части Аляски. Чрезвычайно интересен в этом отношении термин, которым тлинкиты обозначают медные пластины. Медь по-тлинкитски — «eq», а медные пластины — «tinneh» (тинне). Известно, что атапаскские племена бассейна р. Макензи и внутренней Аляски называли себя «тинне», или «дене». Возможно, что тлинкиты закрепили за медными пластинами общее племенное название их первоначальных кузнецов. У квакиютлей же медь и медные пластины называются одинаково — L'aq, откуда можно заключить, что к ним медь попадала уже в виде готовых изделий. Самый характер демонстрации медных пластин на потлачах прижатыми к груди индейцев можно рассматривать как свидетельство их происхождения от нагрудников (рис. 4). Но, попав на Северо-западное побережье, они приобрели совершенно своеобразное значение сокровища. Возможно, что происхождение медных пластин может быть прослежено дальше в глубь североамериканского материка и в глубь истории. Известно, что медные нагрудники представляют собою характерные находки для средней фазы лесного периода (Woodland I) в археологии средневосточной полосы США.

Каждая пластина имела свою историю, вплетенную в генеалогическую легенду рода. Чем древнее она была, тем дороже она ценилась. Первоначальная стоимость медной пластины определялась ее высотой (чем она была выше, тем дороже), отдаленностью от места производства, а также тем, из какой меди — местной или импортной — она была сделана. Стоимость выражалась в мехах и рабах, игравших роль товарных эквивалентов до того, как европейская торговля заменила их фабричными шерстяными одеялами, ставшими всеобщим товарным эквивалентом у жителей побережья. Суантон отмечает, например, что у тлинкитов только что сделанная пластина стоила 4—6 рабов⁷⁹. Согласно фольклорным и этнографическим источникам, у хайда медные пластины стоили в среднем 10 рабов⁸⁰. Макензи приводит стоимость трех виденных им у этого племени старинных медных пластин: одна оценивалась в 10 рабов; вторая — 10 рабов+2 большие лодки+1 обрядовый головной убор; третья — 8 рабов+1 большая лодка+100 оленьих кож+80 ящиков рыбьего жира⁸¹. У цимшиан медная пластина стоила 15—20 рабов⁸². Боас приводит сведения о стоимости медных пластин у квакиютлей. Одна из них оценивалась в 10 рабов+10 челноков+10 накидок из куниц⁸³. К середине XIX в. стоимость медных пластин стала исчисляться в шерстяных одеялах. О соотношении между одеялами и прежними товарными

⁷⁶ J. Swanton, Social conditions, beliefs and linguistic relationships of the Tlingit Indians, «26-th Annual Report Bureau of American Ethnology», Washington, 1908, стр. 437.

⁷⁷ M. Barbeau. Totem poles of the Gitksan, «Bulletin № 61 National Museum of Canada», Ottawa, 1929, стр. 63.

⁷⁸ Ph. Drucker, Culture element distribution. Northwest Coast, «University of California Anthropological Records», № 9, ч. III, Berkeley, 1950, стр. 204—205.

⁷⁹ J. Swanton, Social conditions, beliefs and linguistic relationships of the Tlingit Indians, стр. 437.

⁸⁰ A. Dawson, Report on the Queen Charlotte Islands, London, 1880, стр. 135; J. Swanton, Haida Texts and Myths, стр. 261, 319, 364.

⁸¹ A. Mackenzie, Указ. раб., стр. 53.

⁸² V. Garfield and L. Forrest, Указ. раб., стр. 50.

⁸³ F. Boas, Kwakiutl Tales, стр. 87.

эквивалентами можно судить по сообщению Макензи, отметившему, что за одну медную доску давали 10 рабов или 1000 одеял⁸⁴.

Стоимость медной пластины изменялась в зависимости от количества раздаренного имущества на потлачах, где она демонстрировалась. Уровень развития производительных сил у индейцев Северо-западного побережья уже обеспечивал возможность производства прибавочного продукта, который путем обмена обращался в рабов, меха, лодки, раковины денталия, позднее в фабричные шерстяные одеяла, составлявшие богатства индейцев. Использование рабского труда и развитие торговли благоприятствовали накоплению богатств. Здесь мы имеем яркое подтверждение мысли К. Маркса, что рабство «стоит в прямой связи с производством богатства»⁸⁵. Но в обществе индейцев Северо-западного побережья еще не создались условия для использования прибавочного продукта на расширение производства. Круг потребностей оставался прежним. Он ограничивался возникшим у индейцев стремлением к собиранию сокровищ. В то же время еще сильны были общинно-родовые традиции, не допускавшие сосредоточения богатств в руках отдельных собственников, все накопленное имущество подлежало перераспределению на потлачах. Только отказавшись от богатства, индеец признавался богатым. Таким образом, потлач был способом перераспределения богатства. В нем проявлялось своеобразное отношение к собственности, характерное для переходного этапа от общества доклассового к обществу, основанному на частной собственности. Проникновение на побережье скупщиков пушнины сперва вызвало временный подъем в экономической жизни аборигенов. Оживление торговли создало большие возможности для накопления сокровищ. Приобретение железных орудий и огнестрельного оружия стимулировало развитие местного производства. Большой спрос на пушнину вызывал стремление к увеличению ее поставок путем расширения использования рабского труда. В это время наблюдается увеличение числа рабов и усиление их эксплуатации.

Этот период роста индейского богатства характеризуется расцветом института потлача. С этим институтом было связано общественное значение медных пластин. На потлачах собственники раздариваемых богатств появлялись перед гостями с медной пластиной, прижатой к груди. Раздариваемое же имущество объявлялось как номинальная стоимость демонстрируемой медной пластины. Таким образом, в ней как бы фиксировалась стоимость отчуждаемого через потлач богатства.

Приводимая исследователями этого района стоимость медных пластин в конце XIX в. показывает, каких сказочных по тем условиям размеров достигало состояние отдельных индейцев. Боас, например, сообщает, что стоимость одной пластины квакиютлей выражалась в 9000 одеял + 50 лодок + 60 одеял, расшитых перламутровыми луговицами, + 260 серебряных браслетов + 70 пар золотых серег + 40 швейных машин + 26 фонографов + 50 деревянных масок. Владелец этого богатства говорит собравшимся гостям: «Все эти ничтожные вещи я собираюсь дать моему сыну — Ковалю меди»⁸⁶. Этим он выражал свое презрение к богатству. Здесь мы видим яркий пример той первой, естественно выросшей формы богатства, которая, по словам Маркса, «заключается... во владении такими продуктами, потребительная стоимость которых находится за пределами первых необходимых потребностей»⁸⁷.

Медные пластины были особым товарным эквивалентом, уже не имевшим потребительной стоимости. Фактическая их стоимость к кон-

⁸⁴ А. Макензи, Указ. раб., стр. 52.

⁸⁵ К. Маркс, Конспект книги Л.-Г. Моргана «Древнее общество», Архив Маркса и Энгельса, т. IX, Л., 1941, стр. 48.

⁸⁶ F. Boas, Kwakiutl Ethnology, стр. 1352.

⁸⁷ К. Маркс, К критике политической экономии, М., 1949, стр. 123.

цу XIX в., как отмечает Боас, была «равна нулю», но они представляли огромные по местным условиям богатства, розданные их владельцами на потлачах. Они были общественным выражением превращенного в богатство излишка потребительных стоимостей, своеобразной формой сокровища, сложившейся в недрах разлагающегося родового общества. В силу этого указанные сокровища отражали черты общества, в котором они зародились, и в то же время знаменовали собой развитие новой формации, основанной на имущественном неравенстве. Медные изделия фактически были уже частной собственностью родовой верхушки,

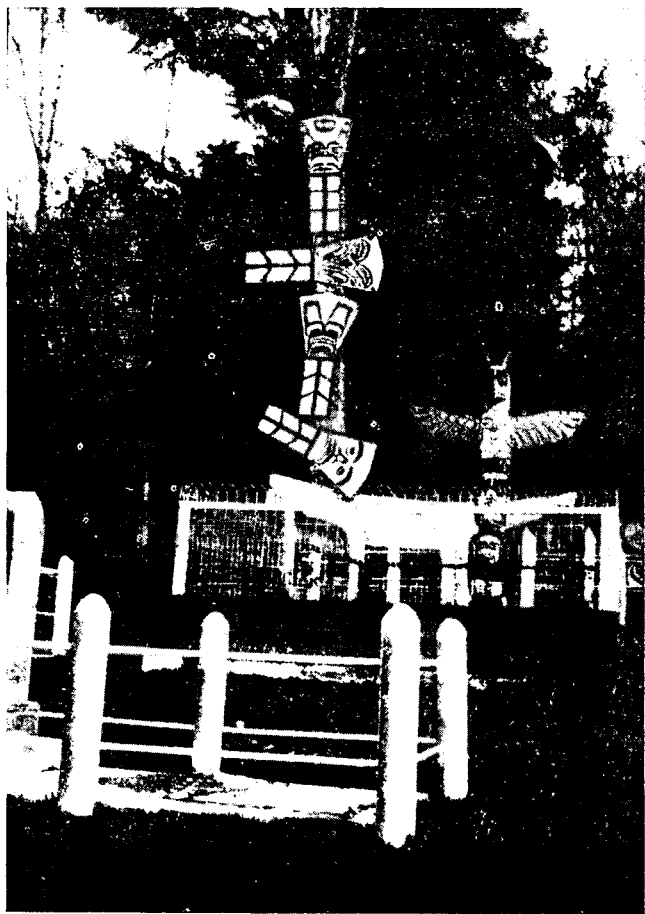

Рис. 5. Намогильный столб индейца-квакиютль с прибитыми к нему деревянными щитами, заменившими медные
(Фото автора)

но внешне они носили еще характер собственности, освященной тотемно-родовой традицией.

Названия пластин и изображенные на них знаки связывали их с культом родовых тотемов. Они считались неотчуждаемой собственностью рода и наследовались по женской линии и поэтому были частью приданого дочерей.

Обрядовая «купля» и «продажа» медных пластин на потлачах у квакиютлей, хорошо описанная Боасом, показывает, что в результате «купли» медная пластина фактически переходила по женской линии через зятя⁸⁸. Это особенно ясно из описанной «купли» медных пластин

⁸⁸ F. Boas, The Social organization and secret societies of the Kwakiutl Indians, стр. 344.

в работе К. Форда⁸⁹. Думается, что действительная торговля медными пластинами — явление позднее, возникшее после появления европейской меди на побережье, и объектами этой купли — продажи были пластины, изготовленные из европейской листовой меди; наряду с ними пластины из местной меди оставались неотчуждаемой семейно-родовой собственностью. Пластины же из импортной меди стали играть роль платежного средства. Более широкий круг индейцев стал обладателем медных пластин. В этот же период могла возникнуть и практика разламывания медных пластин, бросания их в море, в огонь, как способ соперничества между наследственной родовой верхушкой и обогатившимися индейцами, не имевшими наследственных прав. Обесцененные пластины прикреплялись к столбам домов, тотемным и надгробным столбам знатных индейцев. В связи с изъятием медных пластин у индейцев канадским правительством пластины были заменены их деревянными изображениями. В 1930—1931 гг. мне удалось сфотографировать несколько таких надгробных памятников (рис. 5).

О значении медных пластин в экономике индейцев Северо-западного побережья высказывалось несколько гипотез. В науке довольно широко распространено представление о медных пластинах как своеобразной форме денег. Этому взгляда придерживался Эммонс⁹⁰. Адам называл их денежными суррогатами⁹¹, Дави⁹² отождествлял их с деньгами. Против подобного толкования роли медных пластин высказал совершенно справедливое соображение канадский ученый Мак Ильрет. «Они не являются также стандартными единицами торговли или денег, — пишет он, — так как стоимость каждой пластины изменялась в различные периоды ее истории»⁹³. Боас сопоставил их роль с «банкнотами высокой ценности в нашем (капиталистическом. — Ю. А.) обществе»⁹⁴. Близок к этой интерпретации и Мак Ильрет, считающий возможным охарактеризовать медные пластины «как форму капиталовложения»⁹⁵. Точки зрения Боаса и Мак Ильрета ошибочны, так как сближают первобытно-общинные в основном отношения с буржуазной системой капиталовложений, которых у индейцев по существу еще не было, — все их богатство раздавалось на потлачах. Ближе всего к истинному пониманию значения медных пластин подошел Ниблак, назвав их «символами богатств»⁹⁶. Действительно, медные пластины на Северо-западном побережье были, подобно золоту и серебру в античном мире и средневековой Европе, первой формой, в «которой богатство утверждается как абстрактное общественное богатство»⁹⁷.

* * *

Медь имела большое значение не только в экономической и социальной жизни индейцев, но и в их религиозных представлениях, в фольклоре и мифологии. Это говорит о том, что медь бытовала здесь давно.

Как уже отмечалось, по побережью было широко распространено представление о меди как живом существе и отождествление ее, чаще

⁸⁹ C. Ford, *Smoke from their fires*, New Haven, 1941, стр. 169.

⁹⁰ G. Emmons, *Copper neck ring of Southern Alaska*, стр. 647.

⁹¹ L. Adam, *Stammes organization und Hauptlingtum der Tlinkit Indianer*, «Zeitschrift für vergleichenden Rechtswissenschaft», т. XXIX, терп. 1/2, Stuttgart, 1912, стр. 174.

⁹² A. Moret et G. Davy, *Des clans aux Empire*, Paris, 1923, стр. 128.

⁹³ T. Mc Ilwraith, Указ. раб., стр. 344.

⁹⁴ F. Boas, *Social organization and secret societies of the Kwakiutl Indians*, стр. 344.

⁹⁵ T. Mc Ilwraith, Указ. раб., стр. 260.

⁹⁶ A. P. Niblack, Указ. раб., стр. 335.

⁹⁷ К. Маркс, К критике политической экономии, стр. 123.

всего в самородках, с лососем, который сам по себе был предметом культа.

В фольклоре индейцев медь является всегда атрибутом необычного; сверхъестественной силы, «сказочного» богатства. С нею связано представление о женщине — покровительнице богатства. В мифологии хайда ее руки наполовину из меди; она носит медный передник⁹⁸. У тлинкитов ее ногти медные. Под накидкой из куньи она носит медные пластины. Встреча с нею приносит людям богатство — для этого иногда достаточно услышать в лесу плач ее ребенка⁹⁹. В легенде квакиютлей-дзаваденох медь явилась вождю в виде белой, пахнущей медью птицы, превратившейся затем в женщину, оказавшуюся дочерью мифического коваля меди, живущего в подводном царстве; имя ее — «Медь кующая женщина». Она приносит в дом своего мужа огромные медные богатства¹⁰⁰. Все это подчеркивает, насколько велик и богат был предок этого рода. Сюжетом многих легенд является приобретение меди как сверхъестественного дара.

Герои легенд, вожди и их дети описываются носящими медные украшения — ожерелья и браслеты, которые свидетельствуют об их богатстве и знатном происхождении. По понятиям хайда, землю поддерживает сверхъестественное существо, покоящееся на медном ларе¹⁰¹. Волосы мальчика, ставшего сверхъестественным существом, превратились в кристалл и медь¹⁰². Сверхъестественные существа в мифологии индейцев всегда богаты медью. Вождь лососей настолько богат, что употребляет для варки пищи вместо камней чистую медь; вождь звезд спускается на землю по медному шесту. Солнце дарит индейке — жене своего сына целую корзину медных пластин.

С медью связывается целый ряд поверий. По представлениям квакиютлей, медь кладет конец хорошим и плохим делам, болезням и пр. Она останавливает ход рыбы, если медным ножом отрезать голову рыбы. Если на удочку рыбака попадают все ерши, то стоит одному из них отрезать голову медным ножом, как ни один ерш не коснется больше крючка. Если пуповину ребенка отрезать медным ножом, женщина больше не родит. В Форте Руперт индейка Мяги Хонт сообщила автору этих строк, что прикосновение медной доски к спине женщины вызывает бездетность. «Некоторые верят, — пишет Боас, — что эти явления вызываются запахом меди»¹⁰³, который обозначается тем же термином, что и запах лосося.

С медью связаны многие почетные родовые имена. Изображение медных пластин было частым мотивом в резьбе и росписи индейцев. Они стали частью тотемных изображений отдельных родов.

* * *

Изложенные нами материалы бесспорно свидетельствуют о том, что медь была известна и ценилась на Северо-западном побережье Северной Америки как редкий и дорогой металл еще до появления там европейцев. Наличие меди, как и наличие патриархального наследственного рабства у индейцев этого района, свидетельствует о своеобразной форме развития общества, когда народ, при каменной технике и при отсутствии земледелия и скотоводства, на основе рыболовства достигает такой ступени развития, что складываются уже элементы новой,

⁹⁸ J. Swanton, *Haida Texts and Myths*, стр. 156, 199.

⁹⁹ J. Swanton, *Tlingit Myths and Texts*, стр. 174.

¹⁰⁰ F. Boas and G. Hunt, *Указ. раб.*, стр. 63—85.

¹⁰¹ E. Goldenweizer, *Early Civilization*, New York, 1922, стр. 62.

¹⁰² F. Boas, *Social organization and secret societies of the Kwakiutl Indians*, стр. 326.

¹⁰³ F. Boas, *Current beliefs of the Kwakiutl Indians*, «The Journal of American Folklore», т. 45, № 176, New York, 1932, стр. 228.

тассовой формации. Изделия из меди составляли сокровища индейцев, которых окаменевала стоимость производимого в индейском обществе: излишка продуктов потребления. Общественное значение медных сокровищ индейцев отражало своеобразную форму сложившихся на пороге производственных отношений, характеризовавших собою распад родовой организации и становление товарного хозяйства.

Однако самобытному общественному развитию индейцев был положен конец на втором этапе капиталистической колонизации края. С конца XIX в. колониальная эксплуатация индейцев меховыми компаниями начала уступать место эксплуатации их как рабочих на капиталистических предприятиях начавшей развиваться здесь рыбной, лесной и горной промышленности. Индейские земли, их охотничьи и рыболовные угодья были захвачены, сами индейцы — низведены на положение колониального пролетариата.

Потлачи, не укладывавшиеся в рамки буржуазной морали, были запрещены, а медные пластины конфискованы.

НАРОДЫ МИРА

(ИНФОРМАЦИОННЫЕ МАТЕРИАЛЫ)

В. И. КОЧНЕВ

НАСЕЛЕНИЕ ЦЕЙЛОНА

Независимое государство Цейлон расположено в Индийском океане, на одноименном острове в Южной Азии, у юго-восточной оконечности полуострова Индостан. Площадь Цейлона равна 65,6 тыс. кв. км. Население превышает 8,9 млн. чел.¹ В южной части острова расположен горный массив, опоясанный кольцом прибрежной низменности, которая сильно расширяется на севере у полуострова Джафна. Климат Цейлона экваториальный, муссонного характера, сравнительно нежаркий, с малыми колебаниями температуры в течение года. Флора и фауна острова отличаются богатством и разнообразием; здесь встречаются уникальные виды животных и растений. Недра страны хранят значительные запасы графита, драгоценных камней, монацита, ильменита, железной руды и других полезных ископаемых. Широко также представлены различные строительные материалы: кварц, песок, известняк, каолин, используемый в керамическом производстве, и др.

* * *

Близость Цейлона к материку, с которым Цейлон связан почти непрерывной цепью островов, определила этнический состав его населения. Не вызывает сомнения, что аборигены острова — индийского происхождения.

Древнейший народ, населяющий Цейлон, — ведды, что на сингальском языке означает «охотник». В настоящее время их численность не превышает 2 тыс. чел.² Веддов считают прямыми потомками когда-то многочисленных племен, известных в древних хрониках под названием якков³. По-видимому, якки пришли на остров из Индии в ту доисторическую эпоху, когда Цейлон еще не был отделен от материка проливом. Действительно, современные ведды, в значительной степени сохранившие свой древний уклад жизни, имеют близкое сходство с некоторыми племенами, проживающими в Южной Индии. По антропологическому же признаку ведды близки к бхилам — одной из народностей западной части Центральной Индии.

¹ «Asian Annual», London, 1958, стр. 37.

² Перепись 1946 г. учитывает 2361 ведда, перепись 1953 г. относит веддов к категории «прочих». См. М. I. and I. D. S. Weerawardana, Ceylon and her citizens, Madras, 1956, стр. 1.

³ См. Н. М. Hiller and W. H. Furness, Notes on a trip to the Veddahs of Ceylon, (6/г), стр. 3.

Начальной вехой истории Цейлона принято считать 543 год до н. э. Согласно преданию, в I тысячелетии до н. э. в Северной Индии находилось царство Лала, правители которого носили название «львиного рода». В результате внутренних междоусобиц старший сын одного из правителей Виджайя и его сторонники покинули на кораблях страну и после многих приключений в 543 г. до н. э. прибыли на остров, который Виджайя назвал по имени своего рода Сингала («синга» — лев). От этого имени и производят название основного населения Цейлона — сингальцев или сингалезов. Постепенно пришельцы, покорив аборигенов — веддов, а также более поздних переселенцев, заняли весь остров.

В первых веках до н. э. на территории Цейлона существовало три рабовладельческих государства. Наиболее могущественным из них было Пихити, или Раджаратта. До сих пор сохранились величественные памятники — руины дворцов и храмов г. Анурадхапуры, столицы этого государства. В III в. до н. э. на Цейлон из Северной Индии проник буддизм, который в настоящее время является господствующей религией на острове.

Начиная с VIII в. н. э. вплоть до второй половины XIII в. Цейлон неоднократно подвергался вторжениям со стороны могущественных южноиндийских монархий, в первую очередь со стороны правителей Чолы. Иноземные вторжения и междоусобные войны цейлонских правителей, развивающиеся феодальные отношения и жестокая эксплуатация крестьянства привели к экономическому и культурному упадку древних центров сингальской цивилизации, развивавшейся в прошлом главным образом в засушливой зоне — в северной и восточной частях острова. Такие крупные города, как Анурадхапура, Полуннарува и другие, постепенно вымирали и превращались в руины. Центр сингальской цивилизации переместился в юго-западные и горные районы острова. Здесь ведущую роль играли два государства: Кандийское, которое занимало Центральное нагорье со столицей — г. Канди, и Котте, занимавшее юго-западное побережье. На севере острова укрепилось государство Джафна; большинство населения его составляли тамилы, предки которых появились на острове главным образом в составе вооруженных отрядов правителей Чолы.

Но в начале XVI в. независимое развитие цейлонских феодальных княжеств и государств было нарушено вторжением первых европейских колонизаторов. В 1517 г. португальцы захватили г. Коломбо, а затем и государство Котте. В 1602 г. на Цейлоне появились голландцы, занявшие южное побережье с портом Галле. Ожесточенная борьба между португальцами и голландцами завершилась в 1658 г. победой последних и изгнанием португальцев с Цейлона.

Богатства Цейлона, его важное в стратегическом отношении расположение на морских путях из Европы на Дальний Восток, в Океанию и Австралию притягивали, как магнит, и английских колонизаторов. В конце XVIII в. английская Ост-Индская компания, воспользовавшись благоприятной международной обстановкой, вытеснила голландцев с Цейлона, а в 1815 г., подкупив часть кандийских феодалов, аннексировала последнее независимое сингальское государство. Наступил наиболее тяжелый и мрачный период в истории цейлонского народа; превращение Цейлона в аграрно-сырьевой придаток метрополии сопровождалось массовым обезземеливанием крестьян, разорением ремесленников и общим упадком экономики и культуры страны. Кровавыми репрессиями были подавлены народные восстания в 1818, 1843 и 1848 гг. Но цейлонский народ не прекратил своей справедливой борьбы за свободу и независимость.

Лишь спустя 100 лет, в результате коренных политических изменений, происшедших на земном шаре после второй мировой войны, и ге-

ронической борьбы поработанных народов Востока против колониального ига, 4 февраля 1948 г. Цейлон добился независимости, сбросив, как и многие другие страны Юго-Восточной и Южной Азии, оковы колониального рабства. В настоящее время Цейлон входит в состав Британского Содружества Наций на правах доминиона.

Вплоть до 1956 г. правительство Цейлона возглавлялось Джоном Катавалла — лидером Объединенной национальной партии, выражающей интересы крупной компраторской буржуазии и помещиков-плантаторов. Это правительство проводило антинародную политику и тянуло Цейлон в военный блок СЕАТО. Но в апреле 1956 г. на Цейлоне состоялись очередные выборы в парламент, происходившие в условиях сплочения демократических и патриотических сил Цейлона. Незадолго до выборов был создан Объединенный народный фронт (Махаджана эксат перамуна), лидером которого стал С. Бандаранаике, возглавляющий Цейлонскую партию свободы (Шри Ланка Фридом парти). Эта партия выражает интересы демократических слоев населения, борется за достижение полной независимости страны. Народный фронт выступил на выборах с программой, предусматривающей проведение нейтральной внешней политики, установление дипломатических отношений с Китайской Народной Республикой и Советским Союзом, национализацию чайных и каучуковых плантаций, принадлежащих иностранцам, ликвидацию английских военных баз на Цейлоне и провозглашение Цейлона республикой.

Коммунистическая партия Цейлона, созданная в июле 1943 г., поддерживает правительство Народного фронта, возглавляемое С. Бандаранаике; генеральный секретарь партии П. Кейнеман избран в парламент.

Выполняя обещания, данные избирателям, правительство Бандаранаике добилось ликвидации английских военных баз на острове, отвергло военный блок СЕАТО, участвовало в конференции стран Азии и Африки в г. Бандунге и последовательно придерживается принципов провозглашенных на этой конференции. Народ Цейлона и его правительство поддержали право Египта на национализацию компании Суэцкого канала и осудили империалистическую авантюру в Египте. Правительство Цейлона одобрило знаменитые пять принципов мирного сосуществования (панча шила), выдвинутые Китайской Народной Республикой и Индией, и провозгласило их одной из основ своей внешней политики в борьбе за укрепление мира и ослабление международной напряженности. Цейлонское правительство последовательно настаивает на приеме Китайской Народной Республики в Организацию Объединенных Наций.

С 26 августа по 1 сентября 1956 г. в Москве находилась правительственная делегация Цейлона во главе с Клодом Кореа, пребывание которой в СССР явилось важной вехой в развитии не только политических, но и экономических и культурных связей между обеими странами. В апреле 1957 г. в Советский Союз прибыла цейлонская парламентская делегация, возглавляемая сенатором И. Виджесингхе. Общественность Советского Союза торжественно отметила в 1958 г. 10-ю, а в 1959 г. 11-ю годовщину независимости Цейлона. Укрепление и дальнейшее развитие дружественных отношений между народами Цейлона и СССР, бескорыстная экономическая помощь Цейлону со стороны Советского Союза и других стран социалистического лагеря подтверждают, что только таким путем могут быть достигнуты взаимопонимание, дружба и сотрудничество между великими и малыми народами.

* * *

Основное население Цейлона составляют сингалы. По данным переписи 1953 г., их насчитывалось более 5,6 млн. чел., или около 70%

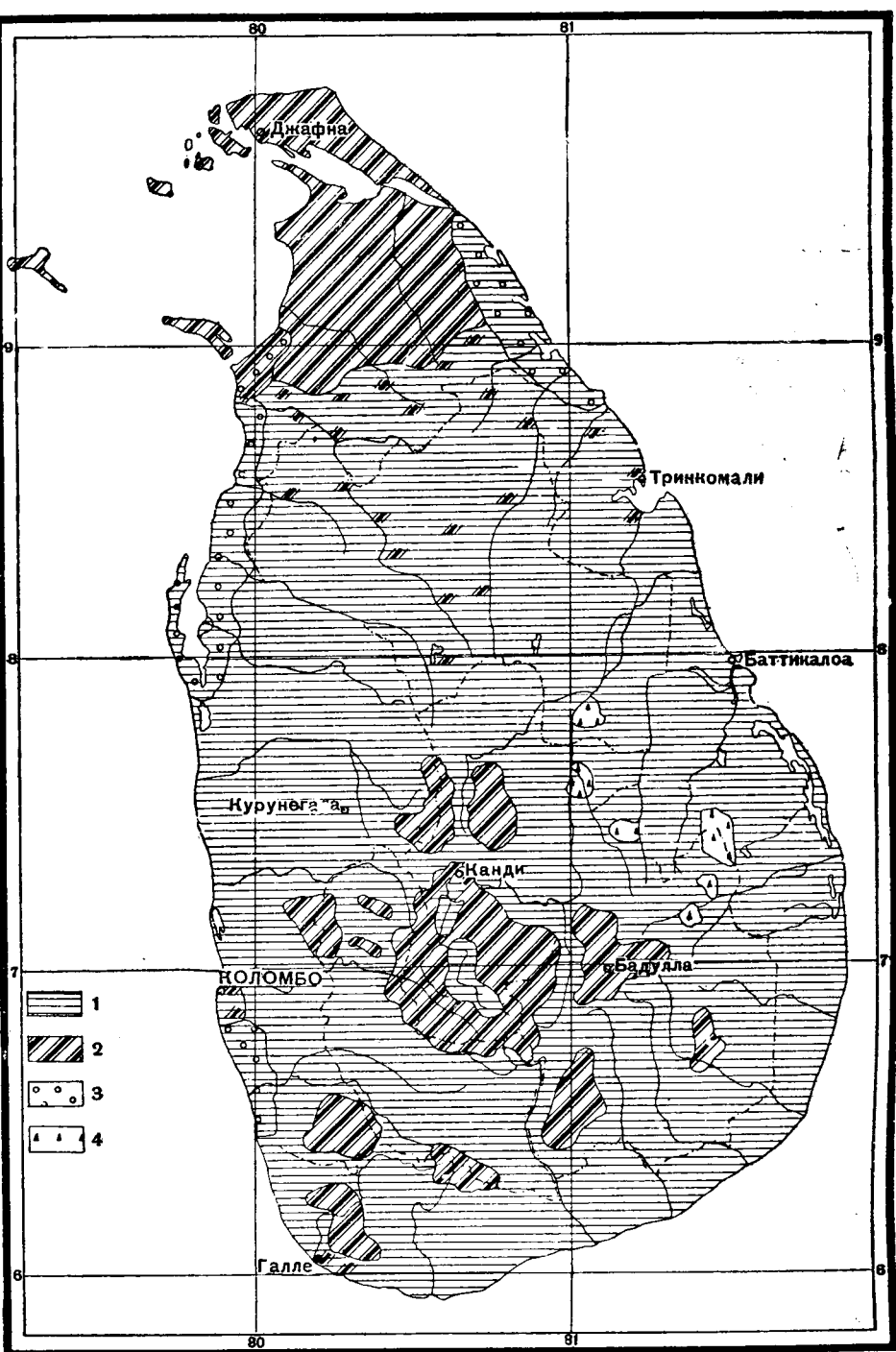

Рис. 1. Этническая карта Цейлона: I—сингальцы; II—тамилы; III—мавры; IV—ведды

всего населения страны. Основная масса сингалцев проживает в западном, горном и юго-западном районах Цейлона (см. карту, рис. 1).

Сингалцев принято делить на две группы: прибрежных и горных. Последние обычно называют кандийцами⁴. У кандийцев, которые долгое время прибрежных сингалцев сохранили свою независимость, старые, исторически сложившиеся традиции и быт претерпели меньше изменений. Сингалцы обычно среднего роста, с европеоидными чертами лица, коричневой окраской кожи и слегка вьющимися волосами.

Вторым крупнейшим по численности народом острова Цейлон являются тамилы. Официальная перепись 1953 г. сообщает, что тамилы насчитываются около 1,9 млн. чел., или более 23% общего числа жителей страны. Перепись проводит резкую границу между так называемыми цейлонскими тамилами и индийскими тамилами. Правительство отказывает даже в правах цейлонского гражданства индийским тамилам, хотя они численно преобладают над цейлонскими тамилами⁵. Индийские тамилы, в отличие от цейлонских, начали прибывать на остров сравнительно недавно — во второй половине XIX в., когда англичане стали интенсивно разводить плантации и потребовались дешевые рабочие руки. Цейлонские тамилы, проживая в значительной мере обособленно от своих собратьев, все же по физическому типу, языку, культуре, религиозной принадлежности почти не отличаются от индийских тамиллов.

Кроме того, на острове живут мавры, бюргеры, малайцы, патаны, белуджи, небольшое число европейцев. Мавры, живущие главным образом в прибрежных городах Цейлона, являются потомками от смешанных браков между арабами и местным населением⁶. Они составляют довольно значительную прослойку и в 1953 г. насчитывали более 468 тыс. чел.

В 1953 г. в стране насчитывалось до 44 тыс. бюргеров. Название их происходит от голландского слова «бюргер» — горожанин. Сами они считают себя потомками голландских переселенцев, но в действительности бюргеры в подавляющем большинстве являются потомками от смешанных браков между голландцами и сингалками. Бюргеры живут главным образом в городах юга страны.

Любопытна судьба малайцев, живущих на Цейлоне. По переписи 1953 г. их насчитывалось 28 700 чел. Это в основном потомки солдат полка, сформированного из малайцев и размещенного голландцами в г. Коломбо. Подавляющее большинство их живет и в настоящее время в г. Коломбо или близ него.

На Цейлоне имеются также общины патанов и белуджей, насчитывающие несколько тысяч человек. Они живут преимущественно в городах Коломбо и Тринкомали и занимаются в основном ростовщичеством. На острове проживает около 7 тыс. европейцев, главным образом англичан — служащих британских компаний.

Государственным языком Цейлона является сингальский, относящийся к индоевропейской группе, по лексике близкий к североиндийским языкам. Первоначально сингалцы употребляли древнеиндийское письмо брахми и пали. В IV—V вв. н. э. классическим литературным языком на Цейлоне, как и в Индии, стал санскрит. Он оказал большое влияние на дальнейшее развитие сингальского языка. В IX в. на основе

⁴ Согласно переписи 1953 г., прибрежных сингалцев насчитывалось 3 464 100, а кандийцев — 2 157 200 чел.

⁵ Цейлонские тамилы составляют 908 700 чел.; индийские тамилы — 984 300 чел. См. «Statistical abstract of Ceylon», Colombo, 1957, стр. 21.

⁶ Арабы начали проникать на Цейлон в начале VIII в. Особенно много их поселилось на острове в XII—XIII вв. На Цейлон они проникали не в качестве завоевателей, а в роли купцов-посредников. Сингальские правители, заинтересованные в развитии внешней торговли, оказывали им свою поддержку и покровительство. См. H. W. Cochrane, A short history of Ceylon, London, 1939, стр. 51; H. Williams, Ceylon — pearl of the east, London, 1951, стр. 81.

исменности пали и под сильным влиянием южноиндийского письма канта у сингалцев возникло собственное письмо, характеризующееся также округлой формой. Алфавит сохранил все знаки для передачи санскритских звуков.

Тамилы говорят в основном на тамильском языке; многие из них знают и сингальский. Мавры также пользуются сингальским языком, но большинство их знает и арабский. Малайцы, зная свой родной язык, пользуются также преимущественно сингальским. Бюргеры, у которых процент грамотности вообще очень высок, как правило, владеют тремя языками: сингальским, английским и голландским.

Религиозная принадлежность населения почти совпадает с этнической. По данным переписи 1953 г., население Цейлона по религиозному признаку распределяется следующим образом: буддисты — 5 217 100 чел., индуисты — 1 614 000, мусульмане — 541 800, христиане — 714 900, прочие — 10 800 чел.⁷ Лишь высокая численность христиан нарушает указанное соотношение. Здесь, по-видимому, сказалось многовековое воздействие различных миссионерских организаций среди сингалцев и тамиллов. Но все же многие из них лишь номинально стали христианами, а по существу сохраняли прежнюю религию.

Буддизм ветви хинаяна является религией подавляющего большинства сингалцев. Тамилы Цейлона исповедуют индуизм шиваистского толка.

На Цейлоне, по сравнению с остальными странами Южной и Юго-восточной Азии, довольно высокий процент грамотности. Так, по данным переписи 1946 г., 57,8% взрослого населения умело читать и писать на каком-либо языке. Преподавание в начальной школе ведется на одном из родных языков — сингальском или тамильском. В 1942 г. в Коломбо основан Цейлонский университет. На Цейлоне имеется также несколько колледжей, в которых готовятся кадры национальной интеллигенции — врачи, инженеры и т. д.

До сих пор у сингалцев значительную роль играет кастовая система, несмотря на то, что буддизм теоретически не признает кастовых различий. По-видимому, причины, обусловившие появление каст у сингалцев, были те же, что и у народов Индии. Хотя касты цейлонских тамиллов в основном соответствуют кастам сингалцев, но последние в значительной мере отличаются от кастовой организации тамиллов и оформились задолго до появления тамиллов на Цейлоне⁸.

Всего у сингалцев насчитывается немногим более 20 каст⁹, некоторые из них делятся на подкасты. Совместная еда и браки между людьми разных каст у сингалцев, как правило, не допускаются. Кастовая система их находит свое отражение главным образом в наследственности профессий. У кандийцев кастовые различия играют и в настоящее время еще значительную роль. У прибрежных сингалцев (особенно в городах) кастовые отношения имеют меньшее значение.

Высшая и самая многочисленная каста у сингалцев — земледельцы (гой-вансе, или гоягама); она распадается на девять подкаст. Все они сосредоточены в основном в округе Канди. Анализ названий этих подкаст позволяет заключить, что они возникли из различных форм феодального держания королевской и храмовой земли, а также из тех кругов населения, которые непосредственно обслуживали царский двор и буддийские храмы.

Второе по численности и по значению место занимает каста рыбаков (караве). Затем следует ряд ремесленных каст, а также такие, которые обслуживают более высокие касты. Например, кузнецы, гончары (бадахелайо), цирюльники (эмбеттайо), прачки (хена, или рада).

⁷ См. «Statistical abstract of Ceylon», Colombo, 1957, стр. 22.

⁸ См. Ryan Bryce, *Caste in Modern Ceylon*, New Brunswick, 1953, стр. 4.

⁹ См. Ralph Pieris, *Sinhalese Social organization*, Colombo, 1956, стр. 191—192.

занимающие седьмое-восьмое место в сингальской кастовой иерархии. Они стирают белье только членов высших каст. Как и в Индии, прачки — мужчины. Вслед за хена идет каста чалия, или хали; принадлежащие к этой касте занимаются собиранием корицы. Далее следуют касты: хакуру, занимающиеся изготовлением сахара и пальмового сока; хуну, обжигающие известь, необходимую для приготовления бетона; беравайо — музыканты, играющие на барабанах; паду — носильщики (в свое время они носили паланкины правителей); хинна-прачки, обслуживающие касту чалия. На последних ступенях кастовой лестницы стоят олы — плясуны и танцоры, киннара — циновщики и гили — прачки, стирающие белье низших каст. Особое место в кастовой иерархии занимают немногочисленные так называемые родии — цолонские неприкасаемые, в буквальном смысле слова отверженные. Свое название они получили от слова «родда» — нечистый, грязный. Происхождение их все еще остается загадкой, но родиев причисляют к сингальской группе населения Цейлона. Говорят они на сильно искаженном сингальском языке и исповедуют буддизм.

До недавнего времени положение родиев было поистине ужасным. Они не имели права селиться в деревнях вместе с другими жителями острова, брать воду в общих колодцах, подходить близко к сингацам, чтобы не «осквернить» их. Родии не имели права заниматься земледелием, ни торговлей. Им запрещалось также жить в домах, поддерживаемых вертикальными стенами; поэтому родии вынуждены были ютиться в шалашах. Женщинам-родии запрещалось прикрывать верхнюю половину тела. Хотя положение родиев после освобождения Цейлона изменилось к лучшему и они избавились от многих унижающих ограничений, все же и теперь они стоят на самой последней ступеньке социальной лестницы. Большинство родиев теперь занимается земледелием. Среди них много искусных ремесленников, которые плетут узкие маты или грубую материю для мешков из волокна пальмы кат или джута.

* * *

Цейлон — экономически слабо развитая аграрная страна. В сельском хозяйстве занято около 85% всего населения, а доля национального дохода от него составляет почти 83%.

В стране фактически отсутствует тяжелая промышленность. В легкой и обрабатывающей промышленности, предназначенной в основном для удовлетворения местных нужд, преобладает полукустарное производство. Более крупные предприятия связаны с переработкой экспортных сельскохозяйственных культур. В экономике страны еще сильны позиции Великобритании. Английский капитал господствует в горнодобывающей промышленности, на чайных и каучуковых плантациях, в страховых компаниях, внешней торговле и т. д.

Крупных городов на Цейлоне немного. По данным переписи 1953 г. в стране имеется лишь пять городов с числом жителей, превышающим 50 тыс. чел. Это прежде всего столица Цейлона — Коломбо, расположенная на юго-западном побережье острова, основной промышленный и портовый город страны, с населением 423 500 чел. Портовые рабочие Коломбо, численность которых составляет около 15 тыс. чел., являются наиболее организованной частью рабочего класса на Цейлоне. Из других крупных городов следует отметить Джафну — единственный промышленный город северной части острова, с населением 77 тыс. чел. Далее следуют: Канди (57 тыс.) — один из древнейших городов Цейлона и до 1815 г. столица независимого сингальского государства; Моратува (58 тыс.) и Галле (56 тыс.) — крупные административные

хозяйственные центры страны. На восточном побережье расположен портовый город Тринкомали (28 тыс. жителей).

Отличительную особенность экономики Цейлона составляет сочетание капиталистического плантационного хозяйства с мелким натуральным и полунатуральным, которое страдает из-за безземелья, нищеты, феодальных пережитков и засилья капиталистических компаний.

Хотя площадь Цейлона равна приблизительно 6,5 млн. га, но обрабатывается не более 1,3 млн. га, из которых $\frac{2}{3}$ составляют плантации, используемые для выращивания важнейших экспортных культур — чайного куста, каучуконосов, кокосовой пальмы. Лишь $\frac{1}{3}$ обрабатываемой площади занята под продовольственные культуры, производство которых удовлетворяет потребности не более половины населения острова.

Основная плантационная культура на Цейлоне — чай. Чайные плантации занимают 230 тыс. га, или 16—17% всей обрабатываемой площади острова. Цейлон занимает второе после Индии место по сбору чайного листа, который полностью идет на экспорт, составляя 46% денежных доходов страны¹⁰. До сих пор около 80% чайных плантаций находится в руках англичан.

Цейлон занимает четвертое (после Индонезии, Малайи и Таиланда) место по производству каучука. В 1955 г. площадь под каучуковыми насаждениями равнялась 264 тыс. га, или около 19% всех обрабатываемых земель острова. В 1955 г. на долю каучука падало почти 19% всего экспорта страны по стоимости. Около 50% каучуковых плантаций принадлежит английским монополиям.

На чайных и каучуковых полях трудится основная масса сельскохозяйственных рабочих — 567 тыс. чел.¹¹. Подавляющее большинство рабочих составляют индийские тамилы. Плантаторы широко используют дешевый женский и детский труд. Так, на чайных плантациях в 1954 г. работало 213 217 женщин и 212 092 мужчины¹². Плантационные кули получают самую низкую заработную плату в стране. Особо надо отметить тяжелые жилищные условия плантационных рабочих-тамилы, которые вплоть до последнего времени не имели права строить индивидуальные хижины. Кули живут в так называемых бараках-линиях, состоящих из 6—12 комнатшек, площадь каждой из которых не превышает 10 м². Обычно семье предоставляется одна такая каморка, но очень часто в ней приходится тесниться нескольким семьям. Комната служит одновременно спальней, кухней, кладовой и т. д. Бараки тесно примыкают один к другому, образуя длинные кварталы. Чрезвычайная скученность жилищ плантационных рабочих и отсутствие элементарных санитарных условий приводят к массовым эпидемическим заболеваниям.

Третьей по важности плантационной культурой Цейлона является кокосовая пальма. Площадь, занятая под кокосовой пальмой, составляет около 430 тыс. га; в быту населения она играет не меньшую роль, чем финиковая пальма для жителей Ближнего Востока. В отличие от чайного куста и каучуконосов, кокосовая пальма возделывается в основном в мелких крестьянских хозяйствах на участках размером 4 га и меньше. На долю этих хозяйств приходится ежегодно около 85% урожая¹³.

Трудно переоценить значение этой культуры для экономики острова. Высушенная на солнце или в специальных печах мякоть ореха кокосовой пальмы — копра содержит 60—80% кокосового масла, широко применяемого в маргариновой и мыловаренной промышленности. Сушеный орех дает ценное сырье для кондитерской промышленности. Жмы-

¹⁰ В 1955 г. сумма всего экспорта составляла 1940 млн. рупий, в том числе экспорт чая — 894 млн. рупий. См. «Asian Annual», London, 1956, стр. 20—22.

¹¹ См. «Ceylon Trade Journal», 1956, № 5.

¹² См. «Всемирное профсоюзное движение», 1956, № 1, стр. 23.

¹³ См. Ю. А. Ершов, Цейлон. Экономика и внешняя торговля, М., 1957, стр. 34.

хи, получаемые после выжимки масла из копры, составляют ценный корм для скота, а сок кокосового ореха прекрасно утоляет жажду. Широко используется волокно кокосового ореха, идущее на изготовление ковриков, веревок, корзин, щеток и других изделий, выпускаемых местной кустарной промышленностью.

Кокосовая пальма играет огромную роль в питании сингалцев. Считают, что хорошая хозяйка из кокосового ореха может приготовить до сотни различных блюд. Из соцветия готовят также ароматное пальмовое вино — «тодди».

Рис. 2. Орошаемые террасовые рисовые поля

Кроме этих трех основных плантационных культур на Цейлоне выращиваются коричное, лимонное, какао и кардамоновое дерево, арековая пальма, в меньшей степени черный перец, табак, гвоздика, капок, папая, цитронелла, ананасы и некоторые другие культуры.

Среди продовольственных сельскохозяйственных культур ведущее место занимает рис, составляющий основную пищу населения. На острове выращивают свыше 170 сортов риса. В 1955—1956 гг. посевная площадь под рисом (падди) занимала 442 тыс. га, т. е. около одной трети всей обрабатываемой земли. Рис выращивают преимущественно на орошаемых землях влажной зоны западного и юго-западного Цейлона, а также на террасовых полях в горных районах. Как правило, в год собирают два урожая риса. Различают два главных сезона выращивания риса — «маха», или большой сезон, и «яла» — малый сезон. Урожай маха более продуктивный.

Кроме риса, на Цейлоне выращивают просо, кукурузу, кураккан сорго, различные стручковые культуры и корнеплоды, арахис и фруктовые деревья, плоды которых играют важную роль в пищевом рационе цейлонцев.

На севере страны цейлонские тамилы занимаются разведением табака и риса. Большую роль в их хозяйстве играет садоводство, огородничество, а также культивирование пальмы¹⁴, наличие которой, в част

¹⁴ Вид пальмы.

сти на полуострове Джафна, составляет характерную особенность ландшафта.

В крестьянском хозяйстве Цейлона до сих пор значительную роль играет отсталая система подсеčno-огневого земледелия (чсна), которая особенно характерна для засушливой зоны и предгорий. С апреля по июнь крестьяне расчищают от зарослей участок джунглей и сжигают оставшуюся растительность после чего обрабатывают и засевают этот участок. Через несколько лет, с истощением почвы, земледелец забрасывает этот участок, выбирает другой и начинает все снова. На этих участках выращиваются некоторые продовольственные или масличные культуры, главным образом просьяне, кукуруза, а также неполивной рис.

Характер землеустройства на Цейлоне очень сложен. Существует множество систем, причем большинство их берет начало от древних племени. Основным бичом земледельцев являются малоземелье и чрезвычайная издробленность участков¹⁵. Естественно, что очень часто урожая, собранного крестьянином с этих карликовых участков, не хватает даже для того, чтобы прокормить семью. Поэтому в деревнях огромную роль играют ростовщики, опутывающие долговой кабалой маломощные крестьянские хозяйства.

В настоящее время из 772 тыс. крестьянских участков, занятых под рисом, только 470 тыс. (или около 61%) находятся во владении самих земледельцев и передаются по наследству. Остальные участки арендуются крестьянами на кабальных условиях у местных землевладельцев или иностранных плантаторов. В большинстве случаев арендаторы в любое время могут быть согнаны с земли хозяином участка. Число арендаторов составляет до 30% всего населения, занимающегося сельским хозяйством. Наиболее распространенной формой краткосрочной аренды в районах рисосеяния является система «анде». На условиях этой аренды у крестьян находится около 25% рисовых полей. Система анде предполагает раздел урожая поровну между арендатором и собственником земли. Из других форм аренды, получивших распространение на Цейлоне, следует указать на аренду по системе «тхатту-мару», при которой один и тот же участок земли арендуют одновременно несколько семей.

В условиях малоземелья и краткосрочной аренды цейлонский крестьянин не только не заинтересован в применении передовой агротехники для увеличения сбора риса, но и не имеет возможности сделать это. Более того, на Цейлоне почти неизвестен способ пересадки готовой рассады риса на поля, широко применяемый в странах Юго-Восточной Азии. Цейлонские крестьяне преимущественно высевают рис на поля разброс. Способы обработки земли крайне отсталые. Вспахивают землю сохой при помощи буйволов или быков, а в некоторых районах (даже мотыгой — вручную). Деревянная соха (нагула) бывает легкой или тяжелой в зависимости от обрабатываемой почвы. Разравнивание почвы производят бороной (порува), в качестве которой выступает примитивное орудие, сделанное из одной или нескольких досок. Различают ручную выравниватель-борону и тяжелую борону, которую тянут буйволы. Урожай убирают маленьким серпом (гоян капани докатта). Обмолачивают зерно вытаптыванием, а очищают его при помощи «кулла» — сплетенной из прочного растительного волокна лопаты без ручки.

Очень интересен у сингалцев способ консервирования риса. Его ставят на огонь в больших горшках, доводя до кипения. Затем рис вынимают, рассыпают на циновках и сушат несколько дней на солнце. Такой рис (по-сингалски — ви) ссыпают в амбар и оттуда берут понемногу для

¹⁵ 85,3% крестьянских хозяйств владеет участками площадью 0,2—0,8 га (31,4% — меньше 0,2 га, 32,9% — от 0,2 до 0,4 га, 21% — от 0,4 до 0,8 га). См. M. J. and I. D. S. Weerawardana, Указ. раб., стр. 36.

ежедневного употребления. Рис и молочные лепешки (аппам) — основная пища цейлонцев. К рису подают различные острые приправы (кери) — мясные, рыбные, молочные и растительные. Огромную роль в жизни сингалцев играют кокосовые пальмы, а также различные фрукты: бананы, манго, ананасы и др.

В прибрежных районах большое значение имеет рыбный промысел, который служит источником существования более чем 125 тыс. человек. Ведется он примитивным способом, и продукция его незначительна. В последнее время цейлонское правительство значительное внимание уделяет сооружению холодильников и рыбоперерабатывающих заводов.

Животноводство на Цейлоне играет второстепенную роль. Разводятся преимущественно рабочий скот. В 1954 г. в стране насчитывалось 1983 тыс. голов крупного рогатого скота и 663 тыс. коз и овец. Для населения Цейлона употребляют в пищу мясо, но у сингалцев и особенно у тамилов роль его в пищевом рационе второстепенная. Лишь мусульмане (мавры, афганцы) предпочитают мясные блюда.

Применение сельскохозяйственных машин и удобрений носит весьма ограниченный характер. Поэтому, несмотря на огромные потенциальные возможности в отношении увеличения урожайности риса, цейлонцам приходится ввозить его из-за границы. Урожайность риса на острове одна из самых низких в мире. В среднем с каждого гектара убирается риса в шесть раз меньше, чем в Японии.

Основные мероприятия цейлонского правительства направлены на разрешение продовольственной проблемы в стране, что предусмотрено второй шестилетней программой капиталовложений на 1954/55—1959/60 гг.¹⁶ Главный упор делается на расширение орошения рисовых полей, механизацию сельского хозяйства, улучшение снабжения крестьян удобрениями. В 1954 г. на Цейлоне имелись четыре правительственные тракторные станции. На правительственных фермах налажена также селекция семян риса. Для выведения породистого скота создано семь государственных животноводческих ферм.

Специализация экономики Цейлона на производстве плантационных культур нашла свое отражение и в промышленности. В стране насчитывается около 1000 чайных мелких полукустарных фабрик и 600 предприятий по обработке каучукового сырья, разбросанных по плантациям и принадлежащих главным образом англичанам. Однако в стране имеется несколько крупных заводов по обработке каучука, как, например, завод около г. Галле, также принадлежащий английской компании.

Важное значение в промышленности Цейлона занимает переработка продуктов кокосовой пальмы. Ведущее место в этой отрасли принадлежит производству такого ценного сырья, как кокосовое масло. В 1952 г. в стране насчитывалось 75 фабрик по производству кокосового масла, на которых было занято около 8 тыс. рабочих, кроме того, имеется много мелких кустарных маслобойных предприятий, так называемых «чекку». В окрестностях Коломбо расположено около 300 небольших фабрик, занятых производством товаров из койры, копры и других продуктов кокосовой пальмы.

Полукустарных предприятий легкой промышленности, производящих товары широкого потребления, насчитывается около 500; в их число входят все мастерские, имеющие механическое оборудование, с числом рабочих более пяти человек¹⁷. В целом в промышленности Цейлона занято не более 100 тыс. чел.

¹⁶ Насколько серьезно стоит на Цейлоне продовольственная проблема, можно судить хотя бы из того факта, что цейлонское правительство в 1953 г. заключило торговое соглашение с Бирмой о ввозе 200 тыс. т риса ежегодно и в 1955 г. — с Китайской Народной Республикой о ежегодном ввозе 270 тыс. т риса.

¹⁷ См. Ю. А. Ершов, Указ. раб., стр. 47.

Значительные перспективы для развития имеет добывающая промышленность. Из полезных ископаемых, разрабатываемых на Цейлоне, важное значение приобретает добыча графита, сосредоточенная на западе юго-западе острова. Она находится в руках национального капитала. Ежегодная добыча графита составляет 9—12 тыс. т, и весь он экспортируется, главным образом в США и Англию.

Большое значение для будущего промышленного развития Цейлона имеют месторождения железной руды, структура которой позволяет производить плавку без применения высококалорийного угля или кокса, что особенно важно для Цейлона, не обладающего запасами каменного угля. В 1956 г. на Цейлоне был введен запрет на экспорт железной руды. На крайнем севере страны, на полуострове Джафна, около г. Кан-есантурай в 1950 г. построен цементный завод, проектная мощность которого рассчитана на производство 80—100 тыс. т цемента в год.

Цейлон издавна славился своими драгоценными камнями. Запасы их истощены, но и в настоящее время на юго-западе острова в округе атнапур производится разработка драгоценных и полудрагоценных камней: сапфиров, рубинов, бериллов, топазов и др. Годовая продукция оценивается в 1—2 млн. рупий. Обработкой камней и изготовлением украшений на Цейлоне занимается большое число ремесленников.

Цейлон обладает значительными ресурсами гидроэнергии, запасы которой исчисляются в 500 тыс. кВт, но используются они еще недостаточно. Установленная мощность гидроэлектростанций Цейлона, по данным 1953 г., составляла всего 35,5 тыс. кВт. Правительство уделяет большое внимание дальнейшему развитию энергетической базы. Намечено к 1960 г. увеличить мощность гидроэлектростанций Цейлона на 91 тыс. кВт.

* * *

Под влиянием развивающихся в сельском хозяйстве капиталистических отношений и массового наплыва товаров машинного производства босовленность сельской общины была подорвана. Однако сельская община в большинстве случаев сохранилась в качестве низшей административной единицы. По традиции она возглавляется деревенским советом — «гансабха», который разрешает местные дела и следит за ремонтом различных, главным образом ирригационных, сооружений.

Сингалы строят дома из бамбука, кроют их пальмовыми листьями или соломой, реже черепицей; стены обмазывают латеритовой глиной. Дома обычно одноэтажные, с двускатной крышей. Для лучшей циркуляции воздуха стены часто не доводят до самой крыши, и она опирается на угловые столбы. Неотъемлемой частью дома является широкая веранда, обнесенная балюстрадой. Обычно в помещение ведет широкий открытый вход, который на ночь закрывают пологом, а пышная тропическая растительность скрывает дома от постороннего взгляда. Это придает цейлонским деревням очень живописный вид.

Обстановка в доме сингальского крестьянина более чем скромная. Мебель, как правило, состоит лишь из табуретов на трех ножках, скамеечек и низеньких «колумбасов» (слегка отесанные поленья, на которых сидят младшие члены семьи). У главы семьи часто бывает высокая кровать с туго натянутым матрацем, остальные члены семьи обычно спят на полу на циновках, иногда подстилая тонкие стеганные одеяла, накрываясь ими. Циновки на день свертывают и хранят в углу. Килище освещается светильником, в который наливают кокосовое масло и опускают свернутый из ваты фитилек. Часто светильники, сделанные из бронзы, украшены художественно выполненными фигурами животных или птиц и являются настоящими шедеврами цейлонских ремесленников.

В каждом доме большое количество разнообразной, в основном глиняной, посуды, нередко украшенной сложным и красивым орнаментом. Производством глиняной посуды на Цейлоне занято большое число ремесленников. Однако за последние годы в быт цейлонцев все сильнее проникает алюминиевая посуда. Вся посуда в доме хранится в опрокинутом положении на деревянных полках, которые зачастую украшены затейливой резьбой. Глиняная посуда, употребляемая для варки пищи, имеет сферическое утолщенное дно. Пищу обычно готовят на открытом очаге, над которым посуда поддерживается специальными глиняными упорами. Имеются и переносные глиняные очаги.

Рис. 3. Гончары-тамилы за работой

Национальная одежда сингалцев — «саронг», распространенный в странах Юго-Восточной Азии, и длинная, застегивающаяся наглухо куртка со стоячим воротником. Саронг — длинный кусок ткани, которым обертывают нижнюю часть тела. Традиционный цвет одежды сингалцев — белый, но можно встретить и другие цвета. Сингалцы прибрежной полосы часто носят под курткой европейскую рубашку. Тамилы не носят саронга и обходятся традиционным индийским «дхоти» — обернутым вокруг тела куском ткани, конец которого пропущен между ног. С первого взгляда можно отличить в толпе буддийского монаха. Он одет в желтую тогу, на ногах сандалии, голова выбрита наголо, в руках неизменный овальный веер. Сингалцы и тамилы, как мужчины, так и женщины, обувь носят очень редко.

Традиционная одежда сингалок — тот же белый саронг и короткая кофточка. Но жительницы прибрежной полосы часто предпочитают саронгу широкую пеструю юбку. Верхнюю часть тела они закрывают лифчиком, а поверх него носят «камбайя» — белую блузку с круглым вырезом.

Кандийки часто носят сари, т. е. кусок ткани, обернутый вокруг талии, свободный конец которого переброшен через плечо: левое — у девушек или замужней женщины, правое — у вдовы или разведенной. Более зажиточные женщины носят застроченный в мелкие складки лифчик, а сверху — белую блузку с кружевами, но не с круглым, а заостренным вырезом.

Тамилки носят традиционное индийское сари, чаще всего из клетчатой хлопчатобумажной ткани. Они любят покрывать голову платком, чего никогда не делают сингалки.

Женщины носят много украшений: кольца, ожерелья, серьги, браслеты, брошки, головные черепаховые шпильки. Тамилки, кроме того, вдевают в ноздрю розетки. Кандийки обязательно носят «атавзле» — ожерелье, состоящее из одной или двух ниток серебряных или золотых бус, величиной с мелкий горох, а также длинные с цветочными узорами броши.

Свсеобразно сингалыцы убирают волосы. Как мужчины, так и женщины свертывают их в виде греческого узла или шиньона на затылке.

Рис. 4. Сингальская семья

Жители прибрежных районов носят гребень, а иногда и два: один, полукруглой формы, отводит волосы назад от лба, другой удерживает узел. Гребни чаще всего черепаховые и отличаются изящной отделкой. Тамилки обычно ходят с распущенными волосами, которые свободно падают на спину.

На Цейлоне отсутствуют обычаи затворничества, ранних браков, запрещение вторичных браков вдов и т. д. По древнему кандийскому закону, церемония вступления в брак и развод очень просты, но случаи развода редки. Это объясняется тем, что у сингалцев юноша, достигнув шестнадцатилетнего возраста, может свободно выбрать себе девушку по сердцу, а девушка в свою очередь может принять или не принять предложение. В связи с этим сохранился такой интересный обычай: юноша приносит в дом своей избранницы одежду и украшения, и если она принимает их, то это означает, что предложение принято, если отвергает, то — отклонено. Свадебные празднества продолжаются в течение нескольких дней. Они сопровождаются угощением гостей и подарками молодым. Значительную роль играет местный астролог (бали-едура), который должен сравнить гороскопы будущих супругов и подтвердить, что влияние планет не противится данному союзу.

Браки делятся на «дига» и «бини». В первом случае муж берет жену из дома тестя в дом свекра или в свой собственный, во втором случае — молодые поселяются в доме или на земле тестя.

По свидетельству многих путешественников, сингалы бережно и вежливо относятся к своим женам. Грубое отношение к женщине вызывает всеобщее возмущение жителей, виновный обычно подвергается общему бойкоту. К своим детям родители относятся с большой любовью и никогда не прибегают к телесным наказаниям. Рождение ребенка в каждой семье — большое событие. На основании даты и часа рождения деревенский астролог составляет весьма сложный и подробный гороскоп новорожденного. Сингалы называют этот гороскоп «синдханта» (лист для памяти). Гороскопу придается большое значение, и он бережно хранится всю жизнь.

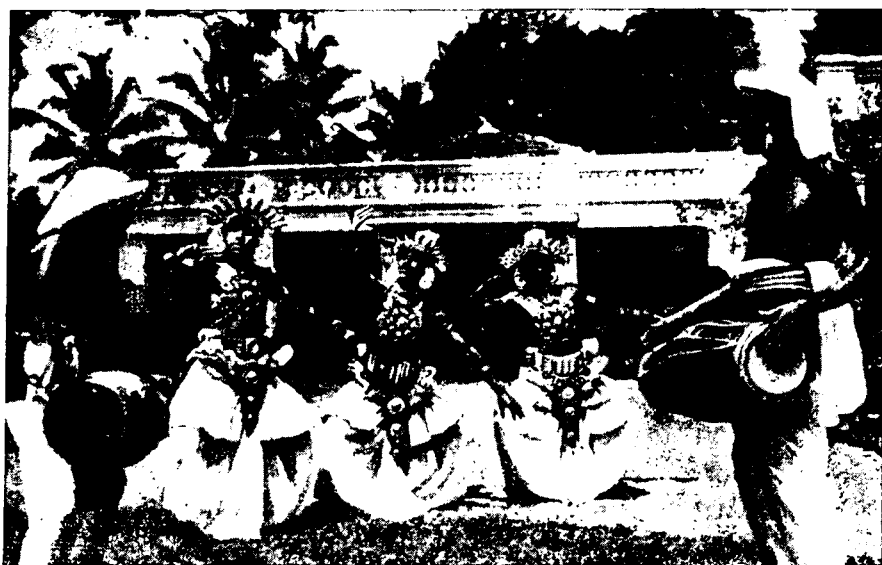

Рис. 5. Кандийские танцоры в традиционной обрядовой одежде

Похоронные обряды сингалцев весьма несложны. Когда умирает буддист, то посылают за монахом, который читает у изголовья постели умирающего священное писание. Специальных кладбищ, как правило, нет, и умершего погребают в садах, лесах или просто у дороги. Могилу можно узнать по поставленному на ней камню с начертанной иногда на нем надписью. Более пышно и торжественно хоронят буддийских монахов и знатных лиц. Их сжигают на погребальном костре, куда тела приносят на открытом паланкине. Все сопровождающие лица надевают темно-синие траурные одежды. После кремации всем присутствующим разносят пальмовое вино и рисовые лепешки.

В связи с тем, что врачебная помощь на Цейлоне еще недостаточно налажена, значительную роль в деревне играет сельский знахарь, или как его называют, «ведерал», который широко использует в своей практике народную медицину. Иногда к больному приглашают буддийского монаха, который читает «пирит» — отрывки из буддийских священных писаний. Но чаще всего для исцеления больных прибегают к помощи «якадуру» — шамана.

У сингалцев еще очень распространены анимистические представления. Они верят, что земля, кроме людей и зверей, населена также бесплотными злыми и добрыми духами, обладающими способностью вселяться в деревья, дома, людей и т. д. Эти духи (яка) посылают болезни, уводят скот и т. д. Все духи разделяются на несколько групп, во главе которых стоят старшие «яка». Наиболее

аждебной и опасной для человека является группа «саннян-яка»; бороться с ними можно только при помощи «якадуру» — шаманов. Якаду принадлежат к различным кастам, обычно — к низшим. Профессия шамана, в противоположность деятельности астролога, считается презренной, так как он имеет дело с злыми духами, приносящими человеку вред.

Процесс «изгнания» злого духа весьма сложен и иногда продолжается очень долго. Он сопровождается своеобразными ритуальными танцами, известными под названиями «тойль», корни которых уходят в далекое прошлое. Сам шаман и его помощники при этом надевают причудливые костюмы и маски. Несомненно, истоки этих ритуальных танцев народные. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что в городах (да часто и в деревнях) они потеряли свой первоначальный смысл; вместе с тем в дни праздников устраиваются грандиозные шествия и представления, в которых используются те же маски, костюмы применяются те же приемы. Основной темой этих представлений является вечная идея борьбы добра со злом.

Сингалы — жизнерадостный и музыкальный народ, любящий танцы, веселые и красочные шествия. Без них не обходится ни одно торжественное событие, ни один праздник. Кроме театрализованных выступлений, у сингалцев множество народных танцев, воспроизводящих различные трудовые процессы, как, например, танец уборки риса и др. По своему характеру они очень близки к танцам индийцев. Основной музыкальный инструмент у сингалцев — барабан.

* * *

По своему быту и уровню материальной культуры резко отличаются от остального населения Цейлона ведды — древнейшие обитатели страны. Веддов обычно подразделяют на две группы: сельских, или прибрежных, занимающихся земледелием и рыболовством, и так называемых горных, или горных, которые почти полностью сохранили уклад жизни своих предков, неразрывно связанный с кочевой охотой и собирательством.

Сельские ведды живут в деревнях, обычно состоящих всего из нескольких хижин (главным образом в районе Бинтенне), и занимаются земледелием типа чена. Они сеют неприхотливые культуры и выращивают некоторые овощи; после посева за растениями не ухаживают. Пока не наступило время сбора урожая, ведды этой группы также занимаются охотой и собирательством. На восточном побережье Цейлона, в районе Баттикалоа есть несколько деревень, населенных «прибрежными» веддами; они в значительной мере ассимилированы тамилами, которые здесь составляют большинство. Многие из веддов усвоили тамильский язык. Кроме земледелия, большинство прибрежных веддов занимается рыбной ловлей.

Лесные ведды живут в пещерах или убежищах под скалами. Даже те ведды, которые перешли к земледелию, но не имеют постоянных сельских поселений, также предпочитают жить в таких убежищах. Последние играют большую роль в жизни лесных веддов, которые переходят из одного убежища в другое в зависимости от времени года, а также от наличия в данной местности дикого меда, дичи и других средств существования.

Для охоты ведды пользуются в основном луком и стрелами. Лук достигает 172 см длины, стрелы — от 88 до 105 см. В руках веддов это оружие является весьма действенным, с помощью лука они добывают необходимую мясную пищу. В наше время ведды пользуются для стрел железными наконечниками. Эти наконечники и топоры, пожалуй, единственные металлические предметы, которые имеются у веддов. Железные изделия, а также ткань для одежды ведды выменивают у мелких тор-

говцев-разносчиков из Баттикалоа. Все остальное, что им необходимо в повседневной жизни, ведды изготавливают сами. Это в первую очередь относится к посуде. Однако гончарное производство их стоит на низком уровне: ведды не знают гончарного круга. Обычно берется глыба глины и ей грубо придается определенная форма, главным образом в виде пшкы. Готовая посуда выставляется на воздух, где она сохнет. Иногда посуду обжигают на очаге. Огонь добывают ведды при помощи трения

Рис. 6. Группа веддов-охотников

Мужчины-ведды вместо одежды пользуются коротким куском белой хлопчатобумажной ткани, которую обычно пропускают между ног и скрепляют на поясе тесемкой или веревкой. Женщины носят прочную окрашенную хлопчатобумажную ткань, которую обертывают вокруг талии в виде юбки до колен. Эта одежда напоминает сильно укороченный саронг. Верхнюю часть тела женщины ничем не прикрывают.

Ведды делятся на ряд родовых групп — «варуге». Некоторые изолированные группы веддов уже не помнят имени родоначальника, но все же считают свою локальную группу вполне самостоятельной и называют себя именем той местности, в которой живут. В большей части родовых групп существует строгая экзогамия. Среди веддов сохранились также значительные пережитки матриархата. Семья веддов состоит из родителей и их детей, в том числе замужних дочерей и их мужей. Случаи, когда женатый сын живет у своих родителей, очень редки. Браки, как правило, происходят в очень раннем возрасте. Женщины у веддов во всех отношениях пользуются теми же правами, что и мужчины.

Общины веддов, как правило, состоят из двух-пяти семей. Члены этой группы семей обладают равными правами охоты на территории расселения, сбора фруктов и меда, рыбной ловли и пользования пещерами, в которых предпочитают жить ведды-охотники. В основном же ведды живут и охотятся одной семьей или маленьким коллективом, состоящим из двух семей. Все это относится в первую очередь к так называемым лесным веддам. Но по укладу жизни сельские ведды мало отличаются от лесных, хотя непосредственное соприкосновение и связь с окружающим сингальским и тамильским населением оказывают на всех веддов значительное влияние.

Ведды — анимисты, но некоторое влияние на них оказали буддизм и индуизм. Большую роль играют в повседневной жизни веддов шаманы.

У веддов есть своеобразный фольклор. Некоторое развитие получила живопись, главным образом наскальная, тематика которой неразрывно связана с основным занятием веддов — охотой.

Прошло 11 лет с тех пор, как трудолюбивый и талантливый цейлонский народ добился независимости. За этот короткий срок он достиг значительных успехов в области международных отношений и довольно крупных во внутренних преобразованиях. Перед цейлонским правительством стоят значительные трудности в области экономики. Правительство предпринимает большие усилия для повышения жизненного уровня населения, ликвидации безработицы, возрождения национальной культуры. Расширяются торговые связи со странами социалистического лагеря.

Но как ни велики трудности на пути экономического и политического переустройства страны, население Цейлона полно решимости как можно быстрее ликвидировать тяжелые последствия колониализма.

Присуждение в 1958 г. Международной Ленинской премии мира крупному цейлонскому публицисту, писателю и просветителю Удакенавалу Сарананкару Тхеро является признанием заслуг населения Цейлона в борьбе за мир во всем мире.

С О О Б Щ Е Н И Я

А. В. ЕФИМОВ

НЕГРИТЯНСКАЯ ПРОБЛЕМА В США

В США издавна сложилась и историческая наука и ее отрасль — этнография. Американское историческое общество, учрежденное в 1883 г., насчитывает теперь свыше 6000 членов. Этнографическая наука США в прошлом представлена такими именами, как Л. Морган, к настоящему времени крупные работы создали Ф. Боас, А. Кробергер, М. Херсковиц и другие.

Отдельные марксистские работы в области исторической науки США начали появляться еще в XIX в., — например книга «Рабочее движение в США», написанная соратником и другом Маркса, одно время бывшим генеральным секретарем I Интернационала, Фр. Зорге. В послеоктябрьский период, особенно за последние два десятилетия, в США сложилась целая марксистская школа. Виднейшие ее представители — почетный председатель компартии США Уильям З. Фостер, Джеймс Аллен, Герберт Аптекер и другие, — стоя на позициях творческого марксизма, дали ценнейшие работы по истории. Эти же товарищи в настоящее время ведут решительную борьбу с ревизионистами — ренегатами марксизма в компартии США — Дж. Гейтсом и другими. Но вопрос о том, есть ли в США марксистская этнография, в печати еще не ставился, а между тем это вопрос огромной важности.

Вопрос этот новый и требующий еще дальнейшего собирания материалов и изучения. В данное время мы можем привести лишь некоторые данные и попытаться дать им оценку в надежде привлечь к этой проблеме внимание и советских этнографов, и американских исследователей-марксистов.

Из этнографических проблем американские марксисты уделяют больше всего внимания негритянской проблеме. По другим вопросам, например о формировании нации США, иначе именуемой американской нацией, в марксистских исторических работах имеются лишь отдельные замечания. Так, Уильям З. Фостер пишет, что нации, возникшие на обоих американских материках, сложились из различных сочетаний трех этнических компонентов: индейцев, негров и белых, причем наряду с тенденциями слияния этих компонентов, их ассимиляции, действовали и продолжают действовать тенденции к образованию отдельных наций и национальных меньшинств¹.

Последние тенденции тем сильнее, чем более проводится господствующими классами политика расовой и национальной дискриминации. Фостер характеризует различия межнациональных отношений, существующих в разных американских странах, и подчеркивает, что такого угнетения негров, как в США, нет нигде. Отмечает он и «сильные тенденции к самостоятельному и национальному развитию» у индейцев, «особенно в тех странах, где они живут большими массами»².

Однако проблемой индейцев американские марксисты в научном плане не занимаются. Монографических работ об индейцах у них нет. Можно лишь отметить статьи Уильяма З. Фостера «Очерк политической истории Америки». Фостер описывает общественный быт и культуру различных индейских народов до европейского завоевания и их сложную и трудную борьбу с захватчиками.

Об индейцах упоминается в ряде статей американских коммунистов, касающихся национального вопроса в США. Политику насильственной ассимиляции индейцев разоблачает Г. Аптекер в брошюре «Расистские законы Америки»³.

¹ У. З. Фостер, Очерк политической истории Америки, М., 1955, стр. 786.

² Там же, стр. 790—791.

³ H. Aptheker, America's Racist Laws, N. Y., 1951.

Фостер в одной из своих статей⁴ отмечает желательность написания марксистской исследовательской работы по истории индейцев.

Если вопрос об индейцах в марксистской литературе США серьезно не разрабатывался, то негритянскому вопросу уделяется, как уже сказано, очень большое внимание. Ряд исследовательских работ о неграх написан видным американским историком-коммунистом Гербертом Аптекером. Работы эти направлены на опровержение тезиса, имеют целью развитие движения за равноправие негров.

Важной составной частью расистской идеологии является утверждение, будто бы не имеют истории, будто они — лишь объект, но не субъект ее, пишет Аптекер⁵. Это чувство преемственности и гордости достижениями своего народа — существенная часть народной силы. Вот почему изучение и пропаганда негритянской истории возникает как органическая часть негритянского национального движения.

Такое изучение может быть вполне плодотворно только в том случае, если оно опирается на позиций марксизма. «Марксизм, — подчеркивает Аптекер, — дает возможность проникнуть в самую суть истории южных негров, в глубочайшую реальность инстинктов рабства, педанства, Джим-Кроу. Так и только так можно увидеть органическую связь между появлением капитализма и порабощением африканцев; между развитием капитализма и рабством американских негров; между рождением империализма и угнетением негритянского народа в духе Джим-Кроу.

Марксизм учитывает значение силы расизма в жизни Юга; он не отрицает и не уменьшает силу иррациональных, эмоциональных, унаследованных и внушенным обществом предрассудков. Нет — его точка зрения объясняет расизм, его материальное происхождение и его функции, служащие правящим классам. Действуя таким образом, он указывает путь к принципиальной борьбе с расизмом и к практическим мерам его уничтожения»⁶.

В исследовании «Восстания американских негров-рабов»⁷, опубликованном Колумбийским университетом, Г. Аптекер разоблачает миф о покорности и пассивности негров, миф, который в течение многих десятилетий упорно распространялся рабовладельческой, буржуазной и мелкобуржуазной наукой и публицистикой. «Факты, напротив, приводят к заключению, что недовольство и бунтарство были не только чрезвычайно часты, но в действительности характеризовали американских рабов негров»⁸. Эти словами заканчивается книга Г. Аптекера. В подтверждение своего тезиса автор приводит множество фактов, извлеченных из огромного количества рукописных источников и подвергнутых тщательной критической оценке. Автор учитывает, что в ряде случаев белые современники были политически — или лично — заинтересованы в том, чтобы преувеличить и исказить сведения о волнениях рабов. В других случаях (а таких больше) они старались преуменьшить размеры и значение негритянских восстаний, для того чтобы не дать им огласки. Однако о возмущениях негров неопровержимо свидетельствуют и такие косвенные доказательства, как страх перед восстаниями рабов, преследовавший рабовладельцев все годы существования рабства, система ограничений, слежки и террора, применявшаяся в отношении негров. Тема жестокостей и устрашения вытекала из сущности рабовладельческого строя. Эпизоды подъема негритянских восстаний автор рассматриваемой работы связывает с международным положением, внутренней обстановкой в Соединенных Штатах и экономическими циклами, а также с распространением революционной идеологии. Большое влияние на борьбу американских негров в конце XVIII — начале XIX в. оказала, в частности, победоносная революция негров на Гаити. Сопротивление рабов негритянских восстаний в различных формах: саботаж, самоубийство, побег — вплоть до вооруженных восстаний. Во многих случаях участниками заговоров и восстаний негров были также индейцы. При подготовке своего исследования Г. Аптекер привел данные о приблизительно 250 негритянских восстаниях и заговорах⁹. Автор отмечает, что всплески восстаний совпадали с периодами быстрого роста и концентрации негритянского населения на Юге¹⁰. Обстоятельства, вызывавшие подъем движения рабов, способствовали и усилению аболиционистского движения.

Автор показывает, как ради подавления рабов и оправдания самой системы рабства был создан и развит «колоссальный миф» о неполноценности негров, «миф, необходимый для всего общественного строя»¹¹. Здесь вскрываются корни американского расизма, столь живучего в современной науке и политике.

Этот расизм особенно усилился под влиянием политики империалистических заговоров в конце XIX в. «Американский империализм и белый шовинизм — кровные род-

⁴ Сборник «Прогрессивные деятели США в борьбе за передовую идеологию», М., 1956, стр. 348.

⁵ H. Aptheker, Negro History, Lessons for Our Time, New York, 1956, стр. 89.

⁶ H. Aptheker, The Central Theme of Southern History. A Reexamination, Сборник «Toward Negro Freedom», New York, 1956, стр. 187, 188.

⁷ Herbert Aptheker, American Negro Slave Revolts, New York, 1943.

⁸ Там же, стр. 374.

⁹ Там же, стр. 162.

¹⁰ Там же, стр. 209 и др.

¹¹ Там же, стр. 370.

ественники, — пишет Аптекер в другой работе. — Американский империализм порождает белый шовинизм и в нем нуждается»¹².

В книге «Очерки истории американских негров»¹³ Аптекер, вопреки различным расистским концепциям, показывает на исторических фактах, что стремление к свободе всегда одушевляло негров-рабов и что они, в частности, были активнейшими важными деятелями аболиционистского движения. При этом он считает, что «политические негритянской национальности, какими бы рудиментарными или извращенными ни были его формы, высказывается разными группами негритянского населения и свыше ста лет»¹⁴.

Большой вклад в изучение прошлого и настоящего негритянского народа внес крупный негритянский историк и писатель Уильям Дюбуа. Не будучи марксистом, этот прогрессивный деятель всегда боролся, однако, против расизма, за полное равноправие негритянского народа. Его книги являются документами этой борьбы.

Более двадцати лет назад вышла в свет книга о негритянском вопросе американского марксиста Джеймса Аллена¹⁵. Автор ее исходит из убеждения, что сущность негритянского вопроса может быть вскрыта путем анализа структуры общества южных штатов. Поэтому большая часть книги посвящена разбору социально-экономического положения Юга и в особенности его плантационного хозяйства. Индустриализация Юга, подчеркивает Аллен (а в то время эта индустриализация выражалась главным образом в развитии текстильной промышленности), основана на труде разоривших белых фермеров, негритянской рабочей силы она оставляет за хлопковыми плантациями. На текстильные фабрики негры практически не допускаются¹⁶.

До первой мировой войны негритянское население «Черного пояса», пытаясь вырваться из оков плантационной системы, целыми группами уходило на новы земли. Самым крупным движением этого рода было переселение 60 тысяч негров Канзас в 1879 г. Южная промышленность негров не принимала, а северная брала свою рабочую силу преимущественно из потока иммигрантов. Перелом произошел в годы первой мировой войны, когда из источника иммиграции нельзя было черпать рабочую силу по-прежнему, и в 1916—1923 гг. наблюдалось массовое переселение негров на Север, внесшее «глубокие изменения в классовый состав негритянского народа»¹⁷. Оно натолкнулось на упорное насильственное сопротивление. Зато негритяская буржуазия, а также связанная с ней негритянская интеллигенция Севера всячески поощряли новое движение, в противоположность негритянской буржуазии Юга, которая старалась удержать негров на земле. На Севере создавался негритянский пролетариат. Но, используя неквалифицированных и неопытных рабочих-негров против присоединения белых рабочих, американский капитализм пытался предотвратить развитие интернациональной пролетарской солидарности. Так создавались условия для белогрешничества в рядах профсоюзов, руководимых оппортунистами, и тем самым — для негритянского буржуазного национализма.

Аллен видит природу негритянской проблемы в том, что это — проблема угнетенной нации¹⁸. Он полемизирует с правыми социалистами, которые закрывали глаза на специфику этой проблемы. На Юге противоречия капитализма наслаиваются на пережитки рабовладения, что создает там особую остроту классовой борьбы. Союзником негритянского народа является рабочий класс. Искоренение пережитков рабства и разрешение негритянского вопроса — задачи, не решенные буржуазной революцией в США, — должны быть решены революцией пролетарской. В связи с этим Аллен выдвигает требование национального самоопределения для негров «Черного пояса».

Интересна книга «Освобождение негров» прогрессивного автора, негритянского профсоюзного деятеля Гарри Хейвуда¹⁹. Выпущенная десять лет назад, она по материалу своему частично устарела. Автор уделяет большое внимание аграрной проблеме Юга и негритянскому освободительному движению последних десятилетий. Он правильно отмечает, что расизм, культивируемый господствующими классами, управляет не только белое население США, но, в известной мере, и негров, у которых под влиянием расистской идеологии замедляется рост политического сознания и вырабатывается своего рода защитное стремление к обособлению²⁰. Обострение расистской тирании, связанное с господством монополий, «исключало возможность мирного демократического слияния негров в единую американскую нацию, наряду с белыми»²¹. Таким образом, пишет Г. Хейвуд, негритянский народ, в среде которого к началу XX в. образовались классы капиталистического общества, сложился в нацию, хотя национальное самосознание его не очень сильно.

Негритянская буржуазия, отмечает Хейвуд, выступила на сцену слишком поздно,

¹² Н. Aptheker, *Toward Negro Freedom*, New York, 1956. стр. 89.

¹³ Н. Aptheker, *Essays in the History of the American Negro*, New York, 1945.

¹⁴ Н. Aptheker, *Toward Negro Freedom*, стр. III.

¹⁵ James S. Allen, *The Negro Question in the United States*, New York, 1936.

¹⁶ Там же, стр. 118—119.

¹⁷ Там же, стр. 135.

¹⁸ Там же, стр. 173.

¹⁹ Гарри Хейвуд, *Освобождение негров*. М., 1950.

²⁰ Там же, стр. 192.

²¹ Там же, стр. 197.

та экономической жизнью страны уже распоряжались крупные капиталистические ополки, и не смогла занять выгодных позиций в хозяйстве. Ее область — торговля, иховое дело, мелкие банки, но отнюдь не промышленность. Она зависит от белых пыших боссов» и подвергается расовой дискриминации. Поэтому она заинтересована в борьбе за равноправие негров. С другой же стороны, рынок негритянской буржуазии, ее клиентура — это негры, население негритянских гетто и так называемого ного пояса. Поэтому сохранение сегрегации ей экономически выгодно, что и питает итрянский национализм²². Отчасти это создало почву для буржуазно-националистических движений под лозунгом — «Назад в Африку», крупнейшее из которых возникло те первой мировой войны и возглавлялось Маркусом Гарви²³.

Анализ хозяйственного и бытового положения негров — жителей южных штатов т работа прогрессивного американского экономиста Виктора Перло²⁴. В ней пока- с, как угнетение и дискриминация, которым подвергается негритянское население ских районов Юга, ухудшает положение белых трудящихся — южан. К тому же мере усиления конкуренции между промышленностью северных и южных штатов ета, господствующая на Юге, понижает жизненный уровень всего рабочего клас- США²⁵. Происходящая в последнее десятилетие усиленная механизация сельского яйства Юга отнюдь не облегчает труда негров-издольщиков. Напротив, в условиях итализма, она ухудшает их положение. Негры сгоняются с земли и превра- ются либо в сельскохозяйственных пролетариев, либо в городских рабочих — обита- ь негритянских гетто. При этом зачастую работа в промышленности является для ольщика или арендатора «отхожим промыслом». С другой стороны, рабочие при- етают фермы, служащие источником дополнительного питания для семьи. Правда, относится к белым больше, чем к неграм.

«Применение детского труда,— пишет В. Перло,— чрезвычайно распространено Юге, особенно это относится к негритянским детям»²⁶.

По данным Перло, негры составляют «более половины всей рабочей силы, заня- ь в сельском хозяйстве шести южных штатов»²⁷. При этом большинство их отно- сь к самым низшим группам арендаторов. А внутри каждой группы арендаторов ь экономически слабее белых.

Хозяйства негров-кропперов механизированы гораздо меньше, чем хозяйства ьх, так как ручной труд кроппера часто более выгоден. Если негр лишается земли, ему гораздо труднее найти работу, чем белому. Поэтому он более цепко держится сельское хозяйство²⁸. Тем не менее, происходит «вытеснение негров с земли, со- овождающееся довольно значительным их переселением из сельских местностей га»²⁹.

В специальной главе «Уровень жизни» Перло показывает тяжелейшие бытовые овия, в которых живет негритянское сельское население Юга. Оно недоедает. ьвестный бразильский ученый Жозуэ де-Кастро считает Юг США зоной голода. ьгр-кроппер не может даже выращивать на своем участке овощи для своей семьи и разводить домашний скот, потому что владелец земли заставляет его исполь- вать весь участок под рыночные культуры и к тому же снабжает его продовольст- ем по своему выбору и по дорогой цене, вовлекая его тем самым в долг и при этом ень часто обесчистывая. Жилища негров-кропперов зачастую полуразрушены, обычно ь имеют удобств. Велика скученность. «В более чем одной десятой негритянских де- венских жилищ, представляющих собой обычно маленькие хибарки, жило по десять ловек и больше»³⁰. Но такие лачуги, как правило, освещаются электричеством, а ьсть их владельцев имеет автомобили — правда, устарелые и сильно подержанные.

«Американский крупный капитал,— пишет Перло,— извлекает ежегодно из сверх- сплуатации негритянского народа 4 млрд. долларов сверхприбыли»³¹. Из южных

²² Там же, стр. 254—255.

²³ Гарвиистское движение имело предшественника в лице Американского колони- ционного общества, возникшего в 1817 г. Общество это ставило задачей вывозить юбодных негров «назад в Африку». Результатом его деятельности является африкан- зая республика Либерия (начало которой было положено в 1817 г.), фактически — олония США, где потомки американских негров, составляющие верхушку общества, ьтуют коренное население. Колонизационное движение поддерживали, в частности, ькоторые рабовладельцы, желавшие избавиться от «смутьянов» — свободных негров. ьгрессивные негритянские организации США никогда в нем не участвовали, считая ьужным разрешить проблемы американских негров в самой Америке.

²⁴ В. Перло. Негры в сельском хозяйстве Юга США, М., 1954.

²⁵ Там же, стр. 20—21.

²⁶ Там же, стр. 28.

²⁷ Там же, стр. 29. Перло исследует в своей работе наиболее характерные шесть ьтатов «старого Юга» — Северную и Южную Каролину, Джорджию, Алабаму, Мис- исипи и Луизиану.

²⁸ Там же, стр. 29—32.

²⁹ Там же, стр. 40.

³⁰ Там же, стр. 77.

³¹ Там же, стр. 116.

кропперов эта сверхприбыль извлекается уже не только через плантаторов-земледельцев, но и непосредственно: многие северные монополисты сами приобретают земли на Юге или контролируют хозяйство плантаторов. А система издольщины, по мнению Перло, «дает максимальную норму прибыли»³², что возможно только вследствие угнетения негров и что объясняет живучесть этой устарелой системы. Эта же система обуславливает крайне низкую зарплату батраков в сельском хозяйстве Юга. Батраки — в большинстве негры, а также сезонники-мексиканцы и пуэрториканцы. «Правильно, самый низкий уровень заработной платы отмечается в районах с наиболее высоким процентом негритянского населения»³³.

Историческая действительность внесла существенные изменения в картину, рисованную американскими учеными-коммунистами, и в некоторые их теоретические прогнозы. В статьях последних лет деятели американской компартии излагают совершенно иное состояние негритянского вопроса. Джеймс Джексон в своем докладе, частично опубликованном в журнале американской компартии «Political Affairs», дает самые новейшие статистические сведения о негритянском населении США и на основании этих данных делает некоторые выводы. Негритянское население США, выросшее со времени последней переписи 1950 г. на 19% и составляющее ныне почти 18 млн., довольно быстро перемещается из сельских местностей в города и из мелких городов в крупные. В тех же направлениях происходит движение всего населения США. Но негры характерно, что они переселяются с Юга на Север.

В 1950 г. негры Юга составляли 68% всего негритянского населения страны и четвертую часть населения Юга. Так как процесс миграции продолжается в том же направлении, можно предположить, что в 1960 г. на Юге будет жить 57% всех негров США. На июль 1956 г. в городах жило 63% всех негров (при общей доле всего городского населения США в 64%). В Нью-Йорке и Чикаго — по 1 млн. негров, в Филадельфии — 1/2 млн., в десятке других северных городов — по 100 тысяч. С 1940 до 1950 г. негритянское население 45 городов, имеющих более чем по 50 тыс. жителей удвоилось. Почти все эти города — на Севере и Западе.

«Это движение среди негритянского населения привело: 1) к радикальному снижению абсолютного числа негров и их численного отношения к белым в традиционных районах негритянского большинства — сельскохозяйственном районе Черного пояса; 2) к прогрессивному увеличению численности и удельного веса негров в населении крупных южных городов; 3) к огромному росту негритянского населения в районах не принадлежащих к Черному поясу и к Югу»³⁴.

В апреле 1958 г. из 7364 тыс. работающих негров 5582 тыс. было занято в промышленности, на транспорте и т. д., 758 тыс. — в сельском хозяйстве, 1024 тыс. имели работы. Из каждых семи негров-мужчин один был безработным.

Между 1940 и 1950 гг. из сельского хозяйства ушло более 50% занятых в нем негров. «Это привело к существенному изменению в классовой структуре негритянской народности. Это подчеркивает фундаментальное изменение в классовой основе негритянского народа — от «крестьян» к «пролетариям»³⁵.

Удельный вес промышленных рабочих по отношению ко всему населению у негров значительно выше, чем у белых. Недаром Бен Дэвис писал: «Национальный вопрос на Юге не может более рассматриваться как чисто крестьянский вопрос»³⁶.

То обстоятельство, что в среде негров абсолютное большинство (свыше 60%) составляют сейчас рабочие, приводит к следующей постановке вопроса: негритянская проблема, как проблема национальная, является не вопросом о буржуазной нации (в отношении классового руководства) или о нации крестьянской (по классовому составу), но о нации, которая, если сформируется, то является или явится нацией с количественным преобладанием пролетариата, причем руководство такой нацией может принадлежать либо буржуазии (включая и мелкую буржуазию), либо пролетариату.

Индустриализация Юга, начавшаяся в 1880-х годах, идет особенно быстрыми темпами с 1940 г. На Юге сейчас сосредоточена почти четвертая часть промышленности США. Юг теперь — главный район добычи урана и других расщепляемых материалов. Фабричных рабочих на Юге — около четырех миллионов. В результате автоматизации производства число их растет медленнее, чем производственная мощность предприятий. В связи с тем, что рабочему-негру трудно получить работу там, где имеется высокая автоматизация производства, одновременно с переселением неквалифицированных рабочих-негров на Север происходит движение в обратном направлении — квалифицированных рабочих с Севера на Юг, хотя и меньшее по своему масштабу. В силу этого процесс «размывания» населения «Черного пояса» усиливается и еще более ускоряется.

Система издольщины (share-cropping), отмечает Дж. Джексон, которая в 1930-х годах была отличительной чертой производственных отношений в сельском хозяйстве Юга, ныне утратила свое значение. Докапиталистическая форма издольщины была

³² В. Перло, Указ. раб., стр. 122.

³³ Там же, стр. 136.

³⁴ James E. Jackson, Basic Data on the American Negro People, «Political Affairs», October, 1958, стр. 60.

³⁵ Там же, стр. 61.

³⁶ Ben. J. Davis, The Negro People on the March, New York, 1956, стр. 16.

исторически связана с производством хлопка. За прошедшие пять лет площадь под хлопком уменьшилась более чем на 40%³⁷. Вследствие механизации очень повысилась его урожайность. Развиваются животноводство и другие отрасли сельского хозяйства. Рабочая сила — сельскохозяйственные рабочие, преимущественно сезонники, с низкой заработной платой.

Посмотрим теперь, как ставилась и ставится негритянская проблема в работах У. З. Фостера. Он посвятил американским неграм большую работу, одно из своих лучших исследований³⁸. В истории негров-рабов Фостер особо подчеркивает их борьбу за свободу, нередко выливавшуюся в восстания, вершиной которых была революция рабов Гаити в конце XVIII — начале XIX в.

Соглашаясь с У. З. Фостером в том, что революционная борьба негров на Гаити была одним из важнейших событий революционной истории человечества, нельзя, однако, не заметить, что освободительная борьба негров-рабов в США в 1861—1865 гг. и в период так называемой «реконструкции» Союза (1865—1877) была более массовой, велась на более высоком уровне политического сознания негритянских масс и имела большее значение для решения задач буржуазно-демократической революции в США и последующей борьбы негров против расистской дискриминации, против классового угнетения и за гражданские права во всей истории борьбы негритянского населения.

После гражданской войны среди негров усилилось классовое расслоение. Появилась негритянская буржуазия, выросла интеллигенция, а в дальнейшем — рабочий класс. Возникли негритянские общества. Однако американские социалистические организации не считали освобождение негров своей особой задачей. Только Коммунистическая партия поставила негритянский вопрос как вопрос национальный и объявила себя партией негритянского народа³⁹. Этому способствовало влияние ленинского учения о национальном и колониальном вопросе. Признание самостоятельного значения негритянского вопроса было достигнуто в борьбе с правыми оппортунистами внутри партии, во главе которых стоял Ловстон. В 1928 г. компартия приняла решение, «в котором негритянский народ, проживающий в так называемом Черном поясе, ... был охарактеризован как угнетенная нация, имеющая право на самоопределение»⁴⁰.

«Национальный вопрос, — говорит Фостер, — ...нигде... не представляется столь своеобразным и сложным, как в отношении негритянского народа Соединенных Штатов»⁴¹. Грубое угнетение этого народа делает необходимым предпосылкой «полного соединения в единое целое негров и остальных американских граждан Соединенных Штатов»⁴², достижение негритянским народом полного освобождения и равноправия, ликвидации всяких цветных барьеров.

Лозунг национального самоопределения негров логически вел к требованию негритянской республики, и этот лозунг был выдвинут компартией США в 1928 г.

В свете происшедших в негритянском народе, и особенно на Юге, перемен американской компартии пришлось пересмотреть некоторые свои установки, приведшие ее к «серьезным теоретическим и тактическим ошибкам»⁴³. К таким ошибкам Фостер относит первоначальное левацкое представление о лозунге самоопределения как требовании негритянской республики в «Черном поясе», а также отрицание существенной роли расы в негритянском вопросе⁴⁴. В другом месте Фостер говорит об «устаревшем лозунге самоопределения»⁴⁵. А. Б. Дэвис замечает: «Представляется, что лозунг самоопределения следует отбросить»⁴⁶. В другой статье Б. Дэвис пишет: «Вопрос о негритянской национальности возбудил много разногласий в связи с самокритическим пересмотром политики нашей партии за последний год. Достижения дискуссии в партии по этому вопросу отразились преимущественно в общем признании, что его теоретическая перспектива, выразившаяся в лозунге самоопределения для Черного пояса, пострадала в прошлом от некоторых догматических тенденций, которые задерживали нашу науку, вместо того чтобы развивать ее». Впрочем, ошибка, продолжает он, заключалась не в самой концепции негритянской нации, а в ее доктринерском применении»⁴⁷.

Новые социально-экономические тенденции Юга вскрыты в опубликованной год назад интересной статье Дж. Джексона⁴⁸. На Юге, пишет Джексон, ярче всего вы-

³⁷ James E. Jackson, The South's New Challenge, «Political Affairs», December, 1957, стр. 6.

³⁸ Уильям З. Фостер, Негритянский народ в истории Америки, М., 1955.

³⁹ Там же, стр. 595.

⁴⁰ Там же, стр. 603.

⁴¹ Там же, стр. 737.

⁴² Там же, стр. 743.

⁴³ W. Z. Foster, The Party Crisis and the Way Out, «Political Affairs», December, 1957, стр. 53.

⁴⁴ W. Z. Foster, Left Sectarianism in the Fight for Negro Rights and Against White Chauvinism, «Political Affairs», July, 1953, стр. 20.

⁴⁵ W. Z. Foster, On the Party Situation, «Political Affairs», October, 1956, стр. 40.

⁴⁶ Ben J. Davis, Указ. работа, стр. 32.

⁴⁷ Ben J. Davis, «Political Affairs», April, 1957, стр. 19—21.

⁴⁸ James E. Jackson, The South's New Challenge, «Political Affairs», December, 1957.

ступают все проблемы американского капитализма. В разрешении проблемы Юга — ключ к социальному прогрессу во всех основных областях жизни США. Южный расизм объясняется стремлением «держать южного рабочего в полном и постоянном подчинении», говоря словами Фр. Дугласа. Борьба с расизмом необходима для защиты прав всех американских рабочих.

* * *

Поставленные выше вопросы не разрешены окончательно самой жизнью. Не давая еще на них исчерпывающего ответа и американские марксисты. Вот как ставятся эти вопросы в проекте новой программы компартии США, который сейчас предлагается на обсуждение американским коммунистам.

«5. Перспектива свободы негров. а) Может ли природа негритянского вопроса в США быть определена в контексте национального вопроса и если да, то каковы его специфические черты? б) как оценить относительную силу сепаратистской и объединительной (integrationist) тенденций, их течения и вероятное направление? в) как относится основная задача искоренения плантационно-издольщической системы к свободе негров ввиду перемен последнего времени? Представляют ли районы негритянского большинства, Черные пояса, длительную базу для осуществления какой-либо формы самоопределения — или длительная историческая тенденция движется в противоположном направлении? Как повлияли бы на это положение значительные достижения в избирательном праве и в представительстве негров на всех ступенях управления? В каком смысле и какими средствами могут цели свободы негров быть достигнуты в рамках нынешней общественной системы? Что дает социализм?»⁴⁹.

Практически американские коммунисты занимаются изучением положения негров и их движения, которое находится на большом подъеме, участием в этом движении, организацией его. При этом они исходят из того, что как, пишет Дж. Джексон, «негритянское народное движение... — решающий стратегический союзник рабочего класса в нынешней борьбе за свободу и средства к жизни и на всех ступенях, ведущих к последующему неизбежному переходу американского общества из нынешней капиталистической эксплуататорской системы в систему социализма»⁵⁰.

Компартия должна всячески поддерживать борьбу негров за равноправие, ибо это — «главная незавершенная демократическая задача страны».

«Как столетие тому назад уничтожение рабства на Юге стало повелительной необходимостью для поступательного развития нашего государства, — пишет Дж. Джексон, — так теперь для демократического развития нашей страны необходимо уничтожение имеющей средоточие на Юге системы Джим-Кроу»⁵¹.

Вот некоторые данные по современному положению негров-рабочих.

Средняя годовая зарплата белых составляла в 1956 г. 3506 дол., а зарплата негров — 1830, или 52% заработка белых.

Дискриминация в области доходов повышается по мере роста образовательного ценза. Поэтому несоответствие доходов негритянских интеллигентов и других интеллигентов соответствующих профессий еще больше⁵².

Вот что пишет журнал «Political Affairs» о положении негритянских рабочих и работников на Юге: «В 1950 г. несельскохозяйственные рабочие составляли 65,6% всех работающих южных негров-мужчин; из них 23,6% — чернорабочие (labors), 11,2% — обслуживающий персонал (service workers) и 18,6% — станочники и тому подобные (operatives and kindred workers). В промышленности они находили работу преимущественно в качестве чернорабочих, водителей грузовых машин и привратников; если работа бывала тяжела, грязна, связана с жарой или опасностью, как в литейных цехах и на лесопилках, им предоставляли места непосредственно на производстве. Три четверти негров — «операторов» (operatives) было в 1950 г. занято вождением грузовиков, автобусов и такси или сосредоточено в шахтах, на лесопильных заводах, в прачечных, на рудообогатительных предприятиях, в литейных цехах и на электростанциях.

Несельскохозяйственные занятия негритянок были гораздо менее распространены (между 1940 и 1950 гг. только 7%), причем негритянки находили работу в промышленности лишь на некоторых предприятиях по изготовлению оборудования, на табачных фабриках и на исключительно сезонных пищевых предприятиях»⁵³.

А вот как действует на рабочих-негров «техническая революция» последнего десятилетия. В статье, посвященной влиянию автоматизации производства на рабочих одного из фордовских заводов, марксист-экономист Х. Люмер пишет: «Особенно

⁴⁹ «Political Affairs», September, 1958, стр. 20.

⁵⁰ «On the Struggle for Negro Freedom», «Political Affairs», March, 1957, стр. 33—34.

⁵¹ Там же, стр. 40—41.

⁵² James E. Jackson, A. Reply to Comrade Healey, «Political Affairs», April 1958, стр. 31.

⁵³ Jack Green, Labor's Stake in the South, «Political Affairs», August, 1956, стр. 4—5.

кело приходится рабочим — пуэрториканцам и неграм, у которых большей частью — стаж наименьший и квалификация наименьшая. Рабочие-негры особенно пострадали от автоматизации литейных цехов, куда их обычно нанимали помногу на самую тяжелую и грязную работу. Поскольку автоматизация устраняет такие виды работы, негритянских рабочих выгоняют с предприятия в гораздо большей мере, чем белых, и более того получить лучшую работу, которая имеется в автоматизированных цехах, легче всего именно белым рабочим»⁵⁴.

Много внимания уделяют авторы-коммунисты жилищным условиям негритянского населения, которые, особенно в городах Севера, приобретают трагическую остроту. Типичным в этом отношении является Кливленд, крупный промышленный город, жилищному вопросу в котором посвящена статья Мартина Чанси.

Жилищный кризис, характерный для крупных городов, с особой силой бьет по неграм, пишет автор. «Требование приемлемых жилищных условий превосходит по интенсивности все другие стороны борьбы за равноправие на Севере».

За последние 15 лет негритянское население Кливленда выросло в четыре раза и теперь составляет 24% жителей города. Оно скучено на 4 кв. миль в восточной его части. Наем квартир и покупка домов обходятся неграм гораздо дороже, чем белым, очень выгодно домовладельцам.

«...ни в одной области негра не обманывают так грубо, как в жилищной. И здесь труднее всего добиться улучшения. Во вновь строящиеся дома, даже государственные, попадают главным образом белые»⁵⁵.

Ревизионисты недооценивали негритянское движение, отрицали политическое и экономическое угнетение негров в США. На XVI съезде Американской компартии, состоявшемся в феврале 1957 г., они заявили, будто негры получили все права, негритянский вопрос потерял актуальность. Вопреки ревизионистам, XVI съезд компартии США признал поддержку негритянского движения первойшей обязанностью партии⁵⁶.

Освободительной борьбе негритянского народа в нынешний исторический момент посвящена брошюра Б. Дэвиса — изложение его доклада в Национальном комитете компартии⁵⁷. «Борьба за полное общественное, историческое и экономическое равноправие негритянского народа достигла сегодня высочайшей со времени гражданской войны и реконструкции вершины», пишет Б. Дэвис. Эта борьба «стала предметом песен, стихов, культуры, искусства, политики, экономики и науки»⁵⁸.

Фактически создан «национальный фронт негритянского народа против сегрегации и дискриминации и за включение (Integration), на основе равенства и достоинства, во все стороны американской жизни»⁵⁹. При этом центр борьбы переходит с Севера на Юг. На Юге развернулись такие массовые движения негров, как бойкот автобусов в Монтгомери и Таллахаси, как героическая борьба за отмену сегрегации учебных заведений. «Первая мировая война выдвинула нового негра на Севере; вторая мировая война привела к возникновению нового негра на Юге», пишет Дэвис⁶⁰.

Костяком движения являются рабочие, но руководят им буржуазные и мелкобуржуазные интеллигенты. Среди этих руководителей особенно много священников. Изменяется мирная тактика, тактика ненасильственного сопротивления, явно заимствованная у гандистов. Показательно, что насилие в этой борьбе применяют именно противники негров, натравливаемые на них реакционнейшими «советах белых граждан».

Характерно, что важнейшей силой негритянского освободительного движения являются женщины.

«Негры на Юге считают свое освободительное движение частью всемирной борьбы населения колоний за независимость, достоинство и самоуправление», пишет Дэвис дальше⁶¹.

Важнейшей задачей негритянского освободительного движения, как подчеркивают Дэвис и другие авторы, является союз его с рабочим движением всей страны, что является залогом успехов и для него, и для других форм прогрессивного движения.

Таким образом, негритянская проблема сейчас рассматривается компартией США как национальная проблема. Считать негритянскую проблему только классово-экономической — это значит отказываться от борьбы против расового угнетения, от борьбы за прекращение экономической отсталости районов негритянского населения на Юге.

⁵⁴ Hyman Lumer, Automation in the Cleveland Ford Plants, «Political Affairs», июль, 1956, стр. 30.

⁵⁵ Martin Chancey, The Housing Question. Cleveland, «Political Affairs», сентябрь, 1957, стр. 39—42.

⁵⁶ И. И. Черкасов, Борьба Коммунистической партии США против современного ревизионизма. «Вопросы истории», 1958, № 10, стр. 73—74.

⁵⁷ Ben. J. Davis, The Negro People on the March.

⁵⁸ Там же, стр. 3.

⁵⁹ Там же, стр. 6.

⁶⁰ Там же, стр. 11—12.

⁶¹ Там же, стр. 16.

за ликвидацию испольщины и т. п., наконец, за повышение политической сознательности и организованности негритянского населения. А эти задачи весьма важны в условиях капитализма. Далее возникает вопрос, как поймать национальный аспект негритянской проблемы. Трудность ответа на этот вопрос объясняется теми огромными и особенно быстрыми изменениями, которые происходят в среде негритянского населения США.

Лозунг национального самоопределения снят. Против такого самоопределения возражают сейчас и сами негры. Вопрос поставлен историей так: что произошло раньше — консолидация негритянского населения США, хотя бы «Черного пояса» в нацию или «размывание» этого «Черного пояса» такими темпами, что, не отказываясь от национальных задач в негритянском движении, придется ставить и решать негритянский вопрос в США не как вопрос об особой нации, а как вопрос о национальном меньшинстве американской нации, о ее части? Но при всех условиях не снимается вопрос о национальном характере негритянской проблемы в США.

Теоретическая разработка данной проблемы историками США является шагом вперед в направлении формирования марксистской этнографии в США, но только одним из первых шагов в этом направлении.

М. С. ИВАНОВ

ИРАНСКАЯ ДЕРЕВНЯ ОУРАЗАН

Крестьяне составляют подавляющее большинство населения современного Ирана. По последним данным, около $\frac{3}{4}$ всего населения этой страны живет на средства, получаемые от сельского хозяйства¹. Из этого ясно, что исследование условий жизни и быта крестьян, изучение иранской деревни представляют большой интерес и крайне необходимы для уяснения общего положения в этой аграрной стране. В советской литературе имеется много статей и обзоров, посвященных аграрным отношениям в Иране и положению крестьян этой страны в целом. Но как конкретно выглядит иранская деревня, каковы условия жизни и быта крестьян той или иной деревни в Иране — эти вопросы в нашей литературе освещены очень слабо.

Поэтому ознакомление с выпущенной в 1954 г. в Тегеране издательством «Кетабхане-е Данеш» небольшой книгой Джелала Аль-Ахмада под названием «Оуразан. Ваз-е махалл, адаб ва росум, фольклор, лахджэ» (Деревня Оуразан. Ее местоположение, обычаи, фольклор, диалект) представляет значительный интерес. В предисловии автор сообщает о себе, что он не является ни филологом, ни этнографом, ни экономистом, а лишь пытается дать детальное описание одной типичной деревни.

Судя по сообщаемым автором о себе сведениям, а также по характеру его работы, Аль-Ахмад является далеким от марксизма представителем иранской интеллигенции. Он не ставит перед собой цели дать анализ социально-экономических условий и отношений в деревне Оуразан. Но, хорошо зная эту деревню, которая была родиной его родителей и дедов, Аль-Ахмад подробно описывает деревню Оуразан и ее жителей, жилища крестьян, их занятия, условия и образ жизни, положение женщин, обычаи, быт, нравы, приводит довольно много сведений о языке и фольклоре оуразанцев. Добросовестно рассказывая об этой деревне, Аль-Ахмад приводит интересные факты, свидетельствующие об остатках сельской общины, о старосте деревни (кедхода) и его обязанностях, о порядке пользования и переделах земли и т. п. В его описании имеются также и некоторые данные, свидетельствующие о происходящей в иранской деревне классовой дифференциации. В целом автор рисует наглядную картину иранской деревни, являющейся основным первичным звеном социальной структуры Ирана. В этом состоит ценность работы Аль-Ахмада. Свои заметки о деревне он делал на месте, во время неоднократного пребывания там.

Оуразан — горная деревня волости (дехестана) Верхний Талеган, входящей в состав района (бахша) Талеган. Район Талегана расположен в северной части Иранского нагорья, к востоку от г. Казвин, в горной долине, по которой протекает река Шахруд. На севере он граничит с Тонекабуном, на западе — с Аламутом, на юге — с Соуджбулагом. Деревня Оуразан находится в восточной части Талегана на крутом южном склоне холма, у подножия окружающих ее высоких гор. В связи с тем, что этот район расположен очень высоко над уровнем моря, климат здесь очень холодный. В течение пяти месяцев в году лежит снег и часто свирепствуют бури и метели. В это время связь деревни с внешним миром почти прекращается. Деревня Оуразан, состоящая из трех кварталов, расположена в нескольких десятках километров от шоссе Тегеран — Казвин и связана с этим шоссе дорогой, по которой могут пройти только мулы. Главным транспортным средством служит река Шахруд, по которой в конце лета сплавляется заготовленный в Талегане лес.

По официальным данным, приведенным в первом томе «Географического словаря Ирана»², число жителей деревни определяется в 684 чел. Однако автор, ссылаясь на сведения, полученные от кедходы Оуразана в 1947 г., пишет, что в действительности в деревне всего 100 семей, насчитывающих 460 чел. Жители Оуразана считают себя потомками двух сеидов: Ала-эд-Дина и Шараф-эд-Дина, которые якобы много поколений назад основали это село. Все жители, за исключением женщин из других деревень, вышедших замуж за оуразанцев, считают себя родственниками и называют

¹ H. Vreeland (Edit.), Iran (Country Survey series), New Haven, 1957, стр. 154.

² «Фарханг-е джографийе-е Иран», т. I, Тегеран, 1949, стр. 26.

друг друга «песар-е аму» и «дохтар-е аму» (двоюродными братьями и сестрами). Клянутся жители деревни обычно своими предками — «беджадд-ам». Говорят оуразанцы так же, как и все талеганцы, на местном диалекте, который они называют «тати» — татский. Автор пишет, что в отношении языка, культуры и экономического быта оуразанцы ближе к населению расположенных к северу от Талегана районов Мазендерана, чем к Соуджбулагу. Все пастбища, пахотные земли, сады и дома деревни считаются принадлежащими не помещику и не самим крестьянам, а вакуфными. (К сожалению, автор не говорит, чьим вакуфом является деревня Оуразан и каковы обязанности крестьян в отношении тех, в чьем ведении находится вакуф.) Земли эти не могут быть проданы ни жителям деревни, ни за ее пределы.

Вся пахотная земля деревни делится на 48 долей, которые называются «чарек». В руках одного домохозяина имеется не более одного чарека земли (автор не сообщает, какой площади равен один чарек). Всего в деревне на 100 семей приходится 48 чареков земли. Некоторые крестьяне имеют по целому чареку, но большинство других располагает значительно меньшими участками. Ушедшие из деревни сдают свою долю земли (по сведениям автора, 8 чареков, т. е. $\frac{1}{6}$ всей пахотной земли оуразанцев) в аренду. Арендная плата взимается на основе правила «се кут»: сдающему в аренду принадлежат только земля и вода, и он получает $\frac{1}{3}$ урожая. Арендующий обеспечивает рабочую силу, семена и рабочий скот и получает $\frac{2}{3}$ урожая. Солома принадлежит владельцу быков. Производится систематический (через каждые 2—3 года) передел пахотной земли между крестьянами.

Основные занятия крестьян — скотоводство и земледелие, при преобладании скотоводства. Пахотная земля камениста, не отличается плодородием, и поэтому часть ее не используется. В свободное от сельскохозяйственных работ зимнее время мужчины уходят из деревни на заработки — на угольные копи Абеек и Хиу. Кроме того, крестьяне занимаются пчеловодством, изготовлением грубошерстных тканей, обуви и сбором катиры. Из овечьей шерсти выделывают грубые ткани для зимней одежды, чулки и носки. Производятся также «джаджимы» — маленькие разноцветные, полосатые коврики, употребляемые для покрытия постелей, и курсы³. Изредка ткнут обычные маленькие коврики — «галиче». Привозной холст для рубашек и шаровар обычно красят на месте в очень стойкий синий цвет. Продукты скотоводства, главным образом сыр и шерсть, вывозят в Мазендеран и Соуджбулаг. На вырученные от продажи деньги привозят из Мазендерана рис, уголь, трут (в деревне до сих пор курящие пользуются кремнем и трутом, а печи зажигают самодельными сернистыми спичками, которые по размеру в 5—6 раз больше фабричных). Из Соуджбулага привозят сахар, табак и хлопчатобумажные ткани.

Поля деревни засеваются главным образом просом, которое является более холодостойкой культурой. Сеют также ячмень и пшеницу, которая только в очень урожайные годы родится сам-семь. Поля деревни орошаются из кяризов, вода для которых берется из источников, расположенных выше деревни. Вода в большой кяриз отводится в сторону деревни из стекающей с гор и питающейся снеговыми водами речки посредством тоннеля длиной около 40 м. Жители деревни отличаются большим искусством в прорытии каналов и кяризов. В центре деревни имеется большой источник. Он обложен кругом камнями и образует, таким образом, большой водоем, в котором моют посуду, одежду, ковры и из которого даже обмывают покойников. Вода его используется для орошения садов и затем впадает в протекающий рядом с деревней приток р. Шахруд. Питьевую воду жители деревни берут из источников. Воды реки используются только для мельниц, которых в деревне четыре. Две из них принадлежат отдельным хозяевам, третья является общей собственностью жителей квартала Джевар, а четвертая — общей собственностью жителей квартала Миян. Доходы с общих мельниц распределяются среди крестьян пропорционально величине земельного надела крестьянина и приходящейся на его долю воды. За раз-мол зерна взимается $\frac{1}{10}$ часть муки.

Поголовье скота состоит из овец, коз, коров, мулов, ослов. Зимой скот содержится в хлевах, из которых его выпускают один раз в сутки, чтобы напоить из водоема, находящегося в центре деревни. Корм, состоящий из заготовленного летом сена, сбрасывается скоту через отверстие в крыше хлева. В конце апреля, после того как в горах сойдет снег, скот выгоняют из хлевов на пастбище. Меньшую часть скота выгоняют на пастбища, расположенные недалеко от деревни. В течение всего лета эта часть скота ежедневно возвращается вечером в деревню для ночевки и доения. За этим стадом смотрят специальные пастухи, которые получают с каждой головы скота по 1 чареку (750 гр)⁴ пшеницы. Весьма интересен порядок доения этой части скота. Каждый крестьянин в течение нескольких дней за лето, в соответствии с количеством имеющегося у него скота, доит весь скот и берет себе все полученное молоко. Пастухи, возвращая вечером стадо в деревню, сначала подгоняют его к дому того крестьянина, чья очередь в этот день доить, и только после доения гонят скот к домам хозяев.

³ Курсы — низкий квадратный столик, под который ставится жаровня с раскаленными углями на металлическом подносе; сверху он покрывается большим стеганым одеялом, под которым обогрываются сидящие или лежащие вокруг жаровни.

⁴ В деревне Оуразан термин «чарек» (буквально — четвертая часть) применяется как мера веса и как мера площади земли.

Большая часть скота с наступлением весны выгоняется на находящиеся далеко от деревни горные пастбища и остается там в течение всего лета до осени, не возвращаясь в деревню. Это стадо обслуживают 5—6 пастухов, не получающих за это платы. Они выделяются крестьянами поочередно на срок, определяемый в зависимости от оличества принадлежащего каждому хозяйству скота. Спят пастухи в палатках. Там же на пастбище они доят скот, делают сыр и отправляют его на мулах для продажи. Летом скот пасут и по ночам, давая ему в течение нескольких часов отдыха а закате солнца и на рассвете. В середине лета, в самое жаркое время года, все сители деревни, за исключением стариков и занятых на полевых работах, уходят в оры для массовой стрижки шерсти. При этом стрижка овец производится сообща, о, после того как работа заканчивается, каждый забирает себе шерсть от своего скота. После окончания летнего сезона и полевых работ шерсть прядется при помощи еретен. Во время работы в горах жители режут нескольких баранов, варят мясной уп (абгушт) и студень (келле-паче). Пася скот, пастухи собирают в свои сумки ушницу (абшан) и другие горные растения (валак, шурак), которые затем употребятся в пищу. На горных пастбищах, расположенных вокруг Оуразана, пасется скот е только этой деревни, но также и из района Соуджбулага, при этом с соуджбулагцев зыскивается плата за использование пастбищ. Эти деньги поступают в общий доход сителей деревни Оуразан (в 1945 г. они составили около 200 туманов) и делятся реди крестьян пропорционально количеству находящейся в их распоряжении земли по чарекам).

Трудовой день крестьян летом на пашне, севе и других полевых работах длится рассвета до заката солнца. Так как пашни находятся далеко от деревни, то мужчины летом встают рано, не завтракают дома и, совершив намаз, пускаются в дорогу, тобы к восходу солнца прийти к месту назначения. Перед началом работы крестьяе завтракают. К полудню женщины приносят из деревни в посуде, которую они неут на головах, обед, состоящий из «аша» (супа), хлеба и сыра, а также пахтанья дуг) или сушеного кислого молока (кашк). Работу заканчивают перед заходом оlnца, закусывают хлебом с сыром и направляются домой. По возвращении в деенью они ужинают, обычно едят снова «аш» и ложатся спать. Через час после захода оlnца редкий житель деревни не спит, и ни в одном доме не видно света.

Зимой в деревне сельскохозяйственная работа состоит только в уходе за скотом. Ее выполняют главным образом женщины, дети и старики, мужчины же уходят на аработки в промышленные районы.

Аль-Ахмад приводит некоторые, к сожалению, весьма ограниченные данные о кедхода (старосте) деревни и его обязанностях. Он пишет, что кедхода назначается находящимся в Шахреке бахшдаром (начальником административного района, в состав которого входит деревня) по рекомендации стариков деревни сроком на четыре ода. Кедхода избирается из числа зажиточных крестьян и, как правило, среди жителей квартала Джевар, которые более состоятельны, чем жители двух других кварталов. Одной из главных обязанностей кедхода является направление достигших 10-летнего возраста молодых людей для отбывания воинской повинности. Под его наблюдением осуществляется раздел общих доходов деревни от пастбы скота и производятся сборы на оплату деревенского цирюльника (по одному туману в год с каждого жителя) и на содержание деревенского банщика (по три чарека—около 2 кг шеницы с каждого члена семьи). Сбор налогов, о которых автор, к сожалению, ничего не говорит, очевидно, также входит в обязанности старосты.

Наличие общих доходов деревни от пастбы чужого скота, две общие мельницы, периодические переделы земли, порядок доения, пастбы скота и стрижки шерсти, признание всеми крестьянами деревни друг друга родственниками и некоторые другие признаки—свидетельствуют о значительном сохранении в деревне пережитков сельской и даже семейной общины. Автор книги не интересовался вопросом классовой дифференциации в деревне Оуразан, но приводимые им данные позволяют сделать вывод о том, что имущественное положение крестьян является далеко не равным. Об этом говорит сообщение Аль-Ахмада о назначении старосты из числа зажиточных крестьян, наличие мельниц, принадлежащих отдельным лицам, неравенство земельных наделов, наем пастухов и ряд других фактов. Ясно, что в лице владельцев мельниц и имеющих в своем распоряжении большие, чем у других, участки пахотной земли выступает зажиточная и кулацкая прослойки деревни.

Эти факты показывают, что, как и в других деревнях Ирана, в Оуразане происходит процесс классового расслоения. Выделившаяся небольшая по численности кулацкая верхушка эксплуатирует массу бедноты. Судя по сведениям Аль-Ахмада, этот процесс происходит замедленными темпами. Что же касается страны в целом, го, по сведениям иранской прессы, около 70% всех крестьян составляют бедняки, которые не в состоянии обеспечить себе ничтожный прожиточный минимум.

Аль-Ахмад сообщает, что во всех сельскохозяйственных работах в деревне Оуразан женщины играют важную роль. Они выполняют не только домашние обязанности, но во время сева, жатвы, молотбы, заготовки сена и других сельскохозяйственных работ трудятся вместе с мужчинами. Женщины Оуразана чадру не носят. Многие женщины работают, имея привязанными за спиной маленьких детей. Только пахота и ночные работы по орошению выполняются исключительно мужчинами. Тяжелый труд очень быстро старит женщин.

В деревне нет школы. Дети начинают работать очень рано. Сначала они выполняют мелкую работу, затем пасут скот, сопровождают мулов с грузами, участвуют в уборке урожая и выполняют другие обязанности. Большинство детей страдает трахомой; из-за этой болезни среди крестьян встречаются слепые. Никаким медицинским обслуживанием крестьяне деревни не пользуются. Как пишет автор, врачей жители деревни не знают. Воду из местного источника Чельешме и реки Шахруд они считают лекарством от всех болезней. Больных лечат местные знахарки, которые являются также и повивальными бабками. Лишь пострадавших от увечья отправляют на осле в Шахрек — административный центр Талеганского района.

Крестьянские дома строят из камня и глины. Стены до пояса — каменные, а выше — глинобитные. Крыша представляет собой деревянный настил, смазанный глиной с соломой. В последнее время в строительстве жилищ стал применяться сырцовый кирпич (хешт). Комнаты внутри смазываются глиной, иногда белой. Дома либо вовсе не имеют дворов, либо дворы очень малы и служат только для прогона скота в хлев. Стекла в окнах — редкость. Как правило, дома не обносятся глинобитными стенами (дивар), а если отделяются друг от друга, то изгородями. Только дома, выходящие на улицу, отделяются от нее диварами. Жилища состоят из летнего (верхнего) помещения и зимнего, которое по существу является подвалом и называется «зирзамин» (подземелье). Зимнее помещение имеет только продушину в своде или над дверью. Посредине сложена печь (танур), на которой днем пекут хлеб, а ночью используют ее для обогрева спящих, как курсы. Летнее помещение зимой используется под кладовую. Иногда имеются отдельные кладовые, посредине которых сложены большие печи, используемые как закрома, где хранят пшеницу, ячмень, просо. В кладовые складываются также различные орудия, ткацкие станки и т. д. Дома имеют айван — нечто вроде открытой веранды. Отдельной кухни нет. Вместо нее в одном углу айвана прикрываются три стороны, а четвертая, обращенная на юг или восток, оставляется открытой. Там устанавливается очаг, называемый «хеле», где летом готовится пища. Зимой это делается в хлебной печи. Такая печь имеется в каждой комнате, в том числе и в кладовой. Стены и потолок всех комнат из-за отсутствия вытяжек и вентиляций обычно густо покрыты копытью. Кроме кладовых, айвана и подвала, иногда имеется еще одна комната — гостевая. Здесь на полках и в нишах собраны все ценные и памятные вещи семьи — самовар, посуда, иногда каляян. Топливом служат главным образом собираемый в горах кустарник «гаван». В качестве топлива употребляется также высушенный на солнце навоз. Питьевая вода держится в небольших глиняных сосудах, покупаемых в Соуджбулаге. Из источников вода доставляется в кварталы в больших сосудах. Приготовленные на зиму сыр, мясо, масло, мед хранятся в кожаных мешках. В деревне имеется общественная баня, для которой каждая семья в соответствии с ее численностью должна доставлять с гор топливо.

Пища крестьян весьма однообразна. Мясо употребляется очень редко. Скот режут обычно лишь в случае его заболевания или увечья. Только немногие состоятельные крестьяне режут в году одного-двух баранов или коз и сохраняют их мясо на зиму. Молочные продукты: молоко, кислое молоко, пахтанье (дуг), сушеное кислое молоко (кашк), сыр — употребляются в большом количестве. Основная же пища крестьян — растительная, главным образом пшено, пшеница, зелень, состоящая, как правило, из горных растений, изредка рис. Ежедневно в каждой семье варится «аш» — суп, который едят большими деревянными ложками. Есть несколько видов аша: аш из обдранной пшеницы, которую варят со свеклой и чечевицей и едят с пахтаньем, крупяной аш, аш с лапшой и другие. Иногда готовят также плов, причем вместо риса обычно употребляется пшено. Имеется несколько видов плова. Готовят также несколько видов пищи из молока. Хлеб пекут из пшеничной, ячменной и пшенной муки. Употребляют два вида хлеба: 1) тонкий — лаваш (бали нан) — его едят обычно с сыром и 2) черный, круглый грубый хлеб из ячменной муки, который размачивают в супе, молоке, пахтанье. Хлеб пекут раз в неделю. На праздники, для гостей и в других подобных случаях в состоятельных семьях пекут сдобный пшеничный хлеб из теста на молоке с яичным желтком и орехами (шир-мал). Иногда в тесто кладут душистые горные травы. Чай пьют один раз в день — вечером после работы.

Одежда жителей очень проста и большей частью местного изготовления. Автор пишет, что в соуджбулагской деревне Валиан, расположенной в двух фарсах (около 14 км) ниже Оуразана у автомобильной дороги, старинная деревенская одежда вытесняется городской. С каждым годом там все чаще встречаются европейские головные уборы, пиджаки и брюки, женские платья. В Оуразане городское влияние в одежде крестьян сказывается еще очень мало. Даже молодые парни, вернувшиеся в деревню с военной службы, мужчины, которые уходят на заработки на угольные шахты Абеек и Хиу, и женщины, работавшие прислугами в Тегеране, очень редко сохраняют городскую одежду. Вернувшись в деревню, они снова начинают носить местный деревенский костюм. Мужчины надевают на тело холщевую рубашку с воротом, застегиваемым на правой стороне самодельными, сделанными женщинами из веревок пуговицами. Рукава не имеют пуговиц и обшлага, а подвязываются вшитыми в концы рукавов тонкими шнурками. На рубашку надевается «габа» — верхняя одежда из синего холста с открытым воротом, не доходящая до колен. Старики носят

зе длинную «габа». Габа подпоясывается чаще всего кожаным ремнем, а иногда трком или шерстяной шалью. Шаровары шьют из синего холста, внизу они закреплены завязками. Нижнего белья нет. На всю семью обычно имеется один войлочный плащ — «шоула», который берут с собой в поездки, на оросительные работы или та приходит очередь пасти скот. Зимой носят шерстяные носки, шарф и рукавицы козьего пуха с одним большим пальцем. Имеются такие же кожаные рукавицы работы на уборке урожая. В теплое время года носят обувь «гиве» с толстыми ошвами, сшитыми в несколько рядов из кусков старого синего холста. Гиве стовляются в деревне несколькими крестьянами — специалистами этого дела. юй, в снег и дождь, выходя из дома, надевают на ноги не гиве, а «чарой» — грубую ланую обувь на кожаной подошве, наполовину закрывающую подъем. Городские ки и пальто можно увидеть очень редко. Мужчины раз в месяц бреют или стригут оду, пожилые отращивают длинные бороды. На бритые головы надевают войлочную шапку — «колах-е намади».

Женщины носят рубаху с разрезом от горла до живота, застегиваемым на пуго-ках. Подол рубахи прикрывает верхнюю часть юбки — «шалите», надетой на узкие ные шаровары, закрывающие ноги до подъема. Юбка доходит до колен, имеет го сборок. На рубаху надевается жилетка, пуговицы которой всегда расстег-ы. Женские рубашки, жилетка и юбка шьются из разноцветного ситца. На ове женщины носят круглую матерчатую шапку. Под нее подвязывают белый пла-, концы которого вместе с собранными сзади в один пучок волосами завязываются руг шеи. Пожилые женщины обычно носят только платок. Жилетку они также не евают, а вместо шаровар и юбки — только юбку, подол которой сшивают посере-е: получают, таким образом, широкие складчатые шаровары. Летом женщины евают на ноги гиве, а зимой — чулки. Молодые женщины иногда красят брови ем жженой косточки горного растения, который они смешивают с маслом. Румяна елила употребляются в случае свадьбы.

Автор сообщает, что жители деревни в большинстве религиозны. В деревне имеют-рукописные кораны. Хотя подавляющее большинство крестьян не умеет читать по-сидски, но некоторые читают на память отдельные места из корана. В деревне ь местная святыня — гробница (имам заде) двух сендов, считающихся основате-и деревни; крестьяне называют ее «ма'сум заде». Она представляет собой неболь-е, диаметром около 6 м круглое строение из камня и глины, без окон, с пи-мидальной крышей, окружена террасой с деревянными подпорками и расположена холме рядом с небольшим кладбищем. Крестьяне относятся к своей ма'сум заде к к могиле двух своих предков, не зажигают в ней ни свечей, ни светильника. Посе-тается она редко. В деревне имеются две мечети. Одна из них представляет собой большое помещение, используемое только как мечеть. Другая, большая мечеть, ужит также местом собраний. Она имеет «хосейние» (помещение, где происходят аурные представления в память гибели имама Хосейна), а также «нахль» (помеще-е для траурных чтений в месяце мохаррам).

В деревне, как правило, не слышно ни песен, ни плясок, за исключением случаев, гда происходят свадьбы. Обычно свадьбы откладываются на осень, когда заканчи-ются полевые работы. Свадьбы происходят и между родственниками. Калым (хр) невелик — самое большее 50 туманов, приданое также незначительно. бряд свадьбы следующий. Вечером накануне свадьбы товарищи ведут жениха в ню, моют и наряжают в новую одежду, затем ведут в ма'сум заде и в дом его отца. а закате жениха ведут на крышу дома, усаживают в кресло или на стул и дают обе руки по зажженной свече. Один из стариков ставит около него скамью или бурет и бьет по ней палкой, приглашая соседей приносить подарки для молодых. аждый дарит в меру своих возможностей, и таким образом собираются необходимые я молодых вещи. После ужина в дом невесты с женщинами посылают хну, тую-е ягоды, яблоки, кишмиш, выкрашенные в разные цвета яйца и т. п. Руки жениха его товарищей красят хной до запястья. Молодые люди остаются в доме до рас-ета, поют, играют на флейте, танцуют. Утром в день свадьбы жених с товарищами ищевают родственников, которые угощают их чаем и сладостями. После обеда в доме ца жениху бреют голову, затем старики идут в дом невесты. Если дается приданое ю обычно состоит из сундука, одежды и обязательно кисета для жениха, кушака т. п.), то составляют опись. После этого невесту, которая также накануне вымыта бане и наряжена в новую одежду, сажают на мула и отправляют в дом жениха. олова мула выкрашена хной, сбруя украшена кисточками и побрякушками. Мула едет под уздцы брат невесты или кто-либо из ее близких родственников — мужчин. (ругие ее братья или родственники держат ее за руки и идут по сторонам, читая олитвы. Сзади следуют старики и женщины. Не доходя до дома жениха, процессия становливается. Жених и его товарищи поднимаются на крышу дома, откуда виновн-ки торжества трижды бросает в невесту сахар, гранат или яблоко. Если он попадает невесту, это считается хорошим предзнаменованием. Затем невесту подводят к две-ям дома жениха, где ее встречает с кораном в руках его отец или попечитель, кото-ый снимает ее с мула. Жених в это время бросает под ноги невесте жареный ячмень, ишмиш или мелкие деньги. Затем невесту ведут в дом и ставят на тахту со свечой руке. Мужчины уходят, оставляя с невестой женщин, которые танцуют вокруг нее. После полудня все уходят, и жених оказывается с невестой наедине. Перед заходом

солнца их поднимают. В это время на крышах бьют в барабан. Женщины вед молодую, а мужчины — молодого снова в баню. В течение трех дней молодая ни с кем не разговаривает и не дотрагивается ни до черного, ни до белого. В эти дни соседи приносят пищу для молодых.

Оригинальны погребальные обряды. Один из родственников или соседей умершего поднимается на крышу и громко читает молитву. Услышав это, мужчины собираются и идут на кладбище и сообщая роют могилу. Затем труп несут к водоему в центре деревни для омовения. Если умерла женщина, водоем загораживают кусками ткани. После этого умершего завертывают в саван и несут к хосейне. При этом, если умерший — мужчина, то кто-либо из стариков совершает над ним намаз у дзери хосейне. Если же это женщина, то совершается аналогичная процедура внутри этого помещения. Труп привязывают веревками к носилкам и несут на кладбище, расположенное рядом с деревней. Опустив труп в могилу, кладут на него камень, а затем засыпают землей. После похорон все идут в дом умершего, где читают коран, что делается в течение трех дней, большей частью утром и вечером. В эти дни соседи и односельчане посылают пищу хозяину дома умершего. На третий день смерти хозяин дома умершего устраивает обед. В этот день цирюльник бреет голову хозяина дома и одного из его близких родственников, и этим погребальный обряд завершается. Седьмой и сороковой дни, а также годовщина смерти не отмечаются. Только в Новый год и в день праздника «фетр» (окончание поста) идут на кладбище с хлебом и халвой и читают на могилах своих родственников первую суру корана. Бывают случаи, когда жители деревни общими средствами, проводя соответствующие сборы, берут на себя расходы по поминкам, если семья умершего сама не в состоянии сделать это. В знак траура черную одежду не носят. В редких случаях на могилу кладут надгробные плиты, иногда мраморные, небольшого размера (20×30 см), с вырезанными на них надписями. Автор описывает некоторые надгробные плиты на деревенском кладбище и надписи на них.

В работе Аль-Ахмада приводятся планы, схемы, фотографии: схематическая карта Талеганского района, планы деревни Оуразан, деревенской бани, схема вертикального разреза мельницы; фотографии общего вида деревни, имам заде, деревенской улицы, женщин на молотье, а также рисунки — чесалки для шерсти, сосуд, в котором носят воду, бурдюк для сбивания масла. В конце работы дается словарь: около 300 слов, употребляемых в деревне; 35 выражений и пословиц; две колыбельные песни; две детские игры; сказка о старике и старухе; несколько грамматических правил и замечаний о произношении, а также спряжение нескольких глаголов.

К сожалению, в работе Аль-Ахмада недостаточно освещены некоторые очень важные стороны жизни в деревне Оуразан, в частности, такие вопросы, которые необходимы для уяснения социально-экономических отношений среди крестьян. Так, автор сообщает, что в деревне есть богатые крестьяне, но каковы отношения между ними и беднотой, применяется ли наемный труд и в каких формах — об этом в работе ничего не говорится. Давая довольно подробное описание пастьбы скота и вообще работ, связанных с животноводством, автор очень мало говорит о земледелии, совершенно не упоминает о сельскохозяйственных орудиях и т. д. Он не приводит также данных об уплачиваемых крестьянами налогах, о количестве скота, об обязанностях крестьян в отношении тех, кто распоряжается вакуфом. Описывая одежду, пищу, свадебные и погребальные обряды, Аль-Ахмад не указывает, какая существует разница в этом отношении между состоятельными, богатыми крестьянами и деревенской беднотой, и т. д.

Но, несмотря на эти недостатки, приводимые автором сведения дают яркую картину деревенской жизни. Отсутствие школы при наличии двух мечетей и одной местной святыни — ма'сум заде, сплошная неграмотность, отсутствие какой бы то ни было медицинской помощи и культурного обслуживания, неграмотные деревенские знахарки и лекари, наличие значительных пережитков сельской общины, господство различных предрассудков и пережитков старого быта — такова картина крайней отсталости и низкого уровня общественно-экономического развития деревни Оуразан. Эти черты характерны не только для указанной деревни, но и для других деревень Ирана. Ознакомление с работой Аль-Ахмада будет интересно и полезно каждому, кто интересуется положением в современной иранской деревне.

Г. А. ГУЛИЕВ

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЕ ВЫШИВКИ

Азербайджанский народ в течение своей многовековой истории создал самобытную национальную культуру. Прекрасными примерами этого могут служить: декор памятников азербайджанской архитектуры XII (Нахичевань), XIII и XIV вв. (Барда и Кара-лар), образцы керамической посуды XIII и XIV вв. (Оранкала, Ганджа, Кабала), изящная по камню орнаментация архитектурных сооружений XV в. (дворец Ширван-хов в Баку), замечательные стенные росписи XVIII—XIX вв. (Нуха, Шуша, селение Исмаилинского района), выполненные руками азербайджанских мастеров. Дошедшие до нас великолепные образцы азербайджанского бытового искусства X—начала XX в. (ковры и ковровые изделия, набивные ткани, вышивки, плетение оверлирные изделия, резьба по дереву, кости и камню, медная посуда и пр.) также говорят о высокой художественной одаренности их создателей и о любви народных масс к художественному оформлению предметов обихода. Все эти предметы очень ценны по колориту, мотивам и композиции орнамента.

Большой интерес для изучения особенностей художественного творчества азербайджанского народа представляют вышивки. Археологические раскопки свидетельствуют, что искусство вышивания было известно на территории Азербайджана еще в эпоху бронзы (III тысячелетие до н. э.). В могильниках этой эпохи, в основном в женских погребениях, принадлежащих родовой знати, обнаружено множество украшений одежды — таких металлических бляшек, пуговиц, трубочек, а также разнообразных бус, — дающих представление о расшитом женском костюме того времени. Одна из таких могил была раскрыта Э. А. Реслером (1901) в б. Елизаветпольской губернии; там были найдены останки молодой женщины вместе с бронзовыми украшениями — трубочками, бляхами, кольцами, разными привесками, бусами и частями головного убора¹.

Об искусстве азербайджанской вышивки в эпоху раннего средневековья говорят наруженные Г. Аслановым (1949) при раскопках катакомбных могильников в Минтауре шелковые ткани со следами вышивки, по всей вероятности золотошвейной, относящиеся к V—VI вв. н. э.² О широком развитии этого искусства в средневековом Азербайджане говорится также в трудах многочисленных путешественников, побывавших в эту эпоху в Азербайджане, и в произведениях местных поэтов. Так, Ибн-Хаукаль (в. в.) сообщает, что «выделяются в Барда разнообразные вещи из шелка»³. Низами Гинджев (XII в.) в поэме «Семь красавиц» пишет:

Гости шли, толпились на ковре;
По блестящей, золотой суфре⁴.

Арабские писатели Эломари и Ибн-Халдун говорят нам о возобновлении в Табри-монгольскими владьями больших мастерских для ткацкой одежды и вышивок⁵.

Английские путешественники, посетившие Азербайджан в XVI в. — Антоний Джен-сон — в 1561—1564 гг., Т. Оллок, Дж. Ренн, Р. Чини — в 1563—1565 гг., — описывая обстановку, в которой жили ширванские ханы, сообщают, что «король сидел в богатом атре, шитом шелком и золотом», упоминают и о «шелковых одеяниях», шитых золотом»⁶.

¹ «Отчет императорской археологической комиссии за 1901 г. Елизаветпольская губерния». СПб., 1903, стр. 93.

² Поселение № 3, могила № 159.

³ «Сведения арабских географов IX—X вв. по Р. Хр. о Кавказе, Армении и Азербайджане». Перевод Н. А. Караулова, «Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. XXXVIII, Тифлис, 1908, стр. 87.

⁴ «Антология азербайджанской поэзии», М., 1939, стр. 39.

Вышитые золотом скатерти — суфры употребляются и теперь.

⁵ См. Н. Н. Соколов, Очерки по истории украшения тканей, М., 1934, стр. 119.

⁶ «Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке», Л., 1938, стр. 203—204.

Адам Олеарий, побывавший в Шемахе в 30-х годах XVII в., сообщает, что главным занятием ее жителей — «прядение, тканье и вышивание шелком и бумагой». Далее он отмечает, что в помещении, в котором «князь Мусал» принимал послов, «в сводчатых нишах лежали разные вытканые и шитые пестрым шелком и золотом платки», что головной убор присутствовавшей на приеме старой «княгини Бикэ» «был обшит фарсом, шитым шелком и золотом»⁷. Я. Я. Стрейс, описывая Шемаху в середине XVIII в. указывает, что там «в южной части — большой базар или рынок, где много хороших и крытых рядов с многими лавками, палатками и ларьками, где продают меха, шелк, хлопчатую бумагу, затканые серебром и золотом платки»⁸.

Поэт начала XVIII в. Видади Малла-Вели в одном из своих стихотворений воспекает красоту женщины в наряде, вышитом золотом:

В драгоценности одета, в пурпур с ног до головы,
Ты в серебряном уборе с золотой парчой — чья? ⁹

Орнамент азербайджанской вышивки и других видов художественного ремесла древних времен связан с изображением реальной жизни — животного и растительного мира.

Азербайджанская народная вышивка отличается богатством изобразительных элементов, оригинальной манерой трактовки цветов и листьев, умелым подбором разноцветных нитей, сложной композицией графического (линейного) и изобразительного орнамента, плоского и рельефного, причем каждая деталь получает самостоятельное решение, представляя собой замкнутую композицию. Прототипы современных декоративных мотивов сохранились в археологических материалах — женских украшениях, керамической посуде и других предметах домашнего обихода, на которых можно найти аналогичные изображения различных животных, парных птиц, растительные и геотермические мотивы.

При рассмотрении узоров, украшающих ковры и ковровые изделия, медную и глиняную посуду, изделия из дерева, камня и кости, набивные ткани, лаковые и ювелирные изделия и пр., которые имели широкое применение в быту азербайджанского народа, можно отметить известное единство в содержании их элементов. Но богатство трактовки, вариативность этих элементов в различных видах художественных изделий говорят об одаренности народных мастеров и самобытности их творчества.

Богатая флора Азербайджана, занятия народа давали неисчерпаемое разнообразие орнамента вышивок. Из многочисленных цветочных мотивов особенной любовью пользовались различные варианты роз (гызыл гюл), ириса (сюзэн), нарцисса (нэргиз), лилий (занбаг), тюльпанов (лалэ), гвоздики (гэрэнфил), цветов алычи (элчэ гюлю) и др. Из этих растительных мотивов, в сочетании с другими орнаментальными мотивами создаются сложные композиции, которые близки стенным росписям XVIII—XIX вв. и Нухе, Шуше, Кубе, Гандже и Ордубаде.

Видное место среди узоров вышивки занимает известный и у других народов мотив «бута», который можно считать самым древним в национальном орнаменте. Имеются изделия домашнего обихода (попоны, занавесы, покрывала и пр.), украшенные только «бутой».

Среди зооморфных мотивов орнамента на вышитых изделиях встречаются джейраны, бабочки, павлины, голуби, петухи и пр., но самым популярным из них являлись парные птицы (рис. 1). В геометрическом орнаменте распространены ломаные (в том числе меандрические), кривые и прямые линии, четырех-, шести- и восьмиугольные звезды ромбы.

Вышивки выполняли в XIX — начале XX в. на разнообразных материалах: это было хлопчатобумажное и льняное полотно высокого качества (для домашних вышивок); сукно как местное, так и привозное, черного, бордового и темно-синего цвета; бархат фиолетового, зеленого и других цветов, канаус красных, бордовых, оранжевых и зеленых тонов, который изготовлялся в Барде, Шемахе, Нухе, Гандже, Табризе, Арабхе и других местах Азербайджана. Сатин и ситец употребляли реже и только в бедных семьях, а в богатых — ткань «мисгал тирме», так называемая «золотниковая терьма» — домотканная шерстяная ткань, которая, по преданию, ценилась на вес золота.

Для вышивания употребляли шерстяные и шелковые нити местного производства, золотистую и серебряную нить типа канители (гюлэбэтин) — в лучших вышивках в комбинации с шелковыми нитями, золотистый позумент, блески, бисер, галуны, витые металлические трубочки (медные, серебряные и др.). Шелковые нити обычно употребляли красного, синего, зеленого, желтого, оранжевого и реже черного цветов, большей частью довольно ярких и чистых тонов, без полутонов.

⁷ Адам Олеарий, Описание путешествия в Москву и через Московию в Персию и обратно, СПб., 1906, стр. 462.

⁸ Я. Я. Стрейс, Три путешествия, М., 1935, стр. 245.

⁹ «Антология азербайджанской поэзии», стр. 102.

Рис. 1. Занавес для ниши (тахча пэрдэси). Вышивка блестками. Гор. Ганджа

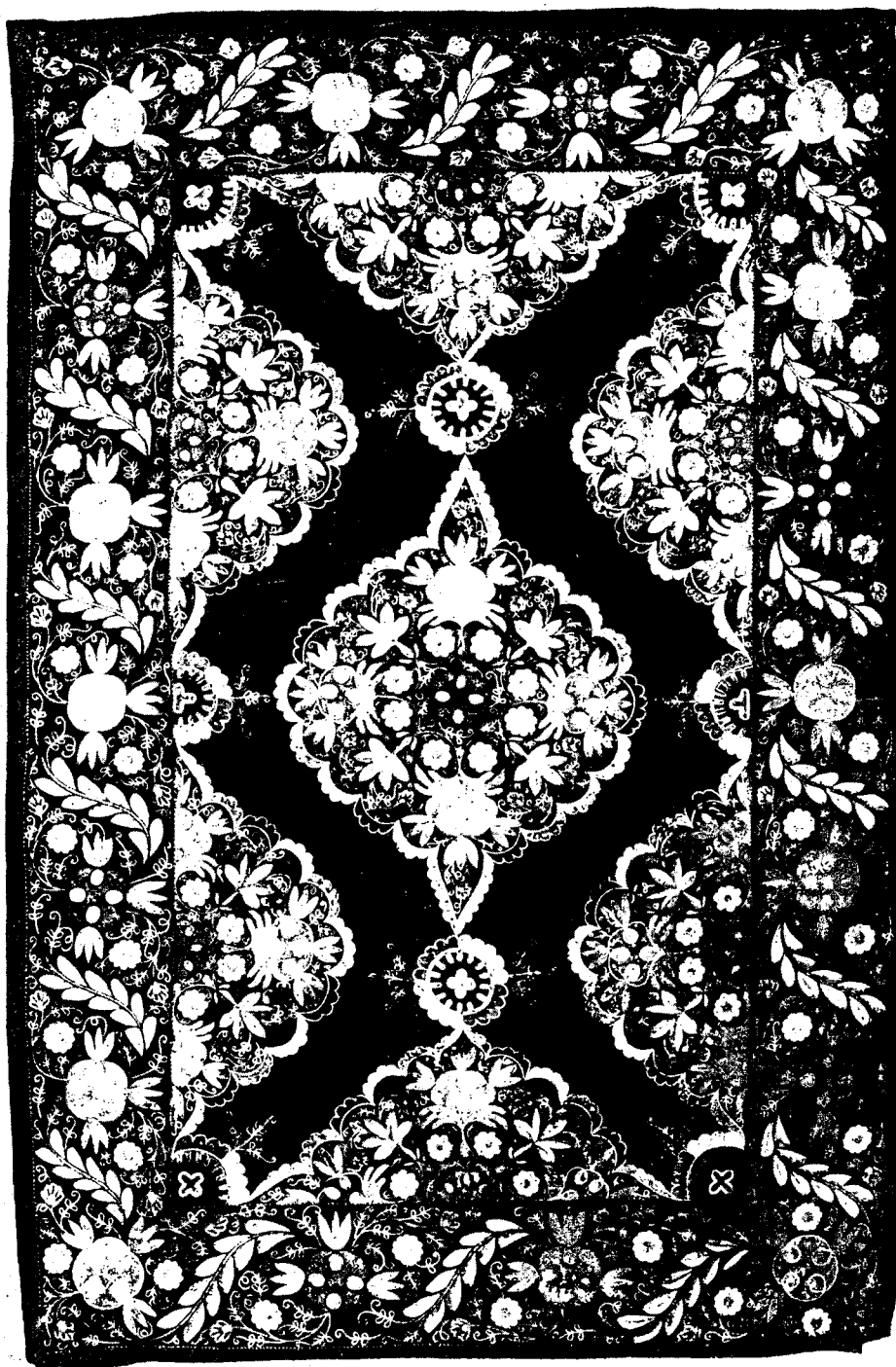

Рис. 2. Покрышка для мутаки (мутэккэ узу). Тамбурная вышивка. Гор. Нуха

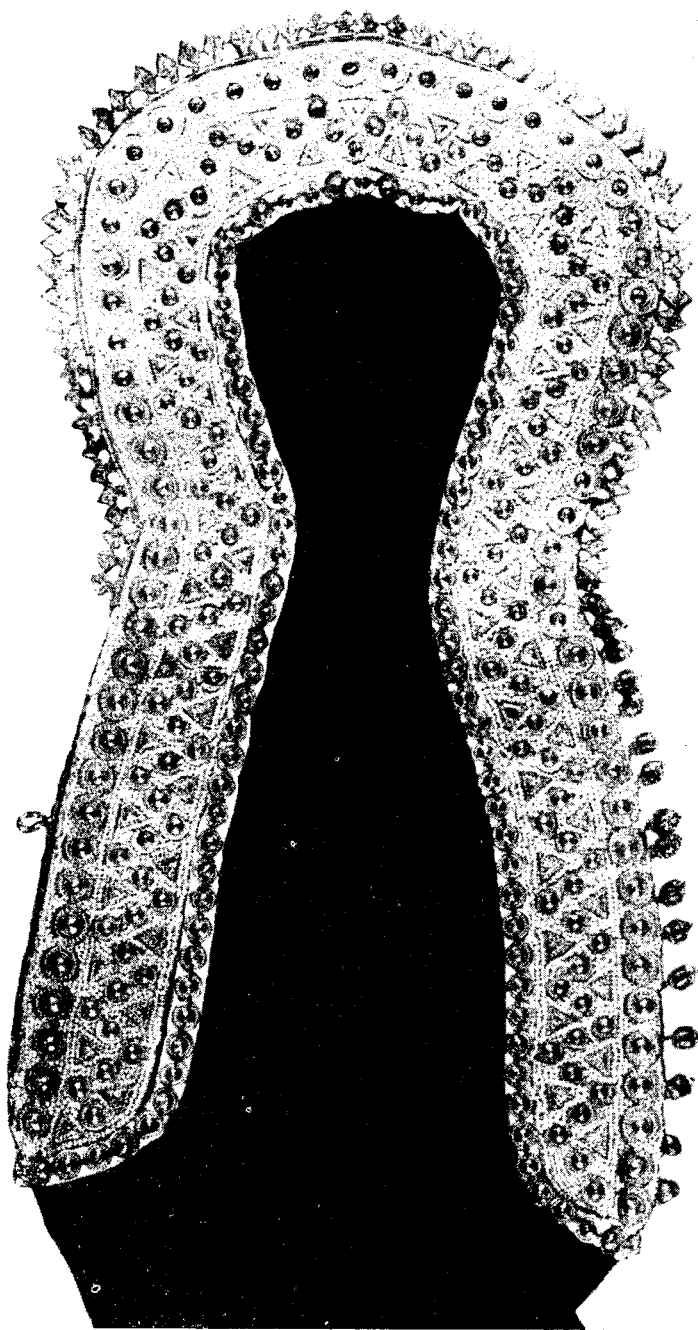

Рис. 3. Рукав верхней женской одежды (эл усту). Вышивка золотыми штампованными бляшками и бисером. Гор. Баку

Вышивками украшали главным образом предметы одежды и домашнего обихода: лицевые занавески (рубэнд), воротники (яха), рукава (гол) женской одежды (рис. 3), головные уборы (баш кейими), женские башмаки (гадын аягабысы), нагрудную часть женских рубаш (койнэйин дош хиссэси), головные и шейные ленты (баш, боюн ленти), полотенца (дэсмал), покрывала на посуду (ортук), свадебные мужские шерстяные онучи (долаглар) и пр.

Вышитые изделия, как один из видов декора, играли и играют значительную роль в быту широких народных масс, особенно в убранстве жилой комнаты (для украшения стен, ниш и пр.). В составе приданого (чеһиз) невесты вышитые изделия — предметы одежды и домашнего обихода — также занимают видное место.

Рис. 4. Верхняя женская одежда — «кюладжа». Золотошвейная вышивка. Гор. Шуша

Некоторые виды вышивок (золотошвейная, тамбурная) получили характер промысла, так как их изготовляли не для домашнего употребления, а на продажу. Вышивание было широко распространено во многих городах и селах дореволюционного Азербайджана. Им занимались женщины и отчасти мужчины. Мужские работы (главным образом тамбурная вышивка) в основном шли на рынок.

Затворничество азербайджанских женщин из состоятельных семей в дореволюционное время способствовало развитию рукоделий. При наличии огромного количества свободного времени они создавали множество разнообразных орнаментов, изобразительных мотивов и применяли всевозможные приемы работы. Кроме того, они имели в своем распоряжении много различных образцов вышивок. Женщины же из бедных семей, занятые главным образом домашней работой, а иногда и работой вне своего дома, имели очень мало времени для рукоделия, поэтому вышивки их были проще и не отличались богатством материала. Но и они часто заново компоновали орнамент, припоминая виденные вышитые изделия и их узоры.

Профессионалы, изготовлявшие вышивки на капиталистический рынок, были вынуждены нередко работать наспех, иногда по готовым образцам, поэтому в изделиях конца XIX — начала XX в. часто не чувствуется творческого своеобразия. Под влия-

ем этого профессиональное искусство вышивания постепенно стало тогда деградировать. Домашним же рукоделием занимались не торопясь, тщательно, поэтому и шивки получались высокохудожественными. Изделия готовили для себя или для изких людей (жениха, брата, сестры и др.).

Техника исполнения вышивки, как уже упоминалось, разнообразна: золотошвейная юлэбэтин), вышивка бисером (хыгда мынчыг тикмэ), блестками (пилэк тикмэ), канными бляшками (чахма пилэк тикмэ), аппликация (гондарма). При вышивании нитями известны швы: тамбурный (илмэли), гладью (ортмэ), мережка (шэбэ-ли тикмэ), простегивание (сырыма) и др.

Рис. 5. Верхняя женская одежда — «кюладжа». Вышивка бисером.
Гор. Нахичевань

Наиболее широко распространен был тамбурный шов. Особое развитие он получил в Нухе и Гандже (ныне Кировабад). Тамбурным швом в любой семье украшали одежду и разные предметы домашнего обихода: подушки (балышлар), попону (чуллар), занавески (пэрдэлэр), покрывала (ортуклэр), мутаки — валики, заменяющие подушки (мутэккэллэр), и другие вещи, усыпая их узорами, изобилующими яркими красками. Впоследствии вышитые тамбурным швом изделия стали расходиться далеко за пределами Азербайджана.

Способ вышивания тамбурным швом следующий: мастер-художник наносит на листе бумаги рисунок, затем прокалывает контуры рисунка иглой и накладывает его на ткань, после чего рисунок посыпают измельченным мелом, который, пробиваясь сквозь проколотые отверстия, оставляет на ткани контур узора. В дальнейшем художественное достоинство изделия целиком зависит от искусства вышивальщика, который металлическим крючком, протыкая им ткань и выдергивая нить, наносит вышивку по узору. Такие вышивки имеют лицевую сторону и изнанку.

Самыми популярными являются, как уже упоминалось, нухинские тамбурные вышивки, по своему рисунку имеющие некоторое сходство с богатой цветистой орнаментикой старинных настенных росписей той же местности. Орнамент нухинских изделий

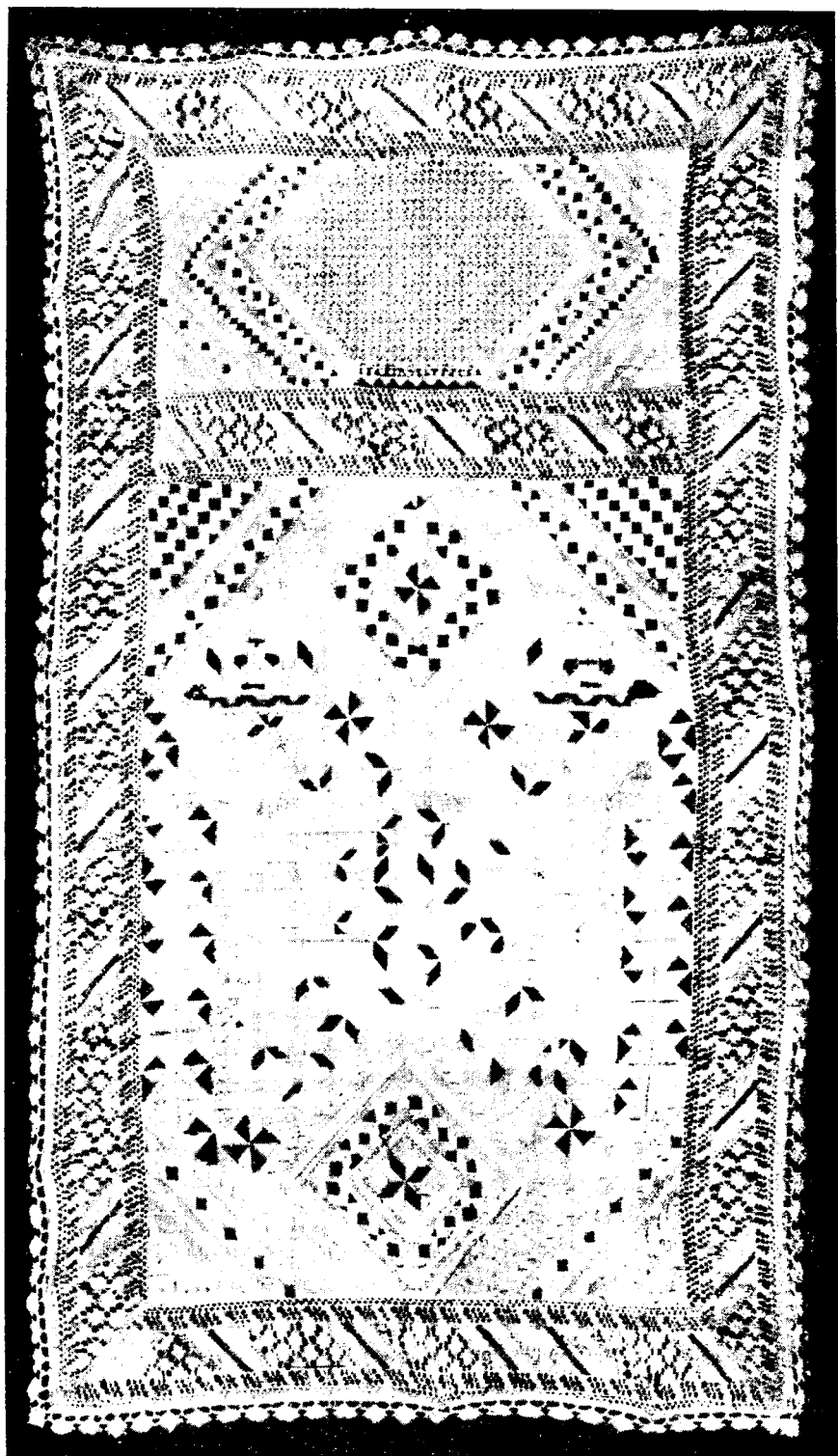

Рис. 6. Старинная женская лицевая занавеска — «рубэнд». Мережка, аппликация. Гор. Баку

нь живописен: причудливое движение линий узора, завитков и стеблей сочетается с семи красками (см. рис. 2). Этот орнамент очень полно отражает богатство местно-природного мира.

Особый интерес представляет вышивка золотыми и серебряными нитями (рис. 4). а имела широкое распространение, но центрами этого художественного ремесла являлись Шуша, Шемаха, Ганджа, Бакинский и Ленкоранский районы.

В прошлом золотошвейные изделия входили в состав приданого невесты. При выче девушке замуж мастерам-вышивальщикам заказывалось приданое, состоящее из различных предметов, по одному экземпляру каждый, начиная с расшитых безрукавок (лабада-кюляджа) и кончая мелкими вышитыми изделиями — кисетом для денег (ул кисэси), футляром для часов (саат габы), футляром для гребня (дараг габы) т. п. Для невесты готовили также золотошвейные занавесы для ниши (тахча рдэси), украшение для ниши (сэрэндаз), полотенце для зеркала (гюзю пэрдэси), шокер для хранения краски для бровей и ресниц (сюрмэдан), футляры для флакона хов (этир габы) и для ножниц (гайчы габы). Этой вышивкой украшали и обувь (аяг бы) невесты. Кроме того, невеста должна была подарить жениху ряд предметов: пону (чул), футляры для часов (саат габы), для пенала (гэлэмдан), для гребня (дараг габы), шапочку (арагчын, или тэсэк), молитвенный коврик (чанамаз), футляр для молитвенной пластинки (мёхюр габы) и пр.

На золотошвейных вышивках можно встретить симметричные изображения, особенно часто двух обращенных друг к другу птиц, сидящих на ветке дерева (бакинские шемахинские вышивки) или на букете цветов (вышивки Ганджи и Нухи). Это — один из самых древних и наиболее распространенных мотивов народного орнамента азербайджанцев. Доказательством этого являются отдельные фрагменты керамики из скопок Старой Ганджи (XII в.), на которых были обнаружены изображения парных птиц с одним сердцем. Этот же мотив в XVIII—XIX вв. широко применялся для орнаментации медной посуды, набоечных изделий, ковров, а также в других отраслях художественного ремесла. По сведениям, полученным от народных мастеров, такое изображение означает двух любящих. На вышивках встречаются и парные птицы, обращенные друг к другу спиной и смотрящие в разные стороны. Этот мотив называется «яр-ярдан кюсуду» (поссорившиеся влюбленные).

Орнамент золотошвейной вышивки сильно стилизован и упрощен, что в значительной мере обусловлено техникой работы, не допускающей детализации.

Отметим также другие виды художественного ремесла, где орнаментация ткани достигается не вышиванием, а нашиванием; материалом служат бисер, блестки, жемчуг, штампованные бляшки, металлические трубки, а также аппликация из ткани.

Бисером обычно издавна расшивали предметы костюма (одежду, обувь, головные уборы и пр.) и различные кисеты (для денег, табака и др.). Большой художественный интерес представляют бисерные башмаки XIX в. поразительной красоты, вышитые этессой Натаван, экспонированные в Музее истории Азербайджана в Баку. Эти башмаки сплошь покрыты бисером разных цветов; на белом фоне дан богатый цветочный орнамент — в основном голубого, синего и зеленого цвета. Образец «кюляджа» — костюма женщины из богатой семьи, расшитого белым бисером, хранится в этнографическом фонде Музея истории Азербайджана (рис. 5). Он изготовлен в Нахичевани в XIX в. Такие работы представляют собой уникальные художественные произведения.

Более распространена была (в особенности в Ганджинском, Нухинском районах Нахичевани) орнаментация способом нашивки блесток (см. рис. 1), т. е. разноцветных металлических кружков с отверстием посредине. Эти блестики нашивали по контуру рисунка, намеченному при помощи припорёха. Блестками украшали занавесы для ниш, покрывала для медных подносов и другие предметы.

Мережкой отделывали в основном женские лицевые занавесы (рис. 6), гладью — олитвенные коврики, женскую одежду и пр.

Стиль и композиция вышивки зависели от художественного чутья самих мастеров. В традиционные мотивы и узоры отдельные вышивальщицы вносили что-то свое, новое и тем самым еще более разнообразили и обогащали их.

Художественные изделия азербайджанских мастеров — особенно вышивки — имели широкий сбыт; они шли в страны Ближнего Востока (в Турцию, Иран, Афганистан), значительное количество их раскупалось и в России (в Москве, в Крыму, на Нижегородской ярмарке). До нас дошли некоторые имена создателей этих сокровищ азербайджанского народного художественного ремесла, которые славились далеко за пределами родного края. Это, например, нухинские мастера Уста Ага бала, Шир Али аджи, Агабаба оглы, Касум оглы, бакинские мастера Сона Мамедова, Зейнаб Мир али кызы Рахманова.

Приводимые в статье образцы народных вышивок дают некоторое представление об особенностях художественного творчества азербайджанского народа в целом и о заселении отдельных районов Азербайджана. Эти предметы народного быта поражают яркостью красок, сложностью и богатством орнамента, разнообразием технических приемов. В них раскрываются глубокие национальные традиции азербайджанского искусства, виртуозность и художественная одаренность народных мастеров.

Р. ЗОЙЗИ, Ю. ИВАНОВА

МУЗЕЙ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ В ТИРАНЕ

Научным центром этнографической работы в Албании является сектор этнографии Института истории и языкознания при Тиранском государственном университете.

Сектор проводит научно-исследовательскую работу по различным проблемам этнографии Албании, увязывая ее с деятельностью специалистов по смежным дисциплинам.

Исследования этнографов и археологов Народной Республики Албании, основанные на опыте передовой советской науки, направлены на выяснение единого процесса этнической истории народа.

При Тиранском государственном университете функционирует Музей археологии и этнографии — один из главных культурно-просветительных центров столицы. В обязанности сотрудников секторов археологии, этнографии и искусства средних веков входит приобретение, научная обработка и хранение коллекций, создание музейной экспозиции. В фондах этнографического отдела этого музея накоплены обширные коллекции, характеризующие все стороны производственной деятельности и быта албанского народа. Эти коллекции могут служить богатым источником для исследований в области материальной культуры, прикладного искусства и пр.

С конца 1957 г. Музей археологии и этнографии разместился в новом здании. К празднику XIII годовщины освобождения Албании была развернута экспозиция, отражающая историческое прошлое албанского народа начиная с самых отдаленных эпох, а также его быт и культуру вплоть до настоящего времени.

Экспозицию открывает археологический отдел. На его первых витринах выставлены палеолитические орудия, sporadически обнаруживаемые в Албании. Богато представлена эпоха неолита. Интересны и многочисленные находки изделий из меди и бронзы. Большое внимание уделяют албанские ученые железному веку (I тысячелетие до н. э.), времени обитания иллирийских племен — возможных предков албанского народа. С этой целью предпринимаются систематические раскопки (археологи Селим Ислами, Франо Пренди и др.), принесшие уже очень интересные результаты. Материалы иллирийской эпохи составляют особый отдел экспозиции музея.

Следующие два зала посвящены греческим приморским колониям, а также римскому периоду. Изучение памятников античной эпохи (археологи Хасан Цека, Скандер Анамали, Александра Буда, Демостен Будина) связывается албанскими учеными с историей иллирийских племен. Если раньше преимущественное внимание уделялось памятникам искусства и архитектуры греческих городов, то теперь проявлен законный интерес к судьбам местного иллирийского населения. Правильно указывается на факты взаимовлияния эллинской и иллирийской культур¹.

Культура средних веков и нового времени представлена копиями церковной живописи; особенно гордится музей копиями фресок знаменитого художника XVI в. Онуфрия из Неокастра, его сына Николлы, художника XVIII в. Давида и др. Для изучения памятников средневековой культуры сотрудников сектора искусства средних веков проводятся систематические экспедиции в различные районы страны.

Особый раздел музея посвящен герою албанского народа, возглавлявшему борьбу против турецкого завоевания, Георгию Кастриоти — Скандербергу и характеристике его эпохи².

Экспозиция этнографического отдела музея построена так, чтобы дать посетителям связанное представление об основных сторонах производственной деятельности и быта албанского народа. При этом внимание сосредоточено на традиционных формах на-

¹ См. S. Islami, H. Ceka, F. Prendi, S. Anamali, Zbulime të kulturës ilir në luginën e Matit, «Buletin për shkencat shoqerore», Tiranë, 1955, № 1. Краткое изложение см.: Ю. В. Иванова. Изучение памятников иллирийской эпохи в Албании «Вестник древней истории», 1957, № 1.

² Подробнее об археологическом разделе музея см. «Ekspozita e Muzeut Arkeologjik — Etnografik» — «Buletin i Universitetit Shtetëror të Tiranës, seria shkencat shoqerore», 1958, № 1, стр. 268.

одного быта; наряду с этим указывается, какие новшества появились в жизни народа в последнее время, или делаются исторические экскурсии.

Албания в прошлом — страна аграрная; ныне она стала аграрно-индустриальной граной. Подавляющее большинство населения занято в сельском хозяйстве. Двум основным традиционным отраслям сельского хозяйства — земледелию и скотоводству — посвящен первый раздел этнографической экспозиции. На первом стенде развешены преимущественно деревянные орудия, применявшиеся в первой половине X в., а частично бытуемые и сейчас. Основным пахотным орудием являлось рало — *армен* (*perpend*). Целиком деревянное рало вышло из употребления уже давно. Археологические находки показали, что на территории Албании еще в римское время. В могильниках Комана (раннее железное вековье) тоже найден железный лемех. Имеются документальные сведения от XV в. о применении железного аральника. Теперь в большинстве крестьянских хозяйств в высокогорной зоне применяется деревянное рало с железным аральником. Аральники кууют специалисты-кузнецы в селах и городах. Деревянные части рала, как и другой сельскохозяйственный инвентарь, крестьяне изготовляют сами или же покупают у городских и сельских мастеров.

В Албании известны семь видов деревянного рала с железным аральником. Одни из них приближаются к плугам, распространенным в Болгарии и Сербии, другие представляют собой модификацию римского. После первой мировой войны получили распространение железные фабричные плуги, образец которых представлен в музее.

Там, где почва очень камениста и невозможно работать плугом, для вскапывания земли применяют дюкель (*dykel*) — род двузубых металлических зил, насаженных на деревянную рукоять. Ими вскапывают землю, нажимая ногой, как на лопату. Другой вид этого орудия — металлическая двузубая мотыга, насаженная перпендикулярно к рукояти.

В экспозиции представлены разные виды серпов (с зубчатым и гладким лезвием). Для юго-восточной части страны характерен серп с длинной рукоятью, формой своей напоминающей шею аиста (его название — «лейлек» (*lejek*) означает — «аист»). Такой серп употребляют обычно в сочетании с деревянным приспособлением для защиты пальцев левой руки, называемым «пламбе» (*plambe*). Это нечто вроде деревянной рукавицы с острым крючком на конце, которым можно захватить больше колосьев, чем голой рукой. Выставлены также различные виды деревянных вил, граблей для сена и соломы, лопат для провеивания зерна на ветру, борона, ярмо для запряжки волов и буйволов (последних теперь применяют очень редко). Дополняется стенд манекеном, одетым в костюм земледельца.

Весь описанный здесь примитивный инвентарь еще находит в известной степени применение в крестьянском хозяйстве. Однако с каждым годом все большее распространение получает современная техника, особенно в хозяйствах сельских кооперативов. Значение и масштабы технического переоснащения деревни станут особенно понятны, если вспомнить, что при режиме короля Зогу албанские крестьяне не только не видели трактора, но и не слышали его названия. Албанская Партия труда и правительство поставили перед страной задачу: в ближайшее время завершить в основном кооперирование сельского хозяйства, за исключением высокогорной зоны. Эта задача сейчас успешно выполняется.

Рядом с картинами и фотоснимками, рассказывающими о применении новейшей техники в сельскохозяйственных кооперативах, помещена таблица сравнительных данных, где показано, во сколько раз обработка земли машинной техникой экономнее во времени по сравнению с работой примитивным инвентарем. Таким образом, экспозиция музея имеет и агитационное значение, просто и доходчиво показывая преимущества кооперативного строя перед единоличным хозяйством.

В отделе скотоводства помещен манекен в одежде жителя Лябрии (горной области на юго-западе страны) — типичного скотовода. Скотоводство (преимущественно разведение овец и коз) издавна было отгонным. Схематическая карта перекочевок стад

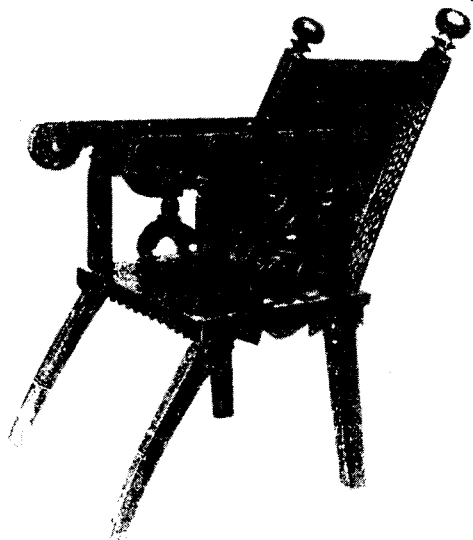

Рис. 1. Деревянное кресло (область Мирдита)

Здесь и далее представлены материалы из фондов Музея археологии и этнографии в Тиране

показывает традиционные пути, по которым в сентябре стада перегоняли на зимние пастбища, в основном в направлении с северо-востока на юго-запад. С наступлением лета, в июне, стада возвращались на высокогорные пастбища. Теперь движение государственных стад происходит по традиционным путям, но в соответствии с государственным планом.

Специальная таблица изображает различные виды летних пастушеских станов, где пастухи заготавливают впрок молочные продукты, стригут овец (три раза в год).

На соседнем стенде расположена различная деревянная утварь для приготовления молочных продуктов (маслобойки и пр.). Оригинальным приспособлением для сбивания масла у влехов³ является кожаный мешок — цалик (calik) или ршек (rshhek). По всей Албании такой мешок употребляется для транспортировки зерна, муки, сыра, масла, водки. Влехи же применяют его и для сбивания масла (наряду с другими орудиями,

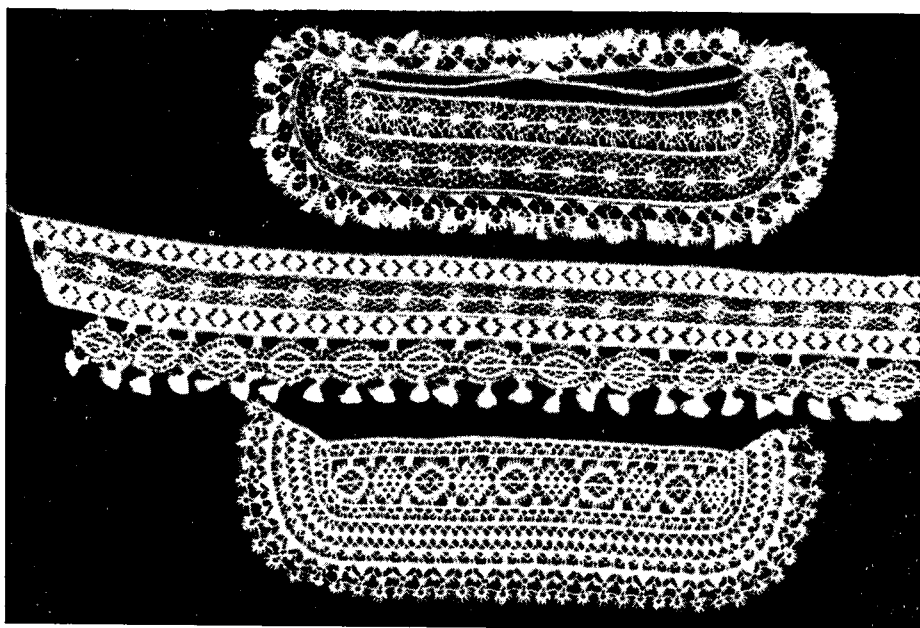

Рис. 2. Кружева (округ г. Шкодры)

вплоть до центрофуги): наливают в мешок молоко, мнут его руками или ногами; масло оседает на стенках мешка, пахтанье сливается.

На цветных фотографиях над стендом представлены различные моменты, освещающие современное кооперативное и государственное животноводство, ветеринарное обслуживание стад и т. д.

На стенде, посвященном пастушескому быту, можно видеть музыкальные инструменты: бродя целыми днями по горам за медленнодвигающимися стадами, пастухи насвистывают на свирели — фюел (fyell) или наигрывают на струнном инструменте — ляхуте (lahuta). Пастушеские наигрыши занимают значительное место в албанском музыкальном фольклоре.

Второй зал этнографического отдела отведен народному жилищу. Типы жилых построек в Албании чрезвычайно разнообразны. Показать все или хотя бы главные из них на сравнительно небольшой музейной площади не представляется возможным. Несколько помогают хорошо выполненные цветные фотоснимки, изображающие различные типы жилья (к сожалению, только на севере Албании).

Для показа внутренней обстановки дома выбраны два резко контрастирующих вида жилья: примитивный дом, характерный для горных районов, и дом из округа Корчи — наиболее развитого юго-восточного района страны, где особенно успешно идет кооперирование хозяйства. Каждое из этих жилищ представлено обстановочным стендом и макетом дома.

Хорошо, со знанием дела оборудован интерьер примитивного жилья. Центр, вокруг которого сосредоточивается домашняя жизнь, — очаг. Дым от него выходит через щели крыши. С потолка спускается цепь, на которой подвешивают котел для варки пищи. Люди рассаживаются вокруг огня на маленьких треногих скамеечках. Глава дома —

³ Влехи (влахи) — небольшая романоязычная группа кочевников-скотоводов.

ководитель всей хозяйственной и общественной жизни семьи — занимает почетное место вблизи очага. Для него и других стариков предназначены деревянные кресла (по тому — три в доме), которые обычно украшены затейливой резьбой. Несколько экземпляров таких кресел, представленных в экспозиции, являются подлинными образцами народного прикладного искусства (рис. 1). Вокруг очага и по всему помещению расставлены разнообразные предметы обихода: массивный деревянный вертел для жарения барана (теперь употребляется редко), бочки для винограда, деревянные бочонки и эщины для воды, зернотерка; сачь (sac) — глиняная глубокая сковорода с крышкой, которой пекут пресный кукурузный хлеб, засыпав ее горячей золой; софра (sofra) — узенький круглый столик; за ним едят, усевшись на полу или на табуретках, а после этого его обычно ставят к стене на ребро. Очень интересны плетеные ступательные лыжи — рас (grath), применяемые главным образом в Дукагьини, где зимой выпадает много снега. Освещается такое жилище основными лучинами, которые кладут небольшую железную сетку, подвешенную к потолку на цепи, или же укрепляют железных подставках. Если в комнате камин, лучину кладут на специальный ступ на нем. Примерно после первой мировой войны в городах и в пригородных селах стали употреблять керосиновый светильник (лампа без стекла); в 20—25 назад такие лампы распространились и в горах.

Корченское жилище характеризуется большим количеством шерстяных декоративных изделий: велензы (пушистые покрывала), тканые подушки и т. п. Посередине комнаты располагается камин, облицованный мраморным камнем. Резьба по камню (растительные мотивы) известна по всей Албании, но особенно развита в Корче и Мокреоседняя с Корчей область). По обе стороны камина и перед ним устроены низкие скамьи, покрытые одинаковыми велензами. Они обладают яркими сочными тонами, удивительно гармонично подобранными. Вышитые отороченные кружевами наволочки на подушках, занавески дополняют убранство комнаты. Манекен женщины в местном костюме помещен при обстановочном оформлении.

В следующем зале представлена техника обработки и продукция текстильного производства. Открывает раздел стенд, где на помощи вещей и рисунков показан процесс прядения и ткачества. Карта указывает на районы распространения шерсти, овечьей, козьей, льняной.

В зале помещены два ткацких станка, принадлежащих к сих пор. На вертикальном стане, приспособленном специально для изготовления половиков-дорожек, работают мужчины. Он бытует в окрестностях Тираны, где тканье этих вещей дает крестьянам подсобный заработок (манекен в одежде иранского крестьянина помещен рядом со станком) и в Эльбасане, где этим ремеслом занимаются специалисты-горожане. На горизонтальном стане женщины ткуют материю для одежды. Она очень разнообразна: толстая черная шерстяная материя для верхней одежды, пестрая, преимущественно красных тонов материя для юбок и шарфов, тончайшая прозрачная шелковая ткань для женских покрывал.

Рядом с изделиями домашнего производства в экспозиции представлена продукция текстильного комбината имени Сталина: разнообразные хлопчатобумажные, шерстяные ткани, бархат, вельвет. Комбинат полностью обеспечивает потребность страны в тканях. Крестьянки, которые еще не отказались от традиционной домодельной одежды, покупают шерстяные и хлопчатобумажные нитки фабричного производства для тканья материи на деревянных станках, плетения кружев, вязания чулок и других вещей.

Национальные албанские костюмы обильно украшены вышивками и кружевами, образцы которых собраны на специальном стенде (рис. 2). Влияние турецкой культуры сказалось в украшении одежды золотым шитьем, преимущественно по темному бархату. Для придания вышивке рельефности подкладывают картон, который сверху зашивают золотыми нитками. Именно такую вышивку можно видеть на старинном костюме из Гирокастра, экспонированном в третьем зале (рис. 3).

В этом же разделе выставки представлены различные образцы албанских ковров

Рис. 3. Женский костюм (г. Гирокастер), украшенный золотым шитьем

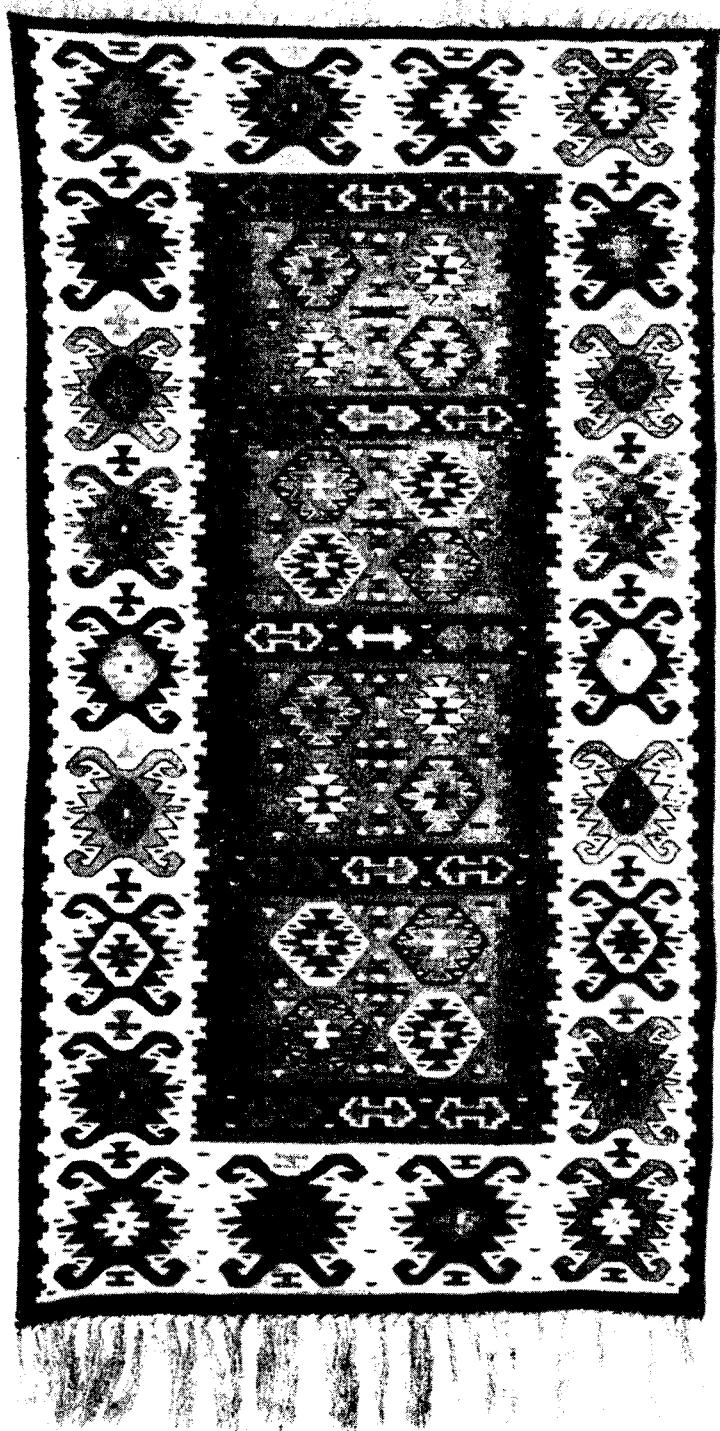

Рис. 4. Ковер (область Коссова)

Ковроткачество — один из наиболее интересных видов ремесла в Албании. Оно известно почти повсеместно, особенно распространено в Корче, но еще больше — в Коссо (область на севере албанской этнической территории, ныне принадлежит Югославии). Безворсовые ковры — килим (qilim) представляют собою одно цельное большое лотнище, которое ткут иногда несколько мастериц, усевшись в ряд и передавая утробную нить друг другу (рис. 4). Безворсовые ковры из Корчи отличаются от коссовских тем, что их ткут отдельными, сравнительно узкими полотнищами, которые затем сшивают. Ворсовые ковры — саджадэ (saxhade) ярких расцветок, небольшого размера изготавливают в Люме, Лябри и изредка — на приморской низменности. Коврики с длинным ворсом, напоминающим козью шерсть, выделяются только в районе Корчи (рис. 5).

Рис. 5. Интерьер парадной комнаты в г. Корче: на диванах ковры с длинным ворсом, на полу — безворсовый килим местной работы, на нем медная жаровня с углями, обогревающая комнату

Последний, четвертый зал экспозиции показывает технику и продукцию основных ремесел: гончарства, художественной обработки серебра, плетения, резьбы по дереву.

На одной из витрин показаны все стадии развития гончарного производства: ручная лепка горшков (изредка в местности Мати женщины сами изготавливают горшки для домашнего употребления), производство посуды на ручном и ножном круге. На схематической карте выявлены районы развития гончарного промысла. В соседней витрине — образцы продукции из глины и фарфора, выполненные ремесленниками Тиранского кооператива (кроме Тираны, ремесленные кооперативы имеются в Кавайе и Корче). Албанские ремесленники продолжают старые традиции гончарного производства, например изготавливают декоративные вазочки в форме античных амфор (сосуды такой формы до сих пор употребляются в быту для переноски и хранения воды). Для народной традиции характерна необливаемая посуда или глазурированная кофейного цвета с примитивным растительным орнаментом. Члены художественного кооператива ввели новый вид росписи: на вазу традиционной формы (чаще всего — пифоса) наносят красочный орнамент, обычный для вышивок или ковров той или иной местности.

Фарфоровое производство налажено пока только в Тиране. Изготавливаются статуэтки в национальных костюмах, скульптурные группы, воспроизводящие бытовые сценки, и т. д.

Художественная обработка серебра — древняя традиция албанского народа, имеющая преемственную связь с искусством иллирийцев (при археологических раскопках в иллирийских курганах обнаружены женские серебряные украшения, очень близкие к современным). На обстановочном стенде воспроизведена мастерская серебряных дел мастера из Шкодры: манекен в костюме, характерном для ремесленников, инструменты. На схеме показан процесс работы и разделение ее на два вида: художественное литье и филигрань.

По бокам стенда — витрины с образцами изделий конца XIX — начала XX в. Литым серебром украшали кремневые ружья, ятаганы, кинжалы, пороховницы, стремени,

пояса, а также предметы обихода: кувшины, подносы, украшения (рис. 6). Высокое искусство филиграни не может оставить равнодушным ни одного зрителя. Изящными узорами, свитыми из тончайшей серебряной проволоки, покрыто оружие, мундштуки для сигарет, но особенно — предметы роскоши и женские украшения. Филигранное производство и теперь широко распространено, и его продукция пользуется большим спросом у населения. В Тиране организован кооператив по художественной обработке серебра.

Плетение из соломы, тростника и других материалов распространено по всей Албании. Албанские крестьяне плетут для своих домашних нужд корзины самой разнообразной формы, рыболовные снасти и т. п. Габели (цыгане) изготавливают все эти изделия специально для продажи.

Рис. 8. Деталь резного деревянного потолка

Художественная обработка дерева имеет в Албании давние традиции. Самым древним приемом этого искусства является вырезывание узоров ножом. Обычно этим занимались пастухи: в долгие летние дни, сидя где-нибудь в тени и наблюдая за стадом, они покрывали геометрическими узорами прялки, посохи, флейты, курительные трубки, а также предметы домашнего обихода — коробочки, ларчики и т. п. На посохе, представленном на экспозиции, изображена голова горного козла и змея.

Примечательны несколько экземпляров деревянных сундуков, составляющие необходимую деталь традиционной обстановки албанского дома: каждая девушка должна иметь большой деревянный сундук, в который складывается ее приданое; этот сундук торжественно перевозят в дом мужа в день брачной церемонии. В прошлом крестьяне сами изготовляли сундуки для приданого невесты, украшая их резьбой при помощи ножа (характерный орнамент — ветвь кипариса). Горожане привозили специальные сундуки из Венеции. С середины XIX в. сундуки стали изготавливать на месте, расписывая их яркими красками; они до сих пор распространены как в городском, так и в крестьянском быту.

Сравнительно более позднее происхождение имеет обработка деревянных изделий на токарном станке. После того как заготовка выточена на станке, поверхность ее покрывают краской ярких тонов — красной, черной, синей — и затем вырезают узоры так, что они остаются белыми. Эти многоцветные, покрытые белым изящным орнаментом вещи имеют очень красочный вид. Так обрабатывают обычно мелкие предметы обихода, главным образом курительные трубки, которые в прошлом имели очень большое распространение (только в Тиране имелось 20 мастерских по изготовлению трубок). После появления сигарет (лет 70 назад) вместо трубок начали изготавливать мундштуки, но ремесло стало заметно приходить в упадок. Ныне мастера, помимо традиционных

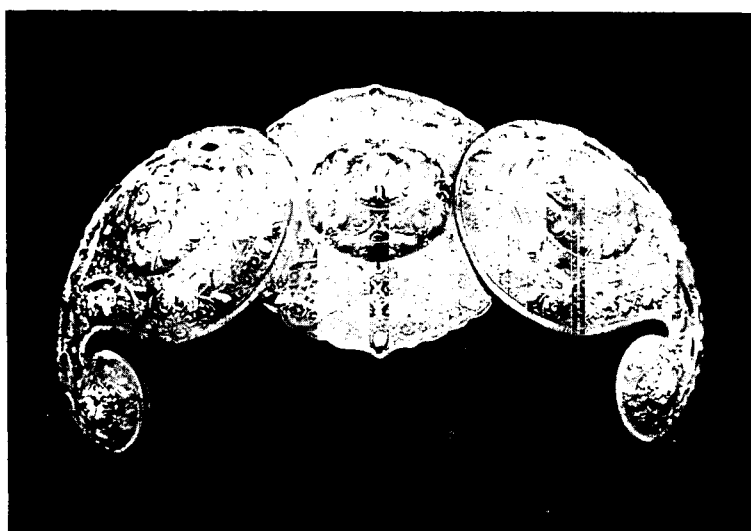

Рис. 6. Серебряная пряжка для женского пояса

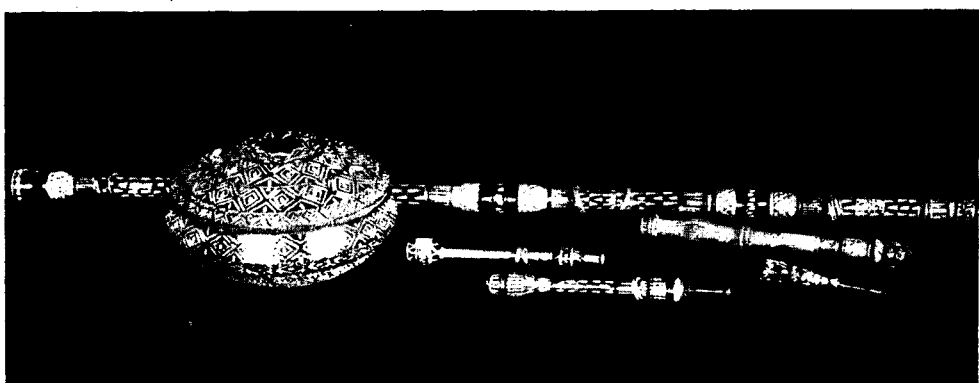

Рис. 7. Деревянные точеные изделия (мундштуки и коробочка)

идштуков, изготавливают самые разнообразные предметы обихода: ручки, разрезаль-
ные ножи, пепельницы и т. п. (рис. 7).

Многочисленные образцы знакомят зрителя с резьбой по дереву при помощи доло-
— очень давней и наиболее развитой традицией резьбы; ею украшали интерьеры
публичных и жилых зданий (рис. 8). Орнамент почти исключительно растительный. Раз-
личают три вида такой резьбы: в районе г. Дибры она тонкая и изящная, как круже-
во, иногда с гладким фоном, иногда — сквозная, применяется только сосновое дерево;
на юго-востоке резные пластины очень толстые (до 5 см), материал — ореховое дере-
во. В округе Берата применяется любое дерево, по стилю это переходная форма между
эллинистическими и юго-восточными изделиями. Чтобы дать представление о применении
деревянной резьбы во внутреннем убранстве жилого дома, в музее сооружен обстанов-
очный стенд, изображающий парадную комнату богатого шкодранского дома XVIII в.
В центре помещен макет такого дома). Обычно в парадной комнате посередине одной
стенды расположен камин, а вдоль противоположной стены установлен трапазан — дере-
вянная переборка, в которую вмонтированы: входная дверь; ниша, где помещается
картина; шкаф для постельных принадлежностей; вход в туалетную комнату, примы-
кающую к дому. Верхняя часть трапазана скрывает галерею, где во время приема
гостей прежде находились женщины, украдкой глядя на развлечения мужчин. Именно
этой трапазан, сверху до низу покрытый чудесной резьбой, установлен на стенде
музея. Тут же расположены резные дверцы стеновых шкафов. В комнате размещены
типичные для таких домов предметы: пол покрыт ковром, как полагалось в каждом
более или менее зажиточном доме, стоит медный мангал (жаровня с углями; для ото-
пления), медный кувшин и таз для умывания, серебряная и фаянсовая посуда рас-
ставлена на полках трапазана. В интерьере помещен манекен в одежде богатого
гражданина XVIII в.

Выставка заканчивается образцами резного деревянного декора православных церк-
вей.

* *
*

Музей археологии и этнографии в Тиране представляет собою научно-просвети-
тельное учреждение, играющее важную роль в культурной жизни Албании. Его экспози-
ция внушает посетителям глубокое уважение к албанскому народу, к его культур-
ному наследию, его талантам. Несмотря на многочисленные беды — иноземное
иго, бесконечные войны, империалистическую эксплуатацию — этот народ сумел сохра-
нить свою самобытность. Теперь, в условиях Народной Республики, строящей социа-
лизм, развиваются лучшие традиции художественного мастерства албанского народа.

РАБОТА ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР В 1958 году

По государственному плану научно-исследовательской работы Института этнографии АН СССР на 1958 г. предусматривалось исследование ряда основных проблем этнографической науки, фольклористики и антропологии. Центральное место в плане занимала проблема «Этнический состав и этнические особенности народов мира» и тесно связанное с ней серийное издание «Народы мира». К вышедшим ранее томам, посвященным народам Африки, Сибири, Передней Азии, Австралии и Океании, прибавилась первая часть тома «Народы Америки» (ответственные редакторы — А. В. Ефимов и С. А. Токарев), в которой дается описание коренного и пришлого населения Северной Америки. Наряду с характеристикой традиционной культуры коренного населения этого континента в томе впервые сделана попытка показать быт современных крупных народов (американцев и канадцев). Том содержит разделы о лингвистической классификации коренного населения, истории европейской колонизации и др. Вторая часть тома (народы Центральной и Южной Америки), сдавшая в Издательство АН СССР еще в 1957 г., выйдет в первой половине 1959 г. В 1958 г. сдан в Издательство том «Народы Индостана» (народы Индии, Пакистана, Непала и Цейлона, ответственные редакторы — А. М. Дьяков, Н. Р. Гусева, М. К. Кудрявцев), завершена подготовка тома «Народы Кавказа» и продолжалась работа по томам «Народы Средней Азии», «Народы Восточной Азии», «Народы Юго-Восточной Азии», «Народы Центральной и Юго-Восточной Европы». Отмечая интенсивную работу по подготовке отдельных томов издания «Народы мира», необходимо указать как на положительное явление, во многом определившие успех этой работы, на возросшее число зарубежных командировок (в ГДР, Венгрию, Чехословакию, Болгарию, Китай, Вьетнам, США), в ходе которых сотрудники Института могли собирать необходимый материал. Не меньшее значение имело широкое привлечение к созданию отдельных разделов тома «Народы Центральной и Юго-Восточной Европы» научных учреждений и специалистов из стран народной демократии (академии наук Польши, ГДР, Венгрии, Румынии, Болгарии, Албании), а также Югославии, и привлечение зарубежных ученых в качестве рецензентов (например, тома «Народы Восточной Азии»). Часть материалов для тома «Народы Центральной и Юго-Восточной Европы» уже получена Институтом. Весьма показательным явлением, свидетельствующим о значении серии «Народы мира», следует считать многочисленные просьбы зарубежной прогрессивной научной общественности, прежде всего — Африки, об издании опубликованного еще в 1954 г. тома «Народы Африки» на западноевропейских языках. В 1958 г. была завершена подготовка этого тома для издания на английском языке.

Продолжалась также работа по подготовке очередных выпусков «Очерков общей этнографии». Подготовлен к сдаче в набор 2-й выпуск этого издания, посвященный народам Азии.

Из вышедших в 1958 г. работ, раскрывающих отдельные вопросы проблемы «Этнический состав и этнические особенности народов мира», следует отметить три этнографических сборника (II Кавказский, ответственный редактор М. О. Косвен; II Африканский — И. И. Потехин; Переднеазиатский — Н. А. Кисляков и А. И. Першиц), содержащих статьи, посвященные этногенезу, общественному строю, этническому составу, культуре и быту различных народов Кавказа, Африки, Передней Азии. Кроме того, в 1958 г. выпущено в свет фундаментальное исследование В. Н. Белицер «Очерки этнографии народов коми XIX — начала XX в.», а сектором этнической статистики и картографии составлена карта народов Африки — одна из серии региональных этнических карт, показывающих одновременно, на основе нового, разработанного в Институте метода, плотность населения, его этнический состав и политические границы отдельных стран и континентов. Издание карты Африки, роль которой в политической жизни мира возрастает из года в год, дает яркий материал, с одной стороны, для характеристики размещения населения в результате колониальной политики, а с другой — для определения этнических связей между народами этого континента.

В 1958 г. сотрудники Института продолжали работы по переходящим темам — над орико-этнографическими монографиями, посвященными отдельным народам СССР (идам Северо-западного Кавказа, бурятам, каракалпакам, эвенкам, чукчам), над исследованиями по истории формирования этнических общностей и буржуазных наций (условия колониального режима (население Новой Гвинеи, Нигерии и др.), над истико-этнографическими атласами, которые дадут важнейшие систематизированные герналы по этническим связям и национальной культуре отдельных народов (русского, среднеазиатских, кавказских).

Одно из центральных мест в тематике Института занимает проблема «Социалистическая культура и быт народов СССР». В свете грандиозных задач, стоящих перед советским народом, все более возрастает значение научных исследований, разрешение которых ускорит и облегчит осуществление перехода к коммунистическому обществу. Идающиеся достижения советского народа в 1958 г. в производстве сельскохозяйственных продуктов, в дальнейшем развитии промышленности имеют большое значение в борьбе за создание материально-технической базы, необходимой для перехода к социализму. В неразрывной связи с этой основной задачей находится работа по искоренению существующих до сих пор отдельных идеологических пережитков, по выработке общественного сознания, всецело отвечающего идеалам коммунистического общества. Решения внеочередного XXI съезда КПСС и принятый в настоящее время Верховным Советом СССР закон об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в нашей стране прежде всего связаны с выработкой у молодежи коммунистического взгляда на труд. Для успешного проведения идеологической работы, переустройства культуры и быта в различных формах, обусловленных историческими судьбами народов, различиями этнических традициях, необходимы глубокие, научно обоснованные этнографические исследования, в первую очередь о колхозном крестьянстве и рабочем классе различных народов, населяющих нашу страну. В 1958 г. секторы Института этнографии, занимающиеся темами, непосредственно связанными с практикой социалистического строительства, добились определенных успехов. Вышли в свет два исследования о колхозном крестьянстве, созданные коллективами восточнославянского и среднеазиатского секторов. Одно из них — «Село Вирятино в прошлом и настоящем» (ответственный редактор П. И. Кушнер) посвящено истории и этнографии русской колхозной деревни, одной из старейших в Тамбовской области. В исследовании на обширном левом и архивном материале показаны виды хозяйственной деятельности, быт, ильище, одежда и нравы крестьян до Великой Октябрьской социалистической революции и коренные изменения, последовавшие в ходе социалистических преобразований. После выхода книга подверглась обсуждению в самом селе; в обсуждении, прошедшем с большим подъемом, приняли активное участие местные жители, которые выражали льишнее удовлетворение по поводу выпуска книги и высказывали пожелание, чтобы этнографические исследования в селе были продолжены и было выпущено второе, ильишенное издание. Во второй книге — «Быт колхозников киргизских селений Дарин и Чичкан» (ответственный редактор С. М. Абрамзон) дается всесторонняя характеристика тех изменений, которые принес колхозный строй ранее угнетенным народам ильишней колонии царизма. Появление этой книги — прямой ответ на измышления некоторых зарубежных «специалистов» по Средней Азии, пытающихся ильишнуть картину современной жизни в среднеазиатских республиках СССР. Оба исследования продолжили серию работ о колхозном крестьянстве, начатую Институтом этнографии выпуском книги «Культура и быт таджикского колхозного крестьянства» (совместно с Институтом истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикской ССР). В настоящее время эта серия работ продолжается коллективом Калининского отряда Русской этнографической экспедиции (Л. Н. Пушкарева, М. Н. Шмелева), который завершил сбор полевых материалов по льишноводческим колхозам Калининской области РСФСР и приступил к написанию монографии на эту тему. Другой отряд Русской этнографической экспедиции (руководитель В. Ю. Крупнянская) ильишодолжал в 1958 г. сбор материалов для монографии «Культура и быт русских рабочих Урала», основная цель которой заключается в том, чтобы проследить воздействие классового сознания рабочих масс на их культуру, быт, семейную и общественную жизнь, нравы и обычаи, нормы морали и культурные запросы. Ангарский отряд экспедиции (руководитель Л. М. Сабурова) завершил начатое в 1957 г. обследование колхозного крестьянства Нижне-Ильишского и Братского районов Иркутской области. ильишобрал большой, интересный материал по различным сторонам материальной культуры русского старожильческого населения Сибири.

Большая работа по изучению современного хозяйства и быта северных народов была проведена сектором Крайнего Севера. Сектор под руководством Б. О. Долгих подготовил сборник, посвященный вопросам реконструкции хозяйства и быта этих народов к развитию их культуры, а сотрудник сектора И. С. Гурвич написал совместно с сотрудником Совета по развитию производительных сил АН СССР (СОПС) К. Г. Кузаконую работу «Корякский национальный округ», подготовляемую к изданию СОПС и посвященную истории и этнографии коряков, их современному хозяйству, образу жизни ильишкультуре.

В связи с важностью проблемы развития хозяйства и культуры малых народов Севера Ученый совет Института провел с участием представителей Комиссии по пробле-

мам Севера и других заинтересованных учреждений специальное заседание, на котором заведующий сектором народов Крайнего Севера Б. О. Долгих сделал доклад о современном состоянии данного вопроса.

Несмотря на успешность проводимой Институтом работы по исследованию вопросов современности, ее объем в настоящий момент уже нельзя признать достаточным. Еще в конце 1957 г. общественность Института подняла вопрос о пересмотре тематики и усилении работы по изучению современной культуры и быта, в первую очередь русского населения Сибири, труженников новозаселяемых районов целинных и залежных земель. Ученый совет Института обратил особое внимание на работу Русской экспедиции, занимающейся изучением сибирских районов, и Северной этнографической экспедиции, деятельность которой связана с практическими задачами социалистического строительства у народов Крайнего Севера. Научная сессия отделений общественных наук АН СССР по теоретическим проблемам строительства коммунизма в СССР, проведенная 23—26 июня 1958 г., подвела некоторые итоги научной работы в этом направлении и помогла Институту этнографии в выявлении наиболее актуальных этнографических проблем и определении конкретных исследований, необходимость которых диктуется первоочередными задачами, стоящими перед советским народом в эпоху перехода от социализма к коммунизму (закономерности развития социалистической культуры и быта, развитие национальных форм материальной культуры, современный быт рабочих и колхозников СССР и пути его дальнейшего преобразования, развитие советской семьи, борьба с религиозными пережитками, развитие коммунистической морали и т. д.). Разработка указанных вопросов приобретает еще большую значимость в свете задач, выдвинутых перед общественными науками в решениях XXI съезда КПСС.

После окончания сессии отделений общественных наук АН СССР, в ходе обсуждения Ученым советом Института постановления Президиума АН СССР о разработке научных проблем построения коммунистического общества, в Институте была создана специальная комиссия, наметившая конкретные мероприятия по дальнейшему развертыванию этой работы. В ближайшем семилетии в Институте этнографии предполагается значительно расширить размах полевых исследований, которые будут осуществляться на намечаемой к созданию комплексной экспедицией по изучению процессов изменения социально-бытового и культурного уклада народов СССР в период перехода от социализма к коммунизму.

Из опубликованных в 1958 г. работ необходимо отметить два тома трудов Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (тт. II и III). Работа этой экспедиции привлекает самое пристальное внимание специалистов по истории Средней Азии, в том числе и зарубежных ученых. Выход двух томов Трудов экспедиции имеет большое научное значение; том II содержит ряд детальных археологических и антропологических исследований и этнографические описания различных сторон современного быта узбеков и каракалпаков, в частности колхозников-переселенцев на вновь освоенных землях Кара-Калпакии. Том III Трудов включает четыре историко-этнографических исследования по Кара-Калпакии, написанных этнографами Хорезмской экспедиции и защищенных в качестве кандидатских диссертаций. По своему содержанию эти работы связаны между собой тематически и посвящены исторической этнографии каракалпакского народа со времени его окончательного расселения в низовьях Аму-Дарьи (XVIII — начало XIX в.) до наших дней.

В 1958 г. Хорезмская экспедиция в составе 10 отрядов (руководитель — С. П. Толстов) продолжала раскопки памятников первобытных эпох, античного и средневекового времени. Топографический отряд экспедиции открыл в левобережном Хорезме несколько крупных античных памятников и обследовал древние ирригационные системы, базировавшиеся на водах северного Даудана. Каракалпакский этнографический отряд экспедиции впервые установил этнический состав населения островов Аральского моря, выявил тесные исторические и культурные связи каракалпаков-мюйтен с казахами-алим, издавна заселявшими смешанные территории у берегов Арала и в низовьях Сыр-Дарьи, и изучил особенности современной культуры и быта этого населения.

Коллектив антропологов Института, работающий в основном над проблемой «Происхождение человека и человеческих рас», продолжал большую работу по изучению этногенеза русского населения (Русская антропологическая экспедиция, руководитель — В. В. Бунак), а также древнего населения на территории СССР; в частности интересные результаты дали в 1958 г. раскопки древнеэскимосского могильника в Улене, на Чукотке (руководитель — М. Г. Левин). Под руководством М. М. Герасимова подготовлен раздел «Неолит» Атласа реконструкций антропологических типов древнего населения на территории СССР. В 1958 г. вышло в свет фундаментальное исследование М. Г. Левина «Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока».

Над сбором материалов по ряду проблем работали, помимо указанных выше, Среднеазиатская этнографическая экспедиция (5 отрядов), Прибалтийская объединенная (5 отрядов), Мордовская этнографическая, Тувинская комплексная, Северная этнографическая. Всего, таким образом, в 1958 г. Институт проводил полевую работу силами восьми экспедиций. Работа Среднеазиатской экспедиции (руководитель — Н. А. Кляшников) была в основном связана с подготовкой историко-этнографического атласа и сбором дополнительных материалов для тома «Народы Средней Азии»; Прибалтийская экспедиция (руководитель — Л. Н. Терентьева) продолжала сбор материалов по различ-

ым разделам материальной культуры народов Советской Прибалтики. Мордовская экспедиция (руководитель — В. Н. Белицер) закончила в основном работу по сбору материала для разрешения проблем этногенеза и этнической истории мордовского народа. увинская экспедиция (руководитель — Л. П. Потанов) исследовала район озера Каахоль, представлявший до последнего времени в отношении археологии и этнографии елое пятно. Археологи экспедиции открыли в этом районе могильники скифского времени, а этнографы собрали яркие данные, характеризующие культуру и быт тувинцев прошлого и настоящего; в частности, большое значение для изучения социалистических преобразований в Туве имеет собранный материал по местным животноводческим охотам.

Успешно продолжала свою работу, начатую впервые в Институте в 1956 г., группа африканской филологии. Под руководством Д. А. Ольдерогге подготовлены: первый том публикации арабских памятников VII—X вв. по истории и географии Африки южнее Сахары и первая часть словаря суахили.

Большое место в работе Института занимает деятельность Музея антропологии и этнографии (Ленинград). В 1958 г. существующая экспозиция была значительно обновлена и дополнена новыми экспонатами в целях отражения в ней изменений в международной обстановке и роста национально-освободительной борьбы народов колониальных и зависимых стран. Из года в год Музей расширяет свою научно-просветительную работу — большой и важный раздел своей деятельности. В 1958 г. Музей посетило свыше 122 тыс. человек, что является наивысшей цифрой (в 1956 г. — 94 тыс. посетителей, в 1957 г. — около 120 тыс.). Кроме того, около 250 тыс. человек посетили ютеть передвижных выставок Музея, организованных в различных районах Ленинграда и в городах области на такие важные темы, как «Республика Индия», «Происхождение религии» (совместно с Музеем истории религии и атеизма), «Происхождение человека», «Советско-китайская дружба», «Культура и быт народов Южной и Троической Африки».

В своей экспедиционной и исследовательской работе Институт в 1958 г., как всегда, был тесно связан с целым рядом научных учреждений союзных и автономных республик. В работах Хорезмской и Прибалтийской экспедиций принимали участие сотрудники академий наук Узбекистана, Эстонии, Латвии, Литвы, Украины и Белоруссии. В составе Прибалтийской экспедиции находились диалектологи Института русского языка АН СССР, а в составе отряда Русской этнографической экспедиции, работавшего в Краснодарском и Ставропольском краях, принимал участие диалектолог Педагогического института в Ростове-на-Дону. Сотрудники Института М. Я. Салманович и М. Г. Рабинович принимали участие в комплексной археолого-этнографической Прутско-Днестровской экспедиции. Ряд сотрудников Института принимал участие в IV международном съезде славистов, состоявшемся осенью 1958 г. в Москве. В целях оказания практической помощи в работах по подготовке и проведению переписи населения СССР Институт был издан краткий справочник «Народы СССР».

Как уже отмечалось, в 1958 г. значительно усилились международные связи Института и научный контакт с зарубежными научными учреждениями и организациями как в целях координации работы, так и в целях сбора материала для индивидуальных исследований. Директор Института С. П. Толстов в составе советской делегации принимал участие в работе 45-й сессии Индийского научного конгресса, где прочитал доклад «Новейшие археологические открытия в Хорезме в связи с некоторыми проблемами древней истории Индии». С. П. Толстов, Г. Ф. Дебеч, М. Г. Левин и сотрудник Института истории материальной культуры АН СССР А. П. Окладников участвовали в работе состоявшейся в Копенгагене конференции по проблемам Арктики¹. И. И. Потехин в течение 1958 г. принимал участие в работах Конгресса востоковедов в Германской Демократической Республике, Подготовительного комитета VI международного конгресса антропологов и этнографов (Бельгия) и Конференции народов Африки в Гане. М. Я. Салманович в составе советской делегации, представлявшей республику Прутско-Днестровскую экспедицию, ездила в Румынскую Народную Республику на 3-й советско-румынский археолого-этнографический семинар. После длительного пребывания в Китайской Народной Республике возвратился в Москву Н. Н. Чебоксаров. Ряд сотрудников Института в течение 1958 г. был командирован в зарубежные страны для работы по различным индивидуальным темам (Г. Ф. Дебеч работал в Музее естественной истории в Нью-Йорке над материалами Ипиутакской коллекции; С. Р. Смирнов ездил в Судан, Д. А. Ольдерогге в Египет, И. А. Золотаревская в США, М. В. Райт в Эфиопию и т. д.).

С другой стороны, Институт этнографии принял несколько иностранных научных делегаций и ученых, интересовавшихся постановкой научной работы и различными теоретическими проблемами этнографии (из Германской Демократической Республики, Корейской Народно-Демократической Республики, Финляндии, Польши, Чехословакии, США). Среди них следует прежде всего отметить участие профессора Фэн Цзя-шэна (Академия наук КНР), специалиста по истории и этнографии Средней Азии, в работе Таджикского отряда Среднеазиатской этнографической экспедиции, посетившего также место работ Хорезмской экспедиции. Гостя Института — специалист по археологии

¹ Сообщение о конференции см. ниже, в настоящем номере журнала.

Америки д-р А.-М. Уормингтон (США) в течение двух месяцев работала в научных учреждениях Москвы, Ленинграда, Иркутска.

Помимо личных контактов, международные связи Института осуществлялись путем издания за границей научных трудов сотрудников Института. Нужно отметить выход книги М. О. Косвена «Очерки первобытной культуры» в Японии. Африканисты Института подготовили специальный выпуск для издающегося во Франции журнала «Présence Africaine».

Трудности, имеющиеся в работе Института, сильно тормозят его дальнейшую научную деятельность. Как количественно, так и качественно выросли кадры Института, способные при некотором дополнительном их укреплении решать важнейшие научные проблемы, выдвигаемые жизнью нашей страны, практикой коммунистического строительства, но по-прежнему остается в силе крайне тяжелое положение с помещением. Помимо резкого недостатка площади, необходимой для организации нормальной научной работы, мешает также и то, что отделы Института размещаются в шести различных точках, разбросанных по нескольким районам Москвы. Научно-технические кадры не могут полностью обеспечить работу научных сотрудников. Все это не только затрудняет ведение научно-исследовательской работы, но и полностью лишает возможности поставить ряд важных лабораторных исследований. Остается ненормальным положение с изданием научной продукции Института. План выпуска работ Института на 1958 г. Издательством АН СССР недоволен, а выполнение объема листажа шло за счет выхода книг, сданных ранее. Подобная практика неизбежно приводит к задержке выхода книг и часто к необходимости их пересмотра и внесения новых данных.

К числу недочетов работы Института следует отнести недостаточное развертывание критики реакционных зарубежных теорий. Ученый совет Института на специальном заседании обсуждал решение Бюро Отделения исторических наук АН СССР о мерах по обеспечению критического изучения выходящей за рубежом исторической литературы и наметил ряд практических мероприятий, в том числе и по усилению критикобиблиографической работы в Институте.

В. А. Александров

ОБСУЖДЕНИЕ КНИГИ «СЕЛО ВИРЯТИНО В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ»

В 1958 г. Институт этнографии Академии наук СССР выпущена книга «Село Вирятино в прошлом и настоящем», написанная по материалам, собранным сотрудниками Тамбовского отряда Русской этнографической экспедиции Института, работавшей в этом селе в течение трех лет (1953—1955 гг.). Книга эта вызвала большой интерес у жителей Вирятина, и 13 ноября 1958 г. состоялось ее обсуждение в самом селе; после обсуждения, на котором присутствовало около 500 человек, был показан фильм «Село Вирятино», заснятый во время экспедиции.

Ниже публикуются материалы обсуждения.

После вступительного слова В. Ю. Крулянской, начальника отряда, проводившего этнографическое изучение села, выступил ряд участников собрания.

Библиотекарь А. А. Стародубова поблагодарила коллектив экспедиции за выпуск книги о Вирятине. Она рассказала о своем впечатлении от этой книги, правдиво отражающей быт села, его культуру. Книга, по ее словам, написана простым, доступным массовому читателю языком и пользуется большим спросом. «Я,— сказала Стародубова,— молодой человек, до выхода этой книги мало знала о прежней жизни нашего села, слышала кое-что от родителей и близких пожилых людей о том, как проходила жизнь наших предков в селе Вирятине, но это мне было трудно понять, а теперь, при чтении этой книги, мне стала ясна картина прошлой жизни Вирятина». Стародубова обратилась к присутствующим с советом всем прочитать эту книгу, из которой они узнают много интересного о родном селе.

В своем выступлении секретарь комсомольской организации колхоза «Путь Ленина» Н. П. Дьякова подтвердила сказанное Стародубовой и отметила, что участники экспедиции за время пребывания в Вирятине тесно сблизились с жителями села: «В. Ю. Крулянская часто бывала в нашем доме, проводила расспросы у моего дедушки Егора Алексеевича. Он хорошо знает прошлую жизнь Вирятина и охотно все рассказывал ей».

Старый шахтер Донецкого бассейна С. И. Стародубов (теперь пенсионер), уроженец Вирятина, в своем выступлении сказал: «Раньше в селе была только трехклассная школа, учили в ней кое-чему и кое-как. Больше всего внедряли устои религии. Но даже в этой школе не было возможности всем учиться. С малых лет дети из-за плохих материальных условий родителей были вынуждены работать. Например, моя жена Агафья Федоровна начала в то время учиться в первом классе, но из-за семейных обстоятельств она родителями была взята из школы, и больше ей не представилось возможности стать хоть немного грамотной».

Теперь благодаря Советской власти у нас в Вирятине семилетняя школа, в которой учат наших внуков хорошему знанию всех предметов советской науки, необходимых

я сельского хозяйства. Многие из нашего села окончили 10-классную школу. Много людей вышли инженерами разных специальностей, учителями, медработниками, техниками сельского хозяйства, офицерами Советской Армии и специалистами угих профессий.

Если раньше молодежь собирала копейки и по полену дров, чтобы оплатить избуя проведения вечеринок, то теперь для молодежи построен хороший клуб, в котором сейчас находимся, тут же вся молодежь села проводит свой досуг. Смотрят три раза в неделю лучшие кинофильмы, проводят художественную самодеятельность, слушают радио, в домах электроосвещение, имеется возможность бесплатно получать вшей библиотеке книги для чтения на любую тему. Так преобразилась жизнь нашего села».

Старейший сельский активист С. С. Колмыков сказал: «Прочитав эту книгу, вы увидите, товарищи, большую перемену в жизни села по сравнению с прошлым. Пройдут года, и для наших детей, внуков и правнуков книга эта явится большой историей, з которой они узнают, как жили их предки и строили новую жизнь». Он отметил, что вторам книги нужно было бы подробнее написать о вынужденном из-за малоземелья ереселении крестьян в конце прошлого века в Томскую губернию.

«Мы, вирятинцы, просим, чтобы Институт этнографии поручил авторам книги и в альнейшем продолжать работу по изучению села Вирятина», закончил С. С. Колмыков.

Заведующая библиотекой Сосновского района М. С. Коревская в своем выступлении казала, что читать книгу о селе Вирятине «так же легко, как смотреть кино». Она отменила большое значение материалов книги для районных работников и сельского актива их повседневной агитационной работе. «До сих пор,— сказала она,— мы, работающие реди населения, располагаем очень скудными данными для разъяснительной работы своих селах в прошлом и настоящем». Тов. Коревская указала, что напрасно в книге юмещена иллюстрация крестьянина в лаптях, так как нынче никто лаптей не носит.

Молодая учительница В. Ф. Панкратова отметила, что данная книга имеет большое значение для молодежи: «Мы сами не знали истории нашего прошлого, теперь из той книги многое стало известным». Одновременно она указала, что в книге недостаточно полно освещено общественное хозяйство колхоза, и протестовала против той же иллюстрации, мотивируя тем, что в настоящее время даже в производственном быту икто лаптей не носит.

Председатель колхоза С. М. Ожогин поблагодарил авторов за их труд над книгой «Село Вирятино в прошлом и настоящем», за их теплое, внимательное отношение к жителям села: «Они, научные работники, глубоко изучая наш быт, нашу культуру, нравы и обычаи, сделали очень многое не только для нашего села, но и для истории быта всей Тамбовской области. Эта книга будет иметь большое значение для советских историков, и нужно полагать, что она привлечет внимание историков стран народной демократии. О Вирятине, о нас, колхозниках, будет теперь известно нашим иностранным друзьям».

Однако авторы книги не привлекли достаточно материалов о жизни села в крепостное время, в частности о положении в этот период барского и государственного крестьянских обществ. Недостаточно также показана в книге тяга вирятинцев к земле, что сказалось как в приобретении в 80-х годах прошлого века купчей земли, так и в той борьбе за землю, которая развернулась между Вирятиным и соседней деревней Верхней Грязной в первые годы Советской власти.

О современной жизни села в книге недостаточно сказано. Нужно было полнее показать в этом разделе роль колхоза «Путь Ленина» в пропаганде передового сельскохозяйственного опыта. В колхозе в течение нескольких лет проходят практику студенты Мичуринского плодовоощного института и сельскохозяйственного техникума, а также учащиеся Тамбовской партийно-советской школы, готовящей руководящих работников по сельскому хозяйству. В нашем колхозе проходили производственную практику коммунисты-тридцатипяти тысячники, а также ежегодно приезжают для ознакомления с нашим опытом председатели колхозов соседних районов.

В книге следовало бы показать связи с дружественными демократическими странами. В 1951 г. я в составе советской делегации побывал в Болгарии с целью передачи своего опыта колхозного строительства вновь организуемым кооперативным сельскохозяйственным артелям, с которыми до сих пор держу связь. В 1952 г. в июне в наш колхоз приезжала польская крестьянская делегация. Это в книге нужно было показать.

Я считаю, что товарищи Коревская и Панкратова неправильно говорили, что не следовало показывать в книге лапти. Следы прошлого не надо скрывать. У нас хотя и мало, но, к сожалению, привычка ходить на работу в лаптях у некоторых еще имеется. Снимок, помещенный в книге — В. Я. Жиряков в лаптях, — это не выдумка авторов, а действительность. Он всегда ходит на работу в лаптях, хотя у него есть несколько пар хорошей кожаной обуви.

Допущена ошибка авторами: в подписи под одной фотографией написано: «Выдача книг в сельской библиотеке» вместо «Занятия в школе». Нужно отметить и такой недостаток, что в книге мало отражены изменения, которые произошли в селе за последние годы, особенно в современной одежде и обуви молодежи и т. д. Следовало бы больше дать иллюстраций, характеризующих эти перемены».

С. М. Ожогин заметил, что работу этнографов в Вирятине нельзя считать законченной. Нужно просить руководство Института этнографии продолжать здесь исследования, что даст возможность глубже понять те процессы, которые происходят в современном колхозном быту.

Старейший колхозник Е. А. Дьяков сказал: «Я хорошо знаю прошлое своего села и с охотой все рассказывал членам экспедиции. Я очень благодарен всему коллективу экспедиции за врученную мне книгу «Село Вирятино в прошлом и настоящем». Эта книга, в которой есть и моя доля участия, будет памятью моим внукам и правнукам».

Заслушав выступления и обсудив вышедшую книгу «Село Вирятино в прошлом и настоящем», общее собрание колхозников постановило:

«1. Одобрить и признать, что книга «Село Вирятино в прошлом и настоящем» отражает действительность прошлой и настоящей жизни и быта села Вирятина.

2. Собрание выражает сердечную благодарность руководству Академии наук СССР и Института этнографии за инициативу, проявленную в посылке научной экспедиции в наше село для работы по изучению его истории.

3. Проводимую работу по изучению села Вирятино Тамбовским отрядом Русской этнографической экспедиции одобрить и искренне благодарить членов экспедиции за их кропотливую, добросовестную работу и товарищеское, хорошее отношение к жителям села Вирятина во время пребывания в селе в 1953—1955 гг.

Считать эту книгу очень интересной для понимания быта советской деревни как в прошлом, так и в настоящем.

4. Просить руководство Академии наук Союза ССР выпустить второе, удешевленное массовое издание, доступное по цене колхозникам, с большим количеством иллюстраций.

Во втором издании должны быть учтены все те изменения, которые произошли в жизни села после 1955 г., и исправлены недостатки, отмеченные выступавшими на данном собрании.

5. Считать желательным, чтобы Институт этнографии и в дальнейшем проводил в селе Вирятине свои исследования коллективом этого же отряда, что даст возможность глубже понять и изучить те процессы, которые происходят в современной колхозной жизни».

Кинофильм «Село Вирятино» был просмотрен с большим удовольствием и одобрен присутствующими, давшими хороший отзыв и выразившими сердечную признательность создателям кинофильма.

Е. А. Дьяков, А. А. Стародубова, С. И. Стародубов

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНЫХ РАЙОНОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Летом 1958 г. один из отрядов Средневолжской русской этнографической экспедиции проводил исследования в восточных районах Татарской АССР и Куйбышевской области, а также в Оренбургской области¹. Подворное обследование проведено в 16 населенных пунктах по маршруту: с. Маткауш (Мензелинский район ТАССР), д. Русская Мушуга (Калининский район ТАССР), с. Русский Шуган (Муслюмовский район ТАССР), с. Чекан (Ютазинский район ТАССР), с. Поповка, д. Фоминовка и с. Лукино (Бавлинский район ТАССР), с. Соковка (Северный район Оренбургской области), с. Степные Выселки и д. Хмелевка (Камышлинский район Куйбышевской области), с. Исаково, д. Николаевка и пос. Сеньково (Похвистневский район Куйбышевской области), с. Винно-Банново и д. Капитоновка (Кинель-Черкасский район Куйбышевской области), с. Белозерка (Кинельский район Куйбышевской области).

Материал собирался в основном по материальной культуре. В настоящем сообщении мы кратко остановимся лишь на исследованиях жилищ и поселений, а также традиционной народной одежды.

* * *

Восточные районы Среднего Поволжья (Закамские земли) сложны по этническому составу населения. Здесь живут русские, татары, башкиры и представители других национальностей. На территории Куйбышевской области и Татарской АССР много украинцев и белорусов.

¹ В работе отряда принимали участие автор данного сообщения, художник В. К. Федоров, студенты Казанского университета Р. Гареева, Н. Елимонова, Н. Шлепова, Л. Караковская, Е. Зыкова, В. Забродина, З. Костюнина.

Русские поселения стали возникать в Закамье с середины XVII в., когда была построена первая Закамская оборонительная черта от Белого Яра (на Волге) до Мензелинска (на Каме), обезопасившая их от набегов степных кочевников. В XVIII в. были построены новые укрепленные сооружения по р. Самаре, р. Соку, возникли слободы Бугульминская, Письмянская (1745), Бугурусланская (1748), построены Сергиевск (1781) и другие укрепленные города. Русские люди приходили в Закамье из различных районов России, приносили свои выработанные веками нравы и обычаи. Много восприняли и русские от местных народов, с которыми селились по соседству. Про Закамский край известный русский писатель, этнограф П. И. Мельников-Печерский писал, что «народ там другой, хоть русский, но не таков, как в Верхове, там новое заселение»². Наиболее старые из посещенных нами населенных пунктов (с. Чекан, с. Русский Шуган, с. Маткауш, с. Лукино и др.) основаны более 200 лет назад выходцами из быв. Московской, Симбирской и Казанской губерний. Это в основном были помещики крестьяне, которых переселяли помещики на плодородные закамские земли. По некоторым данным, жители с. Русский Шуган частично пришли с Урала, из района Нижнего Тагила, с медных рудников.

В ряде деревень (с. Поповка, д. Фоминовка и др.) живут «курчане», переселившиеся сюда из Курской губернии в конце XVIII — начале XIX в. Они довольно хорошо сохранили диалектные особенности языка и ряд элементов материальной культуры, свидетельствующие об их южном происхождении.

Нами были посещены также украинские населенные пункты (Степные Выселки, Хмелевка, Винно-Банново, Белозерка и др.). Украинцы в эти районы переселились в конце XIX в. из Полтавской и Харьковской губерний. Старожилы с горечью вспоминают еще сейчас о тех днях, когда беспросветная нужда заставила многие семьи подняться со своих родных мест и искать счастья на далеких заволжских просторах. Украинцы принесли с собой свойственные им хозяйственно-бытовые навыки, испытывавшие впоследствии значительные изменения под влиянием соседних народов, с которыми украинцы находились в непрерывном трудовом общении.

Многие посещенные нами села — смешанные по национальному составу населения. Так, в д. Русская Мушуга живут русские, татары, марийцы; в с. Степные Выселки и Хмелевке, кроме украинцев, много русских, а в русском селе Маткауш живет несколько татарских семей и т. д. В смешанных селах население говорит на двух, а иногда и трех языках. Особенный интерес представляет д. Русская Мушуга Калининского района ТАССР. Здесь много семей, где муж — татарин, жена — русская и наоборот; семья числится татарской или русской в зависимости от национальности мужа. Дома разговаривают в одних случаях на русском, в других — на татарском языках. Дети хорошо знают оба языка. Иногда нам не могли сказать, на каком преимущественно языке говорят дома.

Некоторые семьи считают себя марийцами, но, хорошо зная русский язык, дома говорят по-татарски (на марийском языке говорят лишь дедушка и бабушка), а дети учатся в русской школе. Подобных примеров много. Так же сильно смешение между русскими и украинцами. При смешанных браках семьи, как правило, двуязычны. Дети учатся на русском языке, но все хорошо говорят по-украински.

*
*
*

Населенные пункты расположены преимущественно в долинах небольших рек, притоков 2-го и 3-го порядка Камы, Волги, Самары. Так, мимо села Маткауш протекает речка Каменка, д. Русская Мушуга находится в долине р. Мушугинки, крупное русское село Чекан расположено на берегу р. Ик и т. д.

В прошлом в некоторых селах (Русский Шуган, Соковка и др.) было до 600—800 домов; за последние 20 лет количество хозяйств в этих селах несколько уменьшилось. Это связано с тем, что за счет деревни в значительной степени формируются кадры рабочих, нужных для растущей быстрыми темпами социалистической промышленности.

Кроме того, много кустарей, которые раньше работали у себя на дому, объединились в артели промысловой кооперации, организованные во всех областных и районных центрах, и переселились на новые места.

В настоящее время из числа обследованных нашим отрядом населенных пунктов (всего 16) села с количеством хозяйств до 100 составляют 43%, до 200—25%, свыше 200—32%.

Сельские поселения имеют, как правило, главную двухстороннюю улицу и параллельные ей, возникшие позднее, по мере роста поселения. Часто двухсторонней бывает лишь одна улица; другие же, в зависимости от рельефа местности, — односторонние и застроены под прямым или под другим углом к главной. Села с южновеликорусским по происхождению населением обычно имеют одну двухстороннюю улицу протяжением до 4—6 км (д. Фоминовка, с. Поповка и др.), шириной — от 25 до 55 м.

² П. И. Мельников (Печерский), В лесах, кн. 1, Горький, 1956, стр. 13.

Русские села обычно слабо озеленены. Лишь у некоторых домов растут кусты сирени, клены, березки и др. Русско-татарские и украинские села в этом отношении резко отличны: здесь много больших деревьев на улице, на берегу реки, перед домами (рис. 1). Слабое озеленение русских деревень объясняется до известной степени старой традицией русского населения (как правило, русские деревни в старину, по свидетельству многих авторов прошлого столетия и местных жителей, были почти лишены насаждений). В настоящее время во многих русских селениях Среднего Поволжья уже много зелени, молодых посадок, за которыми колхозники тщательно ухаживают, но в посещенных нами районах молодым посадкам и охране их уделяется еще недостаточно внимания. Колхозники также испытывают часто затруднения и с приобретением саженцев, особенно плодовых, семян цветов и т. д., в чем безусловно виноваты торгующие организации.

Отдельные усадьбы, проулки, соединяющие параллельные улицы, огороды, а иногда и вся деревня огорожены. Типы изгороди общи для всего Среднего Поволжья: прясло, плетень, тычинник (частокол)³. В северновеликорусских селах значительно шире

Рис. 1. Украинская хата. Д. Хмелевка

применяется прясло, а в украинских и южновеликорусских — плетень. Сейчас часто усадьба по фасаду, общественные здания (школа, клуб и др.) огораживаются «белясьником» — досчатым забором, иногда украшенным несложными геометрическими рисунками и покрашенным цветной краской.

Усадьбы соприкасаются обычно амбарами, разделяясь небольшим (около метра) проулком. Две соприкасающиеся усадьбы образуют «гнездо». Гнезда друг от друга отделяются «прогаром» — шириной около 4 м. Через 3—4 гнезда устраивается проулок, идущий в соседнюю улицу или в поле. В отдельных населенных пунктах гнезда несколько различаются по расположению. В с. Русский Шуган к дому непосредственно примыкает усадьба соседа (дом — двор, дом — двор) (рис. 2), а в с. Чекан встречаются усадьбы, соприкасающиеся домами (двор — дом, дом — двор) (рис. 3).

Наиболее типичной формой усадьбы в прошлом (по рассказам стариков) была покоеобразная стройка. В настоящее время появилось много глаголеобразных дворов, усадеб с разобщенными строениями, двухрядные и однорядные дворы. Так, раньше в селах Маткауш, Русский Шуган, Чекан все дворы были покоеобразные: надворные постройки непосредственно примыкали к дому, шли вокруг усадьбы, образуя в плане букву П. Сейчас в с. Маткауш покоеобразных дворов осталось лишь 5%. Остальные усадьбы глаголеобразные (27%) и с разобщенными постройками (52%). 16% падает на однорядную стройку, появляющуюся вследствие сокращения надворных построек, и усадьбы без надворных построек, принадлежащие главным образом рабочим и служащим, живущим в колхозе и работающим на промышленных предприятиях, расположенных вблизи села. Подобную картину мы имеем и в селе Русский Шуган, где усадьбы с разобщенными постройками составляют 53% всех домов, в с. Поповке 68%,

³ Е. П. Бусыгин, Поселения и жилища русского населения ТАССР, «Сов. этнография», 1953, № 2, стр. 58—59.

д. Фоминовке 70% и т. д.⁴. На приусадебном участке обычно имеется огород, разбит небольшой сад, устроена пасека.

Очень редко встречается двухрядная застройка, когда надворные постройки, с двукратной крышей, расположены рядом с домом. Двухрядная застройка отмечена нами в селах, где бытовали в прошлом закрытые покоеобразные дворы (внутренняя часть двора при такой застройке на зиму до самых ворот закрывалась плоской крышей — пласкухой»; иногда ее не убирали и летом). Сокращение размеров двора привело к тому, что противоположный дому ряд надворных построек приближался к дому, уменьшая внутреннюю часть двора, а иногда и полностью занимал его место (например, в селах Лукино, Соковка, Капитоновка). Однако в целом идет процесс разобоедения надворных построек, образования многопостроечных усадеб с открытым двором. Это отчасти связано с изменившимися социально-экономическими условиями в колхоз-

Рис. 2. Гнездовое расположение усадеб (дом — двор, дом — двор). С. Маткауш (Мензелинский р-н ТАССР)

ной деревне, отчасти же с влиянием татарского населения, для которого многопостроечные усадьбы были характерны с давних пор⁵.

Широко бытует, как мы отмечали выше, глаголеобразная застройка усадеб, что является несомненным следствием сокращения служб, расположенных по противоположной стороне двора при покоеобразной застройке. Такая застройка очень удобна, так как при ней не нарушается связь дома и надворных построек, совершенно необходимая в специфических условиях сельской жизни (уход за скотом в зимний период), а двор становится светлым, просторным, с садом, расположенным на месте хозяйственных построек на противоположной дому стороне двора.

На линию улицы рядом с домом выходят ворота с калиткой, часто крытые под одну крышу (такие ворота называются «чанными») (рис. 4), дощатый забор (заплот) и иногда амбар.

Жилой фонд обследованных населенных пунктов в основном сложился после Октябрьской революции. Об этом свидетельствуют следующие данные, полученные в сельских советах⁶.

Дата постройки по годам (%)

1918	1930	1941	1954	после 1954
20	26	20	24	10

⁴ По данным подворного обследования указанных населенных пунктов экспедицией 1958 г.

⁵ См. Н. И. Воробьев, Казанские татары, Казань, 1953, стр. 148.

⁶ По данным хозяйственных дел сельских советов. Абсолютные цифры по 2 тыся-

Следует иметь в виду, что мы не учитывали строящиеся дома, которых в каждой деревне много: в с. Соковке, например, 14 домов, в с. Русский Шуган — 18 и т. д. Новые дома преимущественно многокомнатные, с большими окнами, под высокой двускатной крышей (рис. 4 и 5).

Большим препятствием к разворачиванию жилищного строительства в колхозах является нередко недостаток строительных материалов, что в значительной степени обусловлено удаленностью населенных пунктов от железнодорожных магистралей и крупных водных путей.

Однако и само население недостаточно использует местные строительные материалы. Во всем этом районе имеются богатейшие залежи хороших кирпичных гли-

Рис. 3. Гнездовое расположение усадеб (дом — двор, двор — дом). С. Маткауш

Рис. В. К. Федорова, 1958 г.

но заводов по производству кирпича мало и производительность их незначительна. Так, в Фоминовке кирпичный завод вырабатывает 250—300 тыс. кирпичей в сезон; этого количества едва хватает для строительства общественных сооружений в колхозе.

Н. С. Хрущев говорил на XX съезде КПСС: «Доходы десятков и сотен тысяч колхозных семей сейчас позволяют им иметь благоустроенные красивые дома, но колхозник не всегда может справиться со строительством собственного дома, особенно с приобретением строительных материалов. Надо, следовательно, помочь колхозам в организации на месте производства строительных материалов»⁷.

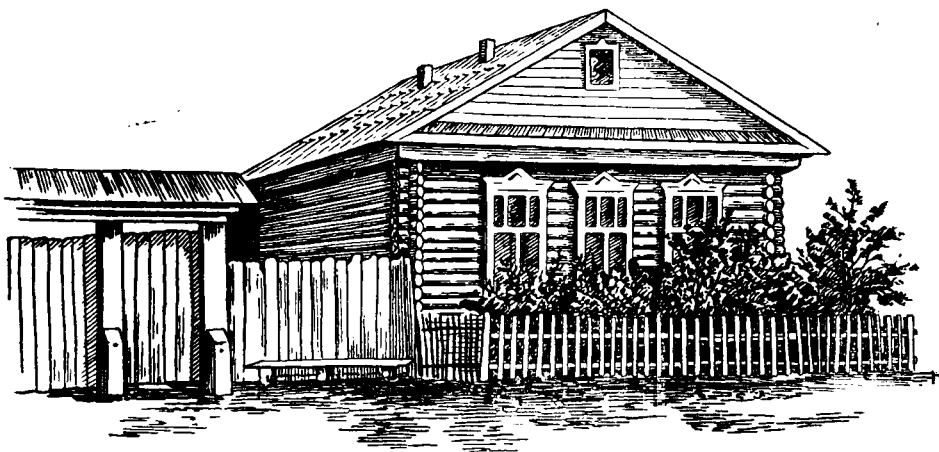

Рис. 4. Дом колхозника Г. Д. Костина (построен в 1948 г.). С. Русский Шуган

Рис. Н. В. Зорина, 1958 г.

Жилые дома построены исключительно из бревен. Лишь в с. Русский Шуган нами отмечено девять каменных домов, принадлежавших в прошлом местным кулакам-торговцам. В южных районах, особенно в украинских селах, многие дома обмазаны глиной и побелены. Мазанки, сложенные из саманного кирпича, встречаются единицами. В северновеликорусских селах дома, как правило, стоят к улице торцовой стороной, с двускатной крышей. Дома, стоящие к улице фронтально, — в основном пятистенки с шатровой крышей. Так, в с. Чекан коньковых домов 90%, в с. Шуган — 92%, в д. Русская Мушуга — 90%, в с. Маткауш — 71% и т. д.

В южновеликорусских и украинских селах, наоборот, значительно больше домов второго типа. В Поповке, например, шатровых крыш 88%, в Фоминовке — 96%, в Хмелевке — 85%.

⁷ Стенографический отчет XX съезда КПСС, М., 1956, стр. 69.

При постройке дома под углы ставят глыбы «дикого камня» — известняка, выходы которого встречаются повсеместно. Иногда делают сплошной фундамент. Дубовые тойки — «стулья», «торчи» в качестве фундамента применяются лишь в украинских селах Степные Выселки, Хмелевка и др.

В 1-м или 2-м венце врубаются перерубы для пола. Окна прорубаются в 4—5—6-м венцах. Во многих северновеликорусских домах с фасадной стороны устраиваются за-аляинки. Для этого на расстоянии 0,5 м от стены дома сооружают небольшой заборчик высотой 40—50 см из плетня, досок, жердей, камней и т. п. и засыпают образовавшееся пространство между ним и стеной дома землей. В некоторых случаях зааляинку устраивают только на зиму.

Конструкция кровли, как правило, стропильная. Самцовые крыши бытовали в селении прошлого века в селах Маткауш, Русский Шуган, Чекан и др.; в с. Чекан, например, их можно видеть на некоторых домах до сих пор (рис. 6).

Старинный материал покрытия — солома. За последние годы появились крыши, крытые железом, шифером, толем, но их еще мало. Кровельного материала, поступающего через торгующие организации, недостаточно, чтобы удовлетворить растущий с каждым годом спрос на него. В русских селах соломой кроют в «натруску», или «нащипку», — накладывая солому слоем в 30—45 см и закрепляя ее «ветряницами», «пригугами», «переметинами» — попарно связанными жердями, перекинутыми через конек крыши. В южных частях района наложенную солому заливают жидким слоем глины, которая хорошо скрепляет солому и обеспечивает безопасность в пожарном отношении. В украинских селах раньше крыши крыли соломой в «щетку» — небольшими снопиками, укладывая их в ряд комлями книзу и «пригнетая» каждый ряд жердями; в настоящее время и в украинских селах все соломённые крыши крыты в «натруску» без заливки глиной.

В прошлом резных украшений на внешней стороне дома было немного, в большинстве домов их совсем не было. И теперь несложным пропиленным рисунком растительного или геометрического орнамента покрыты лишь наличники окон, карниз, слуховое окно, иногда крыльцо и ворота. Резные украшения часто окрашены в какой-нибудь яркий цвет — зеленый, желтый, красный, фиолетовый, синий и др. — или многоцветны.

Жилое помещение (изба у русских и хата у украинцев) представляло в прошлом столетии четырехстенный сруб площадью 20—25 м², к которому примыкали сени. Такая планировка была тогда единственной на территории всего обследованного нами района.

В избе делали полати, коник — ящикообразное сооружение у задней стены дома справа или слева от входа, служившее кроватью главе семьи и его жене, лавки. В северных частях района постель обычно застилали войлоком (кошмой). Войлок входил в приданое невесты. В юновеликорусских селах широко были распространены многоцветные, очень яркие «попоны» (одеяла), вытканые из овечьей шерсти.

Их употребляли при сне как подстилку и как одеяла. На маслянице во время катания попонами покрывали лошадей и сани. Отдельные экземпляры попон сохранились до настоящего времени.

Вплоть до конца XIX в. здесь было много курных изб. Последние такие избы, по рассказам стариков, исчезли около 50 лет назад. Однако заменять их печами с топкой «по-белому» начали с середины XIX в. Вначале к курной избе пристраивали избу с печью нового типа. Такие двойные избы — «полудымки» существовали на всем протяжении второй половины XIX в. Постепенно курные избы ветшали и их разбирали, а годный еще для построек материал шел на различные надворные постройки.

Как в прошлом столетии, так и в настоящее время преобладает северновеликорусская планировка жилого помещения, т. е. печь ставится справа или слева от входа, обращенная устьем к передней стене, а передний угол расположен по диагонали от печи. Эта планировка преобладает сейчас и в украинских селениях, где сохраняется частично (в домах, построенных в начале нашего века) и старинная планировка, с печью,

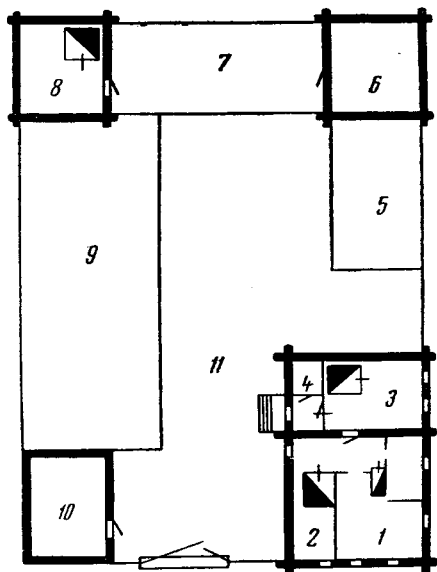

Рис. 5. План усадьбы Г. Д. Костина: 1 — зал, 2 — спальня, 3 — кухня, 4 — чулан, 5 — «лапас», 6 — конюшня, 7 — задний двор, 8 — баня, 9 — сад, 10 — амбар (каменный), 11 — двор.

С. Русский Шуган

расположенной слева от входа и обращенной устьем к боковой стене. Аналогичный процесс шел и в южновеликорусских селениях, где характерная для них в прошлом планировка сохранилась лишь в избах постройки конца прошлого века.

В некоторых населенных пунктах, особенно русско-татарских, при северновеликорусской планировке печь, однако, стоит отступя от стен дома, что дает возможность свободно проходить в чулан. Эту планировку, характерную для татар, колхозники считают удобной и стали придерживаться ее при постройке некоторых новых домов. Так, в с. Степные Выселки говорят: «Раньше никогда печь от стен не отодвигали, теперь так делаем. От татар научились».

За годы Советской власти в планировке домов вообще произошли существенные изменения: появилось большое количество многокомнатных пятистенков с обстановкой городского типа. Для современной деревни характерен пристрой дополнительного жилого помещения к избе. В этом случае старая изба превращается в кухню, в большинстве случаев с сохранением старой планировки, а новая — служит горничей или чистой половиной (передняя, зало). Пристройку делают либо вдоль улицы, причем крыша кроется «под шатер», либо новый сруб ставят на место старого, а старый отодвигают, пристраивают за ним, перекрытие же остается коньковым. Крыльцо делают сбоку с выходом на улицу. Подобных пятистенных домов, по данным подворного обследования, в с. Соковке 40%, Поповке — 36%, Степных Выселках — 39%, Исакове — 32%.

Для отопления жилого помещения, как уже упоминалось, в прошлом служила русская печь, занимавшая значительную часть жилого помещения. В конце XIX в. для дополнительного отопления стали применять небольшие железные печки, а позднее — голландки. В настоящее время русская печь прежних размеров сохраняется в «задней» половине, а передняя — «чистая» — половина отапливается небольшой печуркой — «подтопком».

В середине прошлого века во многих поселениях были распространены печи, битые из глины. В с. Русский Шуган они широко бытуют и теперь. Старики считают их значительно прочнее кирпичных. В деревнях, где русские живут по соседству с татарами, обычны печи с вмазанным котлом. Так, в Русской Мушуге вмазанный котел имеется почти в каждом доме, в с. Русский Шуган 47 печей с вмазанным котлом. Местные жители продолжают делать такие печи и в новых домах. В одном доме в Русской Мушуге котла в печи не было. На наш вопрос, почему его нет, хозяйка ответила: «Очень он нам нужен, но печник не сделал, торопился, уж как просили. Ведь с котлом удобно».

Во многих домах кровать отделена занавеской из ситца розовых тонов с яркими цветами, как принято у татар⁸, причем сохранено и ее название «шаршау» (татарск. чаршау). Такая же занавеска закрывает и вход в чулан за печью (иногда она заменяет всю перегородку), одежду, висящую на задней стене избы, а также и вход в запечен. В некоторых старых домах Русской Мушуги нами отмечены в запечном чулане, наряду с залавком или столом, небольшие нары, стоящие против устья печи у окна, на которых готовят и держат различную домашнюю утварь. Известно, что такие нары (саркэ) — характерная принадлежность старинного татарского дома. В северной части из расследуемых районов, примерно до широты Бугульмы, упорно еще держатся полаты. В новых домах их обычно устраивают в задней половине. В с. Маткауше, например, 63% домов с полатами, в Русском Шугане — 51%, Чекане — 55%. Полаты закрыты цветистой ситцевой занавеской и служат летом для хранения различных домашних вещей, разгружая тем самым жилое помещение. В южных частях района полаты встречаются изредка — в 3—5 домах на всю деревню.

Почти в каждом доме полы — крашенные, застланы дорожками; стены оклеены обоями или оштукатурены. На стенах — традиционные рамки с многочисленными фотграфиями, портреты руководителей партии и правительства, выдающихся земляков, героев социалистического труда. Много репродукций с картин русских художников. В домах колхозников часто встречаются зеркальные шифоньеры, диваны, этажерки с книгами, радиоприемники. К сожалению, еще часто висят на стенках аляповатые ковры из картона или плотной бумаги с изображениями фантастических пейзажей, людей и животных, выполненных масляной краской без учета элементарных пропорций и без художественного вкуса. Единственным достоинством этих «украшений» является то, что они не боятся воды, и поэтому крестьяне имеют возможность содержать их в чистой вытирая влажной тряпкой. Давно бы пора соответствующим организациям (и в первую очередь Министерству культуры) задуматься над вопросом обеспечения колхозной деревни изделиями, развивающими художественный вкус, а вместе с тем дешевыми, что сделало бы их доступными широким слоям колхозного крестьянства.

Во многих домах висят иконы, большую частью по традиции, из уважения к старшим. Но было бы неправильно расценивать этот факт как «безобидный» пережиток прошлого. Это является несомненным следствием недостаточного развертывания научно-атеистической пропаганды во всех посещенных нами колхозах. В некоторых из них колхозники не помнят случая, когда бы им читали лекцию на какую-либо научную атеистическую тему.

⁸ Н. И. Воробьев, Казанские татары, стр. 202.

К хозяйственным постройкам, которые помещали в прошлом вне усадьбы, относились гумна и бани. Гумна устраивали обычно в стороне от деревни. Здесь были приспособления для сушки хлеба, крытый ток и риги — плетневые сараи, куда складывали якину. Неподалеку стояли клады необмолоченного хлеба на небольших помостах высотой 30—40 см от земли. Для сооружения такого помоста ставили «ноги» — камни или короткие толстые бревна, на них клали жерди и застилали хворостом. У украинцев для обмолота и хранения снопов были клуны — большие плетневые сараи на сохах, с шатровой крышей и деревянными одностворчатыми воротами. В с. Степные Выселки сохранилась клуна, размерами 8 м в ширину и 15 м в длину (рис. 7).

В северных частях района в середине XIX в. для сушки хлеба повсеместно устраивали ямные овны, но уже в конце века их, после пожаров, как правило заменяли «шишами». В южновеликорусских селах население помнит только шиши. Украинцы хлеб не сушили и лишь в отдельных случаях также применяли шиши.

Рис. 6. Дом постройки второй половины XIX в. с самцовым покрытием. С. Чекан (Ютазинский р-н ТАССР)

Рис. В. К. Федорова, 1958 г.

Таким образом, южновеликорусы и украинцы, до переселения в Поволжье не знавшие приспособлений для сушки хлеба, стали строить наиболее простые и дешевые сооружения — шиши, которые они увидели у всех живущих здесь народов.

Бани в прошлом имелись далеко не во всех посещенных нами населенных пунктах. Старики в Маткауше, Русском Шугане, например, помнят, как их деды парились в печи, а в Поповке и Фоминовке обычай париться в печи существовал вплоть до недавнего времени. Бани представляли собой, как обычно для всей Средней Волги, сруб с двускатной или шатровой крышей, а часто — с плоской крышей, на которую насыпана земля. Широко распространены были бани-землянки и полуземлянки. Планировка их была различна. В северных частях обследованных районов больше распространен северновеликорусский тип (в с. Русский Шуган из 56 бань — 53); в южных районах — западный и восточный варианты южновеликорусского типа. В Фоминовке, Соковке 95 % бань — южновеликорусского типа, а в Винно-Баннове, Капитоновке бань северновеликорусского типа вообще нет.

В настоящее время хозяйственных построек, характерных для дореволюционной деревни, кроме бань, не сохранилось. Зато в каждом колхозе много новых общественных и хозяйственных зданий: животноводческие фермы, зерносушилки, клуб, школа, магазины, мастерские по ремонту сельскохозяйственного инвентаря, гаражи, мельницы, электростанции.

Фермы расположены обычно недалеко от села, иногда в нескольких местах. Построены они в большинстве случаев по типовым проектам, с учетом требований зоотехники.

Во время работы экспедиции в колхозах шла усиленная подготовка к приему техники, передаваемой из МТС. Колхозы покупали комбайны, тракторы и другие машины. Небольшой колхоз имени Шевченко в с. Степные Выселки готовился принять шесть тракторов, комбайн, а также плуги, сеялки, культиваторы, лушильники — на общую сумму 380 тыс. рублей.

Во многих колхозах хорошо оборудованы клубы, читальни, детские ясли, построены вновь светлые помещения для школы, здания сельского совета, правления колхоза. Все это коренным образом изменило облик деревни.

Неизмеримо возросла за годы Советской власти культура крестьянства. Вот один из многих примеров. В с. Маткауш в 1906 г. поступило в первый класс сельской школы 30 детей, а окончило три класса только 8 и лишь двое из них поступили в городское реальное училище. Сейчас все дети в этом селе учатся в средней школе, и многие учатся как в очных, так и заочных высших учебных заведениях, техникумах, на курсах повышения квалификации. За послевоенный период из числа выпускников школы 23 стали работать учителями, 21 — медицинскими работниками, 8 — специалистами

Рис. 7. Клуны. С. Степные Выселки

сельского хозяйства; 6 теперь офицеры Советской Армии. Сын колхозника С. И. Большакова, окончив Казанский финансово-экономический институт, работает в Министерстве финансов СССР. Все это еще раз свидетельствует о том, что «только при социализме начинается быстрое, действительно массовое, при участии всего населения, движение вперед во всех областях общественной и личной жизни, неуклонный прогресс в развитии материального производства, невиданный расцвет науки и культуры»⁹.

* * *

Традиционный национальный костюм на всей обследованной территории почти вышел из употребления. Только старшее поколение колхозников еще донашивает отдельные части этого костюма или хранит его — как память — в сундуках. По этим экземплярам, а также путем расспросов местного населения мы получили возможность восстановить комплекс народного костюма с середины XIX в. и проследить его изменения вплоть до настоящего времени.

Непременной принадлежностью традиционного русского женского костюма являлась рубаха, состоящая из двух частей: «рукавов» (верхняя часть рубахи) и стана (нижняя часть). По покрою различаются два типа: рубаха с поликами — плечевыми вставками и широкими прямыми рукавами с ластовицами и бесполиковая рубаха из двух «приставок» (передней и задней), к которым пришивали рукава, скроенные из двух косых клиньев (большого и малого). Передняя приставка пришивается к малому клину, задняя к большому. Ворот у рубахи обоих типов стягивается мелкими сборками — «бориками». В селах Поповка и Фоминовка часть поликов, ближе к рука-

⁹ Н. С. Хрущев, Сорок лет Великой Октябрьской социалистической революции, Доклад на Юбилейной сессии Верховного Совета СССР 6 ноября 1957 года, Госполитиздат, 1957, стр. 26.

вам, покрывалась вышивкой по белому полю красным узором. В поле работали в одной рубаше, подпоясывая ее.

Украинки носили холщевую белую сорочку с поликами — уставками. Часть уставок и верх рукавов богато украшали вышивкой крестом, выполненной черными и красными нитками. Подол отделявали мережкой.

В русских селениях женщины поверх рубахи надевали сарафан. Наиболее старый для этой территории тип сарафана — косоклинный, или «русский» сарафан («клинник», или «клинчатник»). Его шили из домотканного холста, окрашенного в синий, зеленый, желтый и другие цвета, или из набивных тканей, а позднее из покупных ситцевых материй на холщевой подкладке.

В с. Русский Шуган косоклинный сарафан кроили из семи полос: трех прямых полотнищ (два передних и одно заднее) и четырех косых клиньев, которые вшивали между прямыми полотнищами. Подол сарафана получался очень широким. Два передних полотнища также сшивали и шов украшали двумя серебряными позументными лентами — «плетнями» с медными дутыми пуговицами между ними. Лямки сарафана сзади пришивали рядом и отделявали их — как и верхний край сарафана сзади — «плетнями»; спереди лямки пришивали на расстоянии 20—25 см друг от друга и оставляли их без отделки. Такие сарафаны в с. Русский Шуган назывались «с присадкой».

Со второй половины XIX в. косоклинный сарафан стал вытесняться прямым сарафаном, который шили из 5—6 прямых полотнищ, преимущественно из фабричной ткани (кашемир, ситец, шелк, атлас). Сверху такой сарафан собирали в мелкие бортики и обшивали тесьмой, к которой прикрепляли узкие лямки. Подол сарафана отделяли полосами ткани (шириной 5—6 см) или двумя-тремя рядами лент другого, чем сарафан, цвета.

В селах Поповка и Фоминовка наиболее старым типом сарафана местные жители считают прямой, «московский сарафан», который, по их рассказам, исчез в конце прошлого века, заменившись кофтой и юбкой.

Кофты в начале нашего века были широко распространены повсеместно. Их шили из сатина красного цвета, носили и поверх юбки. Перёд у кофты был глухой, а застежка (кнопки) помещалась на левом боку и плече. Воротник был стоячим. Грудь отделявали белыми полосками материи и «дульками» (рюшем), иногда кружевом. Рукава шили ниже локтя с оборочками из той же ткани, что и кофта.

Зажиточные крестьянки носили бархатные кофты с отделкой атласом и кружевами. В южновеликорусских селениях в качестве верхней одежды (для весны и осени) были распространены кофты из черного сатина на вате, с отложным воротником, расклешенные, отделанные полосками черного или синего бархата.

Юбки носили широкие, из 4—5 полотнищ домотканины, ситца или шелка; низ украшали оборками из той же ткани или обшивали несколькими рядами узких лент. В настоящее время старинные юбки некоторые называют сарафанами.

На сарафан надевали запон — фартук, сшитый из «цветастого» ситца; низ его украшали вышивкой, оборками. Завязывали запоны на талии, иногда выше груди. В с. Русский Шуган, Исаково и ряде других запоны шили с большим нагрудником и лямками; такой запон «с грудью» носили старухи, а более молодые — запон с завязками только на талии.

Украинки ходили в сатиновых, шелковых или ситцевых юбках — спидницах, из 6—7 полотнищ, низ которых обшивали широкой лентой другого цвета. На юбку надевали «попередник» — фартук из атласа, ситца, отделанный внизу лентами, с завязкой на талии. Старухи помнят, что в прошлом носили плахту из яркой клетчатой шерстяной ткани. В конце XIX в. плахты были вытеснены юбками. В д. Хмелевка мы видели единственную сохранившуюся плахту из ткани с полем красного цвета и в яркую клетку, длиной 1,7 м и шириной 1 м (две точки). Небольшой просвет спереди закрывали «запаской» — прямоугольным куском шерстяной полосатой ткани, укреплявшимся на талии.

В русских селениях в прошлом носили овчинные шубы с борами, холоднижки такого же покроя, как и шуба, но из сатина или сукна, на ватной подкладке. На работу женщины обычно надевали короткую, до талии, «крутку», стеганную на вате, без воротника.

В д. Фоминовка нами отмечено бытование в прошлом чекменя — длинной распашной одежды из домотканного сукна темного цвета или из овчин. Шили его без боров, воротника и застежек.

В украинских селах женщины на сорочку надевали корсетку — безрукавную одежду из сатина, шелка или шерсти однотонной расцветки, без воротника, с несколькими (до 8) бантовыми складками сзади и с двумя прорезными карманами. Корсетку шили на подкладке. Правую верхнюю полу, карманы, проймы и ворот отделявали бархатом. Осенью носили свитёнку из белого или черного сукна в талию, с борами сзади, длиною ниже колен, а зимой кожушину из дубленых шкур с борами сзади, правую полу, рукава и ворот которой отделявали разноцветной вышивкой. Верхнюю одежду того же типа носили и мужчины.

Основной обувью в прошлом были лапти, повсеместно — татарского образца. В торжественных случаях русские женщины надевали «карпетки», связанные из разноцветной шерсти с преобладанием красных тонов, на войлочной подкладке, с кожаными союзками и подошвой, а также ботинки с резинками, зимой — «писаные» валенки. Во-

многих селениях (Русской Мушуге, Поповке, Фоминовке и др.) были распространены «рябые» чулки из разноцветной шерсти с разнообразным рисунком.

Украинки в прошлом на работу ходили часто босиком или в лаптях, а по праздникам надевали черевки — хромовые туфли на небольшом каблучке с красными завязками, а зимой чоботы — кожаные сапоги и валенки. Следует отметить, что валенки широко распространились у украинцев лишь с момента их переселения в Поволжье.

Главными уборами русских женщин во второй половине XIX в. были повсеместно шерстяные, шелковые, ситцевые, кашемировые платки, шали, полушалки. По праздникам их носили «под булавочку», т. е. закалывали под подбородком булавкой; в остальное время завязывали узлом под подбородком. Под платком носили «чехлы» (повойники), которые в настоящее время носят лишь старухи. Во многих селениях еще помнят, что очень давно носили кокошники, но какие они были, когда и кто их надевал — уже забыто. Только в с. Русский Шуган имеются данные, что в конце XIX — начале XX в. кокошники носили молодухи на масланице. Нами обнаружен и единственный сохранившийся во всей деревне кокошник.

Украинские девушки на голову надевали «клеенку» — обруч из картона, обшитый бархатом. К нему подвешивали ленты, прикрепляли цветы. Замужние украинки носили очипок, а поверх него повязывали хустку — шелковый платок, сложенный в полосу шириной 5—8 см и обернутый очень искусно два раза вокруг головы так, что концы в виде небольшого банта приходились спереди.

В русских селах носили серги, кольца, бусы, а в селах Поповка и Фоминовка, кроме того, в уши вставляли гусиные пушки, окрашенные в различные цвета.

Украинки надевали несколько низок красных бус (добре наместо) и подвешивали на цветных лентах серебряные рубли, а иногда и кресты.

Следует отметить также в costume русских тканые узорчатые пояса, которыми непременно подпоясывали сарафаны, запоны, а в южновеликорусских селениях — и рубахи, завязывая их сбоку узлом и свободно спуская оба конца, украшенные либо кистями из разноцветной шерсти, либо цветными шерстяными помпонами.

Мужская одежда в обследованных районах, как и на всей территории Среднего Поволжья, в середине XIX в. состояла из узких холщевых штанов синего цвета с белыми полосками, без карманов, холщевой же рубахи, окрашенной в различные цвета, с прямым воротом и прямоугольными вставками — «ластовицами». Застежку у мужской рубахи в ряде селений делали как на левой, так и на правой стороне.

В холодную погоду весной, осенью, а иногда и летом мужчины носили кафтан или зипун, из темного домотканного сукна на подкладке, сшитый в талию, длиною до колен, с небольшим стоячим воротником. Зимой носили шубы из дубленых овчин с борами сзади, а в дорогу поверх надевали огромные тулупы с большим отложным воротником. В ненастную осеннюю погоду носили азямы из домотканного сукна, такого же покроя, как и тулупы. Всю мужскую одежду непременно подпоясывали: рубаху обычно «крученым» поясом с кистями, а верхнюю одежду широким (до 20 см) холщевым или шерстяным кушаком, который два раза обертывали вокруг талии, направляя концы за кушак.

Носили лапти татарского плетения с холщевыми портянками и белыми суконными или полусуконными онучами, завязывая оборы низко, у самых щиколоток, а зимой — валенки.

В конце XIX в. в связи с развитием капиталистических отношений в деревне мужскую одежду стали шить преимущественно из покупных тканей — ситца, сатина, сукна. Зажиточные крестьяне стали носить плисовые шаровары, кумачные рубахи — косоворотки, а иногда пиджак и жилетку. Отмечены для этого периода мужские рубахи, ворот и рукава которых богато украшены вышивкой. Однако домотканная холщевая мужская одежда старинного покроя продолжала широко бытовать вплоть до Октябрьской революции.

За годы Советской власти как в мужской, так и в женской одежде произошли очень большие изменения. Домотканная одежда давно полностью заменена одеждой покупной или сшитой из фабричных тканей, в достаточном количестве поступающих в деревню. Мужская одежда по существу ничем не отличается от одежды городского образца. Сохранились лишь тулупы и валенки, которые необходимы там в зимних условиях. Женская одежда продолжает еще отчасти сохранять специфические традиционные черты. Женщины носят сейчас кофты и юбки. Кофта обычно с отложным воротником и застежкой спереди, в юбку не заправляется. Юбку шьют из ситца различных расцветок, значительно уже, чем раньше. Подол также украшают полосками другой ткани. Фартук носят непременно. В холодную погоду для работы надевают ватную куртку (телогрейку). Праздничные кофты и юбки шьют из добротных тканей, причем обычно кофту заправляют в юбку и поверх надевают жакет. Платья разнообразных фасонов сейчас носят не только молодежь, но и женщины средних лет.

В северновеликорусских деревнях население предпочитает одноцветную яркую окраску, а в южновеликорусских и украинских селениях — клетчатые ткани. К сожалению, на прилавках сельских магазинов при достаточно большом выборе тканей не всегда можно встретить любимые населением расцветки. Других каких-либо отличий в современном costume колхозников в русских и украинских селениях в настоящее время нет.

Выводы по данному краткому сообщению могут быть сделаны следующие.

1. Русские исследуемой территории по общему облику материальной культуры имеют много общего с русскими других районов Среднего Поволжья. Это обусловлено историей заселения края, природно-географическими условиями и несомненным влиянием окружающих народов.

2. Смешанный национальный состав населения исследуемых районов обусловил интенсивное культурное взаимовлияние между живущими здесь народами, особенно между русскими и татарами. Отмечая безусловно большое культурное воздействие русского народа на культуру и быт народов нашей страны, в том числе и татарского народа, мы должны отметить и некоторые отдельные детали материальной культуры, воспринятые русскими от татар, живших здесь с давних времен и приспособивших свой быт к местным природно-географическим условиям. В целом в русско-татарских селениях (а также и русско-украинских), как и во всей нашей стране, идет быстрый процесс строительства новой колхозной деревни, формирование нового облика советского колхозного крестьянства, изменение традиционного быта. В этом процессе все ценное, что накоплено тем или иным народом за долгие века исторического существования, входит в качестве компонента в новую социалистическую культуру.

3. Полученный во время экспедиции материал свидетельствует о тех глубоких изменениях, которые произошли в быту колхозного крестьянства за годы Советской власти, и дает возможность проследить процесс переустройства быта деревни в связи с укреплением экономической мощи нашей страны и улучшением материального благосостояния советского народа.

Е. П. Бусыгин

НОВАЯ ВЫСТАВКА МУЗЕЯ ИСТОРИИ РЕЛИГИИ И АТЕИЗМА

(«Происхождение религии»)

Коммунистическая партия уделяет большое внимание ведению научно-атеистической пропаганды, направленной на преодоление религиозных предрассудков и суеверий, еще удерживающихся в сознании некоторой части советских людей. В целях дальнейшего расширения научно-атеистической пропаганды среди населения Музей истории религии и атеизма Академии наук СССР совместно с Музеем антропологии и этнографии Академии наук СССР создали большую передвижную выставку «Происхождение религии». Значительное число подлинных экспонатов выставки, а также картины, рисунки, скульптура и фотографии показывают процесс возникновения религии и ее первые, наиболее ранние формы. Экспозиция состоит из шести разделов. Вводный раздел — «Безрелигиозный период в истории человечества» знакомит зрителя с жизнью древнейших гоминид — питекантропа и синантропа. В разделе дана карта находок костных остатков и орудий древнейших людей; рисунок, дающий представление о фауне начала четвертичного периода; бюсты питекантропа и синантропа — научные реконструкции их внешнего облика; муляжи орудий труда — ручных рубил, макет стоянки. В текстах, сопровождающих эти материалы, подчеркивается, что эпоха существования питекантропа и синантропа характеризуется полным отсутствием каких бы то ни было религиозных представлений. В стоянках древнейших людей, как показывают фотоиллюстрации, не обнаружено ничего, что говорило бы о существовании у них религии. Это приводит посетителя выставки к важному научно-атеистическому выводу, что религия, вопреки утверждениям ее сторонников, существовала не всегда; длительный период в истории человеческого общества был периодом безрелигиозным. Отсюда следует и другой не менее важный вывод, что религия — явление историческое, преходящее; она имела свое начало и, следовательно, неизбежно будет иметь конец.

Второй раздел — «Период возникновения религиозных представлений» состоит из двух частей. Экспонаты первой части рассказывают о неандертальце — человеке, жившем около 100 тыс. лет назад, после питекантропа и синантропа. Неандерталец представлял собой более высокую ступень в развитии человека; его более совершенный физический тип иллюстрирует помещенная в экспозиции скульптура неандертальского мальчика — реконструкция М. М. Герасимова по скелету, найденному в пещере Тешик-Таш, и фотоснимок с реконструкции бюста неандертальца из грота Шапель-О-Сен. О некотором прогрессе техники в этот период свидетельствуют выставленные здесь же муляжи орудий труда — остроконечника и скребла. У неандертальца уже выделяются два типа орудий труда, различных по своему назначению; рисунок «Обработка орудий труда» и макет «Скалывание пластин с дисковидного ядрища» показывают процесс изготовления этих орудий. В экспозиции дана карта находок костей и орудий неандертальцев, макет их стоянки. Особый интерес представляют материалы неандертальских погребений, дающие основание говорить о возникновении на этой ступени развития зачатков простейших религиозных представлений — суеверного отношения к умершим.

Начатки религиозных верований складываются в особые формы религии лишь в эпоху существования кроманьона (около 40 тыс. лет назад; показу условий его

жизни посвящена вторая часть раздела. Находящаяся в экспозиции скульптура кроманьонца подтверждает, что по сравнению с древними людьми это был новый, более высокоразвитый тип человека; по своему физическому строению он почти ничем не отличался от современных людей. Его каменные и костяные орудия труда (муляжи их демонстрируются в витринах) говорят о дальнейшем развитии техники: в этот период, наряду с орудиями, непосредственно употреблявшимися для охоты и домашнего хозяйства, появляются специальные орудия для изготовления орудий труда — резцы. В эпоху существования кроманьонца возникает и новая, более высокая форма общественной организации — родовая община, пришедшая на смену первобытному стаду; период, названный Энгельсом «детством человеческого рода», закончился. Фотография с изображения стоянки кроманьонцев показывает тип поселения того времени. У кроманьонцев существовало изобразительное искусство, свидетельствующее о развитии их абстрактного мышления. Соответствующий материал — фотография с изображения бизона из пещеры Ню, муляжи фигурок оленя, носорога и козла, копии рисунков раненых животных на стенах пещер и т. д. — говорит о том, что искусство кроманьонцев иногда обнаруживает связь с их религиозными представлениями. Так, рисунки раненых животных на стенах пещер можно в ряде случаев считать проявлением охотничьей магии.

Вопрос о причинах появления религии и ее ранних формах наиболее полно раскрывается в третьем разделе — «Религия раннеродового общества», построенном на широком этнографическом материале из жизни австралийских племен. Коренное население Австралии до конца XVIII в. находилось на стадии первобытно-общинного родового строя, поэтому его верования дают известное представление о ранних формах религии. Картины «Сийбище австралийцев», «Охота австралийцев на кенгуру», а также образцы охотничьего оружия говорят об их бродячем образе жизни, о низком уровне развития хозяйства и техники, подтверждая приведенные в экспозиции слова В. И. Ленина о том, что «никакого золотого века позади нас не было, и первобытный человек был совершенно подавлен трудностью существования, трудностью борьбы с природой» (В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 95).

Иллюстративный материал — рисунки и фотографии — характеризует одну из форм австралийской религии, тотемизм. Часть рисунков изображает тотемические обряды туземцев, имевшие целью магическим путем способствовать размножению тотемных животных и растений. Основу этих обрядов составляли пляски, в которых не только динь-диньями, но и головными уборами, масками, специальной раскраской тела их участники стремились походить на тотемов. Помимо рисунков, в разделе экспонирована красочная скульптура «участник тотемической церемонии рода Лягушки в обрядовом головном уборе», выполненная безвременно погибшим талантливым художником Е. А. Токаревым. Австралийские материалы о тотемизме являются наглядной иллюстрацией к цитируемым в экспозиции словам Ф. Энгельса: «Священно первоначально то, что мы переняли из животного мира, — животный элемент» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 598).

Неверное понимание первобытными людьми явлений психической жизни объясняет существование у них другой формы религии — анимизма; показу австралийского анимизма отведена часть третьего раздела. Австралийцы верили, что у каждого человека есть душа, которая якобы является источником жизни и сознания. В экспозиции представлены чуринги — священные каменные и деревянные пластинки, считавшиеся у австралийцев вместилищем души. Рисунок воспроизводит хранилище чуринг — особое потайное место, находившееся под надзором старейших и опытных членов группы. Такие священные места первобытных племен можно считать зародышем будущих святилищ. Любопытна фотография «Австралийка у камня детских душ». Этот камень считался у туземцев местопребыванием детских душ, ожидающих своего воплощения. Если женщина хотела иметь ребенка, она отправлялась к камню и просила детскую душу войти в ее тело. Копии рисунков, отражающих представления австралийцев о загробном мире, показывают, что этот мир был создан в их воображении по образцу земного.

Раздел заканчивается показом экспонатов, относящихся к австралийской магии. Рисунок «Австралийцы нацеливают кость смерти» изображает один из обрядов вредоносной магии. У австралийцев существовал магический снаряд — костебой (его называли «кость смерти»), при помощи которого, как они думали, человеку можно причинить болезнь или смерть. Острые кости направляли в сторону врага; считалось, что кость высасывает из тела жертвы кровь, которая через шнурок костебоя уходит в землю. Исполнением магических обрядов руководили колдуны, один из которых изображен на фотографии «Австралийский колдун». Приведенные материалы, свидетельствующие о том, что неумение австралийцев воздействовать на внешний мир рациональным путем вынуждало их применять нелепые колдовские приемы, иллюстрируют высказывание В. И. Ленина о главной причине, вызвавшей к жизни религию: «Бессилие эксплуатируемых классов в борьбе с эксплуататорами так же неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь, как бессилие дикаря в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей, в чудеса и т. п.» (В. И. Ленин, Соч., т. 10, стр. 65).

В четвертом разделе — «Религия эпохи развитого материнского рода» на этнографическом материале индейцев Америки рассматривается вопрос о возникновении культа природы, тесно связанного с земледелием. Цветные иллюстрации показывают

зиды хозяйственной деятельности индейцев (земледелие, охоту, рыболовство), их большие поселения, схему родового устройства. На этом этапе развития, с появлением земледелия, люди стали окружать особым почитанием силы природы. Наглядным подтверждением этого является рисунок индейцев «Дух бури, пожирающий людей»: дух изображен здесь в виде чудовища с огромной головой и ртом. Копии других индейских рисунков — «Духа зерна и колоса», «Духи злаков», «Духи маиса» (сами рисунки делались обычно на песке) — говорят о распространении у индейцев религиозных представлений и культа, относящихся к земледелию.

Ряд подлинных экспонатов — маска в виде шакала, надевавшаяся на голову во время пляски, сосуды, изображающие бобра, погремушка в виде ворона и др. — указывает на то, что у индейцев, как и у австралийцев, существовал тотемизм. Роды и фратрии индейцев носили названия тотемных животных — медведя, волка, ворона, орла, змеи и т. д.; тотем считался родоначальником группы, изображения его наносили на оружие, посуду, лодки и другие предметы. Каждая группа в честь своего тотема исполняла религиозные пляски: медвежий танец, волчий танец, пляску ворога и др. На выставке представлены фотографии и рисунки, воспроизводящие эти пляски; участники их — в обрядовой одежде и масках, изображающих тотема.

Часть материалов четвертого раздела характеризует анимистические представления индейцев — веру в душу, загробный мир и т. д. С ними связан существовавший у индейцев обычай приносить на могилу еду, зажигать возле могилы костер и т. д.; моменты погребального обряда переданы рисунками «Погребальный костер индейцев», «Индийские женщины приносят пищу на могилу умершего», «Погребение в лодке» и др. Как и в предыдущем разделе, здесь представлены экспонаты, относящиеся к первобытной магии, в том числе фигура (манекен) индейца, дующего в берестяной рог (магическое средство вызывания дождя).

Раздел пятый — «Религия эпохи разложения родового общества» дан по материалам этнографии народов Сибири конца XIX — начала XX в. Характерной чертой религии этих народов был культ духов-хозяев и культ предков. Первый отражал возникновение в обществе частной собственности и имущественного неравенства, второй — становление патриархальной семьи. Эпиграфом к разделу служат слова Ф. Энгельса: «Фантастические образы, в которых первоначально отражались только таинственные силы природы, приобретают теперь также и общественные атрибуты и становятся представителями исторических сил» (Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 1933, стр. 299).

Подлинные экспонаты — нанайское изображение духа-хозяина тайги, едущего верхом на тигре, эскимосский рисунок духа-хозяина моря в виде огромного белого медведя, бурятское изображение духа-хозяина гор и др. — дают представление о культе различных духов, считавшихся у народов Сибири владельцами отдельных областей природы. Культ предков, существовавший в прошлом у народов Сибири, характеризуют следующие материалы: нанайская скульптура из дерева — изображение духа предка, считавшегося покровителем рода и семьи; бурятский рисунок — изображение супругов-предков, покровителей охоты и скотоводства; алтайские «старушки» (тряпичные куклы), изображающие духов предков; деревянное отгниво и лучковое сверло, почитавшееся у чукчей в качестве главного духа-предка, хозяйки жилища и семейного очага, и др.

Народам Сибири были свойственны также представления о множестве злых духов, которые якобы могут мешать промыслу и наносить вред здоровью. В экспозиции выставлен чукотский рисунок, изображающий злых духов: в центре его — два духа, поедаящие человеческую душу, по бокам — сцены из «жизни» злых духов, внизу — серия набросков, изображающих охоту злых духов за человеческими душами. Сюда же относится эскимосский рисунок «каменного духа», несущего подмышкой пойманную человеческую душу; скульптурное изображение злого духа, «мешающего» рыбной ловле (перед уходом на промысел это изображение опутывали веревкой, чтобы дух не отправился за людьми и не лишил их добычи); нанайские изображения духов, насылающих различные болезни.

Значительная часть раздела отведена показу сибирского шаманства. Здесь экспонирован чукотский рисунок «Поход шамана на дно морское к духу-хозяину моря»; якутский рисунок, изображающий различные моменты «борьбы» шамана с духами, насылающими болезнь; картина художника Л. Базанова «Камлающий алтайский шаман». Здесь же дана фигура (манекен) якутского шамана, одетого в подлинный шаманский костюм. Рядом выставлены атрибуты камлания — шаманские бубны. Пояснительные тексты говорят о происхождении шаманства, о его социальных корнях, а также о том огромном вреде, который оно приносило людям. Выполненный недавно (1956 г.) рисунок художника Ю. Н. Лаврухина «Изгнание шамана из якутского стойбища» затрагивает важную тему о преодолении религиозных пережитков у народов Сибири в настоящее время.

Знакомство с верованиями австралийцев, индейцев и народов Сибири помогает понять, что единобожие, вопреки утверждениям церковников, отнюдь не является первой и единственной формой религии. Оно возникает значительно позже, в условиях классового общества, на основе классового расслоения, образования государства и появления монархической формы правления.

Шестой раздел — «Реакционная роль религии в первобытном обществе» открывается текстом Ф. Энгельса: «Эти различные ложные представления о природе, о существе самого человека, о духах, волшебных силах и т. д. имеют по большей части

лишь отрицательно-экономическую основу; низкое экономическое развитие предшествующего периода имело в качестве своего дополнения, а порой даже в качестве условия и даже в качестве причины, ложные представления о природе» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, М., Госполитиздат, 1948, стр. 429).

С развитием земледелия, появлением общественного разделения труда и частной собственности в первобытном обществе происходит имущественное расслоение. Вожди и жрецы начинают пользоваться особым покровительством религии; некоторые религиозные институты превращаются в источники их обогащения. Один из таких обычаев показан на картине «Наложение табу полинезийским вождём». Полинезийский вождь мог наложить табу на землю, кокосовую рощу и т. д., которые после этого становились его собственностью. Опорой вождям служили тайные религиозные союзы; рисунок «Союз дук-дук в Меланезии» изображает членов одного из таких союзов. При их помощи вождь контролировал жизнь общины, вмешиваясь во все ее дела. В руках вождей союзы постепенно превратились в орудие угнетения и закабаления сородичей.

В эпоху разложения первобытно-общинного строя религия начинает освящать захватнические, грабительские войны. Объектами культа становятся кровожадные боги войны. Полинезийский рисунок «Бог войны» передает нам образ этого божества. Внимание посетителей выставки неизменно привлекает большая картина «Человеческое жертвоприношение на островах Таяти». С целью умиловить созданных его воображением духов и богов человек стал приносить им жертвы. Вначале это были еда и различные предметы, затем животные и, наконец, в жертву богам стали приносить людей. Рисунки, изображающие человеческие жертвоприношения, свидетельствуют о том, что этот обычай был известен многим народам мира. Материалы раздела показывают, что религия с самого начала играла реакционную роль; она тормозила развитие производительных сил, направляла усилия людей по ложному пути, укрепляла их бессилие перед природой.

Заключительный раздел — «Религиозные пережитки и их вред» содержит экспонаты и тексты, показывающие, что отдельные пережитки древнейших религиозных верований, которые еще продолжают удерживаться в сознании некоторой части советских людей, играют вредную, тормозящую роль, являются препятствием на пути нашего движения вперед, к построению коммунистического общества. В СССР давно подорваны социальные корни, порождающие и питающие религию: навсегда уничтожена эксплуатация человека человеком, подавленность и угнетенность широких народных масс, нищета, голод, безработица. Подавляющее большинство советских людей полностью освободилось от влияния религиозной идеологии. Выдержки из постановления ЦК КПСС от 10 ноября 1954 г. говорят о коренной противоположности научного и религиозного мировоззрений, о задачах научно-атеистической пропаганды, которая является составной частью коммунистического воспитания трудящихся.

Летом 1958 г. выставка «Происхождение религии» демонстрировалась в парке г. Пушкина, где ее осмотрело около 70 тыс. человек. На базе выставки был проведен цикл лекций на научно-атеистические темы. Посетители выставки оставили в книге пожеланий хорошие отзывы о ее содержании и оформлении. Выражая благодарность дирекции Музея истории религии и атеизма АН СССР и дирекции Музея антропологии и этнографии АН СССР за создание этой выставки, администрация парков г. Пушкина пишет, что выставка оказала им большую помощь в развертывании научно-атеистической пропаганды. По окончании летнего сезона выставка была перенесена в Дом офицеров г. Кронштадта, где функционировала несколько месяцев, вызывая большой интерес у многочисленных посетителей. Весной 1959 г. выставка будет развернута на одном из двorcов культуры Ленинграда.

М. С. Бутинов

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В КОПЕНГАГЕНЕ ПО АРХЕОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ АРКТИКИ

19—22 мая 1958 г. в Копенгагене состоялась первая конференция по вопросам археологии, этнографии и антропологии Арктики. Конференция была организована по инициативе Датского Национального музея. Основной научной задачей конференции по мысли ее устроителей, было подведение общих итогов исследования арктических стран и Субарктики в археологическом, этнографическом и антропологическом отношении и, в соответствии с этим, согласование планов дальнейших исследований в этих областях. Предполагалось также, что работа конференции должна привести к восстановлению международного комитета по изучению археологии, этнографии и антропологии Арктики и Субарктики, организованного еще в 1938 г. по инициативе датских и советских ученых, но не развернувшего своей деятельности вследствие второй мировой войны.

Примерно за месяц до конференции советские делегаты получили предложение выступить с докладами по общим вопросам работы конференции. В соответствии с

предложенными темами были подготовлены следующие доклады: А. П. Окладников — «Проблемы археологии советской Арктики», М. Г. Левин — «Проблемы этнографии и этногенеза народов Арктики», Г. Ф. Дебец — «Проблемы антропологии Арктики».

Советская делегация в составе члена-корр. АН СССР С. П. Толстова (руководитель делегации), д-ров исторических наук А. П. Окладникова и М. Г. Левина, д-ра биологических наук Г. Ф. Дебеца прибыла в Копенгаген 17 мая. В тот же день она была принята организатором конференции, заведующим Этнографическим отделом музея, известным исследователем эскимосов д-ром К. Биркет-Смитом.

В работе конференции, происходившей в помещении Датского Национального музея, участвовали, кроме перечисленных советских ученых, следующие видные исследователи Арктики: Р.-С. Мак-Ниш (Канада), Кай Биркет-Смит, Эрик Хольтвед, Айгиль Кнут, Хельге Ларсен, Йорген Мельгорд (Дания); Ауво Гиршярви, Хельмер Тегенгрэн

Рис. 1. Улица в Копенгагене

(Финляндия); Гуторм Ессинг, Р. Симонсен (Норвегия); Сверкер Янсон, Карл-Аксель Моберг (Швеция); Генри Коллинз, Я.-Л. Гиддингс, Эльмер Харп, Фр. Рейни, Ивар Скарланд (Соединенные Штаты). В качестве наблюдателя присутствовал Х.-Г. Банди (Швейцария).

На открытии конференции после вступительной речи проф. Биркет-Смита с приветствием от советских ученых выступил С. П. Толстов. Советская делегация при этом передала в подарок Датскому Национальному музею некоторые новые советские издания по археологии и этнографии, а также муляжи предметов из Уэленского могильника на Чукотке, который раскапывался экспедицией Института этнографии в 1957 г. Кроме того, им было сообщено, что Институт истории материальной культуры АН СССР подготовлена к передаче Музею в обмен на древние эскимосские коллекции из Гренландии большая коллекция материалов из неолитических погребений долины р. Ангары (исаковского, серовского, китойского и глазковского этапов).

На первом заседании был заслушан доклад д-ра Хельге Ларсена (Дания) о результатах последних раскопок в Гренландии. Раскопки эти проводились в широком масштабе и привели к открытию ряда древних культур. Наиболее древней в Гренландии является культура Индепенденс I, открытая Айгилем Кнутом в самой северной части Гренландии, на Земле Пири и южнее. Для этой культуры характерны кремневые изделия в виде односторонних и двусторонне обработанных резцов, двусторонне ретушированных наконечников, концевых скребков и микросколов, снятых с подготовленных ретушью ядрищ. Жилищами служили круглые в плане хижины с очагом посредине. Эти поселения расположены на террасах высотой 12—20 м над морем. Судя по плавнику на этих террасах, А. Кнут полагает, что климат тогда был теплее. Радиоуглеродный (C_{14}) анализ плавника дал для этих поселений дату 3840 ± 170 ; таким образом, первоначальное заселение Гренландии можно отнести ко времени около 2000 г. до н. э.

На террасах высотой 5—6 м над морем А. Кнут нашел следы другой культуры — Индепенденс II. Возраст ее, по данным анализа C_{14} , равен 2830 ± 130 лет. Она, по мнению А. Кнута, является не преемницей старой культуры Индепенденс I, а результатом новой, второй миграции. Для этой культуры харак-

терны двусторонне оббитые ножи и наконечники с выемками у основания, вкладки лезвия для костяных наконечников копий, микропластинки, наконечники гарпунов типа Дорсет. Резцов здесь нет совершенно. Остатки жилищ имеют вид эллиптических выкладок из камней, с оригинальными очагами из тонких плит. Судя по наконечникам гарпунов и наличию выемчатых лезвий, эта культура представляет собой, по мнению докладчика, стадию культуры Дорсет. Это подтверждают находки Йоргена Мельгорда, обнаружившего такие же изделия в типичных комплексах культуры Дорсет в районе Иглулик.

Следующая по времени культура Саркак лучше всего известна на западе Гренландии, в районе бухты Диско. В отличие от жилищ палеоэскимосской культуры северной Гренландии поселения культуры Саркак расположены у самой воды. Часть их даже размывта морскими волнами. Большинство изделий, найденных на поселениях (а их известны тысячи), изготовлено из кремнистого сланца (ангмаг). Среди них наиболее типичны миниатюрные резцы и отщепы, получившиеся в результате «оживления» их краев. Имеются и двусторонне ретушированные узкие симметричные острия, служившие наконечниками стрел и копий. У многих из них тонкозубчатые края. Кроме того, найдены некоторые виды концевых и боковых скребков, в том числе очень специфические по форме боковые скребки с широким основанием, каменные лампы и ножи с поперечным краем. По данным анализа C_{14} , поселения типа Саркак датируются 600—800 гг. до н. э., т. е. одновременны или несколько моложе культуры Индепенденс II.

Другая фаза культуры Дорсет обнаружена на западе и востоке Гренландии. Ее следы встречаются часто там же, где находятся поселения культуры Саркак, а иногда даже их следы смешаны. Наиболее известное поселение — Сермермиут, где остатки обеих культур находятся в стратифицированных отложениях кухонных куч. Остатки культуры Саркак лежат здесь внизу, а выше обнаружены остатки культуры Дорсет. Культура Дорсет, по данным анализа C_{14} , на 600—800 лет моложе, т. е. относится к началу нашей эры. Не исключено поэтому, что культура Дорсет в районе бухты Диско является позднейшим ответвлением культуры Индепенденс II.

Материалы, свидетельствующие, по мнению докладчика, о следующей миграции, обнаружены в районе Туле. Их нашел сначала Лауге Кох, а затем Эрик Хольтвед на Земле Ингльфилд. Это — предметы, классические для культуры Дорсет четвертого периода по схеме Й. Мельгорда, разработанной для района Иглулика. Внедрение этой культуры было связано с последней миграцией так называемых палеоэскимосов. Затем следует волна неозскимосов, носителей арктической культуры охотников на кита. Этот культурный комплекс возник на берегах Берингова пролива и представляет собой результат специального приспособления его носителей к морю и к охоте на морского зверя, в особенности — кита. Э. Хольтвед, обнаруживший наиболее ранние следы культуры Туле, полагает, что первая миграция народа — носителя этой культуры имела место в XII в. н. э., и последующие ее волны шли позже, вплоть до половины XIX в. При этом могло иметь место локальное развитие, осложняемое культурным контактом с племенами востока и юга. История развития и общий облик ранней, палеоэскимосской культуры, ставшей известной в последние годы, все еще остаются недостаточно ясными. Развитие неозскимосской культуры, напротив, с большей полнотой раскрыто Г. Матиасеном, который проследил ее эволюцию от чистой культуры Туле (в ее особой гренландской стадии — Инугсуэк) к современной эскимосской культуре. Для освещения основных проблем палеоэскимосской культуры необходимо сравнительное изучение ее памятников с памятниками района Иглулик, где Й. Мельгорд открыл поселения на террасах высотой 50 м над уровнем моря, Канады (комплекс Нью-Мунтен обнаруженный исследованиями Мак-Ниша) и с «кремневым комплексом Денби» на Аляске.

Что касается культуры Саркак, то о ее связях с внешним миром вне Гренландии еще ничего не известно, хотя большинство типов орудий имеет параллели на Аляске. Однако в промежуточных районах известны лишь единичные находки (например, находки Я.-Л. Гиддингса на Найф-Ривер). Что же касается неозскимосской культуры Гренландии, то, по мнению Х. Ларсена, она тоже имеет свои корни на американском континенте. В общем же эскимосская культура распространялась в Гренландии не только из Аляски, но и из Лабрадора. Но еще дальше ее истоки следует искать, по мнению Х. Ларсена, в Азии и через Азию в Европе, о чем свидетельствуют два таких элемента, как резцы, а также ядрища и пластинки (The burin and flake industry). Истоки их, полагает Х. Ларсен, следует искать в циркумполярном каменном веке, о котором писал Г. Ессинг.

Канадский археолог д-р Мак-Ниш доложил о раскопках в Канаде, где также были открыты за последние годы многочисленные археологические памятники, в том числе многослойные поселения на Фёрст-Ривер, позволяющие представить последовательную смену древних культур. Одним из важнейших открытий на севере Канады является обнаружение остатков культуры, предшествующей «комплексу Денби». Возраст ее, по данным радиоуглеродного анализа, равен 4800 лет (т. е. около 2800 г. до н. э.), тогда как культура Денби датируется по тому же методу тысячей лет позже (3800 лет тому назад). Для этой древнейшей культуры характерны традиции, связывающие ее с культурой Юма внутренней Америки (острия типа юма с широким черешком). Культура Денби представляет собою палеоэскимосскую культурную традицию. Затем в многослойных отложениях на Фёрст-Ривер следуют более поздние памятники.

ники с «ложнотекстильной» керамикой (датируются временем около начала нашей эры, т. е. 1800 лет тому назад) и, наконец, неозкисмосская культура Туле.

Доклад американского археолога д-ра Я.-Л. Гиддингса был посвящен археологии Аляски. Доклад был интересен не только новыми материалами, но и постановкой общих вопросов археологии американского Севера.

Хотя археология Аляски изучена еще в очень недостаточной степени, здесь можно, по мнению Гиддингса, выделить несколько культурных областей. Археология Тихоокеанского побережья обнаруживает связи с областью Орегона, уходящие в очень отдаленное прошлое. Инвентарь древних памятников внутренних областей Аляски представлен почти исключительно кремневыми формами, включающими микролитические пластинки и резцы, и связывается, с одной стороны, с восточными районами (с Канадой), с другой, — с комплексами Берингова пролива и далее — с неолитическими культурами Сибири.

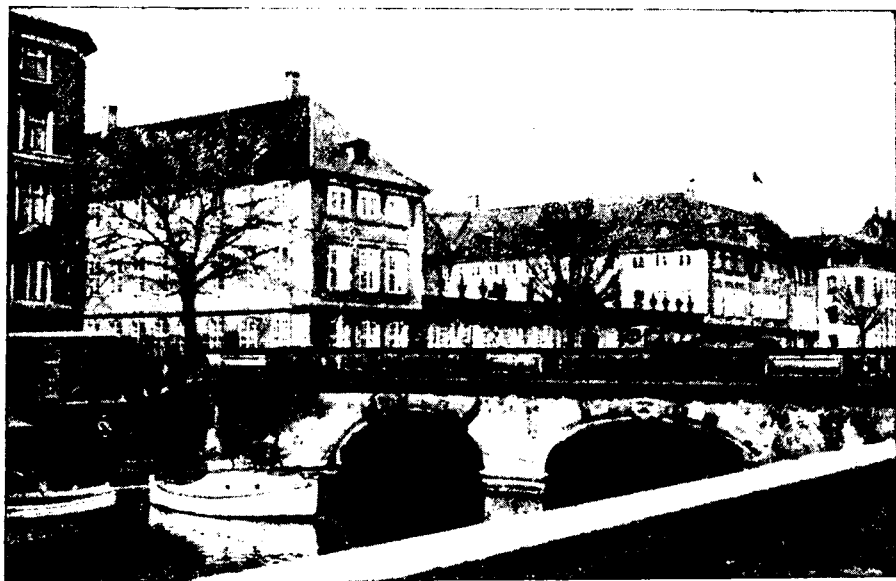

Рис. 2. Уголок Копенгагена. На заднем плане Датский Национальный музей

Самостоятельной и очень важной культурной областью является район Берингова пролива, где можно предполагать непрерывное развитие культуры на протяжении очень длительного времени. Интересной иллюстрацией к докладу Гиддингса явилась созданная им сводная таблица по хронологии арктических памятников по обе стороны Берингова пролива. Таблица эта, разработанная с учетом результатов радиоуглеродного анализа, ценна тем, что представляет собой первую и наглядную по форме попытку синхронизации археологических материалов этой обширной территории.

Вечером 19 мая состоялся официальный прием в музее. Директор музея проф. Брэнстед приветствовал делегатов. Тогда же делегатам был показан Отдел Арктики, замечательный богатством своих этнографических и археологических коллекций, особенно по эскимосам и американским индейцам.

Большой интерес представляют материалы раскопок в Гренландии, северной Канаде и Аляске. В Национальном музее хранятся и экспонированы материалы по культуре Туле, переданные экспедицией, работавшей в 1920-х годах под руководством известного исследователя эскимосской археологии и этнографии Матиассена, значительная часть инвентаря из древнего поселения Илиутак на мысе Хоп (Аляска) и ряд других. Нет сомнения в том, что каждый исследователь, работающий по этнографии и археологии Арктики, должен иметь возможность поработать в этом отделе.

Утреннее заседание 20 мая было посвящено докладам советских делегатов М. Г. Левина и А. П. Окладникова. После перерыва был прочитан доклад Г. Ф. Дебеца.

В докладе А. П. Окладникова «Археология советской Арктики, итоги и проблемы» было освещено общее положение археологических исследований в советской Арктике за последние сорок лет (Кольский полуостров, север Западной Сибири, Якутия, Чукотский полуостров). Докладчик констатировал, что наиболее древними следами человека на севере Европы являются мезолитические поселения Кольского полуострова, на востоке — позднелепелитические поселения средней Лены. В неолите здесь складывается ряд локальных культур. В эпоху бронзы и железа начинается общение северных

племен с южными (носителями андроновской и скифо-сарматской культур на западе, глазковской и иньско-чжоуской — на востоке). Может быть установлена также преемственная связь между носителями древних культур Севера и позднейшими этническими группами, например между эскимосами и носителями древних культур Берингова моря, тунгусо-маньчжурами и палеоазиатами Амура и неолитическим населением этой области. Особое же внимание было уделено проблеме южных связей древнеэскимосской культуры, и в частности проблеме влияния так называемой культуры раковинных куч Приморья на сложение неозэскимосской культуры. Докладчик отметил также необходимость расширения археологических исследований по истории русской колонизации Севера и ее значения для изменений в культуре коренного населения.

В докладе М. Г. Левина были рассмотрены вопросы классификации народов Севера и изложены принципы группировки по хозяйственно-культурным типам и историко-этнографическим областям. Докладчик остановился также на проблеме историко-хронологического соотношения хозяйственно-культурных типов Северной Азии. Далее

Рис. 3. У входа в Датский Национальный музей

он коснулся проблемы происхождения эскимосов и древних связей северо-восточных палеоазиатов и эскимосов с народами самоедской группы, отметив особую важность изучения в этой связи культуры, языка и антропологического типа юкагиров. Докладчик наметил следующие общие положения, которые следует особо учитывать при изучении этногенетических процессов на Крайнем Севере: сравнительно позднее заселение человеком северных областей эйкумены, освоение которых требовало относительно высокого технического вооружения уже первоначальных насельников; малая плотность населения и значительная изолированность отдельных групп на Крайнем Севере, обусловленная направлением хозяйственной деятельности в специфической природной среде; постоянный, на протяжении тысячелетий, приток на Север новых этнических групп из более южных областей; проникновение к арктическим народам в разные исторические периоды элементов культуры их южных соседей.

В докладе Г. Ф. Дебеца были намечены основные задачи антропологического изучения арктических народов. Докладчик указал, что важнейшей проблемой антропологии Арктики является изучение влияния географической среды на организм человека. Известно, что некоторые народы арктических стран, физический тип которых существенно различается по многим важнейшим признакам, обладают, тем не менее, рядом сходных черт (например, высокая частота *torus palatinus* и *torus mandibularis* у лопарей и эскимосов). Необходимо распространить на все народы арктических стран исследования по изучению влияния холодного климата на пропорции тела, успешно начатые американскими исследователями. Условия жизни в Арктике характеризуются не только непосредственным влиянием холода, но и своеобразием пищевого режима. Одним из путей исследования в этом направлении является изучение морфологии зубов. Работы Мурриса по алеутам и Педерсена по эскимосам являются весьма перспективными в этом отношении. Весьма желательно организовать обмен слепками зубов различных северных народов, что дало бы возможность усилить роль сравнительного ме-

да в изучении этой проблемы. Существенной особенностью образа жизни в Арктике является малая плотность населения, что приводит к образованию большого количества мелких изолированных групп, изучение которых представляет выдающийся интерес не только для проблем антропологии Арктики. Из всего сказанного не следует, отметил докладчик, что надо прекратить работы по тем разделам антропологии Арктики, в которых достигнуты известные успехи: по краниологии, по морфологии мягких частей лица, по пигментации и пр. В частности вопрос о происхождении саамов (лопарей) может быть решен на основе специального изучения лопарских краниологических коллекций, хранящихся в музеях Финляндии и скандинавских стран, по программам, принятым теперь для изучения черепов народов СССР.

Изучение антропологии Арктики неразрывно связано с проблемой заселения Америки. Здесь одной из очередных задач является углубленное изучение мягких частей лица и покровов эскимосов по сравнению с соседними индейцами.

Наконец необходимо заполнить «белые пятна» на антропологической карте арктических стран, куда относится прежде всего область от Колымы до Енисея.

Обсуждение докладов советских ученых протекало в весьма дружественной обстановке.

На заседании 20 мая был заслушан также доклад норвежского ученого д-ра уторма Ессинга об общественном строе народов Арктики. Докладчик, оперируя материалами из области этнографии северных народов, пытался применить диффузионистский метод к изучению географического распределения социальных форм. По его мнению, для народов зоны тундры и Арктического побережья характерно наличие мелких семейных групп и преобладание билатерального счета родства, а для народов зоны айги — унилатеральная (клановая) система. Первая из них связана с большей мобильностью населения и социальным равенством, тогда как клановая система обнаруживает тенденцию к стабильности и часто связана с иерархической структурой общества. Доклад этот, содержавший ряд весьма спорных и неясных положений, не вызвал, однако, обсуждения, так как он не был представлен в письменном виде. (Следует отметить, что доклады советских ученых в английском переводе были размножены и переданы всем делегатам, а остальные доклады, хотя и не были размножены, но имелись в письменном виде.)

Вечером состоялся прием в Арктическом институте, основанном четыре года тому назад частично на средства государства, частично же — на средства, завещанные одним датским предпринимателем. Задачей Института является содействие различным исследованиям в Арктике, в первую очередь в Гренландии. Директором Института является сотрудник Национального музея д-р Х. Ларсен.

На приеме был прослушан доклад д-ра Хаммериха о проблемах эскимосского языкознания. Там же члены делегации познакомились с «патриархом эскимологии» — З. Талбицером, отпраздновавшим недавно свое 85-летие.

21 мая утром был прослушан доклад шведского археолога Карла-Акселя Моберга, посвященный итогам изучения каменного века в Скандинавии. По просьбе присутствующих М. Г. Левин сверх программы сообщил о раскопках Уэлсенского могильника на Чукотке.

Послеобеденное заседание было посвящено обсуждению и принятию резолюции. В общей части резолюции, предложенной советской делегацией, предусматривалось следующее.

Организация в составе международного конгресса по антропологии и этнографии международного комитета по антропологическому, археологическому и этнографическому исследованию Арктики, организация соответствующих национальных комитетов в Дании, Канаде, Норвегии, СССР, США, Швеции и Финляндии.

Созыв международных конференций, симпозиумов и других международных встреч ученых, работающих в области антропологии, археологии и этнографии Арктики и Субарктики, с привлечением лингвистов — специалистов по языкам северных народов.

Организация обмена музейными коллекциями и иллюстративными материалами между научными учреждениями разных стран, а также систематический обмен специальной литературой.

Организация международных публикаций материалов по археологии, этнографии, антропологии и языкам Севера, с постановкой ряда проблем, подлежащих дискуссии.

Координация в издании архивных материалов по Северу, охватывающих период от XVI до первой половины XIX в.

Содействие в обмене специалистами, работающими в научных учреждениях разных стран.

Проведение взаимных консультаций по вопросам, касающимся планирования научных исследований в Арктике и Субарктике.

Специальная часть резолюции касается задач исследований в отдельных районах Арктики, программы ближайших конференций и отражает предложения, выдвинутые в прослушанных на конференции докладах. В специальной части резолюции содержатся следующие рекомендации:

Обсудить на ближайшей конференции вопросы, связанные с унификацией терминологии и локальной хронологии археологических памятников в Арктике и Субарктике.

Обратить особое внимание на изучение влияния более южных культур на разви-

тне северных культурных типов, в частности исследовать связи между культурой До-сет и ранними культурами лесной зоны северо-восточной части Северной Америки.

Исследовать распространение палеоэскимосских культур в Гренландии и их отношение к соответствующим культурам Канады и Аляски.

Расширить раскопки на обоих берегах Берингова пролива, особенно в районе Юкона до полуострова Аляски.

Предпринять углубленное изучение юкагиров в антропологическом, этнографическом и лингвистическом отношении.

Исследовать связи между лопарями (саамами) и самоедами (ненцами).

Изучить связи между культурами неолита и бронзы в Скандинавии и СССР.

Предпринять обследование остатков древних русских поселений по берегу Ледовитого океана и на его островах.

Рис. 4. Группа делегатов конгресса во дворе Датского Национального музея.

Предпринять этно-социологическое изучение циркумполярных народов, в частности с точки зрения возможности объяснения явлений культурной диффузии.

Исследовать влияние климата на морфологию и физиологию северных народов, а также влияние факторов изоляции.

Предпринять широкие антропологические исследования северных народов, включающие изучение пигментации, мягких частей лица, групп крови, зубной системы; признавать первоочередными такие исследования в районе между Колымой и Енисеем.

При изучении проблем этногенеза сочетать антропологические, лингвистические и этнографические исследования.

Вечером 21 мая устроители конференции дали обед в честь делегатов конференции, на котором главы делегаций выступили с речами.

22 мая состоялась предусмотренная программой конференции экскурсия по северной Зеландии. Делегаты осмотрели знаменитый замок Кронборг близ города Хэльсингёра и посетили местонахождения различных археологических памятников: дольменные курганы эпохи бронзы (1200—500 лет до н. э.), мезолитические стоянки близ Эриксхольма. На мезолитической стоянке была собрана небольшая коллекция каменного инвентаря, которая нами привезена и передана в Музей антропологии и этнографии АН СССР. В экскурсии приняли участие С. П. Толстов, М. Г. Левин и А. П. Окладников. Г. Ф. Дебец использовал это время, а также день накануне отъезда для работы в антропологической лаборатории Копенгагенского университета, где им были измерены нижние челюсти эскимосов и определена горизонтальная профилировка черепов из неолитических погребений Дании.

23 мая мы имели возможность продолжить осмотр Национального музея Дании. Это — один из крупнейших этнографических и археологических музеев мира. Он занимает огромное здание в центре города и располагает хорошими экспозиционными залами и обширным хранилищем. Исключительно богат отдел, посвященный археологии Дании. В нем экспонированы всемирно известные материалы по мезолиту Дании, памятники эпохи мезолита (маглемозе, эртёболле), богатые коллекции по неолиту

эпохе бронзы. Очень обширен отдел этнографии и археологии стран Востока; следует особо отметить коллекции по этнографии Китая и Японии и материалы из раскопок Датской экспедиции в Сирии (Хама). Интересна коллекция по поселениям норманов в Гренландии, где благодаря наличию вечной мерзлоты великолепно сохранились

Рис. 5. Дольмен

Рис. 6. Курганы эпохи бронзы

одежда, утварь и другой инвентарь. Значительная часть зал Музея отведена под экспозицию материалов по этнографии Дании. Здесь с большой полнотой представлены различные провинции страны, с характерными для них типами одежды, внутренним убранством жилища, предметами ремесла и т. д.

Мы имели возможность более подробно ознакомиться с коллекциями по своей специальности. С. П. Толстов ознакомился с коллекциями из раскопок в Хама, А. П. Окладников и М. Г. Левин — с неопубликованными археологическими коллекциями по Внутренней Монголии.

24 мая делегация покинула Копенгаген и в тот же день возвратилась в Москву.

Пребывание советской делегации нашло благожелательный отклик в датской прессе; газеты поместили интервью и портреты членов делегации.

Подводя итог работы конференции, надо признать ее весьма плодотворной. С полной очевидностью выявилось, что исследования советских ученых играют важную роль в антропологическом, археологическом и этнографическом изучении Арктики. Однако в настоящее время, когда американские, датские и канадские исследователи развернули широкие археологические работы на севере Америки, необходимо усилить темпы и интенсивность исследований в советской Арктике и Субарктике. Многие обширные и важные районы советского Севера в археологическом отношении совершенно не изучены, другие изучены крайне недостаточно. Вместе с тем открытые на Чукотке — и на побережье, и в глубинных районах — археологические памятники представляют очень большой интерес. Многого можно ждать от раскопок на Крайнем Севере Средней Сибири, где археологические работы совсем не проводились. Много пробелов в антропологическом изучении Севера. К исследованию групп крови у народов Севера мы приступили только в 1957 г. На Таймыре антропологические исследования вообще никогда не проводились. Недопустимым является положение с этнографическими коллекциями, сбор которых не производился в течение ряда лет.

Необходимо разработать программу широких комплексных исследований по археологии, этнографии и антропологии советской Арктики на ближайшие годы и обеспечить ее осуществление.

М. Г. Левин, А. П. Окладников

РАЗВИТИЕ ЭТНОГРАФИИ В КОРЕЕ ПОСЛЕ ЕЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ

Корейская этнография имеет более короткую историю, чем другие области науки. Данные, накопленные этнографической наукой в годы владычества японского империализма, весьма незначительны. Если при господстве японской возницы и проводилась исследовательская работа, то она преследовала цель укрепить колониальную эксплуатацию корейского народа со стороны японского империализма.

Вследствие колониальной политики японского империализма, направленной на уничтожение национальных традиций, культура и быт корейского народа подвергались унижению и их развитие тормозилось. Японские законы запрещали употребление корейского языка в официальных сношениях и преподавание истории Кореи. Традиционные массовые народные гуляния и культурные развлечения, сложившиеся у корейцев за длительный исторический период, запрещались японскими властями. Чем дольше продолжалось владычество японского империализма, тем более усиливалась опасность искоренения корейской национальной культуры.

Лишь в результате освобождения нашей страны героической Советской Армией перед нами открылась новая эпоха развития и расцвета национальной культуры и народного быта, подавленных и поправленных в прошлом.

Перед научными работниками нашей страны встал важная задача — под знаменем патриотизма и пролетарского интернационализма, поддерживая политику нашей партии и правительства в отношении национальной культуры, исследовать и развивать лучшие культурные традиции прошлого.

Первоочередной задачей стояла работа по ликвидации вредной идеологии, оставшейся в области политики, экономики и культуры в результате японского колониального господства. Новая политическая обстановка и новые экономические условия жизни нашего народа настоятельно диктовали необходимость подготовки научных кадров в области этнографии. Нужно было начать сбор и научную разработку разбросанных и находящихся под спудом этнографических материалов.

И неслучайно с первых же дней основания Временного Народного Комитета Северной Кореи наша народная власть утвердила план проведения научно-исследовательских работ. При этом большое внимание было уделено работе по сохранению культурных памятников и уходу за ними. 29 апреля 1946 г. Временный Народный Комитет Северной Кореи принял «Закон об охране сокровищ, исторических памятников и достопримечательностей». Одновременно во всех провинциях были созданы комитеты по охране исторических памятников, а в 1947 г. в столице страны создан Комитет по охране исторических памятников Северной Кореи. Этим законом и созданными комитетами государство взяло на себя обязанность охранять памятники культуры и запретило их вывоз за границу. Кроме того, в каждой провинции были начаты работы по созданию местных музеев. В 1947 г., наряду с созданием музея в городе Пхеньяне, открылись музеи в городах Синидо, Чендине, Хамхане и на горе Мёхьясан. Это также позволило исследовать и собрать ценные археологические, исторические и этнографические материалы.

Вместе с исследовательской работой шла музейная экспозиция. В результате этого в центральных и районных музеях было экспонировано множество этнографических материалов, в том числе различные виды одежды, народного прикладного искусства, домашняя утварь, производственные орудия и материалы о народных развлечениях. На основе всех этих материалов научные сотрудники приступили к исследовательской работе.

В 1948 г., после создания Корейской Народно-Демократической Республики, наше правительство преобразовало Комитет по охране исторических памятников Северной Кореи в Комитет по исследованию и охране памятников материальной культуры при Кабинете Министров. При указанном Комитете были созданы отделы археологии, этнографии, истории искусства и истории архитектуры. Затем было принято постановление Кабинета Министров об охране памятников и проведении исследовательской работы. Это решение правительства позволило создать исторические музеи и в городах Унсан, Канге, Саривоне, Кэсоне, Хэджо и Хэсане.

Партия и правительство, уделяющие исключительно большое внимание развитию науки, в трудной обстановке Отечественной освободительной войны создали Академию наук и для ускорения исследования и правильного изучения нашего культурного наследия образовали при Академии наук Институт археологии и этнографии, а также Музей этнографии.

III съезд Трудовой партии Кореи, выдвинувший грандиозные задачи, направленные на осуществление мирного объединения родины и построение социализма в северной части Республики, в то же время поставил перед отечественной наукой важные задачи: «В ближайшем будущем догнать уровень науки передовых стран мира, унаследовать и развивать лучшие культурные традиции прошлого и тесно сблизить науку с практикой». Эти решения III съезда партии являются серьезным указанием для всестороннего развития науки и культуры нашей страны, в том числе и этнографии Кореи. Сектор этнографии в Институте археологии и этнографии при Академии наук уже приступил к разработке проблем, касающихся корейской этнографии. К сожалению, крайняя нужда в научных работниках значительно затрудняет выполнение поставленных перед сектором задач.

Основываясь на экономической и культурной политике Трудовой партии Кореи, сектор этнографии составил десятилетний план исследовательской работы по корейской этнографии. Для подготовки научных кадров при Институте создана аспирантура.

Главная цель сектора — исследовать и изучать отечественную культуру, быт и образ жизни корейского народа, развивать лучшие национальные традиции и одновременно теоретически обобщать данные о формировании нового, народно-демократического образа жизни; вести исследовательскую работу, касающуюся новой, социалистической культуры и быта нашего народа; собирать и исследовать материалы прошлого и в особенности привести в порядок материалы о массовых народных играх, о шаманизме, о чагасын¹; для повышения качества исследовательской работы намечено организовать дискуссии и семинары, на которых предполагается обсуждение передовых методов и достижений СССР и других социалистических стран в этой области.

Для выполнения этих задач работники сектора этнографии Академии наук в течение пяти лет провели более 350 экспедиций в районах провинций Южный и Северный Хамген, Южный Пхеньян и Канвон. В результате этого собраны и исследованы материалы о культуре, искусстве и развлечениях трудящихся городов; о культуре и быте крестьян сельскохозяйственных кооперативов; о предметах шаманского ритуала, их песнях (в звукозаписи); об обычаях чагасын в горных районах провинции Северный Хамген; собраны материалы по орнаменту; составлены схемы местных жилищ и этнографические карты и накоплены многие фотографические материалы; по «Личо Силлок» (Летопись династии Ли) и средневековым документам составлены этнографические карточки.

На основе указанных материалов написаны статьи о корейских играх в масках, о свадебных обрядах крестьян провинции Южный Пхеньян; о коллективном труде в деревнях; о памятных датах и т. д. В 1958 г. вышла в свет монография «Исследования корейского быта (игры в масках)».

Корейский центральный этнографический музей Академии наук организовал большую работу по сбору материалов. За четыре года собрано около 16 тыс. корейских этнографических предметов, из которых экспонировано около 4 тыс.

В 1958 г. Сектор истории искусства объединился с Сектором этнографии. Историю корейского искусства мы разрабатываем на основе марксизма-ленинизма. Это помогает нашим ученым при проведении экспедиций, упорядочении и систематизации памятников культуры и определении их научного значения. В области истории музыки собраны полевые и документальные материалы о корейских народных песнях, проводится научно-исследовательская работа по истории корейской музыки.

В честь 10-й годовщины Республики подготовлен к изданию сборник статей по этнографии. Но перед нами впереди еще много нерешенных проблем. Ученые Северной Кореи полны решимости с честью выполнить свои задачи.

В условиях, когда развернулось социалистическое строительство в городах и селах нашей страны, мы с 1959 г. сосредоточим все силы Сектора этнографии на исследовании новой, социалистической культуры и быта трудящихся. Мы уверены, что успехи СССР и других братских стран социалистического лагеря в этой области будут способствовать успешному развитию и нашей молодой этнографической науки.

Научный сотрудник Института археологии и этнографии Ким Син Сук

¹ Остатки этнических групп, живущих в северо-восточной Корее.

ВАЖНЫЕ СОБЫТИЯ В ЖИЗНИ ИНДЕЙЦЕВ АМЕРИКИ

5 марта 1959 г., по сообщениям газет¹, в Канаде произошло восстание индейцев резервации Гранд-Ривер (провинция Онтарио), совершивших бескровный переворот и объявивших о создании независимого индейского государства — анклага. В Канаде эту резервацию называют «Резервацией шести наций», так как там живут потомки шести ирокезских племен, некогда объединенных в знаменитую Лигу, или Союз, ирокезов, описанный в свое время Л.-Г. Морганом². Общая численность современных ирокезов достигает 19 тыс. чел., из них около 7 тысяч живут в резервациях США, остальные (около 12 тысяч) расселены по семи резервациям Канады, одной из которых, и самой крупной, является резервация на Гранд-Ривер.

Краткий экскурс в историю ирокезов делает более понятными происходящие ныне в этой резервации события. К началу XVIII в. ирокезы в развитии политической власти значительно опередили другие индейские племена Америки к северу от Мексики. Недаром Морган писал, что «около 1700 г. ирокезы... создали индейскую державу, грозную как в отношении ее господства над аборигенами, так и в сравнении с любой индейской властью к северу от государства ацтеков»³. Энгельс, оценивая создание Союза ирокезов как признак разрушения родового строя, указывал, что оно было первым шагом «к образованию нации»⁴. Действительно, Союз ирокезов носил яркие черты складывающейся военной демократии.

Союз, созданный в XV в. на территории современного штата Нью-Йорк, объединял сначала четыре племени (онондага, каюга, сенека, онейда); в конце XVI в. в Союз вошло племя могауков, а в начале XVIII в. — племя тускарора. Это был «вечный союз» шести родственных племен, говоривших на диалектах одного языка; главенствующую роль в Союзе играли вожди онондага.

К началу колонизации материка Союз представлял собою одну из наиболее сильных группировок индейских племен, и европейские колонизаторы не преминули воспользоваться этой силой в своих захватнических интересах. Сначала голландцы, затем англичане устанавливали «союзнические» отношения с ирокезами, натравливая их на другие, более слабые племена. Они снабдили ирокезов огнестрельным оружием раньше, чем других индейцев. Вовлечение ирокезов в колониальную пушную торговлю вело к развитию товарности их хозяйства. Погоня за мехами, за барышами стала движущим мотивом, определившим наступательную политику ирокезов в отношении соседних племен.

Вторая половина XVII в. была временем наибольшей военной экспансии ирокезов. К началу XVIII в. они частью истребили, частью покорили почти все индейские племена, жившие на огромном пространстве теперешних штатов Нью-Йорк, Делавэр, Мэриленд, Нью-Джерси, Пенсильвания, на большей части Виргинии, Огайо, Кентукки, Северного Теннесси, части штатов Иллинойс, Индиана, Мичиган, Новой Англии и прилегающих частей юго-восточной Канады. Это был бурный период развития ирокезского общества на пути превращения его из общества родового в раннеклассовое, в котором наряду с сильными пережитками матриархата появились рабство, порабощение племен, элементы частной собственности на землю, складывалась отделенная от народа политическая власть в форме Союзного Совета. Во главе Совета стояли 50 вождей, которые представляли уже наследственную родовую знать.

Союзный Совет становился органом центрального управления, в ведение которого почти полностью перешли военные дела, сбор дани с покоренных племен, вопросы, касающиеся внешних отношений союзных племен. Союз имел постоянные военные дружины, воины его были объединены в «Общество воинов», ставшее настолько сильным, что начало оспаривать монополию власти наследственных вождей и добилось допущения в Совет своих представителей, для которых в Совете был установлен пожизненный титул — «Сосна».

Союз ирокезов сыграл большую роль в истории колониального захвата материка. Когда в начале XVIII в. разгорелась борьба между английскими и французскими колонизаторами, обе колониальные державы пытались привлечь ирокезов на свою сторону. Проанглийский нейтралитет Союза ирокезов в значительной степени облегчил победу англичан. Но вместе с поражением французских колоний пало и политическое значение Союза в глазах победителей. Однако когда началась война за независимость американских колоний, Англия вновь попыталась привлечь на свою сторону ирокезский Союз. Американский же конгресс предлагал ирокезам держаться нейтралитета. В 1777 г. был собран специальный Совет Союза для решения вопроса об участии ирокезов в этой войне. Но мнения членов Совета были настолько противоречивы, что «древний костер Совета был потушен» и каждому племени было предоставлено право поступать по своему усмотрению. Раскол произошел не только между племенами, но

¹ «L'Humanité», 7 марта 1959; «Московская Правда», 16 марта 1959; «The Canadian Tribune», 23 марта 1959.

² L. G. Morgan, League of the Ho-de-no-sau-nee, or Iroquois, New York, 1922.

³ Там же, стр. 14—15.

⁴ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства (К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, М., 1955, стр. 236).

внутри племен. Если сенека и каюга открыто встали на сторону Англии, то могауки онондага разделились — часть их присоединилась к британским армиям, другая осталась нейтральной. Онейда и тускарора стремились сохранить нейтралитет, затем и они были вовлечены в войну — на стороне американцев. Против ирокезов, инявших британскую сторону, американское командование применило тактику ожженной земли. В 1779 г. по землям ирокезов подобно лесному пожару пронеслись карательные экспедиции, возглавлявшиеся полковником Ван-Шейком и генералом Улливаном. Ирокезские селения, хранилища зерна, необранный на полях урожай — е было сожжено, сады вырублены, скот перебит. Территория проамериканских гейда и тускарора была опустошена ирокезами — сторонниками англичан. Население избежало по окрестным лесам. Все экономические достижения ирокезов были едены на нет. К концу войны существование разбросанных групп ирокезских племен трудом обеспечивалось примитивной охотой.

Так был положен конец мощи ирокезов. В мирном договоре 1783 г. между Штатами и Англией об ирокезах даже не упоминалось. По решению Конгресса США каждому племени была выделена отдельная резервация в пределах их прежних земель, начальная часть ирокезов из всех шести племен, а племя могауков почти целиком, шли в Канаду, где британское правительство разместило своих союзников в семи резервациях. Под самую большую из них в 1784 г. была отведена территория в 30 тыс. акров по реке Гранд-Ривер от истоков до устья, к настоящему времени урчанная до 30 тыс. акров. В этой резервации поселились ирокезы всех шести племен, гда как в других резервациях обычно поселялись потомки одного из союзных плеен. На Гранд-Ривер вожди ирокезов пытались восстановить хотя бы видимость режной союзной организации. Был восстановлен Союзный Совет из наследственных одовых вождей, главной задачей которого стала организация жизни общины в новых словиях. Он сыграл положительную роль, облегчив приспособление индейцев к жизни резервации и всячески препятствуя проникновению туда различного рода любителей едкой наживы из неиндейского населения. Вместе с тем Совет содействовал сохранению и развитию элементов ирокезской культуры. Со временем резервация «Шести аций» стала центром для ирокезов не только Канады, но и США, хотя территории их групп и не соприкасаются.

За резервационный период в обществе ирокезов произошли коренные изменения. Итожки шести племен представляют собой сейчас по существу одно из национальных иеньшинств Канады. Их резервации превратились в современного типа сельские бнины. Правда, эти общины стоят несколько изолированно от остального канадского бщества. Сельское хозяйство их более отстало, у них сохраняются свои культурные обенности, сильны еще пережитки первобытно-общинного строя. Но в экономике инейской общины уже проникли капиталистические отношения со всеми присущими им противоречиями. Основную массу населения составляют индейцы-фермеры, хозяйтво которых носит в основном потребительский характер. Из их среды выделилась ажиточная верхушка. Земли общины поделены на частные владения. Много ирокезов аботает вне резервации на стройках и промышленных предприятиях, в сельском хояйстве, составляя часть рабочего класса Канады. Окончательно сложилась патриаралльная многоамная семья. О былом матриархате сохраняются лишь слабые воспоминаия. Родовая принадлежность вспоминается лишь для установления родословной аследственных вождей.

В соответствии с этими изменениями изменялась и структура Совета «Шести аций», который стал органом самоуправления резервации. Наследственная власть в Совете не всегда отвечала интересам наиболее ассимилировавшейся буржуазной веркушки ирокезской общины. Резервационный период истории ирокезов характеризуется нутренней борьбой за власть между родовитыми и не всегда богатыми вождями и неродовитыми, но богатыми ирокезами. Последние поддерживало канадское правительво. Характерно, что объединение оппозиционных к наследственной власти элементов назвалось Обществом воинов, выдавая себя в этом отношении за преемников старого Общества воинов.

В то же время в своих отношениях с канадским правительством все индейцы резервации более или менее единодушно настаивали на признании ирокезов как независимого народа. Помимо заявления протестов правительству Канады против вмешательства в дела резервации, Совет в 1921 г. обращался даже в Лигу Наций с просьбой признать самостоятельность ирокезов и защитить их от вмешательства канадского правительства в их дела. Но все эти попытки остались в основном безуспешными. В 1924 г. канадское правительство упразднило Совет наследственных вождей и поставило во главе резервации выборный Совет по существу назначаемый представителем правительства в резервации, так называемым суперинтендантом, из послушных ему индейцев. Однако устраненные от управления вожди не успокоились. Сторонники наследственной власти, создав «Ассоциацию индейских прав», вели непрерывную борьбу за восстановление Совета наследственных вождей. Ныне мы узнали о свержении выборного Совета резервации и о восстановлении власти традиционного Совета наследственных вождей. Совет заклеил свертнутое управление как марионеточное правительство, 11 членов его бежали. Старейший из вождей Джозеф Логан направил премьер-министру Канады Дифенбекеру и королеве Елизавете II телеграфные извещения об объявлении ирокезами независимости. Была послана телеграмма

Эйзенхауэру, в которой вождь предлагал созвать 19 марта в Вашингтоне совещание «для обсуждения договора между нашими государствами». В случае отказа признать их самостоятельность канадским правительством индейцы намеревались обратиться в ООН. К сожалению, мы не располагаем сведениями о том, какие группы населения представляют 50 наследственных вождей, захвативших власть в свои руки. Несомненно только, что они представляют ту часть ирокезского народа, которая стремится к национальной автономии. Совет выдвинул конкретный план создания устойчивой экономики в резервации. Этот план включает строительство табачной фабрики для производства сигарет собственной марки, а также — консервного завода по переработке сельскохозяйственных продуктов и швейной фабрики. Однако, как сообщала печать⁵, канадское правительство не только отказалось признать требования ирокезов, но, объявив их действия незаконными, бросило на расправу с восставшими полицейские силы. 13 марта 60 полицейских напали на дом Совета резервации, силой овладели зданием и передали его свергнутому индейцами так называемому выборному Совету. 20 наследственных вождей во главе с Джозефом Логаном были обвинены в мятеже. Эти действия властей вызвали негодование ирокезов не только Канады, но и США. Поэтому 25 марта главный судья Канады вынужден был снять все обвинения с индейских вождей и одновременно заявить, что правительство Канады якобы осознало, что оно совершило много несправедливостей в отношении индейцев. Индейцам обещано, что парламент рассмотрит в ближайшее время все их жалобы. Так была подавлена попытка ирокезов установить автономию.

Весьма симптоматично, что выступление ирокезов Канады получило отклик среди ирокезов США. Как сообщила печать, 18 марта в Вашингтоне около 100 ирокезов и г. Сиракуз (штат Нью-Йорк) и сопровождающие их индейцы юта из штата Юта и хопи из штата Нью-Мексико, надев свои традиционные головные уборы из перьев, безуспешно пытались добиться встречи с президентом, чтобы передать ему петицию, в которой предлагали создать «страну индейцев США». Индейцы (уже не в первый раз) требуют также убрать руководителя Бюро по делам индейцев Гленна Эммонса. В случае необходимости, как заявил один из членов этой делегации Уэллес Андерсон (его индейское имя — «Бешеный медведь»), индейцы решили обратиться в ООН (как известно, ирокезы США еще в 1950 г. безуспешно обращались в ООН с жалобой на дискриминационные действия американского правительства⁶). Андерсон сообщил также, что индейцы США выражают протест против жестокости канадской конной полиции в отношении восставших индейцев Канады.

Неудача в Вашингтоне не обескуражила индейцев, поднявшихся на борьбу за свои права. В конце марта в резервацию семинолов (штат Флорида) съехались 36 вождей и воинов, представляющих около 180 тысяч индейцев Северной Америки (ирокезов, оджибеев (чиппева), юта и семинолов). Собравшиеся объявили о создании общеиндейской организации «Объединенные индейские нации», в которую вошли бы все индейские народы Северной, Центральной и Южной Америки, с целью прекратить «агрессию против индейцев, посягательства на их права, а также политику ассимиляции, проводимую бюро по делам индейцев в США и канадским министерством по делам гражданства и иммиграции»⁷. 1 апреля участники совещания разъехались и повезли свои племенам записанную на кусках оленьей кожи разработанную ими хартию о создании единой «страны индейцев». Намечено после обсуждения этой хартии всеми племенами созвать новое общеиндейское совещание по данному вопросу.

Выступление ирокезов в Канаде, мирная петиция индейцев США в Вашингтоне и совещание индейских вождей во Флориде, все это — проявления подъема индейских народов на борьбу за свои социальные и экономические права. Эта борьба чрезвычайно затруднена разобщенностью индейцев, разбросанных по стране в небольших резервациях, что является следствием политики их разъединения, издавна проводившейся правительствами США и Канады. События марта 1959 г. говорят о стремлении индейцев преодолеть эту разобщенность.

Солидарность индейцев США и Канады, их стремление объединиться с индейскими народами Центральной и Южной Америки свидетельствуют об осознании индейцами общности своих интересов.

Ю. Аверкиев

⁵ «The Canadian Tribune», 23 марта 1959

⁶ «Правда», 26 октября 1955.

⁷ «Новое время», 1959, № 15, стр. 17.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

М. О. Косвен. *Очерки истории первобытной культуры*. Академия наук СССР. Научно-популярная серия. М., 1957, 238 стр.

Рецензируемая книга является исправленным и дополненным переизданием работы, вышедшей первым изданием в 1953 г. Эта работа была встречена советским и зарубежным читателем с большим интересом. За короткий срок появились ее переводы на украинский, польский, китайский, румынский, немецкий и японский языки, глава из нее опубликована и в чешском переводе — в пражском журнале «Ceskoslovenska etnografie». Это обстоятельство, показывая прежде всего неослабевающий интерес широких кругов читателей к культурной преемственности человечества, в то же время свидетельствует и о внимании к разработке вопросов первобытной истории советской исторической наукой.

Книга М. О. Косвена охватывает культурную историю человеческого общества с момента его появления и до возникновения классов и государства. Рассматривая развитие культуры в самом широком аспекте, автор показывает ее отдельные факты и явления в связи с развитием самого человека, его хозяйства и общества. По сути дела, перед нами не очерки, а цельная, обобщающая работа по истории первобытного человечества, работа, значение которой особенно велико потому, что до настоящего времени советскими учеными не создано ни одного сколько-нибудь удовлетворительного учебного руководства в области первобытной истории. Не восполняя этого существенного пробела, рецензируемая книга может быть, однако, широко использована студентами исторических факультетов, школьными преподавателями, работниками музеев, пропагандистами.

Книга состоит из введения, девяти глав и заключения. Не ставя себе целью реферирование ее содержания, кратко познакомимся с этими разделами и прежде всего с тем, как отразились в них некоторые узловые вопросы истории первобытного общества.

Во введении автор останавливается на особенностях первобытно-общинной формации, ее хронологических рамках, источниках и основных вехах истории ее изучения. Особое место уделяется им периодизации истории первобытного общества. М. О. Косвен упоминает существующие периодизации (археологическую, «трехступенную», хозяйственную, моргановскую) и указывает, что современная советская наука, руководствуясь марксистско-ленинской концепцией исторического процесса, делит первобытную историю на эпохи первобытного стада, родового строя (распадающуюся, в свою очередь, на периоды матриархата и патриархата) и военной демократии. Такое членение единой первобытной формации на три основных этапа, соответствующих стадиям ее становления, расцвета и разложения, в настоящее время принято подавляющим большинством советских специалистов. Имеются, правда, отдельные попытки выделить эпоху первобытного стада в особую «предформацию» и тем самым начать историю первичной формации непосредственно с ее расцвета¹, однако эти взгляды не получили сколько-нибудь широкого признания и совершенно правильно не отражены М. О. Косвеном в его обобщающем труде. Более спорным остается вопрос о детализации этапов развития родового строя. Формулировка М. О. Косвена не учитывает того важного, на наш взгляд, факта, что переход от матриархата к патриархату отражал уже не расцвет, а разложение родового строя, что эпоха военной демократии была не началом, а последним, заключительным этапом этого разложения.

¹ См. Ю. И. Семенов, *Возникновение и основные этапы развития труда (в связи с проблемой становления человеческого общества)*, «Ученые записки Красноярского института», т. VI, 1956, стр. 220 сл.

Первая глава книги посвящена начаткам культуры в обществе древнейших и древних людей — в первобытном стаде. Важнейшая особенность этой эпохи — незавершенность биологического и социального облика человека, поэтому автор много места уделяет процессу антропогенеза и развитию трудовой деятельности. Как мы полагаем, этот круг вопросов в последнее время был основательно запутан статьями А. Я. Брюсова и Б. Ф. Поршнева. Поэтому следует всячески приветствовать то обстоятельство, что в научно-популярном труде М. О. Косвена четко изложена энгельсова концепция антропогенеза, не поколебленная временем и остающаяся отправной точкой исследований почти всех советских историков первобытного общества.

Одним из дискуссионных вопросов начального этапа первобытной истории является вопрос о кровнородственной семье. Некоторые советские исследователи, как, например, А. П. Окладников и П. И. Борисковский, продолжают отстаивать закономерность существования этой формы семейно-брачных отношений. Между тем в работах А. М. Золотарева, С. А. Токарева, Д. А. Ольдерогге, Д. Д. Тумаркина выдвинута солидная аргументация, приводящая к противоположным выводам. М. О. Косвен, учитывая данные новейших исследований, занимает осторожную позицию. По-видимому, назрела настоятельная необходимость широкого обсуждения этой частной, но немаловажной проблемы истории первобытного брака.

Большая часть книги, главы 2—7, посвящена основной эпохе первобытной истории — эпохе родового строя. Эта часть вместе с тем является наиболее насыщенной фактическим материалом и наиболее интересной, так как наряду с молчаливыми данными археологии здесь широко привлечены красноречивые этнографические факты. Автор показывает, что родовой строй, с присущими ему началами прочного, сознательного коллективизма в трудовой деятельности и потреблении, сделался мощным фактором развития человеческой культуры. В ряде специальных глав детально характеризуется развитие техники (гл. 3), хозяйства (гл. 4—5), общества (гл. 6) и духовной культуры (гл. 7) на этой стадии первобытной истории. Не имея возможности последовать за автором во всех этих насыщенных фактическим материалом главах, мы ограничимся здесь рассмотрением некоторых узловых вопросов развития первобытного общества.

В главе о развитии первобытной техники М. О. Косвен уделяет большое внимание вопросу о технических изобретениях. В силу низкого уровня развития производительных сил вообще и ограниченности материала, в частности, орудия первобытного человека оставались элементарными и неразвитыми. Казалось бы, что те же ограничивающие условия должны были сказаться и на развитии оружия. Но здесь, указывая автор, особенно сильно действовал великий стимул жизни — добыча средств существования вместе с заботой о самозащите. Поэтому первобытное оружие — такое, как бумеранг, гарпун, лук, духовое ружье, — поражает богатством выдумки, граничащее с гениальностью. Поднятый М. О. Косвеном вопрос очень сложен и, на наш взгляд, требует дальнейшей разработки. В частности, очень трудно разграничить первобытные орудия и оружие с точки зрения их экономической роли: ведь в охотничьем хозяйстве именно лук или гарпун служили добытию средств существования и, следовательно, являлись орудиями. Скорее можно было бы сопоставлять орудия и орудия для производства орудий; как известно, последние оставались элементарными вплоть до эпохи капитализма, но в первобытном обществе их эффективность специфически ограничивалась характером идущего на их изготовление материала.

В связи с рассмотрением технических изобретений автор ставит вопрос о заимствованиях и конвергентном развитии и, критикуя распространенные в буржуазной этнографии теории аккультурации, диффузии и завоевания, указывает, что «на самом деле изобретения, как и вообще все элементы культуры, возникали на основе развития производительных сил прежде всего совершенно самостоятельно в различных местах и в разное время» (стр. 61). Вместе с тем автор совершенно правильно отмечает, что культурные связи (разумеется, не в форме пассивного и одностороннего усвоения, а в форме перекрестного обмена культурными ценностями) являлись одним из важнейших условий прогресса. Нельзя не заметить, что этот важный вывод, к которому привел М. О. Косвена изучение первобытной культуры, остается правильным и для всей последующей культурной истории человечества; сегодня мы являемся свидетелями того, как сама жизнь толкает к нему десятки миллионов людей, задумывающихся о судьбах нашей цивилизации.

Содержательные разделы посвящены автором первобытному земледелию и скотоводству. Возникнув, по всей вероятности, из систематического собирательства, земледелие в его мотыжной форме стало основной отраслью производительной деятельности развитого родового общества. Автор показывает, что создателями культурных растений — как полифилетичных, так и монофилетичных по своему происхождению — были самые различные племена и народы. Древнейшие очаги пшеницы лежали в Азии, Северной Африке и Европе, ячменя — в Западной Азии, риса — в Индокитае, кукурузы и картофеля — в Америке, хлопка — в Азии и Америке и т. д. С потребностью в интенсификации обработки земли М. О. Косвен связывает и новое крупнейшее культурное завоевание человечества — приручение и одомашнивание животных. В книге подвергаются критике старые взгляды, согласно которым это достижение выводится из некоторых приемов охоты, «самоприручения» отдельных животных, религиозных побуждений и т. п. Но в то же время, отдавая должное сложности проблемы, автор подчеркивает

то в разных местах земного шара одомашнивание происходило в различное время, при разных условиях и различно по отношению к разным видам животных.

Столь же продуманно и осторожно подходит автор к другому трудному вопросу первобытной истории — проблеме происхождения одежды. Односторонности теорий, универсальным образом приписывающих появление этого элемента культуры какому-нибудь одному фактору — защите от холода, стыдливости, стремлению украсить тело — пр., — М. О. Косвен противопоставляет необходимость комплексного подхода к вопросу. Ряд данных говорит о возникновении одежды прежде всего как средства асциты — от холода или жары, колочек или насекомых, но «в ряде случаев одежда имеет и другие источники, привходящие и присоединяющиеся в процессе развития общества и развития самой одежды» (стр. 104).

Особый интерес представляет шестая глава книги, отражающая фундаментальные исследования самого М. О. Косвена в области родового строя и в первую очередь — проблемы матриархата. Здесь прежде всего привлекает внимание уточненная трактовка матриархальной эпохи, данная автором уже в первом издании рецензируемой книги и полностью сохраненная в настоящем издании. Различие в уровне хозяйственного, общественного и идеологического развития известных этнографии матриархальных обществ дало автору основания различать ранний матриархат, являющийся универсальной стадией развития человечества, и развитый матриархат, реконструируемый на основе исторического прошлого ирокезов, наярров, минангкабау, ашанти, додинастических египтян и ряда других народов. Не во всяком, а именно в развитом, матриархате «сказывается ряд черт его перерастания в такой строй, в котором господство принадлежит женщине за счет некоторого приниженного положения мужчины» (стр. 129). Эта дифференциация не только существенно уточняет наше понимание первобытной истории, но и — хочется это особо подчеркнуть — лишает сторонников концепции многолинейного развития человеческого общества возможность оспаривать универсальность матриархата ссылками на сравнительно ограниченное распространение его развитых форм. В то же время нам думается, что дальнейшие исследования в области проблемы матриархата дадут возможность четче отграничить те его поздние, высокоразвитые формы, в которых господство женщин, так же как и господство мужчин при развитом патриархате, отражает уже разложение начал первобытной демократии и сложение классового общества.

Очень ценны, на наш взгляд, выводы, к которым привело автора исследование структуры патриархального рода. М. О. Косвен показывает, что разделы больших патриархальных семей, на данной стадии развития, как правило, неполные, приводят к образованию тесных внутриродовых коллективов — патронимий, совокупность которых и образует патриархальный род. За десятилетия, прошедшее с тех пор, как М. О. Косвен впервые привлек внимание к исследованию патронимии, последняя изучена у ряда народов СССР и некоторых зарубежных народов, в результате чего внесено больше ясности в экономическую, общественную и идеологическую жизнь патриархально-родового общества.

Нельзя в то же время не отметить, что открывающий главу раздел о возникновении родового строя оставляет чувство неудовлетворенности. Замечая, что вопрос о возникновении рода «не поддается приемлемому объяснению» (стр. 120), М. О. Косвен резко отступает от принятого им в других главах принципа и даже не упоминает об имеющихся на этот счет старых и новых гипотезах. Между тем некоторые из этих гипотез (в частности, «биологическая» теория Моргана и «производственная» теория С. П. Толстова) нашли отражение в научно-популярной литературе² и, несомненно, известны значительному кругу читателей, которые вправе были ожидать от автора более развернутой оценки состояния вопроса.

Интересна седьмая глава книги, в которой автор характеризует духовную культуру человека эпохи родового строя. Рассказывая о его мышлении и языке, положительных знаниях и системе воспитания, религии и искусстве, празднествах и украшениях, М. О. Косвен, как и в предыдущих главах, стремится широко осветить культурные достижения первобытности. При всей ограниченности мышления и опыта первобытного человека он обладал по-своему солидным запасом положительных знаний в природоведении, анатомии, врачевании, создал реалистический рисунок и скульптуру, пришел к первым формам письменного сообщения — пиктографии. Автор критикует теорию Леви-Брюля и, основываясь на ленинской концепции происхождения религии, убедительно показывает, что фантастично было не человеческое мышление в целом, а лишь тот ряд представлений, который был порожден незнанием, неумением найти реалистическое объяснение явлениям, выходящим за рамки положительного опыта.

Заключительные главы (8—9) посвящены распаду первобытнообщинного строя. Эта тема рассматривается автором в самом сжатом виде, но с большой четкостью. Развивая положения марксистско-ленинской теории, прежде всего бессмертной книги Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», М. О. Косвен привлекает для подтверждения их ценный фактический материал. Ряд тезисов автора (в частности, об историческом превращении большой семьи, о сущности кровной мести и системы выкупов) непосредственно основан на результатах его прежних специальных

² См., например, П. И. Борисковский, Древнейшее прошлое человечества. Академия наук СССР. Научно-популярная серия, М., 1957, стр. 196.

исследований. Особый интерес для истории культуры представляет небольшой раздел, посвященный сложению народностей, где автор, говоря о предпосылках этого процесса — смешении и ассимиляции, а порой также массовых передвижениях племен, — снова подчеркивает значение культурных взаимовлияний и в связи с этим показывает древнейшие корни прогресса и отсталости в культурном развитии отдельных групп человечества.

Как уже отмечалось, от первого издания книги настоящее переиздание отличается рядом исправлений и добавлений. Как научно-популярная публикация, книга в значительной мере выиграла, будучи снабжена удачно подобранными иллюстрациями и краткой библиографией работ по истории первобытного общества. М. О. Косвен посетился с появившимися в советской печати рецензиями на его работу, внес в нее отдельные поправки и уточнения. Правда, и теперь многое в рецензируемой книге остается спорным, и ряд положений разделяется не всеми советскими специалистами. Но это, разумеется, не может быть поставлено автору в вину. «Первобытная история», — справедливо замечает М. О. Косвен в предисловии к «Очеркам», — является отраслью знания, еще далеко не сложившейся, в ней еще много неясного и неисследованного, много условных допущений, гипотез, спорных вопросов и положений. Я не мог взять на себя задачи исследовать все неисследованное, устранить все условности, разрешить все споры» (стр. 3). Важно отметить, что автор несомненно справился с главной задачей своей работы: отобрать наиболее достоверные факты первобытной истории и, поместив их в исторические рамки, обобщив и систематизировав, дать суммарную характеристику развития первобытного общества. Вместе с тем — и это представляется нам не менее важным — книга М. О. Косвена заставляет читателя задуматься над трудными вопросами первобытности, пробуждает в нем интерес к древнейшему прошлому человечества.

А. Першин

А. П. Быстров. *Прошлое, настоящее, будущее человека*, Л., 1957, 313 стр.

Книга открывается обширным введением, в котором автор излагает содержание процесса эволюции, подробно останавливается на факторах эволюции, иллюстрирует их действие многочисленными и яркими примерами. Значительное место во введении занимает критика «исправлений» и «дополнений» к учению Ч. Дарвина о факторах эволюции, в частности теории «инерции» Л. Додерлейна и О. Абеля, «ортогенеза» Т. Эймера, «номогенеза» Л. С. Берга и др.

Часть первая — «Прошлое» — самая большая, занимает две трети книги и состоит из шести глав. В первых пяти главах (I — «Бесчелюстные позвоночные», II — «Челюстные позвоночные», III — «Наземные позвоночные», IV — «Рептилии», V — «Млекопитающие») подробно излагается эволюция позвоночных. На огромном палеонтологическом материале, значительную часть которого составляют собственные исследования автора, А. П. Быстров показывает читателю, как происходило формирование позвоночника, черепа и его отдельных костей, поясов конечностей и их отделов. Много внимания уделяется образованию и развитию зубной системы. Материал хорошо увязан с геологической периодизацией. Автор останавливается на климатических условиях разных периодов, на образе жизни, питании, размножении животных. Описание отдельных палеонтологических находок не отвлекает автора от основной цели — показать за стройной системы эволюционного развития от низкоорганизованных форм к более высокоорганизованным. Вместе с тем автор не упрощает картины развития, не сводит его к примитивной схеме, а показывает, что это был исключительно сложный и длительный процесс, протекавший в жесточайшей борьбе за существование, за лучшее приспособление к новым условиям жизни. Этому много способствует применение метода функционального описания, широкого использования данных сравнительной анатомии и эмбриологии. Таким образом, рассмотренное в первых пяти главах представляет большой интерес для специалистов — анатомов, палеонтологов, зоологов. Однако трудно согласиться с автором, что этот материал, охватывающий период развития позвоночных от бесчелюстных до млекопитающих, может рассматриваться как прошлое человека, даже если подходить к нему с точки зрения морфолога. Конечно, никто не сомневается в том, что эволюционный путь древнейших животных предков человека прошел через описанные примитивные формы, но ведь это был общий путь для всех млекопитающих!

В этом смысле первые пять глав книги могли бы быть безо всякого изменения названы прошлым любого млекопитающего, начиная от мыши и кончая слоном. С другой стороны, самые примитивные позвоночные не могли бы появиться, если бы их предки не прошли длительный путь развития, начинающийся с возникновения живой клетки. Почему же тогда ограничивать начало прошлого человека с бесчелюстных позвоночных? Почему не начать его с возникновения жизни на земле?

Правомомерность сказанного может быть подтверждена словами самого автора, начинающего главу VI — «Обезьяны и человек» следующей фразой: «Филогенетиче-

кое развитие большинства разнообразных млекопитающих кайнозоя, разумеется, не мило к человеку» (стр. 197). На этой главе мы позволим себе остановиться особо. (Сожалению, VI глава, которая больше, чем любая из предыдущих, содержит описание прошлого человека (хотя в науке обычно употребляется более точное название — антропогенез или происхождение человека), написана довольно примитивно и схематично. Совершенно непонятно, почему автор при морфологическом подходе к материалу опускает все находки ископаемых приматов, в том числе и ископаемых антропоидов, упомянув только возможных предков обезьян — *Notharctus* и *Adapis*. Как ни фрагментарны находки ископаемых обезьян, они все же, вопреки утверждению автора, довольно многочисленны и дают возможность представить себе ход эволюции от примитивных обезьян до человека. Отсутствие описания хотя бы основных из этих находок и сопоставления примитивных ископаемых форм с более высокоразвитыми и с человеком является крупным недостатком рецензируемой книги, который повлек за собой и другие. Автор считает, например, что ископаемый предок человека был очень похож на современных гориллу и шимпанзе, в частности в отношении пропорций скелета и приспособления конечностей к древесному образу жизни (стр. 200). С этим трудно согласиться. Многочисленные находки африканских австралопитеков, независимо от того, являлись ли они звеном в эволюции человека или боковой ветвью, убедительно свидетельствуют о том, что ископаемый антропоидный предок человека не был такой специализированной и приспособленной лишь к древесному образу жизни формой, как современные человекообразные обезьяны. Именно поэтому наш обезьяноподобный предок и мог в дальнейшем развиваться и приспосабливаться к жизни иными путями.

Автором слишком просто и вместе с тем путанно решается вопрос о происхождении человека. Вначале он утверждает, что родины человека был евразийский материк. Затем конкретизирует, указывая, что ею была «именно Центральная Азия» (стр. 204). Африканский материк вовсе исключается. А. П. Быстровым из зоны очеловечения обезьяны на основании того, что там были неподходящие климатические условия и что находки ископаемых обезьяно-людей обнаружены в Азии. Нужно сказать, что эта точка зрения уже довольно давно устарела. Советские антропологи (Я. Я. Рогинский, М. Ф. Нестурх, В. П. Якимов и др.)¹ считают, что зона очеловечения охватывала Южную, Центральную и Переднюю Азию, Северную Африку и Южную Европу. Это предположение сделано на основе изучения климатических условий и ископаемых находок. Обнаруженные в Северной Африке вместе с орудиями труда костные остатки атлантропа мавританского (о котором, кстати сказать, А. П. Быстров даже не упоминает) — гоминида, находившегося на стадии развития питекантропа, подтвердили эту гипотезу. Вызывает удивление, почему автор игнорирует такие факты, преподнося читателю науку, соответствующую уровню конца 1930-х годов.

Не менее запутан вопрос о происхождении и расселении неандертальцев. По мнению автора, неандерталец также возник в Центральной Азии, откуда он «медленно мигрировал в Европу, Африку и на острова Малайского архипелага» (стр. 209). Верно здесь только то, что в эпоху неандертальского человека миграции, по-видимому, имели место. Однако расселять неандертальцев по всему Старому Свету из Центральной Азии нет никакой нужды. Если находки костных остатков стадии питекантропов на территории Европы и Африки пока единичны, то остатки материальной культуры шельско-ашельского времени, соответствующие этой стадии, широко распространены. Хорошо известно также, что распространению неандертальцев соответствует в основном мустьерский культурный комплекс. Следовательно, до неандертальской эпохи значительная часть территории Европы и Африки была заселена обезьяно-людьми типа питекантропов (гейдельбергский человек, атлантроп), и вполне естественно, что в дальнейшем они в процессе эволюции превратились в неандертальцев.

Исключительно мало места уделено в книге вопросу о трансформации неандертальцев в человека современного типа. Этот вопрос достаточно сложен, много дискутировался в специальной литературе и заслуживает большего внимания.

Часть вторая — «Настоящее» включает четыре главы. Задача этого раздела показать морфологические вариации строения скелета у современного человека.

Глава II — «Эмбриогенез скелета и позвоночная теория черепа» содержит данные эмбрионального развития скелета, а также изложение и критику позвоночной теории образования черепа. Эта глава, как и глава IV — «Атавистические варианты», в которой собран большой и интересный материал атавистических изменений в строении черепа и позвоночника, дает объяснение происхождения этих изменений в сравнительно-анатомическом освещении и показывает генетическое родство человека с далекими животными предками.

В главе III — «Общая форма черепа» рассматриваются возрастные и половые различия в форме черепной коробки, асимметрии и деформации, причиной которых являются нарушения нормального развития, искусственные деформации.

В главе I — «Расы» кратко излагаются отличия трех больших рас и разбирается вопрос о происхождении расовых признаков. Автор полагает, что ни миграция, ни изоляция отдельных племен, ни половой отбор не являлись причинами образования рас, и приходит к выводу, что «...в настоящее время мы не знаем причин, вызвавших

¹ См. сборник «Происхождение человека и древнее расселение человечества», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», новая серия, т. XVI, М. — Л., 1951.

появление первых слабо выраженных расовых особенностей, и не понимаем, что заставило эти расовые особенности затем постепенно усилиться» (стр. 222). Такой агностицизм связан с категорическим утверждением автора, будто «расовые признаки вырабатывались независимо от особенностей среды обитания». Оторвав таким образом первобытного человека от среды, в которой тот жил и от которой во многом зависел, автор и не мог прийти к чему-либо иному, как к полному отрицанию понимания причин возникновения рас. В пользу прямой зависимости расовых признаков от условий среды обитания можно привести много аргументов, на которых мы не будем останавливаться, так как они изложены в многочисленных работах². Несомненно также, что в усилении и образовании новых расовых признаков значительная роль принадлежит миграции и связанным с ней изоляции и смешениям. О смешении как о возможном факторе расогенеза автор даже не считает нужным упомянуть.

Нам представляется, что в настоящем виде глава «Расы» не может считаться удовлетворительной ни с фактической, ни с теоретической стороны.

Часть третья — «Будущее» состоит из двух глав. В главе I — «Человек далекого будущего» описаны так называемые прогрессивные или пророческие аномалии, встречающиеся в скелете человека, которые, по мнению некоторых исследователей, указывают на дальнейшее направление эволюции человека. Опираясь на эти высказывания, а также на некоторые данные антропологии об изменениях в форме черепной коробки, наблюдаемых у современного человека, автор создает гипотетического человека «будущего» (*Homo sapientissimus*).

В главе II — «Заключение» автор подвергает суровой критике сторонников дальнейшей эволюции человека и приходит к выводу, что в связи с отсутствием у человека такого фактора эволюции, как естественный отбор, эволюция прекратилась и никакого нового вида человека *Homo sapientissimus* никогда существовать не будет.

В начале этой главы он пишет: «Я не разделяю взглядов анатомов на предстоящую судьбу человека и не думаю, что его скелет даже в очень далеком будущем может принять такие уродливые формы, какие пророчествуют они» (стр. 298). С этими словами нельзя не согласиться. Однако следует заметить, что значительная часть этих уродливых форм создана самим же автором в предыдущей главе, очевидно, для того, чтобы раскритиковать их в заключении. Например, узкие или исчезающие носовые кости, прерванные скуловые дуги и отсутствие межчелюстной кости, рассматриваемые А. П. Быстровым в качестве пророческих вариантов, «обнаружены» самим автором.

Чтобы представить себе человека будущего на основании высказываний других исследователей пророческих вариантов, автор, как он сам пишет, доводит их до «логического конца», который сам и опровергает. Но в конце концов это методический прием для занимательности изложения, который можно извинить. Однако нельзя простить прямое искажение высказываний других исследователей. Речь идет об использовании автором данных Г. Ф. Дебеца об эпохальных процессах брахицефализации и грацилизации черепа, отмеченных им на палеоантропологическом и современном материале. Автор рецензируемой книги в нескольких местах (стр. 292, 295) в весьма резкой форме ставит под сомнение достоверность данных Г. Ф. Дебеца. Между тем эти данные основываются на большом фактическом материале и за десять лет, прошедших со времени выхода книги Г. Ф. Дебеца, подтверждены многими другими исследователями. Сомнения А. П. Быстрова свидетельствуют лишь о его неосведомленности в этом вопросе (впрочем, как мы отмечали выше, и во многих других). Но этим дело не ограничивается. Г. Ф. Дебеч, говоря о процессах грацилизации и брахицефализации, имеет дело с конкретным материалом. Он отмечает интенсивность течения первого из этих процессов — в эпоху палеометалла и до начала II тысячелетия н. э., второго — во II тысячелетии н. э. Разрабатывая вопрос теоретически, Г. Ф. Дебеч пишет: «Не только возможно, но даже бесспорно, что брахицефализация происходила и в более ранние эпохи, а грацилизация в более поздние»³. И далее: «Наблюдаемые изменения морфологических признаков черепа за последние тысячелетия не привели, конечно, к формированию нового вида, и эпохальные изменения, о которых идет речь в данной работе, являются изменениями расогенетическими»⁴.

Но А. П. Быстрову эти положения не подходят. Ему нужны не расогенетические, а эволюционные изменения. Для этого он искажает смысл фразы Г. Ф. Дебеца и приводит его цитату следующим образом: «Не только возможно, но даже бесспорно, что брахицефализация происходила... в более ранние эпохи, а грацилизация — в более поздние» (стр. 295). Как будто никакой разницы? Пропущенная буква «и» заменена тремя точками и подставлено тире! Получено два строго последовательных процесса, не приуроченных к определенному времени. Ну, а дальше совсем просто: Г. Ф. Дебеч пишет о направлении эпохальных изменений, а А. П. Быстров цитирует: «направленной эпохальной брахицефализации...» (разрядка моя.—И. Г.); распространив полученные столь необычным приемом законы развития на весь скелет,

² См., например, Н. Н. Чебоксаров, Основные принципы антропологической классификации, сборник «Происхождение человека и древнее расселение человечества», цит. выше.

³ Г. Ф. Дебеч, Палеоантропология СССР, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», новая серия, т. IV, М.—Л., 1948, стр. 307.

⁴ Там же, стр. 309 (разрядка моя.—И. Г.).

он доводит их до «логического конца» и делает выводы о деталях строения Homo sapien-
tissimus. Причем виноват в этом, по утверждению А. П. Быстрова, Г. Ф. Дебед. Та-
кие приемы, число которых можно умножить, не делают чести их автору и вряд ли
допустимы в научной полемике.

Основной вывод автора о том, что человек в дальнейшем развитии не превратится
в новый вид, бесспорен, но нельзя согласиться с тем, что, начиная с появления кро-
маныонца, человеку свойственна лишь индивидуальная изменчивость, ничем не отра-
жающаяся на внешнем облике людей в целом (стр. 310). Факты свидетельствуют
о другом. Выше уже отмечались процессы брахицефализации и грацилизации. К этому
можно добавить изменение роста, соотношения поперечных диаметров лица и черепа
и др. Эти изменения носят расогенетический характер, исторически приурочиваются
к определенным территориям и времени и связаны со средой в широком смысле. Меха-
низмы изменения определенных признаков пока еще трудно объяснимы, но дальней-
шее развитие науки сумеет найти ответ и на эти вопросы. Поэтому напрасно
А. П. Быстров обвиняет в идеализме исследователей, отмечающих такие изменения,
но не умеющих их объяснить (стр. 312).

В книге имеются и другие недостатки. Так, автор приводит обширную библиогра-
фию, которая в первой части дается в конце глав, а во второй и третьей — в конце
частей. В главе «Млекопитающие» список литературы вообще отсутствует. К главам
«Обезьяны и человек», «Расы» библиография явно недостаточна. Недопустимо, напри-
мер, отсутствие указаний на антропологические работы советских исследователей
А. П. Быстров приводит лишь два учебных пособия: «Антропология» (В. В. Бунак,
М. Ф. Неструх, Я. Я. Рогинский, М., 1941) и «Основы антропологии» (Я. Я. Рогинский,
М. Г. Левин, М., 1955), но материал из книг, приведенных автором в библиографии,
практически не использован. Этим объясняются многие указанные выше недостатки.

Книга хорошо иллюстрирована рисунками и краниограммами. К сожалению, автор
пренебрег общепринятыми в международной литературе правилами помещения кранио-
грамм во франкфуртской горизонтали, что сильно затрудняет пользование ими, осо-
бенно при сравнении.

В заключение еще раз отметим, что рецензируемая книга делится на две неравно-
значные по объему и содержанию части. К первой относятся главы, посвященные
палеонтологии позвоночных и морфологии человека, содержащие обширный и ценный
фактический и теоретический материал. Эти главы рассчитаны на специалистов и при
известной морфологической подготовке читаются легко и с большим интересом. Ко
второй следует отнести главы, касающиеся происхождения человека и рас, а также
большую часть раздела «Будущее». Эта часть является весьма плохой популяризацией
данных антропологии и содержит ряд серьезных ошибок и недостатков. Она ничего
не дает специалистам и дезориентирует рядового читателя.

И. И. Гохман

М. М. Герасимов. *Опыт воспроизведения документального портрета по скелету
из Панджруда*. Сталинабад, 1958, 98 стр.

Общепризнанным в настоящее время стало представление о том, что наиболее круп-
ные и интересные научные открытия делаются в областях, пограничных между раз-
личными отраслями науки. Синтез биологии и химии, химии и физики, филоло-
гии и истории привел к созданию новых научных дисциплин и ознаменовался рядом
блестящих открытий. Однако творческие перспективы комплексного решения научных
проблем не исчерпываются взаимопроникновением соседних областей знания. Иногда
далекие и, казалось бы, несопоставимые отрасли науки находят друг друга, и тогда
возникают совершенно неожиданные точки приложения творческих сил человека,
вроде подводной археологии или астроботаники.

Ярким результатом такого необычайного синтеза — синтеза антропологии и фило-
логии является новая книга М. М. Герасимова. В ней антрополог помогает филологу
открыть не замеченные ранее детали в литературных произведениях Рудаки, а фи-
лолог подсказывает антропологу путь, по которому следует идти в воссоздании прав-
дивого портрета великого поэта. В этой книге анатом говорит с нами языком анато-
мических терминов — и перед нами встает, точно чудом вызванная из небытия, живая
фигура основоположника таджикско-персидской литературы, а внимательный чита-
тель касыд Рудаки открывает нам все новые и новые черточки, дополняющие его
образ. В книге мы находим счастливое сочетание полноты научной аргументации и не-
посредственного ощущения далекой эпохи; при таком сочетании великие деятели
прошлого встают перед нами во всем богатстве жизненных деталей своего облика,
а сама эпоха дана не как нудный перечень дат и имен, а как живая картина, полная
обаяния и романтики.

Новая книга М. М. Герасимова рассказывает об обстоятельствах, связанных с
отысканием могилы Абу-Абдулло Рудаки и созданием его документального портрета.

В 1956 г., в связи с подготовкой к празднованию 1100-летнего юбилея классика персидско-таджикской литературы, М. М. Герасимов получил приглашение принять участие в поисках могилы Рудаки и в случае счастливого завершения этих поисков восстановить по найденному скелету скульптурный портрет поэта. Поскольку точное местонахождение его могилы не было известно, М. М. Герасимов предпринял тщательное изучение всех дошедших до нас произведений Рудаки. В результате оказалось возможным представить себе некоторые детали физического облика поэта, которые ускользали от внимания филологов. Так, в одном из литературных источников XIII в. сообщается, что Рудаки был слеп от рождения. Так как близкие современники Рудаки — Дакики, Фирдоуси, Насир Хосров и др. пишут о нем как о слепом, этот факт почти никогда не вызывал сомнений. Однако внимательное сопоставление ранних и поздних стихов Рудаки позволило М. М. Герасимову сделать любопытное наблюдение о разной образно-стилистической системе тех и других. Если в поздних касыдах Рудаки действительно полностью отсутствуют какие-либо зрительные образы, то ранние его произведения, наоборот, заполнены красочными эпитетами и сравнениями, говорящими о тонком и глубоком восприятии цветового многообразия мира. Мог ли слепой от рождения человек создать такие стихи? Очевидно, нет, и М. М. Герасимов делает из этого убедительный вывод, что Рудаки потерял зрение уже взрослым. Изучение М. М. Герасимовым некоторых строк одного из последних произведений поэта — «Касыды о старости» позволило ему сделать вывод, что потеря зрения, по-видимому, явилась результатом насильственного ослепления, что Рудаки еще при жизни потерял все зубы и что их потеря произошла сразу, а не постепенно. Все это давало М. М. Герасимову возможность выработать объективные критерии в установлении факта идентификации какого-либо погребения с действительным погребением Рудаки. Эти данные, дополненные скудными сообщениями письменных источников о том, что могила поэта находится, по-видимому, в селении Панджруд где-то за старым садом и что над ней раньше стоял мазар, позволили М. М. Герасимову предугадать, какими особенностями должно отличаться найденное погребение, чтобы оно могло быть с достаточной определенностью приписано Рудаки. К числу этих признаков он отнес неперенное нахождение могилы за садом в селении Панджруд, наличие следов мазара над ней, отсутствие в ней более поздних захоронений, свидетельствующее о почитании народом этого места, старый мусульманский обряд погребения, мужской пол и старческий возраст захороненного, полное отсутствие зубов и следы их одновременной потери в строении челюстей, а также наличие компенсаторных изменений в скелете и черепе, связанных со слепотой. И результаты раскопок, предпринятых в Панджруде, подтвердили этот прогноз с такой точностью, какая обычно является достоянием физического эксперимента.

Над погребением, раскопанным в селении за стеной старого сада, действительно сверху оказались следы разрушенного мазара и полностью отсутствовали впускные захоронения. Состояние арчьевого перекрытия и обряд захоронения свидетельствовали о том, что захоронение произведено около 1000 лет назад. Лежавший в могиле скелет, несомненно, принадлежал мужчине, умершему в возрасте 70—80 лет. И нижняя, и верхняя челюсти характеризовались полным отсутствием зубов.

Тщательное изучение скелета и черепа в лабораторных условиях показало, что они имеют ряд особенностей, говорящих о правильности предположений М. М. Герасимова. На обеих челюстях имеются тонкие гребешки, идущие по альвеолярному краю и, по-видимому, свидетельствующие об одновременном или почти одновременном выпадении зубов. Чрезвычайно сильное развитие сосцевидных отростков и сильно оттянутых вниз сочленованных поверхностей основания черепа являются доказательством своеобразной походки с высоко поднятой головой, свойственной слепым. Строение позвоночника указывает на то, что торс был резко выпрямлен и откинут назад, что опять-таки характерно для походки слепого человека. Слепота обнаруженного в могиле субъекта подтверждается и атрофией верхнего края глазниц.

Все перечисленные особенности позволяют предположить, что раскопанный М. М. Герасимовым скелет действительно принадлежал Рудаки. Вторая половина книги посвящена подробному описанию этапов восстановления документального портрета великого поэта. Впервые в своей практике М. М. Герасимов не ограничился реконструкцией портрета по черепу, а использовал ребра, позвонки и кости плечевого пояса для того, чтобы документально воспроизвести верхнюю половину фигуры. Как всегда, скупые, но продуманные детали костюма дополняют общее впечатление.

Перед нами типичный таджик. Он много знал и много пережил. Закрытые глаза его не видят мира, но он описывает действительность так, что зрячие восторгаются яркостью и точностью его описаний. Лоб прорезают длинные морщины — следы душевных потрясений и глубоких раздумий. Таким воссоздал образ Рудаки М. М. Герасимов. В объективно воспроизведенный портрет он внес черты тонкой интеллигентности и богатых переживаний. Поэтому бюст Рудаки воспринимается не только как достижение антрополога, но и как большой творческий успех скульптора.

Есть в книге и спорные места. Так властно приковывает автор внимание читателя к процессу работы, так увлечен ею сам, что не всегда он отделяет гипотезу от твердо установленного факта. То, что Рудаки был ослеплен насильственно, вполне возможно, даже весьма вероятно. Но все-таки это менее достоверно, чем, скажем, отдельные детали реконструкции. Переломы ребер и позвонков, по-видимому,

ействительно связаны с какой-то насильственной травмой. Но связь их с ослеплением является лишь более или менее вероятным предположением.

Попадают и мелкие недосмотры. На стр. 40 череп с черепным указателем 83,2 назван среднешироким. В таблице на той же странице отсутствует величина высоты згиба скуловой кости. Но все это — мелочи, которые легко могут быть исправлены при повторном издании книги. Издательство АН СССР сделало бы хороший подарок советскому читателю, если бы переиздало книгу М. М. Герасимова, изданную в Сталинабаде в количестве 1000 экземпляров и уже сейчас ставшую библиографической редкостью.

В. П. Алексеев

НАРОДЫ СССР

М. К. Азадовский. *История русской фольклористики*. Под общей редакцией Э. В. Померанцевой. М., Учпедгиз, 1958, 478 стр.

Изданный посмертно фундаментальный труд проф. М. А. Азадовского является итогом его многолетних исследований. В кругу научных интересов М. К. Азадовского история фольклористики всегда занимала одно из основных мест. Ему принадлежит заслуга изучения прогрессивной, революционно-демократической линии в русской фольклористике XVIII—XIX вв. М. К. Азадовский в ряде работ показал большое теоретическое значение высказываний по фольклору Радищева, декабристов, Пушкина, революционных демократов, определил их место и значение в истории русской фольклористики. В указанном М. К. Азадовским направлении пошла работа его учеников и последователей. Однако все эти работы посвящены отдельным ученым и писателям или объединениям, кружкам и пр. Рецензируемый труд представляет первое в советской науке целостное, написанное с марксистских позиций, изложение истории русской фольклористики от ее зарождения до середины XIX в.

Основные принципы исследования изложены М. К. Азадовским во «Введении». Предметом его изучения являются не только научные труды по фольклору в собственном смысле этого слова, но также работы и высказывания писателей, публицистов, историков и пр., обращавшихся к народной поэзии, выдвигавших и разрешавших отдельные ее проблемы. Такое расширенное понимание фольклористики закономерно; оно придает исследованию полноту и позволяет более глубоко и всесторонне представить процесс развития науки о народном поэтическом творчестве.

Фольклористику М. К. Азадовский признает самостоятельной отраслью знания, но подчеркивает ее неразрывную связь с этнографией и литературоведением. «Сам фольклор тесно связан с литературой и с этнографией. Неотделимый от литературы по своему идейному и художественному значению, фольклор в то же время нельзя отделить и от этнографии, он связан с ней и как памятник народного быта и как памятник исторического прошлого» (стр. 35). Связи фольклористики с этнографией и литературоведением прослеживаются на протяжении всего исследования.

Историю фольклористики М. К. Азадовский рассматривает в связи с историей общественно-политической борьбы, с идейными течениями эпохи. В этом отношении он примыкает к А. Н. Пыпину, впервые поставившему явления фольклористики и этнографии в связь с общественными движениями. Но А. Н. Пыпин писал свой труд, когда он отказался от революционно-демократических убеждений и перешел на либеральные позиции. Как справедливо пишет М. К. Азадовский, «общественные проблемы уже утратили в его книге ту политическую и социальную остроту, которая была характерна для него самого в первый период его деятельности» (стр. 22). Поэтому он не всегда мог правильно объяснить и оценить приводимые факты, а в ряде случаев (особенно при изложении истории фольклористики и этнографии последнего периода) ограничивался формальными определениями. М. К. Азадовский прослеживает связи с общественными течениями последовательно, каждый отмеченный факт получает объяснение и правильно оценивается.

Характеризуя направления в фольклористике и деятельность отдельных лиц, М. К. Азадовский не упрощает их взглядов, а показывает их во всей сложности. Так, он отмечает, что отношение к фольклору передовых деятелей русской культуры, при общей прогрессивной, революционной направленности, отличается и известной ограниченностью, порой противоречивостью, а представители умеренных и консервативных политических убеждений сделали ряд ценных наблюдений о природе и художественных особенностях народного творчества (так оценивается деятельность Н. М. Карамзина, А. Шишкова, славянофилов и др.). Выявляется и своеобразие подхода к народному творчеству крупных ученых и писателей.

Новая порою интерпретация фактов, введение в научный оборот ряда новых фактов и имен составляют важное достоинство разбираемого исследования. Основное же значение и ценность его состоят в том, что в нем весь процесс развития русской фольклористики предстает в новом свете. В работах начала XX в. история фольклористики представлялась как последовательная смена школ: мифологической, мигра-

ционной и антропологической, или этнографической; все же, что было сделано до появления мифологической школы, объявлялось только предисторией науки. Эта схема перешла без существенных изменений и в советскую науку; она была лишь социализирована. Мифологическая школа стала рассматриваться как выражение помешанных, славянофильских взглядов, теория заимствования связывалась с развитием капитализма и т. д. М. К. Азадовский решительно выступает против такого изображения истории фольклористики: «Общепринятая схема,— пишет он,— не только не может раскрыть сущность исторического развития науки о фольклоре, но, наоборот, она запутывает подлинное представление о развитии научных теорий и создает мнимо-эволюционный ряд» (стр. 28).

Во введении, а затем во всем исследовании М. К. Азадовский убедительно показывает, что эта схема неверна фактически и по существу. Она не учитывает всего богатства фольклористики, далеко не все направления и взгляды укладываются в нее. Неправильно и представление о якобы последовательной смене школ: работы о заимствовании сюжетов появлялись и у нас и за рубежом до мифологической теории и не сменяли ее, а сосуществовали с ней; то же относится и к другим теориям. Среди ученых, относимых к одной школе, были люди разных общественно-политических убеждений и работы их имели разную, порой противоположную направленность. Так, среди мифологов, которых отождествляют со славянофилами, были либералы Ф. И. Буслаев и А. Н. Афанасьев, представитель передовых тенденций в науке — А. А. Потебня, революционные демократы И. А. Худяков и И. Г. Пришвин, страстный борец со славянофильством — А. А. Котляревский и только один славянофил — Ор. Миллер. Раскрытие разных направлений и оттенков, борьбы мнений в пределах одной школы является крупной заслугой М. К. Азадовского.

Исследование посвящено в основном периоду, оценивавшемуся ранее как донаучный. Автор раскрыл значение этого периода в истории науки и показал, что в отношении к народному поэтическому творчеству основные направления сложились уже в XVIII в., когда были высказаны и важные теоретические положения, развивавшиеся в дальнейшем.

Правильно освещен в книге вопрос о взаимоотношении русской фольклористики с западноевропейской, в который было внесено много путаницы. М. К. Азадовский показывает, что русская наука не была изолирована от европейской, а развивалась в одном русле с ней. Все крупные явления философской мысли и сколько-нибудь значительные издания и исследования народной поэзии находили у нас живой отклик. Но это было не механическое, а творческое восприятие; на русской почве эти идеи претерпели специфическое преломление; русская действительность заставляла выдвигать и такие проблемы, которые в западноевропейской фольклористике не ставились. Своеобразие русской науки в труде М. К. Азадовского выступает очень отчетливо.

Специальная глава посвящена украинской фольклористике и связям русской науки о фольклоре с фольклористикой славянских стран. М. К. Азадовский характеризует деятельность такого крупнейшего деятеля славянской культуры, как Вук Караджич, славной плеяды чешских ученых и писателей, учеников Иосифа Домбровского — П. Шафарика, Ф. Челаковского, В. Ганки и др., польских этнографов и фольклористов — Гуго Коллонтая, Я. Воронича, К. Бродзинского, З. Доленго-Ходаковича, знаменитого поэта А. Мицкевича; показывает разнообразные, многосторонние связи русских и славянских исследователей, взаимообогащавших друг друга. Эта часть исследования, построенная с привлечением свежего материала, несомненно, вызовет интерес и у ученых славянских стран народной демократии.

Книга М. К. Азадовского будит научную мысль и толкает к продолжению работ по истории фольклористики. Естественно, что в труде, обобщающем развитие науки за большой исторический период, нельзя было одинаково подробно рассмотреть работы всех ученых и писателей, обращавшихся к фольклору. В ряде случаев характеристики очень сжаты, некоторые имена лишь названы: охарактеризовать деятельность, развить высказанные положения — задача других исследователей. Возможны и некоторые коррективы в оценках, но это касается лишь отдельных, незначительных частностей. В целом же труд М. К. Азадовского — ценное пособие для фольклористов, этнографов и литературоведов.

Книге предпослано очень содержательное предисловие В. М. Жирмунского. Оно главенное скромно «Биографический очерк», оно характеризует научную деятельность М. К. Азадовского и раскрывает основные положения и значение публикуемого труда.

Подготовка книги к печати была осуществлена Л. В. Азадовской, В. Ю. Крупянской и Э. В. Померанцевой. Благодаря их большой, любовно проделанной работе труд М. К. Азадовского увидел свет. Но пока издана только первая часть его. Надо пожелать, чтобы и вторая часть, посвященная такому важному и сложному периоду истории русской фольклористики, как вторая половина XIX и начало XX в., была тоже издана как можно скорее. К ней надо дать список имен, упоминаемых в обеих частях исследования (отсутствие такого списка в первой части является несомненным недостатком). Желательно также расширить библиографию, включив в нее основные исследования по истории фольклористики, в том числе и последних лет.

Рязанское село Кораблино (История, экономика, быт, культура, люди села). «Ученые записки Рязанского педагогического института», т. XVIII, Рязань, 1957, 437 стр.

Книга «Рязанское село Кораблино» представляет собой коллективный труд работников Рязанского государственного педагогического института (руководитель коллектива — проф. В. И. Селиванов). В исследовании активное участие приняли учителя Кораблинской средней школы и руководители местных партийных и общественных организаций.

Работа опубликована в серийном издании «Ученые записки Рязанского педагогического института». «Ученые записки» выходят с 1939 г., в основном по одному тому в год. В годы, совпадающие с юбилейной датой (как, например, десятилетие Педагогического института), выпускали дополнительный том. В «Записках», как правило, печатаются статьи научных работников четырех факультетов Института, выполняемые в качестве плановой работы или же связанные с подготовкой кандидатских или докторских диссертаций. Для этнографов представляют интерес работы историко-краеведческого характера: статьи по топонимике и этнонимике Н. П. Милонова (тт. XI и XVI); историко-этнографический очерк по истории крестьянского жилища с конца XIX в. В. Г. Руделева (т. XVI); статьи по археологии Рязанского края Н. П. Милонова и других (тт. III, IV, VI, XIV и XVII).

Рецензируемый труд состоит из семи глав. В главе I — «История села Кораблино» (автор Н. П. Милонов) дается материал по ранней истории села Кораблино, характеризуется состояние села в XVII—XX вв., описывается установление Советской власти на селе (последний раздел написан учительницей Р. А. Некрасовой). Глава II — «Современная экономика села» (авторы А. М. Жуков и С. Ф. Бутров) содержит характеристику экономики села с 1941 по 1957 г. и состояния торговли в этом селе. В главе III — «Колхозная семья» (автор В. И. Селиванов) рассматривается колхозная семья как первичный коллектив людей, ее благосостояние и выполнение ею воспитательных функций. Глава IV — «Современный сельский быт» (авторы Т. С. Жбанкова, В. Г. Руделев и З. А. Ерофеевская) включает три раздела: 1) Постройки в селе Кораблино; 2) Домашняя обстановка, пища, одежда, праздники; 3) Особенности говора села Кораблино. В этой главе, на наш взгляд, распределение материала неудачно: непонятно, почему говор попал в главу о быте, а также почему соединены совершенно различные категории материальной и духовной культуры. В главе V — «Сельские советские и общественные организации» (авторы Ю. В. Фулин, А. Д. Иванова и В. Ф. Кичигина) прослеживается работа комсомольской организации Кораблинского сельсовета и партийной организации с 1918 г. Глава VI — «Кораблинская средняя школа» (авторы Д. С. Логинов и М. С. Говоров) содержит материал по истории школы, учебно-воспитательной и внешкольной работе, характеристику педагогического коллектива школы и кораблинских школьников. В главе VII — «Культурный рост населения» (авторы И. П. Попов, В. И. Селиванов, К. Т. Каширина) прослеживается культурно-просветительная работа на селе и здравоохранение с 1918 г. В заключение дана характеристика духовного облика людей этого села.

При составлении отдельных глав использованы различные источники: документы Рязанского областного архива, материалы, хранящиеся в учреждениях села Кораблино, документы, находящиеся в правлении колхоза, бухгалтерские годовые отчеты и приложения к ним, протоколы общих собраний и производственных совещаний; из архива Кораблинской школы использованы протоколы родительских собраний; собран материал непосредственного наблюдения и опроса населения, в некоторых разделах — по специально составленным программам. Так, В. И. Селивановым была составлена программа по изучению колхозной семьи; в основу ее была положена статья П. И. Кушнера (Кнышева) «О некоторых процессах, происходящих в колхозной семье» («Сов. этнография», 1956, № 1). Широко использована литература по истории Рязанского края, в основном по постройкам, и педагогическая.

Необходимо, однако, отметить, что не все источники полностью изучены. Не привлечены материалы переписей 1916, 1917 гг., хранящиеся в Рязанском областном архиве. Они могли бы дополнить конкретные данные по экономике села Кораблино накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Не использован богатейший материал по свадьбе, хранящийся в Рязанском краеведческом музее, а также большая литература по одежде Рязанского края, которая была бы полезна автору раздела «Одежда» в отношении методики и сравнительного материала.

Следует всячески приветствовать проявленный авторами интерес к изучению современности — изложенные в книге материалы характеризуют преимущественно современную жизнь обитателей села Кораблино. Можно лишь посветовать на то, что, описывая явления современного быта, авторы некоторых глав недостаточно показали их связь с элементами дореволюционной материальной и духовной культуры, корни которых хорошо вскрыты в главе I книги.

В предисловии авторы называют свою работу очерками. С этим нельзя не согласиться. Если говорить о монографии, то нужно было бы ввести ряд новых тем, — в первую очередь, конечно, главу о географических и природных условиях села Кораблино; можно было бы дать и антропологическую характеристику жителей села; необходимо было бы описать организацию труда и производственные отношения в колхозе, широко охарактеризовать рост техники в сельском хозяйстве; целесообразно

было бы описать рыболовство и дать более полные исследования материальной и духовной культуры. Однако, не будучи монографией, работа все же представляет собой единое целое. Круг правильно намеченных вопросов объединяет отдельные очерки, связанные также единой установкой.

Задачу своей работы авторы определяют как попытку показать на примере рядового колхоза те изменения, которые произошли за 40 лет Советской власти в экономике, быте и духовном облике людей русского села. Материал всех глав показывает руководящую роль Коммунистической партии при ломке старого уклада и создании нового, социалистического уклада. В работе показано, как новые производственные отношения, сложившиеся в результате коллективизации, изменяют экономику села, улучшают благосостояние семьи и создают, вместе с просветительной работой школы и массовых культурно-просветительных учреждений, новый облик крестьянина — строителя коммунистического общества. В заключении дается характеристика лучших людей села. Здесь и школьные работники, и доярки, и телятницы, и агрономы. Они — носители новых качеств, присущих не отдельным лицам, а всей массе передового советского крестьянства. Это — социалистическое отношение к общественному труду, коллективизм, патриотизм, оптимизм, дисциплинированность, оперативность. Авторы во всех разделах работы отмечают все ведущее, что характерно для социалистического общества. Наряду с этим они отмечают и вредные пережитки прошлого (так, в некоторых семьях отмечается превалирование интереса к работе в своем хозяйстве и другие отрицательные явления) и указывают меры борьбы с ними, хотя это сделано далеко не везде. Изучение современного села в таком разрезе совпадает с резолюцией Этнографического совещания 1951 г., в которой рекомендовалось связывать исследование современного быта и культуры с практическими задачами строительства коммунизма в нашей стране (см. «Сов. этнография», 1951, № 2). Хотелось бы отметить некоторые недочеты в этом отношении. Так, отмечая недостатки в культурно-просветительной работе, преподаватели Педагогического института могли бы указать конкретные мероприятия, необходимые для усиления этой работы. Если бы авторы раздела «Экономика колхоза», обратив внимание на низкую урожайность зерновых и заболоченность лугов, связались со специалистами Рязанского сельскохозяйственного института имени Костычева, они могли бы наметить выход из этого положения.

Следует помнить, что в целом рецензируемая работа не является этнографической. Но изучение процесса переустройства быта народа, изучение новых, социалистических форм его быта — тема, крайне мало разработанная, — стоит перед всеми исследователями современной деревни. Не во всем эта книга удовлетворяет требованиям, которые стали обязательными для этнографов при разработке этой темы. Мешают и отсутствие указаний на территориальную распространенность явлений и некоторая неувязанность принципа историзма, недостаточное внимание к вопросам об этнических связях и к выявлению этнических особенностей, слабое привлечение данных фольклора и изобразительного народного искусства. Однако методическая разработка отдельных глав может быть полезна и для этнографов.

Главы I—III в методическом отношении могут в известной степени служить руководством для изучения быта в историко-этнографическом аспекте. В главе I («История села Кораблино») выявляются следы обитания человека в окрестностях села Кораблино с эпохи неолита. Славянское селище обнаружено на территории самого села. Наличие городищ дьякова типа, финских могильников, славянских курганов, городищ и селищ в ближайших к Кораблину селениях — все это очень четко говорит о тех компонентах, из которых складывалось население села Кораблино. Формирование населения на территории Рязанского княжества, в треугольнике между Окой, Осетром и Проней, это — формирование части южновеликорусов, ветви великого русского народа. Материалы, использованные в этой части главы, подводят хороший фундамент под разработку проблемы этногенеза изучаемой группы населения Рязанского края, хотя рецензируемая работа не ставит этой проблемы как таковой. Коротенькая, очень компактная статья о говорах характеризует говор села Кораблино как южновеликорусский. О том же свидетельствуют элементы построек и одежды. К сожалению, авторами не привлечены материалы по бытованию в Кораблине в прошлом лодки из двух колод со вставным дном, хотя ареал ее, совпадающий с территорией обитания вятичей, позволяет поставить вопрос о связи местного населения с вятичами. Не изучены авторами и многие элементы материальной культуры, которые могли бы вскрыть и остатки дославянских культур: например, в Кораблине бытовала двуколка — «одёр», аналогичная распространенной в северной части Рязанской области; исследователи связывают ее с тюрко-монгольскими народами Азии и считают, что в состав русской культуры она вошла через финно-угорскую среду. Изучение рыболовства, имевшего громадное значение в жизни кораблинцев в прошлом и сохранившего его отчасти и в настоящее время, помогло бы вскрыть в некоторых приемах и орудиях лова древние элементы культуры.

В главе I прослеживается история села Кораблино в феодальную эпоху, в связи с историей Рязанского края и всей страны, а также сложение капиталистических отношений в XVIII и XIX вв. Обрисована обстановка в селе накануне Великой Октябрьской социалистической революции и в первые годы Советской власти, до коллективизации. В этой части работы на основе документальных материалов пока-

зна во всех подробностях вековая борьба крестьян за землю и за свободу. Отмечено алоземелье, зависимость крестьян от мелкопоместных землевладельцев-дворян, эксплуатация со стороны которых была особенно жестокой, что вызвало сильное развитие гонимости: кораблинцы были на оброке еще в эпоху крепостного права; еще большее значение отходничество получило в конце XIX в. Описано быстрое проникновение в сознание кораблинцев передовых революционных настроений, которые ярко выразились в 1917 г. при голосовании в Учредительное собрание (97,5% голосовало за большевиков). Все это явилось важнейшей предпосылкой политической и трудовой активности кораблинцев в условиях нового, социалистического общества после Октября.

Глава II («Современная экономика колхоза») написана хорошо. Удачно подобраны диаграммы, с расшифровкой их содержания. Очень ценным является вычисление естественности продукции. Вся глава — хороший образец изучения экономики колхоза. Но для этнографических целей недостаточно изучения колхоза с точки зрения его оходности. Следовало бы сравнить направление хозяйства здесь и в других колхозах Рязанской области и связать его с природными условиями изучаемого села, с техникой и организацией труда.

Глава III («Колхозная семья») содержит обильный конкретный материал по современной семье. Очень ценным является показ современной трудовой крестьянской семьи, ее морального облика, выявление ведущей роли женщины в воспитании детей и в борьбе с некоторыми, еще сохраняющимися в семейном быту отрицательными явлениями. Анализ и обобщение этого материала дают возможность считать эту главу образцом для изучения современной семьи.

В материалах по современному сельскому быту, содержащихся в главе IV, хочется особо остановиться на очерке «Постройки в селе Кораблино». Автор прослеживает изменения построек за сто лет. На основании сохранившихся старинных строений («жилье дворовых») и терминологии отдельных частей современного жилого помещения автор делает вполне правильный вывод о наличии в древности на этой территории южновеликорусского плана. Распространение северновеликорусского плана и клетки он относит к более позднему времени. В современных постройках им отмечается связь с традиционными формами и в то же время выявляются совершенно новые черты в развитии жилого дома: его многокомнатность, изменение положения русской печи, появление новых отопительных приспособлений, значительное улучшение санитарных условий. Прослеживается отмирание ряда хозяйственных построек (риг, амбаров), так как они стали ненужными при обобществленном хозяйстве. Однако и в этом разделе приходится отметить некоторую недоработку: не дана конкретная картина современного распределения построек по их характерным признакам в связи с временем их возведения, не показано и бытовое использование описываемых строений. Недостатком является и то, что планы даны без масштаба, подписи под фото, рисунками и планами неточны и имеются не везде, тогда как в этих подписях должны быть указаны точное название строения, год постройки и т. д. Что же касается сборного раздела «Домашняя обстановка, пища, одежда, праздники», то весь этот раздел скорее беллетристическая статья, чем научная. Основная мысль статьи — что все изменилось к лучшему, все говорит о зажиточности колхозников, — выражена декларативно. Автор, описывая убранство дома, отмечает стремление хозяев удовлетворить свои эстетические запросы, говорит о ковриках, о картинах, как о положительном явлении. Но все ли благополучно в этом отношении? Не приходится сомневаться, что образцы народного прикладного искусства (вышитые полотенца, кружева и пр.), выполненные жителями села или доставшиеся им от матерей, больше говорят о подлинном эстетическом вкусе народа, чем приобретаемые на рынке картины и коврики. Если подходить критически к внутреннему убранству современного сельского дома, то приходится иногда констатировать некоторый уклон в мешанство, чему немало способствует широкое распространение малохудожественных рыночных изделий.

В статье об одежде автор правильно отмечает смену комплекса одежды, связанной с поневой, комплексом одежды, связанной с сарафаном, в конце XIX в., но остается неясным, какую из современных форм одежды стали носить в начале XIX в. У автора имеются попытки разделить одежду — по возрастным группам, на праздничную и будничную, но в это деление не вкладывается соответствующего содержания. Не даны описания форм одежды и ее типология, не указаны основные признаки отдельных видов одежды, бытовавших до революции и сохранившихся до наших дней.

Автор определяет поневу как юбку из домотканной клетчатой материи. Между тем, как известно, понева не юбка, а особая поясная одежда, в прошлом несшитая, на вздержке или подвязываемая поясом; различают типы поневы — по способу ношения, по расцветке поля и клеток и по другим признакам. В селе Кораблино можно четко проследить южновеликорусский комплекс одежды. Здесь носили синюю клетчатую с прошвой поневу, белый распахной шерстяной шушпан, рогатую кичку (в конце XIX в.) или рогатый повойник и лапти московского типа. Этот комплекс характерен для определенной части Рязанского края (в древности Рязанского княжества): территории от реки Пры между Проней и Осетром, связанной с древними поселениями вятичей. Второй комплекс — с прямым московским сарафаном, как и северновеликорусский план жилища, связан с влиянием Москвы. Комплекс одежды с юбкой и кофтой —

результат влияния отходничества. При изучении современной одежды следовало отметить что сохраняется традиционного в рабочей одежде (например, фартуки), а также разобратся в причинах устойчивого бытования головных уборов типа платка. Необходимо было бы обратить внимание на распространение покупной готовой одежды, проследив, всегда ли ее носят в том виде, как она куплена, или изменяют в связи с местными вкусами.

В разделе о пище имеются и некоторые фактические ошибки. Так, яичница с салом и ветчиной и жареный в сале картофель отмечаются автором как новые блюда (стр. 196). Между тем эти блюда готовили и до Октябрьской революции, но они были «гостевыми» или обрядовыми (яичницей с очень отдаленных времен «кормили молодых» и до сих пор обязательно готовят ее на свадьбе), теперь же, благодаря зажиточности колхозников, такие кушанья стали повседневными.

Недостаточно глубоко описаны и явления духовной культуры, в частности фольклор, а материал по этим вопросам в Корабле богатый. Так, в 1934 г. Р. С. Липец записала там большое количество произведений прозаических жанров. Наряду с этим следует отметить, что составители сборника при записи автобиографий и легенд использовали жанр устного сказа, хотя жанр этот, по существу, в значительной степени имеет служебное, а не художественное значение.

Несмотря на некоторые недостатки, отмеченные нами при анализе отдельных глав книги, следует признать работу, проведенную авторским коллективом, шагом вперед в изучении колхозной деревни, приветствовать почин Рязанского педагогического института и пожелать его коллективу продолжить свое полезное дело.

Н. И. Лебедева

В. В. Пименов, Е. М. Эпштейн. *Русские исследователи Карелии (XVIII в.)*. Петрозаводск, 1958, 195 стр.

Книга посвящена истории изучения Карелии русскими исследователями XVIII в. и написана в виде очерков об отдельных исследователях. Она состоит из введения, девяти глав и заключения. Приложен список литературы и архивных источников, карта Олонецкого уезда, составленная А. Клешиным в 1728 г., и впервые опубликованный полностью архивный источник — «Поденная записка, учиненная во время обозрения губернии правителем Олонецкого наместничества Державиным» (1785).

Во вводной главе книги отражен процесс накопления сведений о Карелии. Этот краткий очерк истории изучения Карелии подводит к XVIII в., которому посвящены следующие главы. В главе 1-й объясняется, почему именно в XVIII в. пробуждается интерес к Карелии. Необходимость изучения ее была вызвана, как отмечают авторы книги, общим ходом развития Русского государства в послепетровское время. Развитие экономики требовало знания природных ресурсов различных районов. Положение Карелии на границе с другими государствами также побуждало к этому. Следующие главы книги — очерки об отдельных исследователях (И. И. Лепехине, Э. Лаксмане, Н. Я. Озерецковском, Г. Р. Державине, П. Б. Иноходцеве, П. И. Челищеве, В. М. Севергине). Каждая глава включает биографические данные об исследователе, описание маршрутов путешествий и экспедиций, перечисление его заслуг в той или иной области изучения Карелии (в геологии, истории, этнографии). В заключительной главе подведен итог деятельности ученых-путешественников и сделаны обобщения на основании их личных материалов.

Несомненное достоинство книги — использование малоизвестных архивных материалов («Поденная записка...» Державина, его же «Замечания» на работу Т. И. Гуттолмина «Исторические примечания о древности Олонецкого края и о народах, прежде там обитавших, и топографическое описание о городах и уездах Олонецкого наместничества» (1785) и др.). Обращено внимание читателей на источники, которыми могут пользоваться историки и этнографы. Достоинством работы является и то, что изучение Карелии в XVIII в. поставлено авторами книги в связь с общим ходом развития Русского государства.

Работа носит, однако, слишком описательный характер. В ней почти нет теоретических обобщений; недостаточно дан анализ научных наблюдений исследователей. Правда, в главе о Державине дается критика взгляда его на язык карел, в главе об Иноходцеве указывается на подмеченные им возрастные различия в женской одежде, в главе о Челищеве обращено внимание на интерес его к вопросам истории формирования этнического состава населения края. Но авторы книги почти не затрагивают проблем, касающихся истории Карелии, кроме проблемы «чуди» (в главе об Иноходцеве).

В заключительной главе дается характеристика хозяйственно-культурных типов Карелии и выделяются три типа: «поморский», «свирско-онежский» и «карельско-при-

«дожский». Но материал, который привлекли авторы книги, недостаточен, чтобы на основе его выделить эти типы. Кроме того, если название «поморский» говорит об основных чертах этого типа (морское рыболовство, промысел морского зверя), названия двух остальных типов придают им слишком локальное значение, тогда как хозяйственно-культурные типы, скрывающиеся под названиями «свирско-онежский» «карельско-приладожский» (подсечное земледелие, трехполье и животноводство и подсечное земледелие со слабым развитием животноводства) отмечаются на довольно значительном пространстве, выходящем за пределы Свири, Онежского озера, Карельского перешейка и Приладожья.

И. В. Власова

Roman Jakobson, Gerta Hüttl-Worth, John Fred Beebe. *Paleosiberian Peoples and Languages, a bibliographical guide*. Hraf press, New Haven, 1957, 224 стр.

Выход в свет указателя литературы и архивных источников по разным областям изучения палеоазиатских народностей — явление весьма отрадное. Необходимость издания такого справочника назрела уже давно. Палеоазиаты привлекают все большее внимание широкого круга историков, археологов, антропологов, языковедов и специалистов других смежных областей знания, так как изучение палеоазиатской проблемы (давно уже вышло за рамки собственно палеоазиатоведения. Всестороннее и более глубокое изучение истории, этнографии и языков палеоазиатов, в частности северо-восточных, открывает широкие возможности для выяснения их связей с другими группами народов Севера и для понимания проблем, связанных с заселением человеком северной части американского материка. Поэтому понятен тот интерес к литературе и другим источникам о палеоазиатах, а также те высокие требования, которые предъявляют ученые к такого рода справочному изданию.

Составители указателя считают палеоазиатами (по их терминологии палеосибирцами) нивхов (гиляков), чукчей, коряков, ительменов (камчадалов), юкагиров, чувандев, омоков, кетов, коттов, ассанов, аринов. Они придерживаются старых названий этих народов, что представляет неудобства даже в пределах рецензируемого указателя (подробнее об этом будет сказано ниже). Составители не связывают себя никакими хронологическими рамками и не придерживаются никакой периодизации.

Рецензируемый указатель литературы о палеоазиатских народах и их языках состоит из шести разделов, не считая предисловия и приложений. Под рубрикой «Раздел 0. Источники библиографического изучения» опубликован перечень библиографических указателей как общих для всей Сибири и Севера, так и специальных, содержащих сведения о литературе, посвященной только палеоазиатским народам. Сюда же включены научные работы о палеоазиатах и их языках, к которым приложены списки специальной литературы. Этот раздел содержит более 75 названий. «Раздел 1. Работы, содержащие общие сведения обо всех или некоторых палеоазиатских народах». В этом разделе значится 587 названий книг, статей, неопубликованных архивных источников. Некоторые номера дублированы и даны под литерами а, б, с... (например, 401а, 401б и т. д.)¹. «Раздел 2. Гиляки». Содержит 247 названий плюс несколько названий под литерами. «Раздел 3. Чукотская группа (чукчи, коряки, камчадалы)». 773 названия плюс несколько десятков названий под литерами. «Раздел 4. Юкагирская группа (юкагиры, чуванды, омоки)». Всего около ста названий. «Раздел 5. Енисейская группа (кеты, котты, ассаны, арины)». 131 название.

В каждом разделе выделены под особым заголовком, но с сохранением общей пагинации «Анонимные и коллективные работы», а также «Неопубликованные архивные источники». В общей сложности составителями учтено около двух тысяч названий книг, статей и рукописей по истории, этнографии, археологии, антропологии, экономике, географии и языкам палеоазиатских народностей. Сюда же входит учебная, политическая и художественная оригинальная и переводная литература на палеоазиатских языках, имеющих письменность. Помимо перечня опубликованных работ более чем на двадцати языках, включая сюда и литературу на языках палеоазиатов, составители библиографии сообщают также некоторые данные о неопубликованных работах и материалах, хранящихся в архивах СССР: в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА), в Архиве Академии наук СССР, в Рукописном отделе Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, в Отделе восточных рукописей Института востоковедения АН СССР, в фондах Института этнографии АН СССР, в архиве Главсевморпути (фонд Комитета Севера при Президиуме ВЦИК), в архиве Всесоюзного географического общества и др. Составители учли также данные о неопубликованных материалах по языкам, истории и этнографии палеоазиатов, имеющихся в рукописных собраниях отдельных лиц и учреждений Соединенных Штатов Америки и других стран. В указателе, в частности, имеются справки о материалах по чукотскому языку, хранящихся в Смитсоновском институте

¹ В других разделах также имеется значительное число дублетных номеров.

в Вашингтоне. Сообщается, что в библиотеке Американского философского общества в Балтиморе сосредоточены главным образом материалы по языку и этнографии чукчей из собрания бумаг Ф. Боаса; в библиотеке Гарвардского университета — коллекции карт Сибири, полученные от Л. С. Багрова; в Отделе рукописей Публичной библиотеки Нью-Йорка — рукописи, преимущественно по этнографии и языку ительменов (словари, тексты), собранные В. И. Иохельсоном в 1910—1911 гг.; в библиотеке Конгресса Вашингтона — часть русских церковных архивов с Камчатки (38 связей); в библиотеке Американского музея естественной истории в Нью-Йорке — материалы по этнографии нивхов (Л. Я. Штернберг, «Социальная организация гиляков»); в г. Аугсбурге — тексты на кетском языке из частного собрания Г. Финдейзена.

Основными источниками для составления рецензируемого указателя служили русские библиографические справочники, издававшиеся как до Великой Октябрьской социалистической революции, так и после нее. Помимо этих специальных изданий, составители использовали общие работы по истории, этнографии, антропологии, археологии Сибири и Севера, а также работы о языках палеоазиатских народов. Ими использовано более 75 названий библиографических обзоров и общих работ, в которых имеются списки литературы о палеоазиатах. В числе этих обзоров и работ — семь названий, изданных в Соединенных Штатах Америки и в Германии.

Сведения об архивных материалах по истории, этнографии и языкам палеоазиатов, хранящихся в архивах Советского Союза, почерпнуты составителями, хотя они об этом нигде прямо не говорят, из книг и статей, опубликованных в СССР. Нужно отметить всестороннее использование составителями соответствующих сведений, порой даже с теми краткими замечками специального характера, которыми сопровождаются справки об этих архивных материалах в книгах советских авторов. Наиболее полно использованы данные, опубликованные в следующих книгах: М. А. Сергеев, «Некапиталистический путь развития малых народов Севера» (Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. XXVII, М.—Л., 1955), откуда в список литературы включены названия рукописей из фондов Института этнографии АН СССР, Комитета Севера при Президиуме ВЦИК и др.; С. К. Булич, «Очерки истории языкознания в России» (т. I, СПб., 1904), откуда почерпнуты сведения о рукописных глоссариях XVIII в., хранящихся в рукописном отделе Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина и в Архиве Академии наук СССР; Г. Ф. Миллер, «История Сибири», т. I (Изд. АН СССР, Л., 1937), где в специальном приложении опубликован составленный Н. А. Бакалановой и А. И. Андреевым подробный «Обзор рукописей Г. Ф. Миллера по истории, географии, этнографии и языкам народов Сибири, хранящихся в московских и ленинградских архивах и библиотеках» (из этого «Обзора» в указатель включены сведения о рукописных материалах по истории, этнографии и языкам палеоазиатских народов); И. С. Вдовин, «История изучения палеоазиатских языков» (Изд. АН СССР, М.—Л., 1954), из приложений к этой книге (стр. 150—163) взяты в указатель подробные сведения об архивных материалах по палеоазиатским языкам (XVIII—XIX вв.), находящихся в собраниях рукописей Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, Института востоковедения АН СССР, Всесоюзного географического общества и некоторых других.

Включение архивных материалов в библиографический указатель — факт несомненно положительный, так как широкий круг исследователей получает возможность использовать в своих работах новые источники. Хорошо известно, как трудно изучать историю и этнографию бесписьменных в недалеком прошлом народов и как ценны поэтому сведения о них, об их нравах, обычаях, об их языках и диалектах, имеющиеся в разного рода архивных источниках. Из включенных в указатель перечней архивных материалов видно, как много сделано представителями русской науки по собиранию различных сведений о жизни, быте, культуре и языках палеоазиатских народов, а также и то, с каким вниманием и тщательностью ведется работа по выявлению и первичной обработке этих материалов.

Данные о неопубликованных архивных материалах, хранящихся в советских учреждениях, отличаются полнотой и ясностью справочных сведений (дата, количество листов, шифр архива и т. п.). К сожалению, этого нельзя сказать о многих названных в указателе архивных материалах, хранящихся в научных учреждениях США. Приведем пример: «Иохельсон В. И. Камчадалско-русский и русско-камчадалский словарь (на карточках). Публичная библиотека Нью-Йорка. Отдел рукописей». Что может понять читатель из этой справки? Тут нет ни даты, ни шифра архива, не указано количество карточек. Или в третьем разделе под номером 772 сообщается: «Епархиальные известия из Восточной Сибири и Камчатки. Часть русских церковных архивов с Камчатки. Вашингтон. Библиотека Конгресса. 38 связей». В таком виде эта справка мало что дает. Следовало бы в нескольких словах раскрыть основное содержание этого несомненно интересного фонда и сообщить даты хотя бы наиболее ранних и наиболее поздних документов.

Как уже сказано, составители включили в указатель литературу по разным областям знания, касающуюся палеоазиатов. Однако такому широкому охвату тематики указателя не всегда соответствует полнота учета опубликованных работ, не говоря уже об архивных материалах. Правда, в предисловии составители предупреждают читателей, что их первая попытка составить полную библиографию по палеоазиатам будет неизбежно иметь ряд недочетов ввиду распыленности литературы по разным

изданиям и ее многоязычия. Тут же они сообщают, что в их указателе реестр опубликованных книг на языках палеоазиатских народов неполон (стр. VII). К сожалению, и другие области литературы о палеоазиатах представлены с серьезными пробелами. Так, в разделе 0, где дается перечень библиографических источников, не значатся такие, например, работы: «Библиографический указатель по Колымскому краю Якутской АССР» под редакцией И. Ф. Молодых (Иркутск, 1931); «Советская этнография. Указатель статей и материалов, опубликованных в 1946—1955 гг.» (изд. АН СССР, 1956).

Из работ, освещающих отдельные вопросы истории и этнографии палеоазиатов, не учтены такие, как: В. М. Воляярлярский, «Чукотский полуостров», СПб., 1913; П. Ф. Унтербергер, «Приамурский край. 1906—1910 гг.», СПб., 1912; Е. Д. Стрелов, «Материалы к истории чукоч», Сборник трудов исследовательского общества «Саха кескиле», вып. 1, Якутск, 1925; Сборник «Преображенный край», Магадан, 1956, и многие другие. Составители указателя прошли мимо ряда капитальных сборников документов, в которых опубликовано много ценных сведений о палеоазиатах, например: «Памятники Сибирской истории XVIII в.», СПб., кн. I, 1882; кн. II, 1885; «Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией», тт. III, IV и V; «Полное собрание законов Российской империи». Собрания I, II и III, разные тома; «Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в.», Сборник архивных документов, Л., 1936, и ряд других публикаций документов и актов.

Непонятно, почему не попала в указатель интересная книга об архивных материалах, в которых имеется много сведений о палеоазиатах: F. A. Golder, *Guide to the Materials for American History in Russian Archives*, Washington, 1917. Не менее важно было бы включить в указатель сведения об архивных материалах, относящихся к палеоазиатам, из фондов Российско-Американской компании, которые, как известно, хранятся в США (см. «Guide to the Materials in the National Archives», Washington, 1940, стр. 21).

Художественная литература о палеоазиатах учтена очень неполно. В указатель включено лишь незначительное число названий книг. В нем не отмечены произведения, известные широкому кругу читателей: «Алитер уходит в горы» Т. Семушкина; «Быстроногий олень» Н. Шундика; «Сын орла» (повесть о нивхах) Т. М. Борисова; «Земля Санникова» В. А. Обручева; «В неизведанные края» (путешествия на север, 1917—1930) С. В. Обручева; «112 дней на собаках и оленях» Макса Зингера; «Чукотская сага» Ю. Рытхэу и многие другие. Почти не учтены многочисленные рассказы, повести, опубликованные в различных периодических изданиях.

Совершенно неудовлетворительно представлена в указателе литература на языках палеоазиатских народов. Письменность на чукотском языке существует, например, уже более четверти века. За это время издано большое количество политической, художественной переводной и оригинальной, а также экономической и культурно-просветительской литературы. Все это почти не нашло отражения в указателе. Вместе с тем составители включили в указатель названия книг и статей, которые не имеют отношения к палеоазиатам (например, А. И. Андреев, «Очерки по источниковедению Сибири XVII в.»). По заверению составителей, эта книга является «лучшим обзором древних русских материалов о Сибири и особенно о палеосибирских народах». Эта книга, действительно, является прекрасным исследованием в области сибирского летописания и раннего картографирования, но в ней нет никаких обзоров материалов о палеосибирских народах. То же следует сказать о книге В. К. Арсеньева «В дебрях Приморья» и о некоторых других.

В указателе наряду с мелкими опечатками и описками встречаются и серьезные. Так, в разделе 3 под № 750а напечатано: «Мельников Г. И. Чукчи, 1941, Академия, Т. 4—5, стр. 5—31». Здесь все перепутано, по этим данным ни один библиограф не найдет этой работы.

Нельзя согласиться с составителями указателя, когда они камчадалов безоговорочно относят к палеоазиатам и поэтому не отличают их от ительменов. В этой связи непонятно, о каком языке идет речь в ряде работ, упомянутых в указателе: не то о языке коренного населения, т. е. ительменов, не то о языке пришлого русского и смешанного населения. См., например, в разделе 3 под № 294: «Кузьмичев П., Замечания о камчадалском наречии» или в том же разделе под № 625: «Жидяевский М. А., Камчадалский диалект. Его происхождение и краткая характеристика». Никак нельзя согласиться с тем, что потомки русских переселенцев XVIII—XIX вв. относятся к палеоазиатам. Нельзя причислить к ним и смешанное население.

В конце указателя (стр. 218—222) дана краткая справка о палеоазиатских народах и их языках, составленная Р. Якобсоном. Автор этой справки утверждает, что палеоазиаты целые столетия отступали; первое смещение и распыление (откуда это известно? — И. В.) они претерпели под воздействием «алтайского мира». Автор утверждает, что палеоазиатские языки занимают промежуточное положение между урало-алтайскими, с одной стороны, и северными американскими языками, — с другой, и что они обнаруживают в области лексики и грамматических морфем черты сходства с уральскими языками, особенно с самодийской их ветвью. Общие с уральскими языками слои лексики и морфологических показателей прослеживаются, по его мнению, в юкагирской и в чукотской группах языков. В связи с этими высказываниями представляется уместным напомнить, что ни структурно-типологических, ни морфологиче-

ских, ни лексических общностей между самодийскими языками и языками чукотской группы нет. Возникает вопрос, существовали ли когда-нибудь связи самодийских народов с чукотской группой народов? По-видимому, ни генетическими, ни непосредственными историческими связями чукотской группы палеоазиатов с самодийцами не было. Следовательно, нет оснований утверждать, как это делает Р. Якобсон, будто в отношении связей между чукотской и эскимосскими группами языков можно сказать то же, что и в отношении самодийской и чукотской групп. В действительности связи чукотской группы с эскимосской налицо. Они прослеживаются в языке, в материальной и духовной культуре той и другой групп народов. Следы эскимосского влияния обнаруживаются, хотя далеко не в равной мере, у разных представителей чукотской группы. Это влияние довольно легко обнаруживается в приморских диалектах коряков восточного побережья Камчатки, в чукотском языке, в ряде областей материальной и духовной культуры коряков и чукчей. В свою очередь в языке азиатских эскимосов, в их быту, в материальной и духовной культуре имеется много следов влияния на них языка и культуры чукчей и коряков. Языковая общность здесь обнаруживается в лексике и в незначительном круге морфологических показателей. Однако эти элементы общности являются не генетическими, а историческими, т. е. такими, которые возникли в результате многовековых контактов этих соседних народов, к тому же стоявших примерно на одном и том же уровне развития производительных сил и производственных отношений. Таких контактов не было между самодийскими народами и народами чукотской группы. Поэтому-то у них и нет никаких следов взаимовлияния.

Справки о палеоазиатских народах составлены по одному плану: название, численность, расселение, язык, занятия, религия. Некоторые сведения, даваемые этими справками, не совсем верны. Так, в отношении чукотского языка сообщается, что в нем имеется два диалекта (стр. 219) — диалект береговых, или оседлых, чукчей и диалект кочевых чукчей — и что литературный язык основан на «преобладании кочевого диалекта». Это неверно. В XVIII—XIX вв., когда не отделяли четко азиатских эскимосов от чукчей, «сидячими чукчами» называли эскимосов, а оленными — собственно чукчей. Однако после опубликования работ В. Г. Богораза о чукчах и о чукотском языке (конец XIX — начало XX в.) никто уже не говорит о диалектах приморских и кочующих чукчей. Такого противопоставления диалекта оседлых чукчей диалекту оленных никогда не было. Что касается письменного чукотского языка, то в основу его положен говор северо-восточных чукчей (уэленских), без какого бы то ни было «преобладания кочевого диалекта».

Неточной оказывается и характеристика основных занятий палеоазиатов. По мнению Р. Якобсона, занятия, например, чукчей складываются из оленеводства, морского зверобойного промысла, пушной охоты, собаководства, собирательства. Эта характеристика ничем не отличается от тех, которые давались в XVIII—XIX вв. А между тем в хозяйственной жизни чукчей (как и в других ее областях) произошли радикальные изменения со времени установления Советской власти. Все население Чукотки объединилось в колхозы, ведущие многоотраслевое хозяйство. Почти все колхозы имеют стада оленей, в большинстве колхозов занимаются и рыболовством, во многих созданы зверофермы (чернобурых лисиц). Во всех областях хозяйства старая примитивная техника заменена усовершенствованными орудиями рыболовства, охоты, механическими средствами передвижения. Колхозы имеют тракторы, автомашины, свои электростанции, радиостанции, моторные велоботы, катера, сейнеры и т. п. Многие чукчи получают среднее и высшее специальное образование, работают в партийном и советском аппарате, в учреждениях здравоохранения, просвещения и в промышленных предприятиях Чукотки. Таким образом, ограничивать хозяйственную жизнь коренного населения только старыми традиционными занятиями нельзя, — надо учитывать то новое, что появилось у всех малых народов Севера, в том числе и у чукчей, за годы существования Советской власти. Обо всем этом сказано довольно подробно в книге, которая названа в рецензируемом указателе: «Народы Сибири. Под редакцией М. Г. Левина, Л. П. Потапова. Серия «Народы мира. Этнографические очерки», М.—Л., 1956». Вряд ли уместно говорить теперь о собирательстве, как одной из основных отраслей хозяйственных занятий коренного населения Чукотки. Хозяйственное значение собирания ягод, орехов и корней некоторых растений у чукчей не больше, чем у сельских жителей Америки.

Учитывая несомненные достоинства первого опыта указателя по палеоазиатским народам и их языкам, опубликованного специальным библиографическим издательством США, следует, однако, заметить, что этот указатель нуждается в существенных дополнениях и исправлениях.

И. С. Вдовин

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ В ЖУРНАЛЕ «МУНХВА ЮСАН»

Научно-исследовательским институтом археологии и этнографии Академии наук Кореической Народно-Демократической Республики с 1957 г. начал издаваться журнал «Мунхва юсан» («Культурное наследие»), выходящий на корейском языке 6 раз в год.

Журнал всесторонне информирует о результатах научных исследований, проводимых Институтом. Работа ведется по трем секторам (археологии, этнографии и искусствоведения) и строится в соответствии с решениями III съезда Трудовой партии Кореи, указавшего на необходимость дальнейшего повышения роли науки в строительстве социализма и призвавшего ученых Кореи изучать и творчески использовать научное и культурное наследие прошлого¹.

В передовой статье «О задачах Института археологии и этнографии» (№ 1, 1957) директора Института члена-корреспондента АН КНДР То Ю Хо отмечается, что за последние годы проделана большая работа по преодолению последствий догматизма. В статье также подверглись резкой критике взгляды тех ученых, которые недооценивают исторические и культурные взаимосвязи между различными народами.

Поэтому не случайно появление на страницах журнала статьи М. Г. Левина и Н. Н. Чебоксарова, перепечатанной из «Советской этнографии» (№ 3, 1957), «Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области», в которой выражена точка зрения советских ученых по вопросу о причинах сходства и различия в культуре разных народов, стоящих на одинаковом уровне социально-экономического развития.

Этнографические исследования в Корею ведутся по двум направлениям: в широком масштабе проводятся полевые экспедиционные работы и изучаются классические книги по истории и этнографии. В качестве одной из важнейших задач этнографии КНДР выдвигают изучение культуры и быта корейского крестьянства. В Северной Корею быстрыми темпами происходят социалистические преобразования: в 1957 г. более 90% крестьян было объединено в коллективные хозяйства. Меняются культура и быт корейской деревни, многие старые обычаи уходят в прошлое.

При проведении коллективизации Трудовая партия Кореи и Народное правительство учитывали и использовали традиционные формы коллективного труда, широко бытовавшие среди корейского народа. Одной из форм коллективного труда — «турё», ранее в литературе не описанной, посвящено интересное исследование Ден Дян Сека «К вопросу о туре, ее происхождение и социально-экономические основы» (№ 2, 1957). Эта форма совместного труда широко распространена в настоящее время среди крестьян Средней и Южной Кореи. В «туре» объединяются взрослые мужчины для совместного труда в поле (посадка риса, уборка урожая), при резке камыша и т. д. Члены этой группы — «турекун» совместно не только работают, но и отмечают праздники, принимают участие в играх и развлечениях. Форма организации туре в прошлом отличалась от современной. Исторические документы свидетельствуют, что прежде в туре выделялся от каждого хозяйства работник. При дополнительных заработках прибыли членов туре поступали в общую сельскую кассу и расходовались на общие нужды. Автор статьи считает, что такая форма совместного труда имеет свои корни в общинном строе.

Перу Ден Дян Сека принадлежит и другая статья «Народные обычаи в районе Пукчен» (№ 4, 1957). Работа написана на основе полевых исследований автора с привлечением письменных памятников. Район Пукчен расположен в провинции Южная Хамгендо и очень любопытен в этнографическом отношении. В этом районе ассимиляторская политика японцев не оказала такого сильного влияния, и здесь сохранились многие старые обычаи и народное творчество. В районе Пукчен, как отмечает в своей статье Ден Дян Сек, сохранились деревни — «тончжок пурак», состоящие из родственных семей и носящих одну фамилию.

Причину длительного существования больших семей, по мнению автора, следует искать в общинном землепользовании, характерном для этого района до последнего времени. В таких деревнях сохранились общинные дома, по своей архитектуре и размерам отличные от обычных крестьянских жилищ. Строили и содержали эти здания сами крестьяне. Эти дома играли большую роль в жизни общины. В них происходили собрания, проводились народные и религиозные праздники, принимали почетных гостей. Мужчины в этих домах проводили свой досуг, играя в шашки и шахматы. Женщины сюда не допускались. В настоящее время общинные здания переоборудованы под сельские клубы, народные школы или занимаются под правления колхозов.

Обстоятельная работа «О свадебных обрядах колхозного крестьянства в провинции Южный Пхеньян» (№ 5, 1957) принадлежит молодой ученой Ким Син Сук. В работе дается подробное описание свадьбы по материалам, собранным автором, и анализируются те изменения, которые наблюдаются в свадебных обрядах в настоя-

¹ О деятельности Института см. выше статью Ким Син Сук «Развитие этнографии в Корею после ее освобождения».

шее время. Ким Син Сук сообщает, что в социалистической деревне КНР изменились социальные основы брака: ликвидированы сословные ограничения, все больше наблюдается браков по взаимной склонности, а не по сговору между родителями, когда чувства молодых не принимались во внимание. В отношении строгого запрета брака с однофамильцами также произошли изменения. Теперь наблюдаются браки между однофамильцами, если они не являются родственниками. Корейская свадьба состоит из ряда сложных церемоний. Главными из них являются: сватовство — «сонпоги», в котором большую роль играет посредник, помолвка — «яньхонсик», обмен подарками — «ёчжан», свадьба в доме невесты — «кёрёхонсик» и, наконец, возвращение молодого супруга вместе с женой в дом его родителей. В настоящее время наблюдается тенденция к сокращению и упрощению обрядности, некоторые обряды, а также сватовство, помолвка и роль сватов, заметно теряют свое значение.

В работе Ро Чэ Хва «Охотничьи орудия в районе гор Мёхансан» (№ 3, 1957) дается интересный материал по современным приемам охоты на различных зверей и птиц.

Заслуживает серьезного внимания исследование Хван Чель Сан «Об одежде из собачьих шкур» (№ 5, 1957), основанное на изучении древних и средневековых письменных памятников. Автор отмечает, что в средние века ношение одежды из шкур собак было распространено повсеместно среди мужчин привилегированных сословий Кореи. Аналогичная одежда в средние века наблюдалась и у монголов.

Большой интерес для этнографов имеют работы, проводимые по сектору искусствования, изучающего народное творчество корейцев (изобразительное искусство, народную архитектуру и музыку). Особенно большая работа за истекший период была проделана по сбору материалов и изучению игр в масках. Этому своеобразному древнему искусству корейского народа в журнале посвящено несколько статей крупного специалиста в этой области Ким Иль Чуль (№№ 1, 3, 4, 6, 1957). Игры в масках являются одним из любимых развлечений народа и исполняются во время народных и религиозных праздников. Они отличаются оригинальностью и разнообразием. При японском колониальном режиме игры в масках были запрещены и постепенно утратили свое значение. После освобождения традиции этого народного искусства возрождаются и пропагандируются среди населения.

Кратко охарактеризованные в настоящем обзоре работы корейских этнографов, опубликованные в журнале только за один 1957 год, позволяют судить о достижениях этнографической науки в Корейской Народно-Демократической Республике.

Ю. Ионов

Абуль-Фазль Хобейш ибн Ибрагим Тифлиси. *Биян ас-сана'ат* (Описание технологий). Издал и снабдил предисловием, посвященным биографии и произведениям этого автора, Иредж Афшар (на перс. яз.). Тегеран, 1336 г. иранского солнечного летосчисления (1957 г. н. э.), 162 стр. (отдельный оттиск 4-го выпуска V тома «Фарханге Иран-замин»).

Мировое значение средневековой культуры народов Передней Азии общеизвестно. До сих пор, однако, удается обнаруживать новые факты, новые документы, открывающие неизвестные ранее аспекты этой культуры. К числу таких документов относятся опубликованные впервые И. Афшаром трактат по прикладной химии и технологии ученого-энциклопедиста XII в. Х. Тифлиси. Имя этого ученого, прожившего большую часть своей жизни в Конии (современная Турция), было и раньше известно в науке. До нас дошли рукописи его трудов по медицине, астрономии, филологии, богословию и другим дисциплинам, а также довольно хорошо известный сонник, неоднократно издававшийся в Иране. Как отмечает И. Афшар, собравший скудные данные по биографии и научному творчеству Тифлиси, последний знал и использовал в своих научных трудах не только арабский и персидский, но также латынь, греческий и сирийский, т. е. все основные языки переднеазиатского научного мира его времени.

Происходил Тифлиси, судя по его нисбе¹, из Тифлиса, откуда он или его отец (в одной из рукописей отец Тифлиси именуется «тифлисским ученым») переселились в Малую Азию, в ту самую Конию, куда через несколько десятков лет, спасаясь от монголов, переселилась из Балха семья Джебаль-эддина Руми, также обретшего здесь вторую родину. Весьма возможно, что аналогичная причина — появление кипчакских орд в Закавказье — вызвала переселение в Конию и Тифлиси после захвата его родного города багратидами.

Рецензируемая книга представляет не только филологический интерес, заставивший И. Афшара опубликовать этот документ. Сочинение это является едва ли не первым по времени научным произведением по технологии и прикладной химии.

¹ В средневековой традиции мусульманского переднеазиатского мира часть имени, указывающая на местность, откуда происходит данное лицо.

Первую главу своего трактата Тифлиси посвящает выяснению места химической технологии в средневековой химической науке, теоретической основой которой являлась, как известно, алхимия. В этой связи Тифлиси пишет: «Знай, что алхимия — наука скрытая и трудная, ибо тайну этой науки ученые до сих пор не открыли и говорят, что со времени Каруна (сын библейского пророка Моисея, считающийся основоположником алхимии.— *О. В.*), никто еще не мог понять как следует тайны этой науки и познать ее полностью. Если же в настоящее время люди претендуют [на это] и заявляют, что мы, мол, в эту науку проникли, т. е. ее постигли, слова их не будут правдой, ибо ничего кроме тальвиха (придание одному веществу внешнего облика другого вещества.— *О. В.*) или таркиба (получение нового вещества путем химического соединения.— *О. В.*) они делать не могут... И многие люди, истратившие свое состояние на это искусство, ничего, конечно, не получили и лишь понапрасну старались и свое имущество погубили, а также от запаха химических снадобий, телесных испытаний и многочисленных размышлений впали в опасные болезни». По мнению Тифлиси, оба метода — и тальвих и таркиб — дают возможность создавать новые вещества, обладающие новыми качествами или же внешним обликом других веществ. Однако эти новые вещества состоят лишь из входящих в их состав веществ, которые могут быть из них выделены обратно. Таким образом, основной принцип алхимии — превращение одного вещества в другое — отрицается Тифлиси. На место алхимии он ставит прикладную химию и технологию, излагая вкратце некоторые основные химические и технологические рецепты. В частности, он описывает производство белил, киновари, сурика, поташа и различных сортов строительных известковых растворов.

Вторую главу Тифлиси посвящает технологии производства искусственных драгоценных камней и дает в ней ряд рецептов изготовления коралла из коралловой крошки, а также искусственных камней красного, желтого, лазурного и бирюзового цвета для печатей на перстнях. В третьей главе говорится о различных способах улучшения и изменения окраски натуральных драгоценных камней. Четвертая глава посвящена технике изготовления и рецептурам цветного стекла различной окраски и стекловидной массы для эмалей. В конце главы приводится описание печи для этого производства. Пятая глава содержит многочисленные рецепты изготовления цветной глазури желтого, золотисто-желтого, красного, зеленого, серебристо-белого, золотистого, небесно-голубого, лазурного, рубиново-красного, фисташкового и винно-красного цветов. Шестая глава описывает способы придания блеска драгоценным камням. Седьмая посвящена технологии закалки мечей и другого оружия. Восьмая содержит рецепты окрашивания кожи, приготовления состава для придания одежде непромокаемости и др. В девятой главе трактуется об изготовлении красок различных сортов и цветов. В десятой рассказывается об изготовлении чернил, туши и бумаги для письма. В одиннадцатой говорится о приемах применения симпатических чернил и приводятся их рецепты.

Главы двенадцатая, тринадцатая и четырнадцатая, составленные, по словам автора, по Аристотелю, посвящены описанию лекарственных и других полезных качеств различных животных, способом предохранения себя от вреда, причиняемого различными животными — змеей, собакой, мухами, вшами, саранчой, а также широко распространенным в средние века приметам и поверьям о влиянии на человека драгоценных камней, металлов, плодов и пр. Главы пятнадцатая — восемнадцатая трактуют о различных занимательных химических опытах, пиротехнике, рецептах улучшения качества вина, а также о фокусах и обманах, основанных на законах физики и химии. В девятнадцатой главе приводятся рецепты мытья парчи и выведения пятен на одежде.

Заключительная, двадцатая, глава, даваемая автором, «дабы книга не была неполной», содержит весьма популярные в средние века рецепты, касающиеся семейной жизни супругов.

Таким образом, перед нами интересная попытка не только собрать и систематизировать почти весь комплекс современных автору химико-технологических рецептов, но и дать им теоретическое обоснование. Трактат Тифлиси является исключительным по ценности документом, по-новому освещающим и всесторонне характеризующим один из мало известных аспектов средневековой переднеазиатской культуры в сельджукское время, а также достаточно подробным сборником рецептов изготовления тех материалов, из которых создано большинство предметов материальной культуры того времени. Эпоха эта является, как известно, временем наивысшего расцвета материальной и духовной культуры народов Закавказья в средние века. В X—XIII вв. строительная техника и ремесленное производство в Грузии, Армении и Азербайджане стояли на значительной высоте, и закавказские зодчие и ремесленники славились своим искусством далеко за пределами своей родины. Современные источники, вплоть до русских летописей, отмечают высокое качество работ закавказских оружейников, златокузнецов, стеклодувов, эмальеров, мозаичистов и керамистов, создававших произведения, по техническим качествам и художественному совершенству успешно соперничавшие с изделиями прославленных цареградских мастеров. Особенно высоко было качество получивших широкую известность грузинских эмалей. В трудах закавказских ученых, в частности в армянских алхимических трактатах, мы встречаем записи химических рецептов. В начале XII в. большинство тифлиссских ремесленников-мусульман по тем же причинам, что и семья Тифлиси, покинуло свой родной город и переселилось в дру-

гие страны, унося с собой секреты своих ремесел. Более чем вероятно, что многие из приводимых в трактате Тифлиси рецептов закалки стали, обработки драгоценных камней, производства цветного стекла и стекловидной массы для эмалей и глазури сохраняют закавказские традиции. Не случайно в цветовой гамме рецептов Тифлиси преобладают характерные для прикладного искусства Закавказья и Малой Азии красные, желтые теплые тона, в отличие от сине-голубых холодных тонов, доминирующих в прикладном искусстве Средней Азии и Ирана. Нет сомнения, что сопоставление рецептов Тифлиси с данными химического анализа предметов прикладного искусства Закавказья может дать весьма ценные результаты. Весьма возможно также, что некоторые характерные для Закавказья особенности содержат рецепты Тифлиси по изготовлению туши, чернил и бумаги. Во всяком случае, сообщаемые им данные могут быть использованы для уточнения времени и места написания ряда рукописей. Для исторической этнографии трактат Тифлиси дает интересные материалы различных аспектов бытовой технологии того времени, а также ряд восходящих к древности представлений о влиянии на человека живой и неживой природы, пережиточно сохраняющихся в приметах и поверьях народов Передней Азии.

Нет сомнения, что трактат Тифлиси заслуживает издания его в русском переводе с подробными филологическими и историко-культурными примечаниями.

О. Вильчевский

СОДЕРЖАНИЕ

Величественная программа строительства коммунизма и задачи этнографов И. И. Потехин (Москва). О некоторых задачах африканистики в связи с конференцией народов Африки	3 10
Вопросы общей этнографии и антропологии	
Л. П. Потапов (Ленинград). Из истории ранних форм семьи и религиозных представлений (Обычай дарения убитого лебедя у хакасов)	18
Ю. М. Лихтенберг (Ленинград). К вопросу о так называемых аномальных формах брака	31
Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР	
А. П. Окладников (Ленинград). Древние амурские петроглифы и современная орнаментика народов Приамурья	38
Л. А. Файнберг (Москва). Хозяйство и культура таймырских нганасан (По материалам колхоза имени Шмидта Таймырского национального округа)	47
Материалы и исследования по этнографии и антропологии зарубежных стран	
Ю. П. Аверкиева (Москва). К истории металлургии у индейцев Северной Америки	61
Народы мира	
Информационные материалы	
В. И. Кочнев (Москва). Население Цейлона	80
Сообщения	
А. В. Ефимов (Москва). Негритянская проблема в США	98
М. С. Иванов (Москва). Иранская деревня Оуразан	107
Г. А. Гулиев (Баку). Азербайджанские вышивки	113
Р. Зойзи (Тирана), Ю. Иванова (Москва). Музей археологии и этнографии в Тиране	120
Хроника	
В. А. Александров (Москва). Работа Института этнографии АН СССР в 1958 году	128
Е. А. Дьяков, А. А. Стародубов, С. И. Стародубова (Вирятино). Обсуждение книги «Село Вирятино в прошлом и настоящем»	132
Е. П. Бусыгин (Казань). Этнографические исследования материальной культуры русского населения восточных районов среднего Поволжья	134
М. С. Бутинова (Ленинград). Новая выставка Музея истории религии и атеизма	145
М. Г. Левин (Москва), А. П. Окладников (Ленинград). Международная конференция в Копенгагене по археологии и антропологии Арктики	148
Ким Син Сук (Пхеньян). Развитие этнографии в Корее после ее освобождения	156
Ю. Аверкиева (Москва). Важные события в жизни индейцев Америки	158
Критика и библиография	
Общая этнография и антропология	
А. Першиц (Москва). М. О. Косвен. Очерки истории первобытной культуры	161
И. И. Гохман (Ленинград). А. П. Быстров. Прошлое, настоящее, будущее человека	164
В. П. Алексеев (Москва). М. М. Герасимов. Опыт воспроизведения документального портрета по скелету из Панджруда	167
Народы СССР	
В. К. Соколова (Москва). М. К. Азадовский. История русской фольклористики	169
Н. И. Лебедева (Рязань). Рязанское село Кораблино	171
И. В. Власова (Москва). В. В. Пименов, Е. М. Эпштейн. Русские исследователи Карелии	174
И. С. Вдовин (Ленинград). R. Jakobson etc. Paleosiberian Peoples and Languages, a bibliographical guide	175
Народы зарубежной Азии	
Ю. Ионова (Ленинград). Этнографические материалы в журнале «Мунхва Юсан»	179
О. Вильчевский (Ленинград). Абуль-Фазль Хобейш ибн Ибрагим Тифлиси. Биян ас-сана'ат (Описание технологий)	180

SOMMAIRE

Le programme grandiose d'édification du communisme et les tâches des ethnographes	3
I. I. Potekhine (Moscou). Quelques problèmes africanistes en vue de la conférence des peuples d'Afrique	10
Question d'ethnographie générale et d'anthropologie	
L. P. Potapov (Léningrad). Sur l'histoire des formes précoces de la famille et des représentations religieuses (La coutume de faire présent d'un cygne tué chez les Khakasses)	18
J. M. Lichtenberg (Léningrad). Sur la question des formes de mariage dites anormales	31
Matériaux et recherches sur l'ethnographie et l'anthropologie de l'U.R.S.S.	
A. P. Okladnikov (Léningrad). Pétroglyphes antiques de la région du fleuve Amour et l'art d'ornementation contemporain des peuples de cette région	38
L. A. Faïnberg (Moscou). L'économie et la culture des Nganassans de Taimyr (D'après les matériaux du kolkhoz portant le nom de Schmidt au district national de Taimyr)	47
Matériaux et recherches sur l'éthnographie et l'anthropologie des pays étrangers	
J. P. Averkiéva (Moscou). Sur l'histoire de la métallurgie chez les Indiens de l'Amérique du Nord	61
Peuples du Monde.	
Matériaux d'information	
V. I. Kotchnev (Moscou). Population de l'île de Ceylon	80
Information	
A. V. Efimov (Moscou). Le problème nègre aux U.S.A.	98
M. S. Ivanov (Moscou). Le village iranien Ourazan	107
G. A. Gouliev (Bakou). Broderies azerbaïdjanaises	113
R. Zoizi (Tirana), J. V. Ivanova (Moscou). Le Musée d'archéologie et d'ethnographie à Tirana	120
Chronique	
V. A. Alexandrov (Moscou). Travaux de l'Institut d'ethnographie de l'Académie des sciences de l'U.R.S.S. en 1958	128
E. A. Diakov, etc. (Viriatio), etc. ou Déliberations sur le livre: «Viriatio, son passé et son présent».	132
E. P. Boussyguine (Kazan). Recherches ethnographiques sur la culture matérielle de la population russe du centre du pays de Volga	134
M. S. Boutinova (Léningrad). Nouvelle exposition du Musée d'histoire des religions et de l'athéisme	145
M. G. Levine (Moscou), A. P. Okladnikov (Léningrad). Conférence internationale à Copenhague sur l'archéologie et l'ethnographie de l'Arctique	148
Kim Sin Souk (Pyong Yang). Développement de l'ethnographie en Corée après sa libération	156
J. Averkliéva (Moscou). Evénement remarquables dans la vie des Indiens de l'Amérique	158
Critique et Bibliographie	
Ethnographie générale et anthropologie	
A. Perchitz (Moscou). <i>M. O. Kosven</i> . Précis de l'histoire de culture primitive.	161
I. I. Gokhman (Léningrad). <i>A. P. Bystrov</i> . Le passé, le présent, l'avenir de l'homme	164
V. P. Alexéev (Moscou). <i>M. M. Guerassimov</i> . Essai de reproduction du portrait documentaire d'après le squelette de Pandjroud	167
Peuple de l'U.R.S.S.	
V. K. Sokolova (Moscou). <i>M. K. Azadouski</i> . Histoire du folklore russe	169
N. I. Lébédéva (Riazan). Korablino, un village de la province de Riazan	171
T. V. Vlassova (Moscou). <i>V. V. Pimenov, E. M. Epstein</i> . Explorateurs russes de la Carélie	174
I. S. Vdovine (Léningrad). <i>R. Jakobson</i> etc. Paleosibiriens Peuples and Languages, a bibliographical guide	175
Peuples de l'Asie étrangère	
Y. V. Ionova (Léningrad). Matériaux ethnographiques dans la revue «Munchva Yusan»	179
O. Viltchevski (Léningrad). <i>Aboul-Fazl Hobeich ibn Ibrahim. Tiflissi. Bian as-sana'at</i> (Description de la technologie)	180